

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ









ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume twenty eight

WILDERNESS SHORT STORIES

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том двадцать восьмой

ДИКИЕ ЗЕМЛИ

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1997

*Издание осуществлено
совместно с ТОО «ТП»*

Миры Роджера Желязны том 28 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1997. — 351 с.

В очередной том собрания вошел исторический роман
«Дикие земли», созданный писателем в соавторстве с Джераль-
дом Хаусманом, а также рассказы разных лет.

•

Произведения, включенные в данное издание,
охраняются законом об авторском праве. Перепечатка
отдельных романов и всего издания в целом запрещена
без разрешения издателя и переводчика. Всякое
коммерческое использование данного издания возможно
исключительно с письменного разрешения издателя.

Wilderness

Copyright © 1994 by The Amber
Corporation and Gerald Hausman

© ТОО «ТП», *русское издание*, 1997

Дикие земли

© Е. Голубева, *перевод*, 1997

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1997

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-171-5



ДИКИЕ ЗЕМЛИ

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

*Посвящается с благодарностью
Джону Г. Нейхардту,
Бертону Харрису
и Фреду Маасу*

ОДИН КОЛЬТЕР

В 1808 году человек по имени Джон Кольтер обнаженный пробежал свыше ста пятидесяти миль, преследуемый несколькими сотнями воинов племени черноногих.

Три развилки, осень 1808 года.

Джон Кольтер, которого кроу прозвали Сихида, или Белобровый, понял, что попал в переглет. Иначе с чего бы маленькие волоски на шее встали дыбом?

Джон выгнул шею, прислушался. Вниз по течению крапивник, секунду назад заливавшийся в кустах, оборвал свою песню.

Похоже, подумал Джон, я зашел слишком далеко.

Кольтер был охотником и метил тропы для компании Льюиса и Кларка. Поговаривали, что он дальше всех забрался в неисследованные нагорья Западных Скал, в одиночку открыл грязевые источники Йеллоустона — место, которое старожилы до сих пор называют Кольтеровым Адом, — а за год до того едва не расстался с жизнью в непроходимой чаще. Его вместе с небольшим отрядом плоскоголовых и кроу окружили и забросали стрелами черноногие. Кольтер получил свинцовую пулю в щиколотку и еле дополз до лагеря. Он выжил и благодарил судьбу, с трудом поверив в удачу.

Позади Кольтера, в реке, где охотники расставили боровые ловушки, плескался его друг Джон Поттс. Где-то далеко, в туманной глубине леса, раздался и вдруг оборвался истерический крик сороки. Поттс ничего не услышал, а если и услышал, то не обратил внимания, продолжая возиться в воде.

Кольтер, кожей чуя опасность, вышел из зарослей ивы и замер, вслушиваясь.

Из-за кромки скал над кронами деревьев донесся приглушенный грохот.

— Бизоны? — донесся от реки голос Поттса.

Кольтер и не подумал ответить.

Он видел, как они стекают вниз по склону — не менее тысячи черноногих, похоже, целое племя. Через пару минут Кольтер и Поттс были окружены.

— Глянь-ка, сколько воинов пожаловало за головой старого Сихиды! — мрачно процедил Поттс, заметив индейцев.

Сотни стрел нацелились на них, но Поттс упрямо потянулся за ружьем. В воздухе пропели перья, Поттс запнулся, упал на колени, выдавил: «Джон, меня убили,» — и рухнул в поток лицом вниз.

Кольтер знал, что последует дальше. Он разглядывал лица, ястребиные перья, колышущиеся в солнечном свете, вставленные в черные потоки блестящих волос стариков, зрелых мужчин и совсем еще юнцов, облаченных в оленью кожу и купленную у торговцев фабричную одежду. Их было много. Не так много, как ему показалось раньше, но какая разница? Достаточно, чтобы замучить его до смерти — а именно это, знал Джон, они собирались сделать.

Человек, шагнувший вперед, был похож на шамана. Волосы стянуты на затылке в тугой пучок, из него воинственно торчало воронье перо. Обнаженная грудь исчерчена шрамами в виде петель — узор, оставленный острым ножом.

Кольтер не шевельнулся, когда нож шамана заплясал на его рубашке и штанах из оленьей кожи. Несколько взмахов лезвия, и Джон кожей ощутил осеннюю прохладу. Шаман освободил его от одежды, оставив лишь подобие набедренной повязки, укоротив штаны. Похоже, он получил шанс выжить. Индейцы что-то задумали, сохранив его достоинство.

Шаман на языке кроу спросил, может ли Кольтер бежать. Джон покачал головой. Тогда шаман провел ножом по грудной мышце Кольтера. Из маленького надреза на коже закапала кровь. Вдох изумления вырвался из множества глоток.

— У меня кровь, — крикнул Кольтер на языке кроу, — такая же, как у вас.

— Я вижу, — ответил шаман, но глаза его были пусты. — Ты побежишь, — вынес он приговор.

— Когда? — спросил Кольтер.

— Сейчас, — сказал шаман. — Беги!

Люди с перьями в волосах в предвкушении охоты подались назад, освобождая дорогу. Кольтер побежал. Собственная скорость на старте удивила его. Он рванул вперед, словно желтый олень. По белой поляне вдоль реки, где в воде лежал его мертвый друг.

Оторвавшись ярдов на восемьдесят, Кольтер услышал глухой стук — это одновременно упали на землю сотни одеял и кожаных наколенников. Когда разрыв составил две сотни ярдов, земля задрожала от ног воинов. Он не осмелился оглянуться, чтобы не потерять скорость. И бежал теперь так, что сам едва поспевал за своими ногами, хотя понимал, как все это глупо: чем дальше черноногие будут ловить, тем больше они будут пытаться его, когда поймают. Всего лишь дело чести, а вовсе не признак злобности нрава.

К сожалению, подумал Джон, нельзя и надеяться долго выдержать подобную скорость.

Хотя в глубине души некая частица его была уверена в победе — тот отчаянный человек, который на свой страх и риск в середине зимы в одиночку преодолел пятьсот миль. Пробираясь сквозь чащу и бурелом, переваливая через заснеженные пики, он упорно тащил тюки с бусами, киноварью, иглами, ножами и табаком, предназначенными для торговли с индейскими племенами. В стычках с манданами, хидацами и абсарокасами охотники частенько выходили победителями. Прошлой зимой, правда, не повезло его другу Эдварду Роузу: он потерял большую часть носа, которую ему откусили в драке, а на лбу его теперь красовался безобразный шрам от горящей шишки индейца. Именно Роуз научил Кольтера бегать босиком, показал, как сбивать шаг, подобно раненому кролику, а потом, когда соперник готов уже обогнать, сокрушить его дух долгим мощным рывком.

Аскетизм Кольтера давно стал легендой. Писец, работавший на Льюиса и Кларка, называл его «вторым Дэниелем Бунум». Кольтер в ответ только фыркал. Если он и напоминал кого-то, то своего ирландского дедушку Микайю, который поселился в Стюартс Дрэфт, в штате Вирджиния, и был убежден, что, если на хвост птице насыпать соли, ее всегда потом можно будет поймать. Птицы, говорил Микайя, похожи на меня, как, впрочем, медведи, волки и индейцы.

Кольтер почувствовал, что в груди начинает разгораться огонь. Первый признак утомления. Ступни покрылись серебристым мехом колючек, что тут и там валялись среди сухой травы. Топот позади несколько стих, превратившись в ровный далекий гул, на фоне которого выделялись шаги самых быстрых бегунов. Джон позволил себе быстро оглянуться и

увидел невдалеке три склоненные в беге фигуры, а за ними, в пыльном, пронизанном солнцем облаке, угадывались силуэты остальных. Ему удалось, похоже, оторваться от основной массы племени. Хотя, возможно, это могло быть уловкой. Иногда черноногие специально высылали вперед спринтеров. Словно волки на охоте: когда самый быстрый из преследователей упадет, олень тоже лишится сил и не сможет уйти от стаи.

Кольтер знал: чтобы сохранить себе жизнь, он должен загнать самого быстрого тренированного бегуна, должен заставить их поверить в то, что в нем есть нечто, чего нет у них. Обычно на соревнованиях он бежал следом за лидером, укрываясь за его спиной от встречного ветра. А когда приходило время, обгонял и, оказавшись впереди, несколько замедлял свой адский спринтерский рывок. Так продолжалось с полмили или чуть больше, пока у преследователя не начинало сводить мышцы. Он побеждал всегда. Мериуззер Льюис сказал о нем однажды: «У Кольтера никогда не появляется второе дыхание. Может, его у него и нет».

Но здесь, у развилки Джефферсона, в гонке за собственной жизнью, у Джона Кольтера не было выбора. Второе дыхание появилось, вернее сказать, дыхание смерти. Так, держа разрыв в сотню ярдов, он пробежал около мили, пока не понял, что те трое позади не сделали попытки догнать. Они бежали локоть к локтю, Джон чувствовал их затылком: жилистая грация бесконечного индейского бега.

Кольтер опережал своих преследователей, но не настолько, чтобы вымотать их или сломить их дух. Они неумолимо приближались, и ждали лишь подходящего момента, чтобы отчаянным рывком догнать дичь. Их глаза буравили его плечи и спину, стараясь отыскать признаки слабости, караулили любое неверное движение. Ум Кольтера бился в отчаянных поисках выхода. Охотник чувствовал, что слабеет: во рту появился металлический привкус, сердце гудело, как колокол, кипящий жар поднимался в груди. Он знал, что бежит слишком быстро. Но замедлить бег означало оставить всякую надежду. Во что бы то ни стало нужно было бежать быстрее воинов, сбить их с длинного индейского шага, дать понять, что сдаваться он не собирается.

Когда-то от бегунов-манданов он научился приему фиксировать взгляд на какой-нибудь далекой цели, пока все остальное не исчезнет из виду. Расплавленное золото листьев

огромных тополей у слияния рек стало теперь ориентиром Кольтера. Вот на этих-то деревьях, склонившихся над рекой, он и сосредоточил все свои мысли, и пламя октябрьских листьев заполнило теперь его мозг без остатка. Сосредоточившись, он рванулся вперед с новой силой.

Воины отметили твердую поступь Кольтера. Еще миг назад высокий белый человек впереди, блестя от пота, начал было припадать к земле и самый быстрый из индейцев уже мысленно планировал сократить разрыв: белый выглядел уставшим, плечи его начали нырять. И вдруг он полетел вперед, словно на крыльях безумия, уносясь от преследователей.

Дабы не потерять его, лидер тоже ускорил шаг. Его товарищи, по-собачьи державшиеся рядом, начали отставать.

Ни один человек не сможет бежать так долго, сказал себе лидер.

Кольтер, опередивший их на двести ярдов, услышал позади стук упавшего наземь оружия. Копья, луки, длинные ружья были брошены индейцами, чтобы облегчить бег.

Хорошо, обрадовался он, они начали беспокоиться.

Боль в груди превратилась в тошноту, но Кольтер чувствовал удовлетворение оттого, что заставил индейцев бросить оружие, которым те собирались убить его.

К исходу второй мили Кольтер почувствовал боль в правой щиколотке. Он вспомнил давнюю рану, вызванную свинцовой пулей — подарочек того племени, что сегодня собиралось поймать его.

Раздробленная в двух местах кость срослась плохо и теперь посылала предупреждение организму: нужно замедлить бег. Но не это занимало сейчас мысли Кольтера. Расплавленное золото листьев горело в мозгу, и тело его — слабое и жалкое — уже не принадлежало ему. Не принадлежали ему и ноги, утыканные серебристыми колючками кактусов. Не принадлежали ему ни сломанная щиколотка, ни нос, который начал кровоточить, ни горло, забитое пылью. Только золотое сияние листьев. Только...

Вдруг он споткнулся и упал. Нога все-таки подвела. Перекатившись через правое плечо, Кольтер неуверенно встал на ноги. Достигнутый с таким трудом разрыв был потерян. Он увидел приближающуюся фигуру лидера, сильного и быстрого. Проклинаая свинцовый шарик, раздробивший лодыжку, Кольтер побежал снова. Но это уже был не тот бег. Появилась хромота, шаг стал коротким и рваным, каждое движение отдавалось болью в поврежденной ноге.

Люди с волчьими глазами позади заметили хромоту и прибавили ходу — один, длинноногий, впереди, двое, чуть приотстав, следом. Большой олень загнан, поняли они, и кровавая песня уже звучала в их ушах.

Кольтер все еще пытался бежать, только теперь мягче сгибал ногу в колене, щадя сломанную кость, более ровно ставил ступни, наклонившись вперед, как учили его манданы, плечами разрезая встречный ветер. Болевой порог был пройден, и время для него словно застыло.

Похоже, он не чуял горячей стрелы, пронзившей мозг. Не чувствовал вкуса крови, лившей из носа. Струящейся по лицу, заливающей грудь. Барабанный бой в ушах был хуже, чем агония, охватившая сердце — наковальня за грудиной.

Кровь бежала, и бежал Кольтер, оставляя за собой след алых капель на ветру. Черноногие, увидев это, рванули вперед с новыми силами. Ско-ро, ско-ро, выбивали их ноги. Кольтер распробовал соленый вкус собственной крови, и это придало ему мужества — а может, и нет, ибо сейчас он уходил в ту страну, где разум не помнит хозяина. Золотые деревья исчезли, исчезло и солнце — его, словно замерзшие скелеты, обступили голые деревья зимы. И хотя он по-прежнему бежал в вязком осеннем солнце, Джону казалось, что он танцует танец смерти среди скелетов деревьев. И вот наконец он взмыл над преследователями каркающим вороном с серебристо-черными крыльями.

Джон чувствовал, что летит. Ног не было, они превратились в великую Миссури, и ей было невдомек, что над ней летит человек. Вдруг Джон оказался рядом с Кларком и Друйярдом, они вытаскивали из реки чудовищного сома. Способная проглотить ребенка тварь была шести футов длиной, ее усы висели, как плети. Кольтер теперь плыл в глубоком чистом потоке собственного сознания, бодрствующий, но вроде как неживой. Он чувствовал и реку, и миссурийского сома, слышал звонкий смех манданских дьяволят. Маленькие красные чертенята жили в огромных муравейниках за деревней. Он видел их, вспоминая зимние рассказы о том, что они вытворяют с пленниками. Хихикая прямо в уши, они щипали его острыми коготками и колотили по затылку боевыми палицами.

Джон прыснул со смеху. Теперь ясно, почему пришли демоны. Это то самое сумасшедшее место, названное его именем. Кольтеров Ад. Багряное гиблое место. Зияющие внутренности земли, тошнотворная паровая машина, адская отдушина — лучше бы ему не открывать его. Только племя безумных индейцев могло жить там, индейцы-собаки, кото-

рые ползали на корточках среди дымных теней, выкапывали корни и жарили их на горячих камнях. Кольтер пошел за муравьиные кучи, невзирая на просьбы манданов и вопреки желаниям кроу, и очутился в багряном гиблом месте, встретив там индейцев-собак, пригласивших его разделить с ними трапезу из горьких клубней и погрузиться в их кипящие купальни.

В этот миг он проснулся и обнаружил, что лежит на спине, бешено извиваясь. Его преследователи, все трое, окружили его, застыв в изумлении. Несколько секунд он выплывал из сна и все еще видел багровый пар и алых туманных призраков, пока холодная ясность рассудка не обрушилась на него. Скрюченными пальцами он принялся сдирать с себя клочья смертоносного сна. Оттолкнувшись локтями, Джон сел. Ладони нащупали травянистую почву развилки Джефферсона. Взглянув вверх, он увидел стайку черных птиц с красными крыльями, щебечущих в залитой солнцем кроне тополей.

«Боже правый, — подумал он, — я все же добежал». Когда расплывчатые края смертного сна исчезли окончательно, Кольтер вернулся в реальный мир и обнаружил воинов-волков, которые молча ждали, наблюдая. Их ножи сверкали на солнце, воздух наполнился их тяжелым дыханием. Кольтер пошарил в жухлой траве в поисках хотя бы камня. Ничего. Джон загреб две пригоршни сухой серой травы. Воины, решив, что он хочет бросить что-то, немного отступили. Кольтер расхохотался в ответ, плюнул кровью в волка-лидера, подкинул в небо пригоршни заиндеветшей травы и станцевал танец, которому его научили демоны, хмельной пируэт, ломкий и почти нечеловеческий, словно кривлянье лунатика. Кровяные брызги взметнулись в воздух, и черноногие отпрыгнули еще дальше, рассекая воздух ножами.

Закончив последний неимоверный пируэт, Кольтер внезапно встал прямо. Слабая улыбка изогнула запекшиеся кровью губы. Он сдвинул ноги вместе, протянул вперед ладони и изобразил приветственный жест кроу.

Черноногие переглянулись и опять шагнули назад, колеблясь. Это не их добыча, говорили глаза индейцев. Он безумен и нуждается в знахаре. Он истощил себя бегом, убил собственную голову. Безумный бегун стал безумным призраком, ходячим мертвецом.

И они еще раз шагнули назад.

Кольтер наступал на них, повторяя приветственный жест. Земля задрожала от топота приближающегося племени. Небо пожелтело от пыли, взбиваемой множеством ног. Бешеное месиво ног и пыли было уже ярдах в трехстах.

Кольтер снова взвился в небо, как горный козел, ударив ногой об ногу. Трое черноногих отпрянули, торопясь освободить дорогу безумному. Выйдя из иступленного пируэта, Кольтер оттолкнулся согнутыми ногами и рванулся к песчаному берегу. Река была всего в нескольких футах. Джон разрезал телом золотое покрывало опавших листьев и исчез.

Стрелой он пронзил зеленоватый сумрак. Ледяная осенняя вода огнем обожгла кожу, но он не чувствовал холода, мощно загребая руками.

В тот момент когда он пробил поверхность реки, трое черноногих подбежали к берегу. За те несколько минут, пока они шарили в воде в поисках Кольтера, один за другим подтянулись остальные, с трудом переводя дух. Вслед за тяжелым дыханием и хрипылыми криками самых торопливых на берегу медленного потока собралось все племя.

А в это время в сотне ярдов вниз по течению Кольтер набрал полную грудь воздуха и снова нырнул. Он прекрасно чувствовал реку, зная, где дно плоское, где поток скачет по порогам, а где закручивается вокруг топляков и бобровых плотин. Подобно тени, скользил он над песчаным дном. Мальки, быстрые, как стрелы, прыскали прочь при его приближении, большие сонные сомы удивленно уступали ему дорогу.

Река была для него открытой книгой. Здесь поток раздваивался, обвиваясь вокруг коряги. Там закручивался лабиринтом мраморных струй. Здесь дно было коричневое, там серое или рыжеватое от песка. Через некоторое время берега раздвинулись и поток полился свободно, и водоросли развевались, словно женские волосы на ветру.

Скоро, подумал Кольтер, я достигну места, где лежат большие топляки. Места, где целые тополя без коры придавили друг друга ко дну, зажатые излучиной, вспомнил он.

А помнил он хорошо. Здесь река, играя, словно выдра, с собственным хвостом, образовывала глубокий, зелено-голубой затон. Коряги, которых, как огня, боялись плотогонь, цепляли и топили бревна, а потом неожиданно отпускали их, и те разбивали плоты, словно спичечные коробки. Коряги. Кольтер хорошо познакомился с ними, когда сплавлялся по реке с Мериуотером Льюисом. Настоящие речные дьяволы. Стоит наткнуться на одну, как она не хуже пружины капкана выскакивает из глубины и начинает вращаться, пока не уйдет вновь в глубину под действием собственного веса.

Однажды Кольтер видел, как коряга подбросила человека в воздух на пятнадцать футов. Бедняга упал между

двумя вращающимися бревнами и потерял ногу до колена. Коряги так переплетались, что их равновесие зависело и друг от друга, и от спокойствия реки. И вот теперь он приближался к месту затопления огромных деревьев, а черноногие, заплыв на берег, десятками вбегали в реку, одни плыли, другие бежали, и все они волновали воду. Те, кто не бросил копий, прочесывали реку, втыкая их в илистое дно в надежде наткнуться на мягкую плоть.

Во взведенном капкане топляка и охотники и дичь одинаково становились добычей. Кольтер ушел в глубину. Пробираясь между скользкими бревнами, он нашел то, что искал. Большой нарост. Когда гигантские деревья еще были живыми и держались корнями за землю, в этих наростах гнездились муравьи-древоточцы, проделывая тайные ходы через сердцевину дерева от комля до кроны. Если повезет, он может найти подобие дыхательной трубки. Решив рискнуть, Джон с силой выдохнул из легких остатки воздуха в отверстие нароста и глубоко, доверчиво вдохнул...

Воздух, животворный воздух ворвался в легкие! Теперь на глубине десяти футов в темной зелени реки он мог дышать, обнимая руками голое дерево, мог вдыхать кислород и, пока черноногие ищут его, хоть несколько минут оставаться невидимым.

ДВА

ГЛАСС

В 1823 году изувеченный медведем охотник по имени Хью Гласс прополз свыше сотни миль по дикой местности от Большой Долины до реки Миссури.

Великая река, осень 1823 года.

Для Хью Гласса это был единственный шанс поразить медведя, но ему так и не удалось узнать, попал он в зверя или промазал. Медведь навалился на него, отбив ружье прежде, чем Хью успел выставить приклад. Тяжелая лапа ударила в лицо, сплющив нос и разорвав лоб. Зверь передними лапами обхватил охотника, обдав его зловонным дыханием — тошнотворной смесью гниющей плоти и терпкого мускуса, приправленной сладостью ягод и меда, вызвавшей в памяти запах начавшего разлагаться покойника, терпеливо ожидающего на краю могилы замешкавшихся безутешных родственников.

Душа обмерла в груди, и окружающий мир стал растворяться в водовороте серо-белых хлопьев, пока кровь заливала глаза, струясь по изуродованному лицу в заиндевевшую бороду. Крупный мужчина, сам похожий на медведя, не закричал, он даже не успел почувствовать страха; мощное объятие выдавило из него почти весь воздух, лишив голоса, а нападение было столь внезапным, что не было времени испугаться. В том, что случилось с ним, не было ничего необычного. Хью был охотником, снабжал мясом факторию численностью в 80 человек и давно познакомился

со смертью. Просто теперь пришел его черед. Жаль, что он не успел попрощаться с Джеми, но ведь всегда остаются какие-то незаконченные дела. Треск собственных ребер не казался уж столь ужасным в тающем серо-белом водовороте, а хруст бедра можно было принять за звук сломанной ветки в притихшем лесу. Удара о землю он уже не почувствовал.

Джеми верхом на лошади поднимался по склону, цокот копыт эхом отдавался в холмах. Весь день он провел в поисках Гласса, и вот уже тени стали расплываться, а небо окрасилось багрянцем в закатных лучах солнца. Ветерок принес запах Великой реки. Старик охотился в этих оврагах, его лагерь должен быть где-то поблизости.

— Хью! — позвал он.

— Хью! — скатилось с холмов.

Он поехал дальше на северо-запад, время от времени выкрикивая имя друга.

На вершине второго холма конь, коротко заржав, встал как вкопанный. На десятки миль к закату простиралась плоская равнина. Внизу неспешно текла река, разделившись на два рукава, изгибалась, сверкая, и терялась в дымке. Джеми приподнялся в стремях, вглядываясь вдаль и поглощая рукой расцвеченные золотом солнца волосы.

Недвижное очарование заката нарушила лишь стоя ворон, с карканьем поднявшаяся с ясеня вдалеке. Первая звездочка зажглась в небесах. Слабый ветерок вновь прилетел с реки. Джеми еще раз окликнул друга.

Конь снова заржал и затанцевал под седоком. Джеми легонько похлопал его по боку и пустил с холма. Копыта скользили по размокшей глине склона. Оказавшись на равнине, конь пошел быстрее.

— Лагерь... — прошептал Джеми и снова крикнул.

В ответ из глубины долины донесся ружейный выстрел, седок улыбнулся.

— Услышал, — обрадовался он и, смеясь, натянул поводья. Конь резво побежал, и Джеми замычал простенький мотивчик в такт копытам.

Впереди из травы вдруг встала фигура, вытянув руки. Машет?.. Конь фыркнул и попятился, попытался отвернуть. Это не был человек. Слишком большой, слишком...

Конь завертелся волчком, но Джеми все же успел заметить на земле под раскачивающимся из стороны в сторону косматым гигантом истерзанное человеческое тело.

Рука сама схватилась за ружье, но конь уже пустился прочь. Рутаясь, Джеми изо всех сил натянул поводья. Безрезультатно. За спиной послышалось шуршание травы — огромный зверь пустился в погоню.

Джеми вонзил шпоры в бока лошади и натянул повод. На этот раз она послушно повернула направо. Медведь пронесся мимо, а Джеми направил коня к реке, промчался по песку и поднял фонтан воды, врезавшись в воду.

Поток здесь был неширокий. Конь скреб по дну ногами, ранил копыта об острые камни, но звериный рык сзади придавал ему сил. Вскоре он уже карабкался на другой берег.

Оглянувшись, Джеми увидел, что медведь остановился у кромки воды. Он развернул коня и расстегнул кобур, извлекая ружье. Благодарение Богу, сухое.

Он описал ружьем дугу в воздухе, на миг замер, прицеливаясь, нажал курок.

Сквозь облачко дыма увидел, как медведь покачнулся вперед и рухнул в воду. Джеми смотрел на его агонию, припоминая охотничьи уроки Хью. Глаза его наполнились слезами при мысли о человеке, который вырастил его, как собственного сына.

Юноша торопливо переправился назад через реку. Минуту спустя подъехал к лежащему человеку и спешился.

— Хью, — прошептал он. — Не умирай, — он опустился на колени, повернул голову друга лицом к себе и содрогнулся при виде расплющенного носа и изуродованных бровей, сплошного месива крови и рваной плоти. — Хью...

Он не мог сказать, как долго смотрел на это печальное зрелище. Вдруг раздался слабый стон.

Джеми склонился над другом, чтобы убедиться, не померещилось ли ему. Ничего. Тишина. И вот наконец он услышал нечто похожее на вздох, потом стон, слабое движение.

— Хью? Это Джеми, — звал он. — Ты меня слышишь?

В горле Хью раздался слабый звук, и вновь повисла тишина. Джеми огляделся. Хью разбил лагерь возле ручья — Джеми только теперь услышал журчание. Рядом лежала куча хвороста.

— Я разведу огонь, Хью. Согрею тебя. Ты только не умирай. Я быстро.

Достав нож, он наколот лучины. Обложил поленья грудой щепок и веток, поджег и начал подбрасывать ветки побольше. Солнце к тому времени уже село за горизонт, и на небе, словно огни далекого города, мерцали звезды.

Джеми присел возле израненного товарища. В свете костра его лицо выглядело еще более пугающим.

— О Господи, — прошептал Джеми. — Нужно обмыть его.

Он пошел к ручью и намочил платок. Вернувшись, стал осторожно обтирать лицо Хью.

— Я помню тот день, когда ты спас мою задницу в битве с ри, — бормотал он. — Сколько мне было тогда — четырнадцать? Они убили всех, лишь я попытался удрать, да как раз на них и нарвался. Но тут подоспел ты. Застрелил нескольких и отбил меня. Выпорол потом, чтобы не совался, куда не следует. Боже мой, Хью! Не умирай!

Гласс не подавал признаков жизни.

— Это я, Джеми! — закричал юноша, схватив холодную руку друга и прижав ее к своей груди.

Рука была безжизненной, и он осторожно положил ее на землю. Потом вернулся к ручью и выполоскал платок, попытался накапать воды в рот Хью, но она только стекала в бороду.

— ...Джеми, — повторил он, склонившись к груди товарища.

Сердце билось. Еле слышно, словно шум подземного ручья, но билось. Джеми снова обмыл лицо Хью. Добавил веток в костер.

Взошла луна. В отдалении завыл волк. Хью хрипло вздохнул и застонал. Джеми погладил его руку и начал тихо говорить о тех днях, которые они вместе провели на охоте, о местах, где бывали, о том, что видели и что сделали. Спустя некоторое время его глаза закрылись. Он умолк, провалившись в сон.

...Вот они плывут в шляпке с людьми майора Генри, торгуют лошадьми в деревнях ри. А вот бушующее пламя Ливенвортской кампании... Весеннее половодье и зимние морозы... Вот они вместе с Хью свежуют дичь... Привал на охоте, запах лошадей, аромат земли... Бушующий ураган, топот стада бизонов... Где-то вдали лица родителей...

Ржание лошади. Джеми вздрогнул и почувствовал, как затекли плечи и шея... Улегся поудобнее, вновь задремал и увидел бескрайние переменчивые прерии.

...А сны Хью были болезненными архипелагами мрака и огня, хоть он и скитался в них не в одиночку. Он чувствовал, что говорит с кем-то, хотя и не был уверен, что язык и губы слушаются его. Ему казалось, что он пророс корнями глубоко в землю и держится за нее, словно упрямый куст, сопротивляясь неистовому ветру и высасывая питание для своих израненных членов.

...Снова послышалось ржание коня, и задрожала земля. Джеми открыл глаза, и мир наполнился утренним светом. Его конь стоял рядом. Земля вибрировала от топота лошадиных копыт. Джеми потряс головой, протер глаза и сел. Память возвращалась по мере того, как он рукой приглаживал волосы. Джеми посмотрел на Хью: голова охотника свесилась набок, грудь еле заметно вздымалась.

Топот копыт стал отчетливее. Надеюсь, что это не отряд рикари, он поднялся на ноги и посмотрел в направлении звука.

Благодарение Богу, это были не ри, это майор Генри со своими людьми въезжал в долину с востока. Увидев Джеми, солдаты заорали и замахали руками, но, подъехав ближе, стихли, разглядывая распростертое тело Хью.

— Джеми, что случилось? — крикнул майор Генри, слезая с коня.

— Медведь, — коротко ответил Джеми. — Хью очень плохо.

— Черт! — выругался майор, опустившись на колени и положив руку на грудь Хью. — Да, выглядит неважно.

Остальные тоже спешили и обступили раненого.

— Отвезем его в лагерь, там ему будет лучше, — предложил один из разведчиков.

— ...Нужны лекарства, — сказал другой.

— Ведите выючную лошадь, — приказал майор.

— Не думаю, что он выдержит, — покачал головой Джеми.

— Нужно сделать все возможное, — услышал он в ответ.

Когда кобылу подогнали и развьючили, Фрэнк и Уилл — рыжеволосые братья из Сент-Луиса — склонились над Хью, осторожно ухватили его за плечи и лодыжки и начали медленно поднимать с земли.

Хью застонал и вдруг издал ужасный звериный вой. Фрэнк и Уилл положили его обратно.

— Ничего не получится, мы не довезем его живым, — заявил Фрэнк.

— Я думаю, он так и так обречен, — кивнул Уилл. — Нет смысла лишний раз мучить его.

— Бедняга Хью долго не протянет, — согласился Фрэнк. — Оставим его здесь.

Майор Генри мрачно кивнул головой и обнял Джеми за плечи.

— Похоже, ребята правы, — мягко сказал он.

Джеми кивнул.

— Мы побудем здесь немного, — сказал ему майор. — На тот случай, если это случится скоро.

Хью так и лежал недвижим, лишь время от времени хрипло со стоном вздыхая. Потеплело. Люди согрели чай, уселись на землю в кружок и пошли разговоры, правда более тихие, чем обычно, о следах, по которым они шли до Большого Рога, о недавней кампании против ри, о действиях индейцев на этой территории. Несколько человек отправились к убитому медведю, чтобы разделать его на мясо.

Лицо Хью то темнело, то светлело, отражая борьбу, которую он вел со смертью. Руки сжимались, словно пытаясь что-то схватить; изредка слышался глубокий вздох, и тогда глянцевая маска пота покрывала его черты. Джеми то и дело обтирал его лицо смоченной в воде тряпкой.

— Боюсь, парень, ему недолго осталось, — сказал ему майор; Джеми кивнул, сел и стал смотреть на друга.

Птицы пели, денек выдался теплым, солнце поднималось в зенит. А Хью все так же хрипло дышал, и слюна сочилась из уголков его рта. Пальцы прочертили в земле глубокие борозды.

В полдень майор Генри подошел посмотреть на раненого. Он долго вглядывался в его лицо, потом повернулся к Джеми.

— Это может продлиться дольше, чем мы думали, — сказал он. — Он крепкий орешек, этот Гласс.

— Знаю, — отозвался Джеми.

— Ребята вымотались, ведь мы на тропе войны с ри.

— Я понимаю, — сказал Джеми.

— Им необходима передышка. И лучше сделать привал в западном лагере, прежде чем трогаться дальше. Ты знаешь, по какой дороге мы поедем?

— Да.

— Значит, сделаем так: ты оставайся с ним и отгоняй волков, пока... пока все не кончится. Мы же пойдем дальше, а ты потом нас догонишь.

Джеми кивнул. Майор Генри похлопал его по плечу.

— Мне очень жаль, Джеми. Я знаю, как много значил для тебя Хью, — сказал он. — Я сейчас кликну добровольца, и мы начнем собираться.

— Спасибо, сэр.

...Медведь опять надвигался на Хью, а он никак не мог убежать. Ноги словно корнями вросли в землю. Медведь шел на задних лапах, морда плыла, будто темная вода. Хью увидел лицо отца и лица людей, которых ему пришлось убить. Из медведя вылетели черные птицы и захлопали

крыльями у лица. Запахло сытой сладостью и зловонием разложения... Медведь вновь обхватил и смял его, Хью закашлялся. С каждым болезненным спазмом все отчетливее становился вкус крови. Послышались голоса — много голосов, — тихо беседующие в темной дали. Прилетел и исчез стук копыт. Хью увидел мертвого освежеванного медведя, снятая шкура взвилась и обернулась вокруг него, и медвежья морда стала его лицом, кровоточащим, оскаленным. Шкура все туже обхватывала его, становясь его плотью, руки и ноги покрывались мехом, рот превращался в грязную пасть. А корни все еще цеплялись за землю, питая его ее силой. Словно темная легкая песня...

Шапка пошла по кругу, монеты одна за другой со звоном падали в нее, и вдруг Жюль ле Бон, почувствовав укол сострадания, неожиданно для себя вызвался остаться с Джеми возле раненого. Это был невысокий гибкий человек со щербатой улыбкой. Он пожелал товарищам доброго пути и смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду. Тогда он подошел к Джеми, чем-то позвякивая на ходу, сел рядом, вздохнул и уставился на Хью.

— Какой сильный человек, — сказал он, помолчав.

Джеми кивнул.

— Откуда он?

Джеми пожал плечами.

— Значит, и сообщить некому о его смерти?

Джеми покачал головой.

— Жаль, — огорчился ле Бон. — Прекрасный был охотник. Думаю, так вот он и хотел умереть — на охотничьей тропе... И быть похороненным в прерии.

Джеми отвернулся. Жюль умолк. Немного погодя ле Бон встал и подошел к костру, где висел котелок с еще теплой водой.

— Хочешь чаю? — позвал он.

— Нет, спасибо.

Он налил себе и вернулся. Выкурил трубку, выпил чаю. День клонился к вечеру. Хью что-то пробормотал и затих. Ле Бон покачал головой и уставился вдаль.

Тени все больше вытягивались к востоку. Ле Бон вдруг насторожился.

— Ты слышал? Стук копыт? — спросил он.

— Нет, — ответил Джеми.

Ле Бон лег, прижал ухо к земле и долго лежал, не шевелясь.

— Ну что там? — спросил Джеми.

— Нет. Послышалось.

Ле Бон встал.

— Это все проклятые ри, — сказал он. — Мысли о них не дают покоя, — рассмеявшись, он схватил себя за волосы и подергал из стороны в сторону. — Не хотел бы я попасть в их руки.

Соорудив обед из припасов, оставленных майором, они принялись за еду. Ле Бон завел разговор о последней кампании против ри. Джеми лишь рассеянно кивал, не сводя глаз с Хью. Когда стало смеркаться, он укрыл его одеялом.

— Сколько в нем силы, — опять удивился ле Бон. — Обидно, когда собственная сила работает против тебя. Когда нет уже даже надежды.

Джеми заснул. Во сне все перепуталось — и Хью, и медведь, и индейцы, и майор Генри со своими людьми, скачущий где-то далеко-далеко. Совсем разбитый, он проснулся на рассвете и сменил на посту ле Бона, который коротал ночь за чаем с крекерами. Состояние Хью, похоже, не изменилось. Могучий организм продолжал бороться — время от времени Хью шевелился, стонал, лицо его осунулось, посерело, пальцы то и дело скребли землю. Как долго может умирать человек?

Спустя несколько часов ле Бон покачал головой.

— Ему стало хуже, — сказал он. — Думаю, к вечеру отмучается.

— Похоже, ты прав, — с тоской отозвался Джеми.

— Скорее бы, — сказал ле Бон. — Я не за нас волнуюсь, хотя, Бог свидетель, я видел, что эти ри вытворяют с пленными, — ради него самого. Негоже человеку так мучаться. Просто ужас, что делает смерть с человеком. Тебе сколько лет, Джеми?

— Шестнадцать, — ответил Джеми. — Почти.

— Стало быть, вся жизнь впереди. Не ищи лишних приключений. Не дай Бог такого затянувшегося конца, как у бедняги Хью.

— Да, — сказал юноша, потягивая остывший чай.

В свете полуденного солнца Хью был похож на восковую фигуру с наполовину растаявшим лицом. Временами Джеми казалось, что все кончено. Но всякий раз возникало легкое движение, тихий стон, булькающее дыхание. Ле Бон, попыхивая трубкой, пускал струйки дыма и наблюдал. У реки порхали птицы, то пронзительно щебеча, то заводя тихие

песни. Небо заволокло тучами, загрохотал гром, но дождь так и не собрался. Поднялся ветер, похолодало.

— Интересно, далеко ли ушли майор с ребятами? — подумал вслух ле Бон.

— Трудно сказать.

— Им-то сейчас спокойно вдалеке от ри.

— Да, наверное.

— А мы даже не услышим стука копыт за этим громом, если они на нас наткнутся.

Джеми содрогнулся от холода.

— Пожалуй, так.

Ле Бон встал, потянулся и отошел в кусты облегчиться. Хью не двигался.

Они соорудили навес из веток, прикрепили к нему кусок парусины. Забарабанил дождь. Джеми снились боевые барабаны и стук копыт верхового отряда...

Утро было серое и сырое, а Хью все медлил.

— Мне снилось, что их отряд проскакал ночью мимо, — заметил ле Бон. — А может, так оно и было.

— Значит, нам повезло.

— До поры до времени. Боже правый! Скверно же он выглядит.

— По-моему, как вчера.

— Он еще дышит. Кто бы мог подумать, что Хью так долго продержится.

— Хью — не простой человек, — ответил Джеми. — Он всегда знал, что делал. И всегда у него хватало сил.

Ле Бон покачал головой.

— Я тебе верю, — сказал он. — Просто невозможно продолжать жить, будучи так истерзанным. Я видел много умирающих, но никто не держался так, как Хью. Как по-твоему, долго ему еще?

— Вряд ли.

— Здорово получится, если мы оба погибнем из-за того, кто сам с минуты на минуту отдаст Богу душу.

Джеми отошел к ручью прополоскать платок, которым обтирал лицо Хью.

Когда они завернулись в одеяла в тот вечер, ле Бон прошептал: «Чему быть, того не миновать. Уж я-то знаю. Мне тебя жаль, ведь ты остаешься на свете один-одинешенек. Прочитай перед сном какую-нибудь молитву, если помнишь. И я прочитаю».

И вновь над ними засияло утреннее солнце. Джеми первым делом подумал о Хью. Вгляделся, приподнявшись. Никаких изменений. Все та же бледность, только вместо

редких хриплых вдохов, перемежаемых бесшумным оцепенением, появилось неглубокое трепещущее дыхание. Грудь вздымалась едва заметно и часто.

— Я видел раньше таких раненых, — опять услышал Джеми слова ле Бона. — Скоро все кончится, парень. И слава Богу.

Юноша беззвучно зарыдал. Он понимал, что нельзя желать такого.

— Я только хочу, чтобы он перестал мучиться, — сказал он наконец.

— Скоро перестанет, Джеми. Скоро перестанет, — в голосе ле Бона слышалась печаль. — Немногие могут похвастать такой жаждой жизни. Скоро кончатся его испытания. Скоро.

Джеми кивнул, вытирая мокрые щеки о плечи. После завтрака ле Бон не меньше часа разглядывал лежащего перед ним человека. Наконец он произнес:

— Я все думаю об этих ри. Я боюсь, Джеми. И ты тоже, я вижу. Не хочу проявить неуважение, но ведь Хью все равно скоро умрет, а хоронить человека — дело долгое, особенно когда нечем копать, кроме ножей. И все это время мы будем рисковать своими шкурами, хотя могли бы уже пуститься вслед за ребятами.

— Согласен.

— Так вот, исходя из соображений практичности — и, как я уже сказал, без всякого неуважения — думаю, нам надо выкопать могилу заранее. Все равно мы сидим здесь без дела, и когда мы ее выроем — до того как он умрет или после — ему будет безразлично. Душа-то его будет знать, что друзья все сделали правильно. Он не обидится, если мы подготовимся заранее. Зато себя мы немного обезопасим.

— Да, — согласился Джеми. — Я думаю, он понял бы.

Вытащив нож, ле Бон встал и подошел к раненому. Кончиком ножа прочертил на земле длинные линии, на всю длину лежащего прикинув на глаз ширину могилы. Затем воткнул лезвие в почву и вырезал первый квадрат дерна.

— Из земли придем и в землю уйдем, — сказал он, — как в Библии говорится. Сделаем все как надо, Джеми. Нужного размера и достаточно глубокую, чтобы укрыть его от дождя и стервятников. Сделаем хорошо. Я знаю, как он тебе дорог.

Чуть позже Джеми встал и подошел к другому концу отмеренного участка. Поколебавшись минуту, тоже начал копать.

Они копали весь день, выгребая мягкую землю руками, а твердую — ковыряя ножами. Они вытаскивали камни и

корни. Гора земли выросла рядом с ямой. Когда глубина стала вполне достаточной, они вытерли ножи о траву, вымылись в ручье и вернулись к Хью.

Тот по-прежнему мелко и часто дышал. Они поели, и последний луч солнца окрасил лицо Хью. Они смотрели на него, пока не зажглись звезды, потом пожелали друг другу спокойной ночи и завернулись в одеяла.

В их снах Хью уже был частью земли.

ТРИ КОЛЬТЕР

Старейшинам черноногих было известно коварство речных заторов, а потому самых шустрых молодых воинов, которые первыми добежали до кладбища деревьев, немедленно отозвали назад. Юноши нехотя выбрались на берег и с нетерпением стали ожидать поощрения к дальнейшим действиям. Но старики лишь бесстрастно смотрели на воду. Человек, которого они преследовали, Белобровый, был там. В этом не было сомнений. Как не было сомнений и в том, что то был не простой человек — он бежал, как олень, и исчез, как олень. Он прячется тут, говорила им река. Где-то здесь, дразнила она, может быть, там, где вы меньше всего ждете... прямо под носом. Они опустили луки, не сводя глаз с зелени холодного, быстрого потока.

Куда он исчез? Может он умеет дышать как рыба? Или река с ним заодно? Тишина повисла над рекой. Воины шарили глазами по берегу в поисках разгадки. Молодежь нарушила молчание, перешептываясь, выпадая таким образом из круга ожидания. Запах добычи был слишком близко, чтобы можно было ждать дольше. Когда они залпом выпустили в омут стрелы, никто из старейшин не поднял руки, чтобы остановить их. Пуская пузыри, всплыли оперенные хвосты стрел; мальчишки бросились собирать их. Сразу же возникло опасное искушение оседлать коряги и, вглядываясь в зеленые воды, пускать стрелу за стрелой в мельтешащие тени.

Старики по-прежнему не делали ничего, чтобы остановить их. Собственная упоительная ловкость, с которой юнцы лисьим шагом пробирались вдоль голых полузатопленных стволов, перепрыгивая с одного на другой, заставляла их визжать от восторга. Вдруг из-под воды раздался рев, словно

проснулся спящий левиафан. За ним последовал мерзкий, чмокающий звук. Одно торчащее из воды бревно, толщиной с лодку, ушло в глубину, а другое, наоборот, всплыло на поверхность.

Джон Кольтер, все еще обнимая торчащее из ила бревно на дне омута, начал беспокоиться. Бревна вокруг него начали скрипеть и стонать, все пришло в движение, словно дно реки хотело поменяться местом с поверхностью, пытаясь встать с ног на голову. Он ничего не видел, а лишь ощущал дрожь своего спасительного дерева и молил Бога, чтобы оно не всплыло в этом круговороте.

На поверхности одно их всплывших бревен прижало юношу-индейца к верхушке кольтерового дерева, отхватив ему ногу у колена, словно комариную лапку. Паренек издал отчаянный вопль, и его кровь окрасила воду над головой Джона. Конечно, ничего этого он не видел, но какая-то часть его чувствовала все, знала, что происходит. Омут превратился в суший ад, бревна зашевелились, из илистого дна вырывались пузыри величиной с пушечные ядра, коряги скрипели, словно раненые киты.

Охваченный страхом, Кольтер попытался отвлечь себя от грозящей опасности. Он не мог думать ни о чем другом, кроме как, что в любую секунду бревно, ставшее его спасителем, вытолкнет его из воды, и постарался обмануть свой разум воспоминаниями. Однажды, два года назад, когда он охотился вместе с Мериуэзером Льюисом, пришлось ему как-то съезжать верхом с крутого берега. Лошадь, копыта которой были обернуты оленьей кожей, чтобы облегчить езду по каменистой тропе, поскользнулась на мшистом камне и опрокинулась назад. Кольтер не успел освободить ноги из стремени. Мериуэзер Льюис беспомощно смотрел с другого берега, как его лучший охотник и наездник валится в стремнину, где вместе с лошадью, связанный с ней стремянем, исчез в пене водоворота.

В тот день Кольтер стал предметом веселых шуток. Ибо он всплыл на поверхность ядрах в пятнадцати вниз по течению, верхом, сжимая в правой руке приклад ружья. «Счастливчик ты, Джон Кольтер», — сказал тогда Поттс, качая головой и удивляясь, как это человеку удалось сохранить ирландскую удачливость, но избавиться от шотландской невезучести.

— Это не просто везение, — рассудительно заметил Льюис, продувая свою трубку, — у этого человека милость Божья защита в кожаной куртке.

«Защита ли она еще?» — думал Кольтер, втягивая в себя воздух из нароста. Он не был особенно набожным, хотя и молился, как каждый нормальный человек, когда положено. Правда, до сих пор он не беспокоил Господа своими глупыми просьбами, чувствуя, что как-нибудь и сам выкрутится. И вот теперь, всасывая по каплям драгоценный воздух, окоченев от холода, оглохнув от стука крови в голове, он решил, что дольше так продолжаться не может. Право слово, лучше последовать примеру Поттса и дать пронзить себя стрелами, чем стать жертвой пытки.

Черноногие на берегу, сделав шесты из ольховых стволов, пытались с их помощью освободить смертельно раненного юношу, который безучастно смотрел на своих спасителей. Используя шесты как рычаги, мужчины и юноши двигали ими вверх и вниз, но бревно, прижавшее раненого паренька к дереву Джона Кольтера, отказывалось подаваться.

Наконец получилось. Мужчины на берегу налегли на шесты, согретый солнцем полдень содрогнулся от слаженного крика, и бревно подалось. В тот же миг дерево Джона Кольтера совершило полный оборот вокруг своей оси и, словно наполненное воздухом, тяжело вылетело из воды.

Выловив из воды раненого, черноногие прыснули в разные стороны от берега под защитную сень деревьев. А Джон Кольтер летел в небо, подобно ракете. Старое дерево описало в воздухе пируэт, словно раненый кит, и плюхнулось в воду.

Пока индейцы были заняты спасением собственных жизней, Кольтер незамеченным рухнул в крону тополя, нависавшего над берегом. Ошеломленный, он огляделся и понял, что сидит в покинутом вороньем гнезде. Внизу все еще продолжалась грохочущая битва бревен, которые ворочались в пене, обдавая белыми фонтанами заросли ивняка.

Минуту спустя племя вернулось на берег, чтобы теперь, когда волнение на реке прекратилось и коряги и бревна спокойно покачивались в ее водах, отыскать изуродованное тело Джона Кольтера. Когда через несколько минут этого не случилось, они решили обыскать берег. Старики, покачав головами, послали быстроногих молодых воинов на восток, запад, север и юг. Остальные принялись разбивать лагерь вдоль берега. Им ничего не оставалось, только ожидать всплытия тела или возвращения с добычей поисковой команды. Каждый фут земли был обследован. Белобровый был где-то здесь, он не мог исчезнуть.

Но река обманула их. Легенда оказалась права: у реки раздвоенный язык, как у змеи, и говорит он на тысячу ладов.

Когда воины вернулись ни с чем, не обнаружив и следа беглеца, было решено ночевать здесь, а утром послать лучших следопытов осмотреть болото. Старики согласились с тем, что это единственное место, где может прятаться Кольтер. День, который начался обещанием славной добычи, заканчивался глубокими раздумьями о человеке, которого они прозвали Белобровым. Был ли он обычным двуногим, как они? Или же это некое могущественное существо, только с виду похожее на человека? Старейшины долго размышляли над этим, и каждый держал при себе свои мысли, не доверяя их остальным.

Бог Богов, наблюдавший за Джоном Кольтером, выудил его из реки и забросил на дерево, спрятав его в вороньем гнезде из тополиных и ивовых прутьев. Теперь, скрытый от глаз неопавшими листьями тополя, он был невидим для преследователей, но сам из своего укрытия мог видеть все, что происходит внизу.

Осознав, что надежно спрятан, Кольтер решил осмотреть ноги, утыканные колючками. За годы охоты с Льюисом он научился вытаскивать эту болезнетворную щетину, иголка за иголкой. Солнце, окрасившее западный склон холма, показало, сколько еще осталось до того часа, как осенние тени наполнят долину. Он с удвоенной энергией занялся спасением исколотых ног.

Мозоли прожитых лет хорошо защитили ступни. «Где ты достал такие ноги, Джон?» — спросил его однажды Поттс, когда они сидели у костра.

— Они плясали, — ответил Джон Кольтер, — на муравьиных кучах манданов, на снегах кроу, на выжженных холмах черноногих...

Они посмеялись над кольтеровой любовью к поэзии, к замысловатым фразам.

— Видел я тех муравьев, — усмехнулся Поттс, — и снега кроу, когда ты босиком удирал, как ошпаренный, от ватаги их воинов, но не родился еще белый человек, который сможет убежать от черноногих. Они лучшие бегуны в Скалистых горах.

— Это было у подножия Галлатина, я бежал, спасая свою шкуру. В одном ботинке, кровь хлестала из ноги, раненной

мушкетной пулей черноногих — и это подлинный факт, — возразил Кольтер.

Он рассказал Поттсу легенду о том, как черноногие получили свое имя, пробежав по горящим холмам. Сказку давних времен о людях, прошедших по выжженной земле, которая пожирала их мокасины и жгла подошвы ног, и оставивших черный след на траве.

Теперь его собственные ноги напоминали задницу испуганного дикобраза. Но выглядели они не хуже, чем год назад, когда он тащился, ковыляя на одной ноге, пятьсот миль, без огня, имея при себе лишь небольшой мешок с бусами, киноварью, иглами и пачкой табаку — все, что осталось от торговли с кроу. Он вспомнил лагерь, где кроу зимовали в 1806 году. Они кормили лошадей тополиной корой, а когда ее не хватало и температура падала до минус сорока, индейцы выкапывали низенькую вечнозеленую травку, пахнущую, как полынь, и ею кормили голодающих животных. Кольтер ел ее сам и нашел, что она суховата, но вполне съедобна.

Живя с кроу, Кольтер научился, как рассказал Поттсу, бегать босиком по снегу — занятие, к которому он даже пристрастился. Ему понравилось испытывать свою выносливость и умение терпеть боль. Сейчас, сидя в брошенном вороньем гнезде, Кольтер решил взвесить свои шансы. До сих пор у него не было причин жаловаться на своего ангела-хранителя — одно чудо следовало за другим. Может, Льюис был не так уж неправ. И все же охотник в душе знал, что счастье в любой момент может изменить.

Черноногие окружали его со всех сторон, разведя костры и укладываясь спать на одеялах. Запах стелющегося дыма и вареного мяса достиг ноздрей Джона и напомнил о том, что он не ел с рассвета. В животе заурчало. Он оторвал немного тополиной коры. Ему нужна была не сама кора, а сладкая прослойка между корой и стволом. Соскребая ее ногтями, он понемногу кидал ее в рот, стараясь жевать долго и медленно, чтобы заглушить спазмы в желудке.

Черноногие ели полоски оленины, которые коптили, нацепив на палки. Ночь надвигалась холодная, с первыми зимними заморозками, высоко в горах уже выпал снег. Большинство воинов отправились обратно в деревню. Развлечение закончилось, охота превратилась в засаду. Остались лишь те, кто был терпелив, другие же побрели к теплу жен, домашним очагам и бизоньему мясу. Мальчик, изуродованный разбушевавшимися корягами, скончался от потери крови. Скоро в деревне начнутся рыдания, погребальный

плач и членовредительство: родственницы погибшего будут резать себе руки, чтобы доказать свое безутешное горе.

Самый быстрый бегун черноногих — старший брат умершего мальчика — был среди тех, кто видел Кольтера, словно змея извивающегося на траве. Тогда он усомнился, стоит ли забирать человека, сошедшего, как он думал, с ума. В его племени жил безотчетный страх перед безумием, и к сумасшедшим, которые считались повязанными с Богами, старались не подходить близко. Но теперь, сидя со своим дядей перед маленьким костром, воин знал, что Кольтер не был безумен, а если и был, то это безумие сороки, способной одурачить человека до смерти.

Белобровый не был сумасшедшим...

— За таким человеком, — сказал дядя, которого звали Длинная Рука, — наблюдают Боги. У белых людей свои Боги. Они не такие, как наши, но у них тоже есть сила. И они приглядывают за Белобровым.

Племянник Длинной Руки, которого звали Каменное Лицо, не удовлетворился ответом. Его никто не мог обогнать и победить в драке, у него было много лошадей, украденных у кроу, и целых две жены. Он был молод и силен и возненавидел белого человека с того самого дня, когда увидел его.

— Великий Таинственный не любит белых, — проворчал Каменное Лицо, пережевывая полоску копченой оленины. — И это главное.

Длинная Рука вздохнул. Взошла вечерняя звезда, он посмотрел на небо, нацепил кусок мяса на палку и внимательно поглядел на племянника. Заметил мстительный огонь в его глазах и покачал головой.

— Сказывают, Таинственный создал три породы людей, племянник. Первые бледные да белые. Таинственному они не понравились. Он сделал других, черных, но и эти Ему не понравились. Тогда он создал людей красных, и они понравились ему, потому что Он наконец сделал хорошо. — Длинная Рука умолк и закутался в одеяло. — Другие люди рассказывают иные истории, — продолжил он, — в которых говорится совсем другое.

Каменное Лицо ждал продолжения. Он ценил слова дяди. По правде говоря, он восхищался этим человеком, как никем другим, и был рад, что находится в его тени.

— Говорят, — рассказывал Длинная Рука, отрывая зубами кусок оленины, — был один водоем. Давным-давно белый человек пришел к этому водоему и вымылся в нем. Он мылся долго, и вода после него стала нечистой. Потом он

ушел. И пришел туда один из нашего племени. Он вымылся в воде, которая осталась после белого человека, и, говорят, когда вышел, кожа его не была такой чистой, как у белого человека. А вода в водоеме стала совсем грязной.

Длинная Рука засмеялся и снова посмотрел на вечернюю звезду. Затем, пережевывая мясо, улыбнулся:

— Не сердись, племянник. Это всего лишь история, придуманная для вечернего костра. Я не знаю, правда ли это. Я услышал ее от одного племени, далеко на юге.

Каменное Лицо мрачно смотрел на пламя.

— А я слышал, что у них нет богов. И нет чести. Ты ведь знаешь, что эти люди сделали с бобрами. Они убили их, чтобы другие люди могли носить их как шапки — и ради этой глупости они истребили всех бобров на нашей земле.

— Это не значит, что у них нет Богов. У них свой путь, у нас — свой. Вот оно как.

— Нет, дядя. Их путь — неправильный путь. Они делают то, что хотят, когда хотят, и все только для самих себя. Для себя одних. Ты помнишь, когда их вождю, человеку, которого они звали Многие Бури, выстрелил в спину их же человек. Это произошло из-за того, что белые стреляют, не подумав, убивают оленей больше, чем надо. И что они дали нам взамен? Они называют огненную воду, которая выжигает у человека сердце и разум, Молоком Великого Отца. Если этот Отец так велик, зачем он пьет молоко, которое сжигает душу? Они дали нам вещь, которую называют Лицо Джефферсона. Кусок бесполезного металла. Я видел один такой на шее у скелета.

— Племянник, раскрой глаза. У нашего вождя висит такая медаль, он снял ее с кроу, убитого в бою. Они говорят, что это лицо Великого Отца, живущего на востоке.

— Дурной знак. Тот скелет, который я видел, тоже принадлежал кроу. Думаю, этот металл и убил его, или Молоко Великого Отца, что, впрочем, одно и то же.

Вот уже тьма сгустилась над двумя мужчинами, и они теперь были больше склонны слушать, нежели говорить. Из зарослей донесся крик совы. Пять нисходящих нот, окончившиеся кашлем, сделали тишину лагеря еще более полной.

— Давай отдыхать, — мягко сказал Длинная Рука. — Утром нам опять придется охотиться за Белобровым, — он хихикнул. — Не думаю, что мы найдем его. Я чувствую, он рядом с нами, даже сейчас, может, он, как Брат Сова, умеет видеть в темноте?..

— Сегодня, — прошепел Каменное Лицо, — я мог бы убить его, когда он извивался в траве, словно змея. Вместо

этого я оставил его в живых. Завтра я выслежу его. И когда я найду его, обещаю, я съем его печень у него на глазах.

Кольтер дрожал в своем убежище на верхушке дерева. С наступлением ночи зубы начали выстукивать дробь, руки и ноги тряслись крупной дрожью. Подтянув колени к груди, он прижался спиной к шершавой коре дерева. В сгустившейся тьме под ним скользили силуэты мужчин, спускавшихся к воде, чтобы наполнить кувшины и кожаные мешки для воды. Борясь с ночным холодом, Джон Кольтер продумывал план побега. Подождать до глубокой ночи, когда индейцы заснут в своих одеялах, спуститься с дерева, подползти к реке и проплыть вниз по течению до бобровой запруды. Если удача и на этот раз не отвернется от него, отыскать бобровую нору, провести там остаток ночи, попытаться выйти к горам.

К реке, которую кроу звали Майяпеонза. С ее водораздела открывался вид на слияние Вонючей Воды и реки Большого Рога. На юге располагалась высохшая впадина древнего внутреннего моря, на востоке ограниченная рекой Большого Рога, на западе — Скалистыми горами. В ясный день можно было увидеть Совиный Ручей и горы, протянувшиеся вдоль Большого Рога более чем на сотню миль к югу. Как же она называется? Кольтер порылся в памяти.

Аммаххапайиша. Прошептав это имя и услышав, как оно заструилось с дерева вниз, Кольтер уснул.

И увидел сон. Он снова охотился для компании Льюиса и Кларка. Стадо чернохвостых оленей распростерлось перед ним, словно бурое озеро. Неспешно толпа дымчатые заросли польни, они с Поттсом никак не могли решить, какого же застрелить первым. Животных было много, они мирно паслись, не опасаясь людей. Кольтер по опыту знал, что для неумного аппетита людей Льюиса и Кларка нужен олень, лось или хотя бы пятисотфунтовый медведь. Они жрали так, словно в последний раз. Это всегда поражало его, сам он привык питаться умеренно, как поссум в зимнем логове.

Как люди могут усвоить столько звериной плоти, удивлялся Кольтер. Он был охотником и любил зов чащи и азарт охоты. Но стрелять животных и есть их мясо любил не очень. Ему просто нравился процесс охоты.

— Знаешь, Джон, — сказал Поттс, — этих тварей и стрелять-то не обязательно. Можно просто глушить их прикладом по голове.

— По правде сказать, чем стрелять в живых зверей, я бы предпочел сам пасть вместе с ними, — безмятежно ответил Кольтер.

— Ну, это вообще ни в какие ворота не лезет, — Поттс сплюнул. — Ты только посмотри, олениа резвятся на солнышке вместе с волчатами.

— Прямо как в Библии, — согласился Кольтер.

— Ладно, сэр, пора за работу, — Поттс поднял ружье, прицелился. — Ты же знаешь, ребята в лагере особенно любят мясо молоденьких оленят.

Кольтер во сне поднял руку, чтобы предотвратить выстрел, но было уже поздно. Голубоватый дымок разлился и повис в безветренном воздухе у них над плечами. И вдруг он увидел, что это умирает Джон Поттс, а вовсе не бедный маленький олененок. «Кольтер», — прокаркал сдавленный голос, уносимый течением. Поттс лежал в реке, где его застрелили черноногие, рот его наполнялся кровью и проточной водой. Джон увидел, как раскрытый рот Поттса увеличивается и рождает бизона, чернохвостого оленя, пятнистого олененка, бобра, водяную крысу и наконец земле-ройку, которая уселась на нижней губе умирающего.

— Поговори со мной, Поттс, — попросил Кольтер.

Но Джон Поттс оставался в реке, с открытым ртом и мертвыми глазами, на нижней губе его прыгала земле-ройка.

Затем осенняя река растворилась и Джон Кольтер увидел себя ползущим по зимнему полю, на ногах у него были снегоступы. Против правил он остался с кроу и их друзьями плоскоголовыми, но оба племени вместе насчитывали не больше пятисот человек. Черноногие стекали с окружающих холмов, и их было тысячи полторы. Кольтер был единственным белым в этой битве.

Кроу и плоскоголовых оттеснили к соснам. Разбившись на кучки, спина к спине, они вертелись, словно в ритуальном танце, стреляя из луков и ружей в черноногих, скакавших вокруг верхом. Кольтер, уже раненый, заряжал и заряжал ружье, не обращая внимания на раздробленную щиколотку.

Вдруг всадник на черно-белом пятнистом пони издал громовой клич.

«Белобровый!», — звал он.

Кольтер поднял глаза и увидел, как всадник на своей проворной лошадке объезжает убитых и раненых. Вокруг него стелилась гарь боя, но он не обращал на нее внимания. У человека было черное лицо, острое, как обсидиановый нож.

— Как тебя называют? — спросил его Кольтер.

— Каменное Лицо, — ответил человек, — и когда мы встретимся вновь, я убью тебя и съем твою печень у тебя на глазах.

И тут поле взревело. Прямо по снегу потекла река черной крови, сметая павших в бою. Кольтер закопошился, словно раненый краб, ухватился за дерево, уносимое потоком крови. Пытаясь выбраться из черной лавины, он беспомощно шарил в темноте, пока его пальцы не сомкнулись на человеческой руке. В могучем реве потока рука вытащила Кольтера на возвышенность.

Он осмотрелся и увидел, что был спасен черным скелетом. На его шее болталась красно-бело-голубая ленточка с висюлькой из желтого золота.

Медаль Джефферсона, врученная Льюисом за заслуги во имя Великого Белого Отца.

— Отдай ее, — угрожающе сказал Джон Кольтер и дернул за ленту. Как только он сделал это, весь лес вокруг него зашатался, словно лента и скелет были центром вселенной. Он дергал и дергал, крича: «Отдай ее, дикарь...» И по мере того как ленточка рвалась, деревья падали, горы оседали и реки черной крови вырывались из ран земли.

— Отдай ее...

Тут он проснулся, цепляясь за ветку тополя, которая обрушилась на землю вместе с гнездом. Последовали хлесткие удары веток и тяжелый шлепок, когда он рухнул на землю. Джон стоял на четвереньках и пытался вспомнить, где находится. Было еще темно, но небо уже начало бледнеть. Впереди у реки он увидел расшитые мокасины и кожаные штаны мужчины — нет, не мужчины, понял Кольтер, мальчика.

Стоя на берегу реки и держа в руках флягу из оленьего желудка, мальчик стал свидетелем падения Бога с небес. Да, он был убежден в этом — божество упало со звездного неба, как роса на траву, и теперь смотрело на него. Мальчик только никак не мог понять: две у него ноги или четыре?

ЧЕТЫРЕ

ГЛАСС

Когда Джеми проснулся, первым делом ему бросилась в глаза куча земли, и предыдущий день встал в памяти со всей отчетливостью. Он со стыдом во взгляде посмотрел на Хью.

Жизнь еще не утасла в нем. Все те же мелкие вздохи, цепляющиеся друг за друга, словно звенья тонкой цепочки, связывающие воедино все эти печальные дни. Джеми не смог бы сказать точно, что вызывают в нем эти вздохи — боль или радость. Такая мука пронзила душу, что он не удержался и всхлипнул.

— Хью... — позвал он, и ему показалось на миг, что мерный ритм дыхания сбился. Но лишь на миг, и, хотя Джеми продолжал говорить, никакой реакции не последовало.

Он лег опять, и разум стал уплывать в сон. Снова он ехал верхом и увидел косматую медведеподобную фигуру с поднятыми лапами. Теперь это был Хью. Что он делает? Манит? Предостерегает? И то и другое...

Мир куда-то покатился и рухнул, словно мимо пронеслось множество коней...

Тепло нового дня разбудило Джеми, но он все лежал с закрытыми глазами, медленно приходя в себя, осознавая, что ему предстоит увидеть вскоре и желая отсрочить неизбежное, оставаясь под сенью сна. Наконец он решился посмотреть. Сначала на гору вырытой земли, потом на Хью.

Прошло несколько секунд, пока он уловил слабое дыхание. Поймав себя на мысли, что сам задержал дыхание, выдохнул.

Наведался к ручью, умылся, попил, набрал воды для чая. Вернувшись, Джеми увидел, что ле Бон лежит, прижав ухо к земле. Услышав Джеми, он прижал палец к губам.

Джеми тихонько повесил котелок над огнем. Прошло несколько минут.

Наконец ле Бон поднялся.

— Я кое-что слышал, — сказал он, отряхиваясь, и уточнил: — Стук копыт. Майор и его люди, как ты знаешь, далеко. Я не утверждаю, что это не могут быть бизоны, но это могут быть и ри.

Джеми кивнул.

— Похоже, плохи наши дела, — вздохнул ле Бон.

Джеми невольно посмотрел на Хью, чье поверхностное дыхание вновь сделалось прерывистым.

— Бедный Хью! — сказал ле Бон. — Он на самом краю. Одному Богу известно, что за внутренняя сила дала ему возможность продержаться так долго. Ну, теперь-то уж скоро. Посмотри на него! Дышит с трудом. Господи! Если бы он только знал, что грозит нам! Я думаю, он сам предпочел бы умереть прямо сейчас. Послушай землю, Джеми! Послушай!

Джеми послушно лег, прижав ухо к земле. Он услышал биение собственного сердца, эхо своего дыхания, птичий гомон, порывы ветра в траве. Но среди всего этого можно было уловить и какой-то другой стук, похожий на пульс — слабый, еле различимый. А может, и не было ничего. Он продолжал слушать. Возможно, тихая дробь...

— Не знаю, — сказал он. — Все может быть. Может, там и движется что-то.

— Ага, — обрадовался ле Бон. — Теперь понял, что они приближаются? Может, оно и не так, но при одной мысли, что вот-вот покажутся ри, мурашки бегут по спине, правда?

Джеми кивнул, взял свою кружку, отошел попробовать воду.

— Случись что, никто из нас не уцелеет, — сказал ле Бон и оглянулся на Хью. Потом снова лег и прислушался. — Я слышу их, Джеми! Господи спаси, я слышу их! — причитал он.

Джеми посмотрел на Хью. Перестал дышать, наконец? После долгой паузы грудь вновь слегка приподнялась.

— Думаю, нам нужно сложить вещи и оседлать коней, — сказал ле Бон. — Приготовиться, чтобы как можно быстрее двинуться в путь.

Джеми облизнул губы и обшарил горизонт взглядом.

— Хорошо, давай.

Ле Бон двигался быстро, почти лихорадочно. Паника заразительна, вот Джеми заметил, что и сам бежит, роняя седло и не может с первого раза попасть ремнем подпруги в пряжку. Ле Бон не сводил глаз с горизонта, косясь из стороны в сторону.

Когда сборы были закончены, ле Бон подошел к Джеми.

— Скоро, Джеми, — сказал он. — Совсем скоро.

Глаза Джеми заволокло слезами. Ле Бон наклонился, поднял ружье Хью, лежавшее рядом с ним, повесил его на плечо.

— Надо бы и эти вещи уложить, ему-то они не понадобятся.

Он поднял большой охотничий нож в кожаном чехле вместе с ремнем и тоже повесил себе на плечо, встряхнул и сложил одеяло.

— ... и кремьень, — пробормотал он, шаря рукой. Нашел и сунул в сумку.

Джеми всхлипнул и отвернулся. Он слышал, как ле Бон понес снаряжение к лошадям.

— Прости, Хью, — прошептал он.

Он и сам не знал, сколько времени смотрел сквозь слезы на лежащего охотника, пока ле Бон не положил руку ему на плечо.

— Я знаю, это тяжело, — сказал разведчик, — но он бы понял. Прожив всю жизнь на тропе, он познал, что значит быть практичным.

Джеми кивнул, отвернувшись.

— Послушай, мне самому не нравится предлагать это, — продолжал ле Бон, — но сейчас в опасности наши жизни, и если мы потеряем скальпы ради того, чтобы отдать последний долг, то Хью мы этим не поможем. Чуть раньше, чуть позже. Не все ли равно. Он бы это понял, ты же знаешь. Сам бы так поступил, если б пришлось. Понимаешь, о чем я?

— Да, — отозвался Джеми.

— Так что думаю, нам лучше тронуться в путь — и чем раньше, тем лучше. Эти ри могут выскочить внезапно.

— Мне нужно побыть немного вдвоем с Хью.

— Конечно. Я понимаю. Я подожду возле лошадей.

Джеми подошел к Хью и с тихими словами опустил на колени. Ле Бон ждал около лошадей, вглядываясь вдаль. Немного погодя, Джеми встал, подошел к своему коню, вскочил в седло.

— Поехали, — сказал ле Бон, — на запад, — и он тряхнул поводьями.

Джеми оглянулся назад, но увидел лишь гору земли.

Паря в пространстве, он видел внизу белую фигуру на голубом, она меняла форму — птица, гора, рыба, — медленно загоралась, рассыпалась, исчезала. Появилась новая фигура, на этот раз раскаленный добела заостренный щит, вот он раскололся пополам, соединился снова. Появилась горящая лодка, уплыла. А он смотрел, как голубое — вода? — становилось синим. По краям краски были ярче. Вдруг захотелось двигаться. Но когда он попытался, упала тьма. Все исчезло.

Он лежал, склонив голову к плечу, и вдруг почувствовал свет. Увидел огонь на голубом. Пришло и ушло слово «утро». Он моргнул и стал наблюдать.

Небо продолжало полыхать. Легче было смотреть в одну точку, чем поворачивать голову. Сначала оно было красное, с розовым, затем розовое сменилось оранжевым. Потом все краски растаяли и шар солнца выполз из-за края земли, на него было больно смотреть. Он поднял глаза вверх, и голова его откатилась назад. Теперь глазам стало прохладнее, осталось только голубой цвет. Он глубоко вздохнул и выдохнул, почувствовав боль в груди.

И тут вдруг вспомнил медведя, который выдавил из него дыхание и дал свое, зловонно-сладкое... Он вспомнил скорость, с которой зверь приблизился и схватил его. И еще морду зверя, как она растекалась, превращаясь в другие образы, по мере того как его рассудок уплывал, а душа уносилась в вихре...

Несмотря на боль, дыхание становилось глубже. А Джеми? Джеми ведь был здесь, разве нет? Хью казалось, что он помнит его голос, словно во сне, растянутые во времени слова. Джеми...

Голубая твердь над ним, земля под ним... Он словно подвешен. Небо и земля. Это место принадлежало ему, он чувствовал это в силу необлеченной в слова физической узнаваемости, гнездившейся где-то на краю сознания. До тех пор пока он не будет шевелиться, рвать оковы, время останется неподвижным, это место защитит его, и нечто страшное, притаившееся в засаде, не обрушится на него.

И все же шевелиться было надо, ибо душа его вернулась из странствий и побуждала его восстать из сна земли и войти в день.

Хью развел руки в стороны, согнув локти и прижимая ладони к земле. Вздохнул и задержал дыхание. Затем нагнул голову вперед и начал отталкиваться, пытаясь подняться. Медленно-медленно его плечи оторвались от земли. Кровь оглушительно застучала в висках, прилила к лицу. Он отталкивался все сильнее.

Его охватила дрожь. Она началась в руках, быстро распространилась на плечи, шею, голову. Левая рука подогнулась, он упал. В голове, еще до того как он коснулся земли, что-то бухнуло, поплыли перед глазами красно-черные волны. Сознание снова ускользнуло.

Хью услышал тяжелое дыхание, почувствовал влагу на бровях. Казалось, прошло всего несколько секунд, прежде чем он снова открыл глаза. Но теперь он не чувствовал себя подвешенным. Время двигалось рывками, как колесо фургона, застрявшего в колее. Нечто, притаившееся в засаде, придвинулось ближе.

Хью уставился в голубизну, дыша глубоко, хотя это и причиняло боль. Все лицо пульсировало, словно на нем лежала горячая маска. Под веками был песок; он чувствовал его каждый раз, как моргал. Темные кисточки на веках обрамляли зрение. Он поднял правую руку, посмотрел на нее, опустил.

Стиснув зубы, подался вперед, оттолкнулся локтями и отодвинул их назад для упора. Теперь, помимо груди, заболели бока и спина, точно раскаленный обруч обхватил верхнюю часть тела. Преодолевая боль, он сделал глубокий вдох.

Огляделся. Его лошадь убежала с перепугу, когда появился медведь, в этом Хью был уверен. Но где Джеми? Он был где-то рядом, это точно, Хью слышал его голос в призрачных беседах, пока кругом царил мрак.

И земля... Она была истоптана, словно здесь прошло множество коней, и видны были и следы сапог. Майор Генри и его люди? Куда же тогда все подевались? Почему оставили его одного?

И что это за огромная куча земли? Хью уронил руки на землю и сел, стараясь побороть дурноту, которая, он был уверен, вот-вот охватит его. И точно. Все вокруг поплыло. Хью сделал еще один глубокий вдох и задержал дыхание, ожидая, пока взгляд прояснится и пройдет головокружение.

Нужно попытаться встать. Хью подогнул ноги и оттолкнулся. Левая нога слушалась, но правое бедро взорвалось страшной болью. Руки ослабли, и он рухнул навзничь, беспомощно уткнувшись лицом в землю. Боль отдавалась

биением красного пульса. Хью стиснул зубы, лицо его исказилось гримасой.

Боль утихла нескоро. Он стал осторожно ощупывать ногу, она отзывалась острейшей болью на самые нежные прикосновения. Похоже, сломана. Нет, не может быть.

Но куда же все провалились, бросив его в таком состоянии? Он снова медленно приподнялся и лег на правый бок. Перекинул левую ногу через правую и упер ее в землю, прекрасно понимая, какая ждет его боль, когда он попытается повернуться дальше. Оборот вокруг правой ноги вернул агонию, зато теперь он, задыхаясь, лежал на животе, подняв голову и приподнявшись на локтях.

Хью смотрел на рассвет и на длинные тени, протянувшиеся от деревьев и скал. Вскоре майор Генри поедет на запад со своими ребятами. Они обязательно должны вернуться, заехать за ним. Должны ли? Что-то тут не так, но думать об этом, лежа вот так, было очень больно.

Тогда Хью пополз, волоча за собой, как бревно, бесполезную ногу. Он развернулся в сторону земляной кучи. Возможно, она подскажет ему, что здесь произошло, пока он ваялся без сознания.

Вот он приблизился к земляному холму и увидел яму. Подполз ближе. Что бы могла значить эта огромная яма здесь, в пустыне? Он оценил ее глубину, осмотрел аккуратно спрямленные углы...

Могила. Точно. Это должна быть могила. Хотя и пустая. Ждет. Моги...

Чья? Его затрясло. Пот выступил на лбу. Как долго? Как долго он здесь пролежал? Насколько подошел он к тому, чтобы попасть в эту яму? Были ли его друзья готовы положить его туда? И все же... Почему они так долго ждали и бросили его в тот самый момент, когда огонь вновь затеплился? Он покачал головой.

Движение дало Хью почувствовать, что горло словно набито сухими листьями. Он тут же испытал жажду, которая заслонила собой все прочие чувства. Вновь распластавшись на земле, он повернулся и пополз к ручью, волоча ногу.

Несколько раз он останавливался, когда силы уходили из рук, плеч, здоровой ноги. Хью лежал, опустив голову на вытянутые руки, тяжело дыша и прикидывая, сколько сил ему еще отпущено в этом испытании. Каждый раз, как он поднимался, чтобы продолжить путь к воде, к жажде добавлялось тяжелое дыхание и непреодолимая усталость.

Когда Хью наконец добрался, оказалось, что он не в состоянии поднять голову. Он рассчитывал согнуть ладонь в виде чашки, наполнить ее водой и пить, но вместо этого пришлось опустить лицо в воду. Он набрал полный рот и проглотил. Еще раз набрал в рот воды. Поперхнулся. Закашлявшись, отпрянул назад. Бока болели, лицо горело. Все раны ожили, будто их обдали кипятком. В горле запершило, но это быстро прошло. Теперь он уже мог набирать воду в ладонь и пить более осторожно. И никак не мог остановиться. Медленно глотал пригоршню за пригоршней, пока не почувствовал, что наполнил желудок прохладой. Наконец Хью заставил себя отползти в сторону, уронил голову на руки и заснул.

Проснувшись, он снова напился и обмыл лицо. После этого осторожно приподнялся и стал осматривать следы, оставшиеся от лагеря. Вряд ли здесь останавливались ри, они бы добились раненого. Значит, майор со своими следопытами уже ушел на запад. Может быть, они ждали, что он поправится, пока не отчаялись или не испугались чего-то? Однако готовая могила и сам он, до сих пор живой, казалось, противоречили этому...

Или же... Как долго? Как долго он был без сознания? День? Два? Несколько? Может быть, в этом объяснение? Ждали-ждали, а потом были вынуждены уехать? И все же...

Хью пополз налево, к отпечаткам лошадиных копыт. Рассмотрел их глазами следопыта, потом подполз ближе и потрогал слежавшийся грунт пальцами.

Следы старые. Сухие. Несколько дней, понял он, прошло с тех пор, как отряд проехал на запад. Может, они оставили кого-нибудь приглядывать за ним? Вон небольшой навес из веток возле того места, где он лежал... Хью пополз туда, работая руками, отталкиваясь здоровой ногой. Да, здесь мог бы укрыться от непогоды наблюдатель.

Добравшись до навеса, он осмотрел все, что находилось под ним. Трава примята, земля продавлена с двух сторон. Здесь спали люди, возможно, не одну ночь. Плоский кусок коры, круглые отпечатки на нем, похожие на дно кружки... Хью представил, как Джеми сидит здесь, пьет чай, смотрит на него...

Один навес... Достаточно большой для Джеми и еще одного человека... Только один навес... Значит, остались, чтобы позаботиться о нем, а отряд отправился дальше. Ну конечно.

Но почему их нет здесь сейчас? Хью развернулся и пополз прочь от навеса, от того места, где он лежал, от

могилы с ее холмом. Еще раз осмотрел утоптанное место, где были привязаны лошади. Нет... следы старые. Вон там, возле молоденьких деревьев, где сочная трава, он сам привязал бы свою лошадь. Он пополз туда, то и дело останавливаясь передохнуть.

Следы... Он оказался прав. На этот раз более свежие. А вот и конский навоз, ему всего несколько часов.

Он вновь уронил голову на руки, стараясь нарисовать себе картину происходившего.

Отряд уехал несколько дней назад. Джеми и его товарищ — совсем недавно. Ждать, а потом вот так уехать... Почему?

Он приподнялся и осмотрел горизонт. Ничего. Снова пополз. Когда добрался до навеса, его всего трясло. Опять мучила жажда. Нужно было что-то делать, но для этого нужны были силы.

Хью заполз под навес и вытянулся. Когда проснулся, нога, лицо и бока болезненно пульсировали. И снова он не сразу понял, где находится. Невдалеке пела птица.

Хью долго лежал, вспоминая утреннее путешествие — визит к ручью, осмотр лагеря, найденные следы. Он внимательно прислушивался к миру. Никаких звуков, свидетельствующих о том, что кто-то вернулся или возвращается.

Хью приподнялся, подождал, пока пройдет дурнота, выполз из-под навеса. Передохнул, пополз, опять остановился, осматривая горизонт. Ничего.

Развернувшись, направился к ручью. На этот раз пил сдержанно, медленно глотая, пока не напился. После чего плеснул воды на лицо и промокнул рукавом. Холод вызвал шок, застучало в висках, хотя на этот раз тише. Хью повернулся и вновь посмотрел на лагерь.

Могло ли случиться так, что Джеми просто бросил его? Может, он просто устал от ожидания, когда его друг выкарабкается или умрет? Думал о майоре и его людях, которые все дальше и дальше удалялись на запад — при том, что путешествие, которое предстояло ему, с каждым часом становилось все более тяжелым и опасным — и, наконец, просто бросил старого Хью и пустился вдогонку? Ему не хотелось так думать, но все признаки указывали на это.

Хью понял, что, похоже, никто не собирается за ним возвращаться. Так ли это было на самом деле? Он решил, что не может позволить себе рассчитывать на иное, предполагать нужно было самое худшее.

Хью уронил голову на руки, и мощное рыдание сотрясло все тело. Как это ни горько, но друзья предали его.

— Джеми... — позвал он тихим всхлипывающим голосом.

При этом имени воспоминания нахлынули на него. Как он спас осиротевшего мальчика в день битвы, как учил его охотиться, как ветер играл его соломенными волосами, когда они мчались по прериям, как он смеялся...

Нет. Если Джеми и бросил его, на то должны были быть веские причины. Было что-то, чего он не смог разглядеть в следах. Они стали слишком близки, чтобы быть способными на подобную подлость.

Сейчас, однако, было более важно решить, что делать, ибо Хью понял, что рассчитывать приходится только на себя. Он мог настрелять дичи, развести огонь, укрыться под одеялом. Он должен прикинуть, как наилучшим образом использовать оставшиеся силы, чтобы продержаться как можно дольше.

Он попил еще. Стиснув зубы, затащил себя под навес. Пришло время пересчитать запасы.

Он тщетно искал свое ружье и под навесом, и там, где лежал, и вокруг земляного холма, и даже в яме. Его нигде не было. Потом обнаружил, что и ножа тоже нет. Обшарил карманы. Исчез и кремьен. Не было нигде одеяла.

Огонь, пища, укрытие... Ничего нет. Джеми забрал все. Устал ждать и уехал... забрав все. Саму жизнь. Все. Мальчишка оказался вором. Как глупо было заботиться о том, кого совсем не знаешь.

И вновь перед ним возник образ Джеми, на этот раз на лице его играла подленькая улыбка, такой он никогда раньше не замечал. Слеп... Как же он был слеп, не разглядел натуру мальчишки, его эгоизм, неблагодарность. Но теперь... Теперь он знает все, только что толку? Чувство обреченности повисло в воздухе, охватывая его так же неотвратимо и крепко, как то медвежье объятие, что сокрушило его. Ему доводилось видеть раненых животных, загнанных животных, животных, ожидавших смерти. Теперь он знал, о чем они думали в те последние минуты. О том, что, когда приходит твое время, ты остаешься один.

Хью выругался. Он все-таки не животное. Он — Хью Гласс, охотник. Умереть просто. Смерть всегда с тобой — иногда далеко, а иной раз, как сейчас, так близко, что ты чуешь ее запах.

Хью снова выругался. Предан волчонком, который вырыл ему могилу, лишил последней возможности выжить и бросил. Он стукнул кулаком по земле. Горький рев вырвался из груди, Хью еще раз ударил кулаком. Он найдет выход.

Успокоившись, охотник затих. Кровавые образы плясали перед закрытыми веками. Хью задремал, но пляска продолжилась во сне. Когда он проснулся, ярость осталась с ним, поселившись в груди тлеющим углем.

Хью поморгал, прочищая сознание, и поглядел на небо. Солнце приближалось к зениту.

Он пополз влево, к яме. Медленно, со стоном повернулся на бок, расстегнул брюки и помочился в могилу.



ПЯТЬ

КОЛЬТЕР

В предрассветных сумерках Кольтер молча смотрел на мальчика. Разглядел нож в чехле из перьев, висевший на поясе, рванулся вперед, схватил мальчика за ноги, дернул, повалил на землю. Застигнутый врасплох, парнишка тяжело ударился о землю и застонал.

Но прежде чем Кольтер успел извлечь выгоду из своей внезапной атаки, мальчик перекатился через левое плечо, вскочил на ноги, молниеносно выхватил нож и нанес резкий удар в область подбородка. Стальное лезвие скользнуло по кости челюсти. Теплый ручеек крови побежал по шее.

Мальчик был изумлен. Бог явно не был хорошим бойцом. Кровь, стекающая с подбородка... а, может, как говорят некоторые, Белобровый был человеком...

Снедаемый любопытством, мальчик наступал. Помахивая ножом с шутовским дружелюбием, он сделал несколько обманных выпадов перед животом Кольтера. Тот увернулся от ножа и сделал вид, что споткнулся, приняв облик сонного медведя, большого, неуклюжего и тяжелого на подъем. Мальчик клюнул на розыгрыш и с наивной беспечностью подошел ближе. Кольтер левой рукой схватил его за запястье и, резко качнув мальчишку, правой нанес мощный удар в переносицу. Мальчик выгнулся, голова свесилась на грудь, он захрипел, сложился пополам и упал на бок, зажав в левой руке пучок листьев. Выпавший нож блеснул в траве.

Кольтер подобрал его, зажал в зубах, бесшумно прошел между корягами, глубоко вдохнул и тихо скользнул в воду.

Языки пламени поползли по коже, проникая глубоко в тело. Невыносимый холод сковал мышцы, но ему было необходимо как можно дальше отплыть от лагеря черных. Мальчик скоро придет в себя и поднимет шум.

К тому же Кольтер заметил между соснами первые лучи рассвета. Он выплыл на быстрину и вздохнул с облегчением.

Река сама понесла его. Дрейфуя на спине, он увидел двух лосей на предрассветном водопое. Подняв морды, они с любопытством посмотрели на него. Течение было сильным, но Кольтер знал, что через милю оно разобьется на мелкие протоки между болотистыми островками, где селились бобры. Его план в том и состоял, чтобы проплыть эту милю и найти подходящее убежище в одной из обширных бобровых берлог.

Два года назад они с Поттсом ставили здесь капканы, и вот он уже начинал замечать обглоданные ольховые стволы, явные признаки бобровой деятельности. Джон усмехнулся, припомнив, как однажды они наблюдали за целой семьей бобров, неделями обгладывавшей одно и то же бревно. Это продолжалось почти все лето. Наконец Поттс подобрался и посмотрел, над чем же они трудились. Твердая, как гранит, окаменевшая древесина.

Кольтер подумал, что к этой минуте спящий лагерь уже наверное пробудился от криков мальчика, и разведчики бросились в погоню. Но он уже был близок к тому месту, где начинались бобровые дамбы и броды, целые акры набухшей от воды, ошетилившейся гниющим лесом местности, размытое тело болота. Человек не сможет ни войти туда, ни выйти, не оставив следов в грязи.

Если только он не умеет плавать, как бобер, и мыслить, как человек. Человек, которого обложили, преследуя...

Он будет идти по упавшим деревьям, где это возможно... путать следы, как лиса... ползти на животе по мелководью. Он знал кое-какие приемы. Но он знал и то, что черноногие их знают тоже.

И будучи искать его следы.

Каменное Лицо внимательно осмотрел место, где мальчик дрался с Кольтером. Он чувствовал запах белого человека — или думал, что чувствует. Прижимая нос к траве, он вынюхивал запах крови Белобрового.

Улыбнулся. И удовлетворенно кивнул. Указав на юг, он велел разведчикам идти туда, где вода теряется в ивах. Потом помотрел на солнце и вознес утреннюю молитву: «О Солнце, — пел он, — сделай нас храбрыми, сделай нас сильными. Подари нам этот день, чтобы мы прожили его в твою честь». Пыльцой камышей, что росли на болоте, он посыпал свой головной убор и то место, где капли крови

Кольтера окрасили траву. Затем кликнул своих людей, и они тронулись в путь, согреваемые первыми лучами восходящего солнца.

Джон Кольтер находился меньше чем в миле от преследователей. Вода была дьявольски холодной, мышцы начали деревенеть. Пора было выбираться на сушу, поросшую болотной травой, там он рассчитывал оставить глубокие вмятины, похожие на отпечатки лап медведя гризли. Это наверняка привлечет внимание индейцев — четкие следы, которые легко заметить и проследить.

Нужно будет постараться увести следы в сторону, поставить их раствориться в прозрачном воздухе. Джон вспомнил лицо мальчишки, его приоткрытый рот, изумленный взгляд при виде свалившегося с неба человека. Что бы он там ни подумал потом, нужно было развить зародившееся суеверие.

Камыши были выше роста человека и острые, как мечи. Почва под ними была топкая. Кое-где зыбучие пески подстерегали жертву. В густых камышах легко было спрятаться, и Кольтер остановился передохнуть, настороженно вслушиваясь. Утреннее солнце, пылая, коснулось его прикрытых век. Джон произнес свою молитву: «Господи, подари мне этот день».

Наконец он двинулся дальше, шумно ломая камыш. Топь старалась засосать ноги, но он шел достаточно быстро, чтобы дать ей такую возможность.

Спустя некоторое время камыш закончился и он очутился на поляне, поросшей низкой травой и осокой. Здесь и начиналось бобровое болото, обширная кочковатая пустошь, испещренная причудливой паутиной водянистых прогалин.

Вдруг впереди он увидел что-то большое, размыто отражавшееся в мутной воде. Подойдя поближе, Джон разглядел лося, увязшего в болоте. И давно уже мертвого. Мощные плечи и круп были начисто обглоданы хищниками и трупоедами. Кольтер услышал, как неподалеку в кустах ссорится стайка сорок, ожидая, когда человек уйдет.

Внезапно его осенила идея. Возможно, это и не спасет его шкуру, но поможет — если сделать все быстро — выиграть время. Ножом он попытался отрубить копыта мертвого лося. Зажимая нос от вони, перерубал сухожилия и кости. Гниение зашло настолько далеко, что копыта отделились гораздо легче, чем он ожидал. Отрезав копыта, Кольтер бросил их на траву, после чего взобрался на голову

лося, надавив всей тяжестью тела на рога мертвого животного. Череп треснул, выпустив облако зловония.

Джона едва не вырвало, он еле сдержался. Огромная рогатая голова и тело лося стали погружаться в трясину. Кольтер давил своим весом на мертвое животное, быстро исчезавшее в древнем иле, до тех пор пока даже кончики рогов не скрылись в болоте; после чего быстро перепрыгнула на зыбучий песок, и дальше — на травянистую кочку.

Заткнув нож за пояс, на котором держались остатки его штанов, Джон подобрал копыта и соскользнул в мелкую воду. Они смогут найти место, где он вошел, но вряд ли сумеют, он надеялся, определить, откуда вышел. Невдалеке виднелся островок высушенных солнцем серо-голубых со-сен. Джон двинулся туда.

Вода не достигала и фута глубины, и он скользил по ней на животе, не оставляя следов. Выбравшись на островок, Кольтер спрятался в сосновом молодняке и здесь вырезал четыре ремешка из остатков штанов. Затем крепко привязал задние копыта лося к подошвам ступней так, чтобы ноги его не касались грязи, когда он будет пробираться по болоту. Передние копыта он зажал в руках.

Он видел, как плоскоголовые танцуют олений танец, держа копыта подобным образом, и решил, что это может сработать, особенно в воде, при условии, правда, что следопыты не заметят утонувшего лося. Нет, в этом он был уверен, животное полностью погрузилось в зыбучие пески.

Каменное Лицо знал, куда направился Белобровый и знал наверняка, что этот человек будет делать, потому что сделал бы то же самое, спасая собственную жизнь. Кажущаяся безопасность болота манила.

— Он спрячется в бобровой норе, — сказал Каменное Лицо своим воинам.

Человек с сорочьими перьями в пучке волос возразил:

— Там много нор. Нам понадобятся дни, чтобы обшарить их.

Каменное Лицо улыбнулся. Он и сам думал об этом. Действительно, в Долине Вод было не меньше сотни больших бобровых домов. Конечно, они не смогут обыскать их все. Белобровый был умен, но...

— ...Он не полезет в большие норы, потому что там мы сможем легко найти его.

Он проникательно усмехнулся. Воины поняли, что Каменное Лицо отлично знает пути Белобрового.

— Он обязательно, — объявил он, — спрячется в маленькой труднодоступной норе. Их-то мы и подождем — сегодня вечером, когда он будет думать, что мы просто разбиваем лагерь. Горящие норы дадут достаточно света. Мы увидим его и схватим. Живого. И запомните, он — мой.

Воины вновь принялись искать следы Кольтера в болоте. Несложная работа, усмехнулся Каменное Лицо. Даже для раненого человека, пробирающегося в камышах, след был слишком заметным. Еще одна уловка Белобрового.

— Стойте! — приказал он, как только черноногие добрались до места, где затонул лось. — Это не тот путь, которым он шел... он хочет ввести нас в заблуждение. Он пришел сюда, затем вернулся обратно, прополз в камышах, как змея. Не будем терять время здесь, пойдем прямо к бобровым норам. Уверен, мы найдем его следы в черной прибрежной грязи.

Кольтер мысленно прикинул неровный шаг раненого лоса. Добавить к этому, решил он, какую-нибудь особенность, нарушающую равновесие. Например, задняя нога волочится и лишь касается земли.

В голове окончательно сложился хромающий танец смертельно раненного животного. Вжившись в него, наложив его на свое измученное тело, Джон словно слился с раненым лосем, который, хромя, отмерял последние метры жизни. Кольтер, пошатываясь, старался держаться мелкой воды, где следы будут немного размытыми, и сильно вдавливал руки и ноги в грязь, не забывая и про сломанную заднюю, которая, касаясь земли, оставляла едва заметный волочащийся след. Добравшись наконец до глубокой части озера, он подплыл к входу в бобровый домик и засунул копыта в туннель, ведущий к норе. Джон надеялся, черноногие решат, что животное поплыло к другому берегу. И не найдут никаких признаков того, что здесь прошел человек на двух ногах.

До сих пор ему везло. Но вот он услышал звенящие в соснах голоса. Они были близко, очень близко. Кольтер наметил цель: самую большую нору на озере, и поплыл под водой к тому месту, где, по его расчетам, начинался туннель, ведущий внутрь. У большой норы должен быть длинный и хитрый лаз, а сама она представляет собой настоящую крепость.

Кольтер нашел на берегу отверстие, укрытое папоротником. Бобровый дом находился футах в 25 от берега и, судя

по размерам, представлял собой сорокафутовую пещеру с высоким потолком. Кольтер просунул голову и плечи в туннель шириной в двадцать пять дюймов и начал протискиваться. Наполовину заполненный водой, туннель причудливо петлял под илом. Извиваясь, как змея, Кольтер с трудом продвигался вперед. Воздуха хватало, достаточно было просто выгнуть шею и вздохнуть, наподобие черепахи. Изгибаясь то в одну сторону, то в другую он медленно, но верно приближался к цели. Наконец свежий воздух дал понять, что вход в нору совсем рядом.

И тут плечи Кольтера застряли в узком лазе. Он отполз назад, развернулся ногами вперед, сделал глубокий вдох и предпринял еще одну попытку. Теперь он пытался ввинтиться в нору, пятясь задом.

И опять узкий лаз не пустил его в заветную прохладу норы. Кольтер посетовал на свою широкую кость. Но выбора не было. Он уже едва мог дышать, туннель теперь был почти полностью заполнен водой, и она все прибывала, угрожая затопить его.

Неужели это конец? Туннель, ведущий в ад... Кольтер рванулся еще раз, напрягая истощенные мышцы, и сумел протолкнуть ноги, которые свободно повисли в норе. Этот рывок выдавил остатки воздуха из его груди. Все прибывающая вода полностью заполнила туннель, размыв узкий лаз. Сделав последнее отчаянное усилие, Кольтер ввалился в спасительную пустоту. Сладкий животворящий воздух ворвался в легкие. Боже, какое блаженство.

Джон долго лежал неподвижно, ощущая, как поднимается и опускается грудь, прислушиваясь к биению сердца. Других звуков не было. Спустя некоторое время бешеные толчки крови утихли. Но Кольтер продолжал в изнеможении упиваться воздухом, насыщенным кислородом. Где-то снаружи, при ярком солнце, раздался утрюмый крик выпи. Вдалеке откликнулся болотный ястреб. Кольтер даже не пытался шевелиться. Силы покинули его, и он просто лежал на полу норы, пытаясь собраться с мыслями. Но в голове было пусто.

Ему нужна была пища — и немедленно. Он чувствовал себя слабым и больным. Сердце теперь билось ровнее, но то и дело сбивалось с ритма, пропускало удар-два, а потом бежало куда-то, словно расшалившийся ребенок. Все тело покалывало.

— Не останавливайся, только не сейчас, пожалуйста, — молитвенно шептал он.

Снаружи неслись какие-то звуки. Правда, человеческих голосов до сих пор слышно не было, и Джон провалился в сон без сновидений, похожий на смерть. Пока он спал, ничто, кроме привычных болотных звуков, не нарушило его сон: словно куры, кудахтали древесные жабы, фыркали и трещали леопардовые лягушки. Изредка доносился звук рвущейся о гвоздь ткани — это лягушки-щуки подавали голоса. И время от времени этот гомон перекрывал бас лягушки-вола.

Кольтер проснулся, когда наступил вечер — хотя он и не мог знать этого наверняка в крошечной тьме пещеры. Его единственной мыслью была благодарность судьбе, что он еще жив. Однако каким-то чутьем он чуял, что преследователи где-то рядом. Точно сказать, как долго он спал, Кольтер не мог, но суставы затекли, и теперь болезненная дрожь охватила все тело. В горле пересохло и глотать было больно.

Перевернувшись на живот, Джон просунул голову в туннель и напился воды. Она была неплоха на вкус, холодная и чуть-чуть отдавала мхом. Он пил долго, стараясь с каждым глотком выгонять из себя лихорадку. Потом отполз в глубину пещеры и сел. Было холодно и сыро.

Кольтер припомнил кое-что о бобрах и об их повадках. Любопытные твари, во многом похожие на людей. Дома они строили так, что была отдельная нора, где они укрывались от непогоды, и отдельное помещение для хранения запасов, некое подобие кухни или кладовой, обычно рядом с основной норой. Спали они на особых полатах, и никогда на сыром полу норы. Пошарив в темноте, Кольтер нащупал их, где-то на высоте дюймов пятнадцати над полом. Полати были покрыты свежими полосками ольховой коры. Да будут благословенны эти маленькие запасливые хозяева, подумал он, заползая на полати и зарываясь в подстилку. Спустя несколько минут Джон почувствовал, что согрелся. Мозги снова заработали.

Как же индейцы называют бобра?

Амик.

Он попробовал слово на язык. Амик, поблагодарил он, спасибо за то, что согрел меня. Затем, спохватившись, воздал хвалу Богу за то, что сохранил ему жизнь.

Надолго ли? Неотвязный томительный страх охватил его. В мозгу возникали и расплывались туманные образы. Большой мертвый лось выпрыгнул из топи, встряхнулся. Огромный бобер, раза в два больше самой норы, выплыл из воды с лилией в зубах. Кольтер сжался до размеров муравья

и упал в свистящий водоворот. Кружась в нем, он опять потерял сознание.

А когда очнулся, в голове была только одна мысль. Еда. Нужно было хоть что-нибудь съесть. Он вспомнил бобровые кладовые, которые им с Поттсом случалось разрывать. Животные были вегетарианцами. Но наряду с несъедобной осокой в их нехитрый рацион входили и съедобные ягоды. Кольтер начал шарить в темноте, передвигаясь на четвереньках, в поисках отверстия, которое, как он предполагал, могло вести в кладовую.

Нора была огромной. Продвигаясь на четвереньках по периметру, он размышлял о жизни бобров, об их каналах, запрудах, дамбах, поражаясь их умению строить норы из земли и бревен со стенами толщиной в четыре фута, с валами, укрепленными осиной, ольхой и ивой. Пищи они запасали множество, воды у них всегда было в достатке; в общем, жили они так, что и человек позавидовал бы. А человек, помимо койотов, диких котов и росомых, был их злейшим врагом. Только теперь, укрывшись за стенами бобровой норы, Кольтер вспомнил, у скольких трудолюбивых и добрых зверьков отнял он жизнь. Однажды утром он в одиночку отловил девяносто шесть бобров. А теперь его жизнь стоила меньше, чем жизнь любого из них. Весьма неприятное чувство.

Шаря по стенам руками, он наконец нащупал отверстие. Возможно, другой выход. Он пополз туда, его широкие плечи царапались о сужающиеся стены из земли и древесины. Ему удалось протиснуться в соседнее помещение. Вход в него был достаточно широким, возможно, для того, чтобы легче затаскивать туда запасы еды — ветки с листьями.

Похоже на столовую, подумал Джон. Так оно и было: обеденная нора. И, судя по всему, не пустая. Клацанье зубов ясно давало понять, что где-то рядом прятался бобер. Кольтер почти чувствовал тепло его тела. Вообще-то бобры животные миролюбивые и редко дерутся между собой и со своими врагами. Слишком они умны для этого. Но злить их не стоит. Кольтер пару раз был свидетелем того, как, рассвирепев, они бросаются на врага. Их мощные зубы рвут плоть, как бумагу.

Издав предупреждающее шипение, бобер попятился прочь от Кольтера. Джон закрыл руками лицо. Не имея возможности видеть в темноте, он был абсолютно беспомощен. Бобер защелкал зубами.

Только теперь Кольтер понял, что загораживает животному единственный выход из помещения. Он медленно

прижался к боковой стене норы. Послышался скрежет когтей перепончатых лап, и бобер выскользнул в большую нору. Кольтер, который еще быстрее отполз назад, уткнулся головой в кучу сваленных веток. Пошарил вокруг руками. Улыбнулся. Золотая жила. Бобровая столовая была к его услугам. Чего в ней только не было: масса еды — осока, ягоды, кувшинки, крапива, грибы, коровий пастернак, камыш, репейник, корни ириса.

Удовлетворенно вздохнув, он принялся выбирать из кучи ягоды. Ягоды были свежие, и он жадно отправлял их в рот, сок стекал по подбородку, раздражая ножевую рану. Съев все ягоды, Джон перешел на пастернак и грибы. В отличие от сладких сочных ягод, они были сухие и горьковатые. Специфический, почти мясной вкус напомнил ему о том, как он любил собирать большие золотисто-оранжевые лисички. Мухоморов и поганок в лесу было тоже без счета, но бобры, так же, как и Кольтер, умели отличать съедобные. Запасенные бобрами грибы были вполне ничего, хотя и суховаты. Он продолжал набивать себе рот. Глотать было трудно, горло болело. Но спазмы в желудке начали проходить. Кольтер нашел настоящий деликатес — молодой побег королевского папоротника. Съел его. Среди травы и корней нашлось немного водяного кресса, совсем свежего. Пережевывая его, он почувствовал страшную жажду. На этот раз он напился до ломоты в зубах, ледяная вода успокоила разум и дух, облегчила боль в горле.

Поев, Кольтер ощутил усталость. Насытившись впервые за два дня, он решил не возвращаться в основную нору, попробовав устроиться здесь. Хотя в кладовой не было полатей, он отыскал небольшую возвышенность, отгороженную ольховыми палками, возможно, место, где спали бобрята, пока их матери занимались хозяйством. Кольтер укрылся мягкой корой и мгновенно уснул.

— Когда-то, — говорил Длинная Рука, сидя возле костра и жмурясь на пляшущее пламя, — всю эту местность населял бобровый народ. И ему пришлось строить эти плотины для защиты от посягательств Койота. Он делал свои дамбы из гор. Они делали свои из грязи и дерева. Но оказалось так, что они были лучшими строителями и победили. Бобер — священное существо, его нельзя дурачить. Поджигать норы — плохое дело, и когда-нибудь мы за это поплатимся. Это все, что я хотел сказать.

Огонь, скачущий по хвойной древесине в костре, громко затрещал, словно в подтверждение его слов. Воины кивнули,

сказав «Хай» в знак согласия. Бешеное пламя заплясало в глазах Каменного Лица. Для него не было другого пути. Они потратили целый день на поиски Белобрового, но нашли только размытые следы раненого лося. Белобровый опять сумел выбраться из леса, оставив их с носом.

— Тот, кого мы ищем, — сказал Каменное Лицо, — всего-навсего человек. Я видел его кровь, и она такая же красная, как наша.

— Пусть мальчик, Брат Енота, расскажет, что видел, — предложил один из мужчин.

Глаза воинов обратились на подростка. Мальчик облизнул губы и бессмысленно уставился на огонь. У него не было дара рассказчика, но, если они хотят, он скажет им то, что видел. Багровый кровоподтек на переносице указывал место, куда ударил Белобровый.

Он заговорил не как мальчик, но как муж:

— Как вы знаете, я видел того, кого называют Белобровым. Он сошел с небес и опустился на все четыре ноги. Он посмотрел мне в лицо. Я не мог смотреть на него долго, и потому не запомнил, как он выглядит.

Брат Енота следил, как молчаливый дымок поднимается в огромный дымоход ночи и смешивается с дымом от костров звездных людей.

— Его кровь, — продолжил он, — может, и похожа на нашу. Но говорят, что даже большие медведи на небесах роняют свою кровь на землю в это время года и делают листья красными.

— Белобровый — человек, и ничего более... — нахмурился Каменное Лицо.

Кое-кто закивал в знак согласия. Один или двое даже рассмеялись, но потом оглянулись через плечо в темноту.

— Время пришло, — объявил Каменное Лицо.

Воины встали на ноги и каждый взял по факелу.

— Ищите сначала маленькие норы, — сказал им Каменное лицо. — И если увидите Белобрового, кричите совой, чтобы я знал.

У костра остались только мальчик, Брат Енота, и старик, Длинная Рука. Остальные унесли в темноту свои огни.

Снаружи норы, в которой спал Джон Кольтер, теперь слышались другие, ночные, шумы. Где-то далеко раздавался чистый и холодный лай лисицы. Лягушачий концерт умолк. Как большое ворсистое одеяло, ночь легла на болото. Кольтер проснулся, прислушался. Доносился плеск воды, другие

звуки, которые он не мог определить. Он слушал, выпнув шею.

Потер руки ладонями и почувствовал твердую засохшую грязь. Ощупал лицо, грудь. Грязь обволакивала его, как темнота.

Это хорошо, меня нелегко будет разглядеть. Кольтер знал, что в потолке кладовой есть слабая точка, место, где бобры оставляют отверстие для вентиляции, идентичное дымоходам индейских вигвамов.

Нащупав нож, Кольтер встал на колени и воткнул лезвие в изогнутую куполообразную крышу кладовой. Он начал медленно прощупывать потолок, втыкая нож все глубже и глубже.

Вдруг раздался треск. Шаги. По крыше кладовой шел человек. Кольтер слышал над головой скрипучие шаги. Палки, укреплявшие крышу, начали ломаться и падать. Внезапно перед лицом Кольтера возникла чья-то нога. Он схватил ее и одним рывком сдернул человека вниз. Тот тяжело упал на пол.

Кольтер бросился на него с ножом. Но воин двигался быстро, и нож вонзился в ольховую загородку.

Человек ухватил Кольтера за шею, и оба принялись кататься по полу, рыча и обмениваясь ударами, стараясь провести смертельный захват. Кольтер потерял нож; он был где-то под ними.

Возникшее из ниоткуда колено ударило Кольтера по голове. В глазах полыхнули яркие искры. Он тяжело упал. Руки воина все туже сжимали шею. Отплевываясь, Кольтер шарил в темноте пальцами по голове противника, нащупал что-то мягкое, сильно потянул вниз.

Пучок волос, который он сжал в руке, дал ему шанс потроговаться за свою жизнь...

Теперь, как только человек начинал сильнее сжимать его горло, Кольтер тянул волосы назад, тянул и тянул до тех пор, пока не чувствовал, что захват слабеет. А однажды он изловчился и смог откинуть назад голову воина.

Темнота разразилась рычанием, голова задергалась, но вернулась обратно. Он снова потянул хвост волос, и вновь голова вернулась назад. Всякий раз Кольтер слышал щелканье позвонков, но человек, сомкнувший смертельный захват на его шее, не разжимал рук.

Они катались по норе, то и дело натываясь на отточенные бровными зубами острые колья. Вдруг Кольтер почувствовал, что раскаленный обруч соскользнул с шеи.

Живая удавка лопнула. Не теряя времени, он собрал все силы и тянул волосы до тех пор, пока неприятный треск не возвестил ему о том, что дело сделано.

Кольтер свалился за спиной у мертвеца. Из плеча индейца торчал потерянный нож, а на шее сбоку зияла круглая рана — несчастный напоролся на остро отточенный брововый колышек.

Времени оставалось только на то, чтобы улизнуть. Кольтер выкарабкался на крышу кладовой через отверстие, проломленное неосторожным воином. Ночь озарялась пламенем горящих брововых нор. Люди, как безумные, метались от одной норы к другой, стараясь поджечь все до последней.

Кольтер разглядел, что единственным путем отступления оставалась длинная дамба, которая вела к самой середине озера. Она начиналась всего в нескольких футах от него. Взобравшись на нее, он смог бы укрыться в болоте.

Наудачу прыгнув во тьму, он опустился прямо на дамбу, не поскользнулся и припустил вдоль нее к берегу. Вокруг засвистели стрелы. Он нырнул в заросли лиственниц как раз в тот момент, когда горящая стрела вонзилась в ствол позади него.

И снова Джон Кольтер бежал в погоне за собственной жизнью. Он продирался сквозь заросли, как насекомое рвется из паутины — коричневый, обмазанный засохшей грязью человек ковылял по болоту, наполненному воплями тех, кто жаждал его крови.

Он вырвался из густого ивняка и влетел прямо в круг света от костра. Вокруг никого не было. Еловое бревно, догорая, пузырилось смолой. Кольтер подошел к костру, окунул пальцы в горячую смолу и обмазал ею волосы.

Затем нагнул голову макушкой к огню. Прилипшие к черепу волосы зашевелились от маленьких голубых искр, пляшущих на голове.

Старик и мальчик, вернувшиеся к костру, увидели нечто поразительное. Коричневое тело, и круглая голова, светившаяся голубоватым звездным светом.



ШЕСТЬ ГЛАСС

Хью Гласс попил из ручья. В сероватых зарослях голубики нашел себе пищу, обобрав все ягоды, несмотря на горьковатый привкус. И снова пил, проталкивая в себя глоток за глотком, пока живот не раздулся и не начал булькать при каждом движении. Развернулся головой к югу, ибо на север раскинулся выжженный до черноты бассейн Малой Миссури. К югу же убегал небольшой ручей, вокруг которого рос мелкий кустарник. К тому же, двигаясь в этом направлении, он будет удаляться от ри. Хью прополз на длину собственного тела и немного передохнул.

До форта Кайова на Миссури было более ста миль. Пытаться проползти это расстояние — безумие. Тем не менее остановиться было равносильно смерти. Он прополз еще на длину тела и снова передохнул. И еще раз. Каждый раз, как силы возвращались, он тащил себя на несколько дюймов вперед. На юг. Ручей будет петлять, даже пересыхать местами, почва станет каменистой. Но иного выбора нет. Ждать бессмысленно, да и некого. Протащить свое тело немного, остановиться, отдышаться. Еще протащить. Нужно найти идеальный ритм для движения. Он найдет. Остановка. Вперед.

Волоча поврежденную ногу, он полз вперед, то подтягиваясь на локтях, то поднимаясь на всю длину вытянутых рук, пытаясь оттапливаться здоровой ногой. Когда он поднимался, болели ребра, когда опускался ниже, ломило спину. Сломанная нога волочилась, словно бревно. От этого тоже болела спина. Некоторое время спустя проснулась боль в сломанной ноге. Уже не мертвая, но все еще бесполезная, нога при движении давала о себе знать и тупой ноющей болью, и внезапными огненными схватками. Но тлел в нем

и другой огонь. Рожденный болью, он жег, затмевая протесты измученного тела, заставляя вонзаться локтями в землю, толкал вперед и назад, заставлял останавливаться, собирать силы и начинать все снова и снова. Он выжигал внутренности, полыхал перед глазами, рождая картины, которых Хью не хотел видеть...

...Вот он ворвался в сердце боя, размахивая ружьем, словно дубиной, выхватил мальчика, из рук нападавших. А вот шлепает его, поучая. А вот медведь, как человек, идет на задних лапах, чтобы задавить его в объятиях. На том самом поле, где он учил мальчишку держать ружье — правильно отставить локоть, выдохнуть и задержать дыхание. Солнце ерошит волосы мальчика, и яркий девиз реет на флаге. Вот зверь хватает его в смертельный зажим и дышит мускусом, медом, ягодами и гниением, а Джеми едет на коне впереди и смеется с пучком извивающихся змей в руках, и земля раскрывается, и стук копыт уходит во тьму и сырость...

Хью очнулся, рыча. Тут же поднялся и пополз дальше. Тени удлинлись, земля стала тверже, узловатые корни высывались из земли, затрудняя движение. Он спускался вниз, в ложе ручья. Трава цеплялась за одежду. Тростниковые заросли преградили путь.

Он подполз поближе и остановился, чтобы перевести дух и выбрать наилучший путь сквозь заросли. Он хотел добраться к воде до темноты, напиться, а утром начать все снова. Это казалось нелегким делом, хотя он чувствовал запах воды и мог слышать журчание, если лежал очень тихо.

Наметив маршрут, он двинулся дальше, и тут же множество хрупких пальцев вцепились в его одежду, впились в тело. Выбравшись из одного сплетения тростника, он попал в другое. А волочащаяся нога... Пронизывающая боль всякий раз давала знать, когда нога цеплялась за что-то.

Хрипло дыша и потя, Хью продирался сквозь заросли, часто отдыхал, атакуемый насекомыми, кашлял от пыли и цветочной пыльцы. К тому времени как он выбрался из тростника, стемнело. Остановившись, чтобы протереть глаза и восстановить дыхание, он почувствовал, что еще и похолодало.

Хью охватило чувство, близкое к отчаянию, когда он понял, что, не спустись он в низину, мог бы увидеть покинутый лагерь. Если бы там кто-то был, с ним можно было бы разговаривать, перекрикиваясь. Потратить целый день, чтобы проползти так мало...

Еще немного. Совсем немного. Сил почти не осталось, но вода была рядом. Казалось, это заняло целую вечность —

ползти дюйм за дюймом по этой неровной местности. И остановиться теперь, когда цель так близка. Нога стала болеть сильнее, и Хью полностью сосредоточился на дороге. Размеренно двигаясь, он взобрался на невысокий холмик и посмотрел вниз.

Вода. Уже видна. Последнее усилие, и вот он добрался до ручья, уронил голову в поток, почувствовал его прохладу, начал пить. Отпрянул, закашлявшись, снова попил, отдышался и пил, пил, пил.

Пока он преодолевал этот последний этап, стемнело окончательно. Хью немного отполз от воды и уронил голову на руки. Проснулось чувство голода. Но еще больше хотелось спать.

Ему слышалось, что птицы поют над его могилой. Во сне он лежал в той самой яме, там, в лагере, и земляной холм виднелся рядом. Друзья положили его туда. Он чувствовал прохладный ветерок и слышал пение птиц. Он пошевелился, вспоминая, и ярость ударила изнутри, придавая сил и заставляя подняться. Хью застонал, стиснул зубы. Он поднимется. Поднимется и тронется в путь. Проклятый Джеми сейчас где-то смеется над ним. Пусть смеется. Пока. Он найдет его. Он будет ползти. Как червь. А потом снова научится ходить и найдет того, кто бросил его здесь. Хью открыл глаза. Пение птиц, ветерок, солнце: утро.

Он собрался с силами, повернулся на левый бок и напился. Потом осмотрел местность при свете дня. Вокруг было много ягод, а еще попадались растения, чьи корни, как он знал, можно есть.

Снова в путь, за завтраком. Он собрал все корни, которые смог отыскать, набил ими карманы. Вряд ли ему удастся найти еще что-нибудь съедобное между Мораном и Великой. Вернувшись к ручью, он напился до отвала, передохнул несколько минут.

Затем отполз от воды и двинулся дальше. Он знал, что овраг будет становиться все глубже, шире, превратится в большое ущелье и наконец выведет его на широкую равнину. Где-то там, впереди, придется расстаться с ручьем, а, возможно, и с жизнью. Он пополз дальше, отдохнул, снова пополз. Неплохое начало дня в его-то состоянии.

Овраг извивался, камни царапали тело. Сильно досаждал ветер, забивая глаза и рот пылью. Пара ворон обратила на него внимание, но, решив, что он движется слишком быстро, пронеслась мимо. Хью взбирался на возвышения, переползал через острые каменные глыбы. Становилось все теплее, и первый пот выступил на лице. Он сплюнул и

продолжил путь, отмечая, как мелеет поток при каждом повышении местности. Наконец воды в ручье осталось так мало, что он решил напиться впрок.

Глотая воду, Хью снова думал о том, кто покинул его, обрек на это змеиное ползание, мучительные попытки выжить. Желудок его был пуст, но сердце переполнилось горькой пищей мести, способной поддержать силы, заставлявшей двигаться, чтобы вернуться и свести счеты.

Хью выбрался из илистой низины и продолжил путь. Ярость отвлекала разум от боли. Передвигаясь дюйм за дюймом вверх по холму, он проговаривал те слова, которые произнесет, когда настанет великий день расплаты. Снова и снова он повторял их, каждый раз немного меняя и видя при этом испуганное лицо того, кому были они адресованы, придумывал на ходу его жалкие возражения и готовил гневные ответы. Казалось, только это и поддерживало его силы.

Человека, который еле полз вдоль расширяющегося оврага, наполняла странная разновидность счастья — мечта о мщении. Но вдруг в одном из видений он слишком засмотрелся на лицо мальчика и решительно прогнал от себя эти мысли. На юг... Ползти, грызть корешки, дремать, просыпаться в липком поту, и ползти, ползти...

Овраг продолжал расширяться, голые края его поднимались все выше, вокруг ни воды, ни пищи. Хью взобрался вверх по склону, перевалил его, спустился с другой стороны, нога болела не переставая. Ладони перестали кровоточить, покрывшись мозолями. Израненное лицо нарывало, струпья лопались и кровоточили. Ребра болели.

Солнце приближалось к зениту. Он заметил, что усталость растворяет слабую боль. А солнце уже клонилось к горизонту, подгоняя его вперед и усиливая жажду. Сначала она давала знать о себе лишь периодически, но, по мере того как солнце спускалось все ниже, жажда захватывала все мысли, пока наконец не стала главенствующей. Наткнувшись на место с рыхлой землей, Хью принялся искать источник, и не нашел. Пытался копать руками, но ни единой капельки не выступило на стенах импровизированного колодца. Наконец, полубезумев, прижался губами к земле и попытался сосать ее. Сплюнув, разразился проклятиями: это было так похоже на его жизнь в течение последних дней — грязь и песок на зубах. Снова нахлынула ненависть. Наверх. Там вполне может быть вода. Жажда придавала скорость его движениям. Вверх, по грязи и камням, и вот еще одна

илистая поляна, похожая на ту, где он отдыхал. Но еще выше могло оказаться местечко получше, оно манило к себе.

Все больше влажных участков попадалось на пути, и это приводило его в неистовство. Солнце соскальзывало к закату, склоны ущелья стали быстро погружаться в тень. Облака уже порозовели, когда впереди что-то заблестело.

Да, это был пруд. Задышавшись, Хью рванулся к нему. Спокойная поверхность отражала ярко-синее небо.

Подобравшись ближе, он сунул голову в воду. Блаженство длилось всего мгновение. Он тут же отпрянул, отплевываясь. Какая горечь! Вода пробила себе путь через солончаки, и рот обожгло резкой горечью.

Он отполз в сторону и стащил рубашку через голову. Это оказалось несложно, несмотря на ноющие бока. С брюками будет посложнее из-за сломанной ноги. Хью расстегнул ремень и пуговицы, осторожно повернулся на спину, стискивая зубы от стреляющей боли. Сняв брюки с бедер, он сел и спустил их до колен. И впервые со дня схватки с медведем увидел правое бедро. Оно невероятно раздулось и побагровело. Смотреть на него было почти невыносимо. Хью нерешительно потрогал ногу. Ничего. Почти полностью онемела. Он нажал сильнее и закусил губу от ожившей вдруг боли. Пережидая, пока боль уляжется, он разглядывал ногу, прикидывая, как долго будет она заживать и доживет ли он до этого. Трудно было сказать, где внутри этой распухшей плоти кости лежали неправильно. Одно было ясно: тащить ее за собой, как тащит он, вряд ли будет способствовать заживлению. Хью покачал головой, спустил брюки дальше и медленно вытащил левую ногу.

Сделал небольшую паузу, затем, насколько смог, стащил вниз правую штанину. Где-то от середины икры и начались проблемы, поскольку верхняя часть ноги была неподвижна. Легче всего, решил он, наконец лечь на спину, поймать штанину левой ступней и так попытаться стащить ее. Но тут понял, что потом куда труднее будет надеть их обратно. И все же, поразмыслив, решил закончить дело. А потом долго отдыхал...

Хью вновь перевернулся на живот и медленно двинулся дальше. Ползти обнаженному по земле было непривычно. Не то чтобы неприятно, но непривычно, песок и камни скреблись о его тело, голое, как брюшко змеи.

Нетерпеливо подталкивая себя, он наконец добрался до воды и начал погружение в пруд. Слегка вздрагивал, чувствуя, как вода поднимается вдоль ног, туловища, охватывает руки. Это было похоже на соскальзывание в сон. Все

дальше и дальше, пока не погрузился полностью, не считая высоко поднятой головы. Ощутить ослабление земного притяжения, похожее на полет, после дней, когда земля так страшно тянула к себе... Он легко перевернулся на спину, глядя в небо. Можно ли впитывать воду кожей или это всего лишь бабушкины сказки? Неважно, решил он. Даже попробовать и то приятно.

Небо над ним продолжало темнеть, тьма сгущалась в ущелье, и вот пришла ночь, рассыпав звезды. Подул ветерок, но все тело, кроме головы, было скрыто от него. Пучки перистых облаков засветились от прячущихся за ними созвездий. Ветер начал шептать что-то в камнях, и через некоторое время Хью почувствовал тепло, а, может, просто кожа онемела. Звезды поплыли, словно ночь стекала куда-то, начали двоиться, расплываться, и глаза его закрылись.

Ему мнилось, что беды кончились, Джеми сидит рядом с ним у походного костра и слушает его историю о том, как он полз, о камнях и песке, хлебных корнях и ягодах, о схватке с медведем, о ночи, проведенной в отравленном пруду... Дымок вился вокруг лица Джеми...

Хью проснулся на рассвете, лежа на берегу пруда, куда непонятно как выполз ночью. Половина солнечного диска показалась над склоном ущелья слева от него. Он медленно вынырнул из сна, не желая больше ползти ни одного дюйма по этому проклятому пути, который он сам для себя придумал. Лучше ждать конца здесь, лежа в пруду, подремывая.

Солнце поднялось выше, и Хью снова залез в пруд. Искушавшись, принялся за долгую процедуру натягивания одежды, высохшей после ночной стирки. Покончив с этим, он пригладил руками бороду, волосы, перевернулся на живот и пополз прочь от пруда, направляясь наверх. Вокруг не слышалось ни единого звука, не считая тех, что производил он сам, и эха от них.

Теперь он полз без вчерашней маниакальной спешки, хотя жажда по-прежнему мучила. Дорога теперь вела все время вверх, и Хью неожиданно решил отказаться от намерения двигаться из последних сил, чего бы этого ни стоило. Сегодня он решил побереечь себя. Больше никаких бросков до полного изнеможения, до потери пульса. Сегодня он будет двигаться размеренно, периодически отдыхая, независимо от того, нуждается в передышке или нет.

Так он полз и отдыхал, полз и отдыхал, экономя силы. В полдень пообедал пригоршней корешков и вздремнул. Проснувшись, пополз дальше. Солнце плыло над ним. Когда

жажда сделалась невыносимой, он нашел гладкий камешек и стал сосать его на ходу.

Постепенно склоны ущелья стали более пологими. Появились виноградные лозы и кустарник. Наверху виднелись маленькие деревца и пятна травы.

Вдалеке среди лоз можно было разглядеть темные пятна, деревья росли гуще. Сначала он принял эти пятна за игру света и тени в листве. Но, остановившись передохнуть, присмотрелся повнимательнее, и радости не было конца.

Виноград! Горло конвульсивно сжалось, рот увлажнился. Пурпурный, сладкий... Повернувшись, Хью устремился к прохладным лозам. В мозгу возникла мысль о видениях умирающих — миражах, снах, желаниях. Он полз. Ягоды не расплывались, напротив, становились все более отчетливыми, как бы он ни моргал. Он тащил себя так же нетерпеливо, как к пруду, только теперь еще быстрее, на пределе возможностей, один лишь раз обессиленно растянувшись. Виноград. Да. Настоящее изобилие. Он не уйдет отсюда, поклялся он сам себе, пока не проглотит все до последней ягодки, пока их сок, освежая, не вошьется в вены его тела.

И вот они перед ним. Хью протянул руку, заметив, как она трясется. Но ягоды не исчезли, когда осторожно взял одну кисть и оторвал ее от лозы. Он ел, давил их во рту, упивался сладостью, глотал. Желудок в первый миг запротестовал резкой болезненной схваткой, словно испугался sproсноку. Но боль быстро прошла, и Хью глотал снова и снова, сорвав новую гроздь.

Он быстро разделался со второй, и потом с третьей, с четвертой. Он не останавливался в этом упоительном сборе урожая, пока наконец не обобрал все, до чего мог дотянуться. Тогда он переполз к другому кусту и продолжил. Покончив и с ним, передвинулся еще и тут вдруг что-то привлекло его внимание.

С ветвей растущих недалеко деревьев свисали маленькие красные фрукты, а некоторые уже упали на землю. Сливы, понял он, Боже, сливы. Он продолжил уничтожать виноград. А потом... Наевшись слив, можно продолжить путь с полным желудком. Конечно, если собрать те, что упали, или стрясти их с дерева.

Обрывая виноград, Хью почувствовал сытость. И ужасную вялость. Он растянулся на земле, отдыхая от перенапряжения. Опустил голову на руки, закрыл глаза.

Проснулся он, содрогаясь, сжав свои лапы-руки перед собой. Конец растаявшего сна стоял перед глазами: он

схватил Джеми и сжимал его горло. Юное лицо исказилось, порочное выражение исчезло, глаза широко раскрыты, неестественная краснота заливает щеки, лоб. Хью по-медвежьи сгорбился, намереваясь перекусить шею. И была в нем дикая радость, когда рычал он, стиснув зубы: «Вор! Предатель!» Губы Джеми шевелились, но слов разобрать было нельзя. Он вдруг понял, разжимая пальцы, что все еще чувствует эту радость, что будет очень здорово вот так стиснуть руки на горле и дать выход всем тем желаниям, которые владели им с самого момента пробуждения возле могилы, где юноша бросил его.

Не желая ни прогнать, ни смаковать эти мысли, он приподнялся и огляделся крутом, чувствуя себя гораздо сильнее, и это было лучшим чувством со времени того печального пробуждения. Тени уже удлинились. Он смотрел на виноградные лозы с умилением и любовью за ту неоценимую помощь, которую они оказали. Переключив внимание на сливовые деревья, Хью пополз к ним.

На полпути он остановился, разглядывая землю. Старый сухой, обсыпавшийся по краям отпечаток огромной лапы. Хью подполз ближе и рассмотрел его повнимательнее. Медведь. След достаточно старый, его мог оставить тот самый медведь, кормившийся тем же виноградом перед схваткой. Странное послание из тех дней, когда он был еще здоров и силен. Надо же было найти его здесь!

Хью покачал головой. Какие странные мысли... Он прополз мимо следа, приблизившись к деревьям. Сорвать фрукты, висящие на ветвях, было невозможно, но множество валялось на земле. Их он и собирал, тщательно пережевывая и выплевывая косточки. Чуть дальше, слева, лежала обломившаяся ветка, на нее он возлагал большие надежды.

Съев все упавшие плоды, Хью подполз к стволу и несколько раз толкнул. Дерево закачалось, листья затрепетали. Три сливы упали на землю. Он подобрал их и съел. Потом размахнулся веткой и сбил еще несколько. Съел и их. Когда уже ничего нельзя было сделать, отполз к другому дереву, повторил все сначала: собрал упавшие, потряс ствол, сбил. В какой-то момент он вдруг осознал, что сыт. И все же решил не уходить отсюда, пока не съест все, что сможет добыть. У последнего дерева он просто собрал в кучку упавшие сливы, добавил к ним те, что удалось стрясти или сбить. Решил отдохнуть от своих подвигов и задремал.

Проснувшись, уже без всяких воспоминаний о сновидениях, долго лежал, вдыхая запах травы, фруктов, земли.

Почувствовав себя достаточно крепким, чтобы двигаться дальше, потянулся, почесал зудящие места, помассировал правое бедро над переломом, где кожа начинала обретать чувствительность. Потом съел заготовленные сливы и бросил палку в крону дерева. Сбил еще парочку. Бросил палку еще раз, и она повисла, зацепившись за ветки, высоко над головой. Хью несколько раз толкнул ствол, но безуспешно. Похоже, щедрость этого места была исчерпана.

Он съел две последние сливы, стараясь насладиться их вкусом. Из-за сытости удовольствие было несравнимо с тем, что вызвали первые съеденные ягоды.

Сама мысль о том, чтобы покинуть это благословенное место, вызывала содрогание, и Хью решил еще немного отдохнуть и опять задремал, а солнце за время сна завершило свои дневные труды, и тени превратились в ночной мрак. Проснувшись и увидев, что наступила ночь, он повернулся и пополз вверх по холмистому склону, туда, где ущелье переходило в равнину.

Он полз в темноте, в полной мере оценив достоинства путешествия по ночной прохладе. Лучше, решил Хью, карабкаясь по склону, передвигаться ночью и отдыхать днем. Не потя под жарким солнцем, можно свести до минимума потерю влаги. А ориентироваться по звездам было ничуть не сложнее, чем по небесному маршруту раскаленного шара. Что касается равнины, то она только накаляется в течение дня...

Так он и полз по склону, регулярно отдыхая и наблюдая по вновь и вновь открывающимся звездам за приближением края обрыва, как вдруг заметил, что начал торопиться. Когда же наконец Хью добрался до края, он уронил голову, тяжело дыша, и отметил эту свою небольшую, но такую важную победу. Он подождал, пока восстановится дыхание, уменьшится дрожь в руках и стихнет боль в ноге, и двинулся дальше, теперь уже по равнине под высоким небом — два фута, четыре, шесть, десять.

Поднял голову, прикидывая направление. Большая Медведица висела справа, посередине между зенитом и горизонтом. Он пополз вперед, миновав полосу острых камней, повернул налево, оставив север за спиной. Хью знал, что равнина тянется на десятки миль. В слабом свете звезд она казалась бесконечной. А та темная масса, загораживавшая звезды, далеко-далеко впереди — гряда холмов, к ней и лежал его путь.

Голая земля сменилась травой, которая становилась все гуще и гуще, издавая под волочащейся сломанной ногой

звуки, похожие на вздохи. Где-то далеко в ночи слышался вой койота.

По мере того как Хью удалялся от устья ущелья, он чувствовал, что словно освобождается, вырывается из земли, в глубине которой так долго плутал; избавляется от ее притяжения, с которым боролся, взбираясь по бесконечным склонам. Корни и тростник больше не пытались, опутав, поймать его. Травы скользили под ним, облегчая путь, мягкие бугорки не шли ни в какое сравнение со скалами, через которые приходилось перелезать там, внизу. Эта открытая ночь была чище, в ней не чувствовалось понижающей сырости, не способной утолить жажды. По равнине движение пошло быстрее, время от времени он просто хватался руками за крепкую траву и подтягивался. Теперь Хью чувствовал, что в состоянии приблизить тот день, чем бы он ни стал — днем собственного конца или днем отщепенца. Неважно, он спешил теперь к ней, к этой темной массе, лежащей посреди равнины, и ветер пел в ушах, и звезды танцевали свой неподвижный танец, а чистый воздух вливался в легкие. Движения стали более плавными, интервалы между привалами увеличились. В руки возвращалось что-то похожее на прежнюю силу; даже боль в грудной клетке заметно ослабла, так что теперь, когда у него внезапно вырывался короткий радостный смешок, это уже не причиняло неприятностей.

Через некоторое время движения приобрели гипнотическую размеренность. Всевозможные неожиданные препятствия вызвали испуг, словно пробуждая ото сна; однажды на привале он задремал, и ему приснилось, что он ползет. Все слилось воедино. Осталось одно: движение любой ценой.

Взошла луна и разлила по равнине свое сияние. Травы и кустарники засеребрились. Отчетливо проступили контуры холмистой гряды. Хью слегка скорректировал курс. Теперь его сопровождали тени; собственная тень ползла немного впереди, словно темный дух, который тащил его за собой. Хью загадал, что не умрет, пока не преодолеет пространство, занимаемое тенью.

Так он и полз вслед за тенью, то впадая в сон, то выныривая. Порой ему грезилось, что он ползет через солнечные поляны, и над ним склоняются цветы. Он даже чувствовал их запах, доносимый легким весенним ветерком. словно он дома, опять стал ребенком и ползает среди цветов, играя в оленью охоту или войну.

Тень уменьшалась, а луна катилась по небу, меняя очертания гряды. Он полз, временами отдыхая. Травы щекотали лицо. Крик койота, казалось, доносился из другого мира. Однажды перепуганный кролик метнулся из травы совсем рядом, вернув его разум в тело из каких-то неведомых далей. И вот луна оказалась прямо над головой, тени спрятались; луна перекатилась вправо, словно фонарь позади невидимого фургона. Теперь весь мозг Хью заполнила луна, даже когда он спал. Она придвинулась ближе к возвышенности, снова преобразив ее неподвижное бытие; теперь гряда превратилась в пень огромного дерева, а сам он — в ствол и крону, которые жаждали воссоединения. Он полз и страстно хотел стать единым целым, срастись с поврежденной конечностью, которая бессильно моталась сзади. Порой же ему казалось, что нога преследует его, будто какое-то злобное нечто схватило его и тянет назад. Тогда Хью что-то бормотал, уговаривая отпустить и не соваться в его дела, проклиная. Луна продолжала путь на запад. Он почувствовал, что тень тянет его влево. Но и возвышенность манила. Он смотрел на нее, взывал к ней, чувствовал ее, как могла чувствовать его жалкая, волочащаяся нога, мечтающая срастись с телом. Хью извинился перед ногой. И снова взывал к возвышенности. Прямо перед ним из травы вспорхнула пара птиц, и Хью рухнул на землю, задыхаясь. «Вернись...» — взмолился он и вернулся к себе. Понял, что хочет пить. Немного пососал траву, и снова пополз, медленно, останавливаясь после каждого броска вперед, чтобы полизать травинки. Ему стало казаться, что он свернул с утоптанной, гладкой тропинки. Постепенно влажный вкус травы смягчил сухость в горле. Луна коснулась горизонта, который стал отрезать от нее по кусочку всякий раз, как Хью поднимал голову, пока она не исчезла совсем.

И вот на востоке вспыхнул частокол лучей. Звезды начали исчезать целыми полянами. Снова вернулась ненависть. Хью почувствовал, как она согревает его внутренности, и продолжил движение, несмотря на данное себе слово отдыхать днем. Джеми теперь будет этой грядой, и он доберется до него. Он тащил себя вперед, закусив губу, пока не почувствовал вкус собственной крови.

СЕМЬ

КОЛЬТЕР

Кольтер схватил лежавшее у костра мягкое шерстяное одеяло и, вращая его над головой, вломился в заросли папоротника, оставив индейцев стоять с разинутыми ртами. Продравшись сквозь живую преграду, он рухнул на землю и сунул голову в болотную грязь. Ил и смола спасли кожу на черепе. Ухмыляясь, он представил себя со стороны — огненные кудри на лысой разбойничьей башке. Мальчик и старик не скоро позабудут подобное зрелище. Джон вновь погрузил голову в болотную жижу, которая расплзалась под руками, словно овечья шерсть. Нежная кожа на лбу показала ему, что он не совсем прав — в безумии побега он просто не почувствовал ожога. Теперь, осторожно касаясь лба, Джон нащупал вздувшийся рубец.

«Добавим и это в счет, — прорычал он. И двинулся через густые заросли, повторяя: — А все-таки я еще жив».

Оставалось только одно: выбраться из Развилки. Сделать это можно было только одним способом: взобраться по скалам.

Джон знал эту местность, как свои пять пальцев. Все отроги на юго-восток были ему знакомы. За болотами начинались безлесные равнины, травянистые холмы, они как-то дневали там с Поттсом, смакуя бобровый хвост, сочный, жирный бобровый хвост. При этом воспоминании рот наполнился слюной. Дальше на юго-восток поднимались холмы с пещерами, которые кроу прозвали Голубыми Бусинами, а они с Поттсом переименовали в Каменоломни. В этих пещерах они вырезали себе по трубке из темно-синего камня, которого там было полно.

Наконец Джон взобрался на вершину освещенного звездами холма. Легкие жгло от пробежки вверх по склону.

Позади раздавались крики преследователей, среди неподвижных колонн сосен мелькали их факелы.

На шее висело скатанное одеяло. Джон развернул его, падорвал в двух местах, просунул в отверстия руки и обернул одеяло вокруг себя. Тело от быстрого бега покрылось потом, ветер неприятно покусывал. Сейчас, впервые с тех пор как вождь черноногих погнал его вдогонку за собственной жизнью, Кольтеру до боли захотелось, чтобы эта бешеная скачка наконец закончилась: хотелось просто лечь и не двигаться. Икры болели, словно с них содрали кожу, невыносимо ныли сухожилия. Ожоги, ушибы и ссадины нарывали, а те колючки, которые он не смог выдернуть, превратились в гноящиеся напоминания о его слабости. На теле не было живого места. Поврежденная нога, перегруженная сверх меры, горела, и Джон бессознательно прихрамывал, стараясь щадить ее.

Он вновь задумался: каковы же шансы выжить? Если повернуть лицом к индейцам, исход предугадать несложно. Вначале праздник в его честь, песни и славословия; а потом привяжут к дереву, разрежут живот, размотают кишки и обернут их вокруг его тела — яркой кровавой паутиной; затем отрежут ягодичы, поджарят и подадут ему же горячими. Джону не раз доводилось слышать леденящие кровь истории, одни из них были выдумками, другие — чистой правдой. Однажды он сам был свидетелем, как человеку отрубали конечности одну за другой, пока он не превратился в истекающее кровью бревно, привязанное к дереву. И человек этот кричал, не умолкая ни на минуту, пока ему не отрезали голову. И голова, еще не сознавая собственной смерти, продолжала безмолвно кричать, уходя в кровавое небытие.

Нет, если смерть — единственный выход, она настигнет его не в плену. Джон прокладывал себе путь через мелколесье, раздвигая локтями гибкие стволы. Местность начала полого подниматься, как бы предупреждая: кто осмелится пойти дальше, будет вынужден карабкаться вверх.

Вскоре лиственные деревья стали редеть, их вытесняли сосны, корни которых вонзались в железное подножие нагорья. Зелень оставалась позади, впереди лежали сероголубые скалы, залитые дрожащим светом звезд.

Кольтер направился к скале — узкой каменной башне, которую кроу называли Сердцем Горы. Где-то к югу от нее, за чащей и равниной, там, где земля вздымалась бурыми волнами, стоял форт... Сейчас, на бегу, он не мог припомнить его названия...

...Форт Мануэля Лизы, последний форпост «цивилизации», откуда он вышел два года назад. Был он тогда жизнерадостным и жадным, собираясь разбогатеть, торгуя мехами. Набить кошину, сдирая шкурки с бобров и сбывая их торговцам в Сент-Луисе, которые в свою очередь продавали их в Англию, чтобы славные английские денди могли фланировать по Ходдинг-лейн, одетые по последней моде: бобровая шляпа и бобровый воротник.

Подумав об этом, Джон сплюнул. Жадность, всепоглощающая жадность толкнула его на это. И теперь близился час расплаты.

Дальше он мог идти, только цепляясь за чахлые сосенки. Тропа, если это можно было назвать тропой, превратилась в разбитый скалистый склон, усыпанный плитами, которые падали вниз, как фарфоровые осколки, стоило только коснуться их. Выгибая спину, Джон цеплялся за корни сосен, подтягивался, упиравшись ногами. Так, ползком, он преодолел оползень и оказался наконец перед гладкой каменной стеной, взмывавшей в небо.

Не думать о падении, пробормотал он. Только вверх. Внизу, среди сосен, Джон увидел мелькающие факелы. Индейцы... неужели их ничто не остановит?

Каменное Лицо приказал своим людям остановиться.

— Передохнем здесь, — сказал он. — Дальше не пойдем.

— Упустим время, — возразил Брат Енота, тяжело дыша, — Белобровый поднимется к Бобровой Луне. Она подхватит его своими руками и будет смеяться над нами...

Несколько человек, уставших от погони и мечтающих о уюте своих вигвамов, засмеялись.

Остальные, поеживаясь от холода, молчали.

— Да, там живет Бобровая Луна, — согласился Каменное Лицо, — и, возможно, это она помогает Сихиде. Но вот кого он не ожидал встретить так скоро, это Снежного Старика. Он идет. Разве вы не слышите мягкую поступь его мокасин среди деревьев?

В это время Длинная Рука доковылял до места, где индейцы стали лагерем под пологом сосен у подножия длинного скалистого откоса.

Он с шумом втягивал воздух, длинные белые волосы рассыпались по плечам. В свете факелов он действительно напоминал Снежного Старика.

— Отдохни, дядя, — нараспев проговорил Каменное Лицо. — Присядь. Завтра мы решим, полезешь ты с нами или останешься здесь...

— Я дальше не пойду, — со свистом выдохнул старик. — И так далеко забрался. Ты верно говоришь. Мне пора отдохнуть, а Снежному Старiku пора дать отдых вам — там, где ваш дом. Я чувствую, как он натягивает свой большой тихий лук в воздухе. Скоро мы все услышим свист его стрел.

Все закивали, соглашаясь. Сырой, пробирающий до костей холод сковал приунывших мужчин, кусая пальцы на руках и ногах, измученных бесплодной охотой. Они воткнули факелы в землю по кругу, навалили сверху сухой древесины. И придвинулись ближе к пламени костра, заменившего им жен. Плешивая голова Сердца Горы нависала над ними, и они чувствовали, как холод дугой надвигается с севера.

Мир для Джона Кольтера сузился до одной-единственной скалы, он завоевывал ее дюйм за дюймом, дрожащими пальцами хватаясь за выступ, подтягиваясь, отыскивая новый выступ. Он никогда не увлекался скалолазанием, лишь однажды ему пришлось побывать в этих горах со стороны Солнечной Котловины, и Джон помнил, как взбирался, цепляясь за выступы, и каждый вдох мог стать последним.

Мерцание звезд и молочный свет затуманенной луны, предвещавшей ранний снег, давали достаточно света. Снизу слышались голоса и доносился сводивший с ума аромат жареного мяса. А Джон продолжал карабкаться, радуясь одеялу, которое спасало его от пронзительного ночного холода.

У него был шанс, крошечный шанс, если только снег выпадет до рассвета. Тогда он, если даже и не доберется до вершины горы, возможно, сумеет отыскать впадину, где сможет на время укрыться, переждать приближающуюся пургу. А снег осложнит условия игры как для преследуемого, так и для преследователей. Следует поторопиться и забраться как можно выше, чтобы на рассвете увидеть, как утренний ледок собьет черноногих с толку, а дневной снегопад лишит их решимости продолжать охоту.

Задача вполне по силам. Скала. Коварство обманчивого камня. Как-то, слишком торопливо ухватившись за выступ, Джон отломил кусок скалы. В другой раз, когда он из последних сил подтягивался вверх, маленькая белая сова испуганно сорвалась с насеста над самой его головой. Взбираясь дальше, он слышал мягко снижающееся взволнованное хлопанье крыльев. А потом вдруг что-то обрушилось вниз длинными плавными прыжками, напомнив о том, что

скала живет своей жизнью, видит сны и шевелится в каменной дремоте.

После нескольких часов утомительного подъема Джон приткнул колени в какую-то трещину, обвил руками крохотный каменный выступ и замер, имитируя отдых. Его жалкое, разбитое тело повисло, словно окорок на стальном крюке. Немного погодя дыхание стало более ровным, но сердце все так же с бульканьем бухало в ушах.

И все это время Кольтер твердил себе: «Я еще жив». И с наслаждением дышал, вися на скале. Спустя некоторое время, двинувшись дальше, он заметил на камне тонкую пленку воды. Дождь? Нет, больше похоже на маленький ручеек, струившийся с купола Сердца Горы. Губы Кольтера пересохли, растрескались. Когда он глотал, кадык торчком вставал в горле, перекрывая дыхание. Джон истекал потом, промерзая до костей. И он был болен, он чувствовал это. Но назад пути не было, только вверх.

Вверх. Это убийственное восхождение длилось всю морозную страшную ночь. И пока трясущееся в лихорадке тело продолжало свой немыслимый подъем, небо стало ронять предсказанные черноногими белые хлопья. Сначала в воздухе нехотя закружились несколько крупных снежинок. Потом все больше и больше. И вот они уже заполонили собой ночь, перекрыв обзор, заставив Джона вжаться в скалу и прильнуть щекой к камню.

Это было именно то, чего Кольтер желал, о чем молил небеса. Черноногие не смогут преследовать его в пургу, а пурга была неизбежна. Приближался рассвет, а он все еще цеплялся ногтями за еле различимые щели в жуткой плоскости, вертикально вонзавшейся в белизну снежного мира, где в вышине гора сливалась с ночью. Вниз, вниз манила пропасть, притягивая бесчисленные кружащиеся хлопья. Белое безмолвие поглотило его.

Скала вернула безумие, соблазняя, побуждая его к быстрым, нерасчетливым движениям. И вдруг подъем окончился. Цепляться стало не за что. Казалось, только его безумное сердце намертво приварило тело к скале. Ногти были обломаны и руки отказывались сжимать камень. Холод проник в кости, в самую душу.

Похоже, он достиг конца, места, откуда не возвращаются. Не было ни малейшей трещинки, за которую могли бы уцепиться его упрямые руки. Снег ослепил его, а скала искалечила. Машинально он повис, зацепившись за что-то — сам не зная за что...

Возможно, он повис на себе... Возможно, он в конце концов врос в камень... или кожа примерзла к скале? Очень похоже. Теперь он даже не пытался двигаться. Вокруг было только однообразное кружение белых мотыльков, и он в его сердце, ввинчиваясь в пространство...

Джон пришел в себя. Боже, он чуть не уснул. Чуть не соскользнул вниз. Как какая-нибудь слизь, слюна, стекающая по каменному лицу. Справа черная щель-губа. Он перетек к ней. Правая рука быстро скользнула внутрь, вцепилась намертво. Потом все тело, словно жидкость, стало просачиваться в щель, которая становилась шире по мере того, как он ввинчивался в нее.

Кости словно растаяли — и рука, плечо, голова буквально влились в расширяющееся отверстие. Он спасен. Щель в скале оказалась тем самым укрытием, которого он так ждал. Сердце Горы приняло его в свою колыбель. Он был слишком безумен, чтобы задавать вопросы судьбе. Свернувшись в кокон из украденного одеяла, Джон заснул.

Наступил рассвет, снег повалил гуще. Прекратился он только к середине утра. Стуча зубами, Кольтер очнулся от вязкого сна и снова встал перед выбором. Он провалился в щель, оказавшись на маленьком уступе, за которой открывался темный, похожий на воронку проход. Зачерпнув рукой немного снега, он с жадностью сосал его, смачивая распухшие губы и язык.

Талая вода была сладкой, но глотать Джон мог с трудом. Горло словно было полно битым стеклом. Когда он пытался глотать, заставляя мышцы делать свою работу, на глаза наворачивались слезы.

Стараясь не очень свешиваться, он выглянул наружу. Внизу все выглядело так же, как здесь, наверху — хлопья смерзшегося снега закручивались маленькими смерчами вокруг каменных уступов.

Джон улыбнулся с немой, болезненным удовлетворением. Они не полезут за ним в такую бурю. Спасибо тебе, Скала, поблагодарил он, пытаясь выгнать из себя лихорадку. Ничего не получалось. Что ж, подъем откладывается. Джон вздохнул, разглядывая свои распухшие исцарапанные суставы.

Даже в окоченевше-горячечном полубреду он понимал, что единственный путь — в воронку. Вылезти и карабкаться дальше вверх равносильно смерти. Отвесная скала покрылась льдом. Позади него же было хоть какое-то укрытие.

Джон осмотрел отверстие и увидел, что оно косо уходит вверх, во «внутренние покои» Сердца Горы. Так сказать, сердцевина Сердца...

Может, поэтому скалу так называли? Кольтер на четвереньках вполз в сумрак туннеля, который круто загибался вверх. Колени скользили по жухлым листьям и сухим веткам. Похоже, где-то наверху был выход на вершину нагорья, и мусор занес ветер. Через некоторое время, однако, угол наклона увеличился, а потом туннель и вовсе ушел вертикально вверх, превратившись в трубу.

Упершись спиной о стену с одной стороны каменного дупла, ногами — с другой, Джон принялся подниматься вверх. Тусклый свет серого неба отражался от уступа, где он спал, и словно подталкивал его, висевшего на плечах и пятках. Но чем выше он поднимался, тем темнее становилось в трубе. Остались лишь два слабых столбика света — один снизу, другой сверху. Труба уходила вертикально, словно дуло длинного ружья, нацеленного в солнце; а он был загнанной в него пулей. Только скорость отнюдь не та. Жалкое неуклюжее маневрирование: одно плечо вверх, потом второе, правая нога, левая.

Медленно поднимаясь вверх, Джон почувствовал, как возвращается старый знакомый страх. Кольтер не любил высоты. Странно, но казалось, что внизу труба была шире. Одно дело подниматься по крутой скале, поверхность которой всегда перед глазами, и совсем другое — висеть как распорка, глядя вниз в глотку худшего из кошмаров. Столб молочного света, сквозь который смутно прорисовывались заснеженные деревья в сотнях футах внизу. Мышцы живота дрожали от напряжения, пот стекал в пах, стягивая кожу вокруг яичек. Ужасно хотелось посмотреть вверх, но Джон не мог отвести глаз от ног.

Передвигая ноги одну за другой, медленно-медленно, сначала одну онемевшую вверх, затем другую, черт бы их побрал, можно было изредка глянуть вниз. А потом снова вжать спину в камень, поднять отмерзающую ступню, укрепить ее на противоположной стене, проделать то же с другой. Тишина, порхание белых хлопьев в трубе, зуд пота в паху. Давящая боль в яичках.

Вода началась с тонкой струйки, льющей на голову, потом она превратилась в неуверенный дождь и наконец у самой вершины трубы — в беспорядочный каскад. Ревущий поток тающего снега. Спиной вперед Джон вылез по пояс из трубы — и белый, слепящий свет ударил в глаза. Вода стекала с вершины нагорья и плескалась повсюду вокруг него. Светило солнце, пурга прекратилась. Джон Кольтер добрался до вершины Сердца Горы.

Напился из маленького бассейна, в котором собралась талая вода. От ледяного питья заломило затылок и зубы. Мышцы живота свело от перенапряжения. Лицо исказилось нервным тиком, болезненно дрожали икры. Солнце безжалостно било в глаза, и весь тот кусочек мира, который был виден с его смотровой площадки, превратился в белый сполох черного льда.

«Посмотри на своего несчастного раба, Сердце, — выговаривал Кольтер сквозь стиснутые губы. — Тело избито, разум помрачен, то, что осталось, не годится даже в пищу стервятникам. И все же я здесь, на вершине мира!»

Он говорил с горой возбужденно, как мужчина говорит с любовницей, в чьих объятиях провел долгие часы.

Попив еще воды, Джон окунул лицо в бассейн, открыл глаза, моргнул. Потом попытался встать, но не смог, снова рухнул на живот и лежал так в полном изнеможении.

«Я смогу, — бормотал он. — Спасибо, Сердце. Ты открыло мне путь — я останусь твоим слугой, но как червь уползу от твоей милости».

И он пополз по скользкой скале, похожий не столько на человека, сколько на кляксу, растекающуюся по поверхности камня. Горящие конечности ныли. Но мозг совсем размяк от усталости и не слышал мольбы тела. Наконец Джон добрался до последнего уступа и вскарабкался на него, подтягиваясь чуть ли не подбородком.

На вершине Сердца Горы выл ветер. Времени мешкать не было. Он закутался в одеяло, изорванное в клочья. Сухой снег крупинками плясал вокруг головы, словно дразня. В его глазах, пораженных снежной слепотой, плясали волны золотой воды. Джон сощурился и сквозь дымку увидел что-то черное, горбатое.

Слишком измученный, чтобы двигаться вперед, он скатал снежок, который уже не обжигал ладонь, и попытался бросить его в приближавшуюся темную фигуру.

Клыки в черных челюстях. Дыхание воняет рыбой. Существо обнюхало его с ног до головы, куснуло на пробу, чтобы проверить его состояние. Джон не шевелился, ничего не чувствуя. Нервные окончания отключились.

Кольтер был почти в обмороке. Последнее, что он увидел сквозь щели залепленных снегом век, была морда росوماхи, узкий сморщенный нос, оскал, глаза голодного зверя, жадные и жалкие одновременно.

В забытии Джону виделось, что зверь взвалил его на спину — мех щекотал лицо — и побежал, как то чудовище из легенд, которое индейцы называли Виндиго, прямо по ветру,

не оставляя следов; если не считать цепочки капелек крови. Он видел себя со стороны, но то был уже не совсем он. Всего лишь мешок с костями, мертвечина, мясо для зимних запасов.

Куда ты несешь это? — спросил Джон росомаху. Туда, где он хранил меха, ответила росомаха сквозь ветер. Ах... Он знал это место: тайник двухлетней давности. Да, росомаха отнесет это туда, сложит вместе с другой пищей, и будет медленно рвать зубами, растягивая на всю зиму.

Пусть будет так, ведь это мертво. Вдруг это превратилось в мальчика, которым было когда-то, мальчика из Стюартс Дрэфт. Он умел писать свое имя, на плече у него сидела сойка... и с ним были два двоюродных брата, братья Рэй. Они шли к Мериуэзеру Льюису в Мэйсвилл, Кентукки... «Так тебя прислал мистер Дэниел Бун», — изумленно воскликнул Льюис, которому он пришелся по нраву с первого взгляда, и тут же нанял его на службу сроком на тридцать пять месяцев и двадцать шесть дней за 179 долларов 33 1/3 цента, выдал двадцать ловушек, инструменты, двухгодичный запас боеприпасов, ножи, порох и топоры... где-то теперь все это добро?.. Джон увидел в тайнике четыре фунта пороха, шесть фунтов свинца, топор, сверло, напильник, кузнечные мехи, молотки, щипцы, муку, сушеные продукты, два бочонка свинины, шила, несколько медвежьих и бобровых шкур, рога барана-толсторога... Тайник был достаточно вместительным, чтобы хранить также вещи, вроде котелков и кастрюль. Вверху он был узкий и расширялся книзу, пол его был усыпан гравием, поверх которого уложена кора, на коре — слой сена, и, наконец, слой меха... Человек мог спрятаться в этом тайнике и жить до конца дней своих... Потом это видение заслонили берега, на которые человек должен был вскарабкаться, чтобы спасти свою жизнь, но илистые береговые откосы оказались слишком скользкими, и он скатился обратно в пенистые воды Миссури цвета кофе. Орудуя хвостом как рулем он полз на животе по жидкой грязи пока не добрался до глыб из песчаника обработанных дождем и ветром так что они превратились в причудливые парашюты статуи колонны вьедасталы и пирамиды с нишами и альковами по ним можно было подняться как по ступеням... в руках у него был ремешок из лосиной кожи а под мышкой миннатарийский мяч который он достал из пены на каменистом перекате... наконец он добрался до вершины через гальку грязь и песок через ольховые ветки и тополиные корни и через тысячу и один скелет бизонов увязших в илистой грязи берега куда

их пригнали миннатары и вот теперь этот бедняга — как-бишь-его-там — вынужден продираться сквозь лабиринт костей на самую вершину мира...

Росомаха оказалась хорошей хозяйкой, она носила длинное меховое платье и подавала черемуховый чай. Она не умела читать, но держала в доме много книг. В тайнике нашлись сальная лампа, окрасившая нору в золотистый свет, и кипы попорченных мышами книг, принадлежавших когда-то Мериуэзеру Льюису. Росомаха не умела читать сама, но любила интеллигентную атмосферу, которую создавали разбросанные тут и там раскрытые книги, и если, ступая по ним, она порой вырывала когтями пару страниц, это не могло быть истолковано как варварство.

Ночью огонек сальной лампы дрожал от ветра, проникавшего через дымовое отверстие. В медном котелке тлела смесь древесного угля с воском, время от времени она возгоралась, и тогда некое существо, вроде кролика, принималось готовить на огне еду. По земляной крыше барабанил град, создавая эффект цокота копыт. Однажды он видел, как градина попала человеку в глаз и убила его на месте. Росомаха, не обращая внимания на шум, угощала его бульоном из горностая и черемуховым чаем. Еще там был бизоний рог с пожелтевшей от времени запиской внутри. Нацарапанное на пергаменте послание Льюиса Кларку о размере москитов в этой местности. Они писали друг другу подобные записки и оставляли их где только можно, вложенными в рога животных, всякий раз, как им приходилось разлучаться. Здешные москиты, писал Льюис Кларку, больше кроликов и могут сожрать человека целиком, если не предпочтут выпить его кровь.

Мало-помалу Джон начал делиться с росомахой воспоминаниями об этих двух джентльменах. Изогнув губы, она посмеивается над его рассказами, иногда прыскавая самбуковым вином на манишку. Особенно ей нравилась история о том, как однажды Льюис, прячась в ивняке, случайно получил пулю в задницу. Позвав Крузата, своего товарища, который тоже прятался в кустах, Льюис с его помощью, хромя, бросился искать другое укрытие. При этом он держался рукой за раненую ягодицу и в конце концов, споткнувшись, совершенно неприлично шлепнулся, расквашив нос.

Росомаха, слушая, выла от радости, показывая полный набор черных зубов. Затем, нахотавшись, стала носиться по убежищу, вырывая страницы книг своими неестественно длинными когтями, стараясь наложить компресс из дикого

лука на распухшие гланды своего гостя. Она обмывала его губкой из мха, смоченной в чае, и движения ее были бы нежными, словно у любящей женщины, если бы время от времени острый коготь не царапал кожу до крови.

Когда Джон пришел в себя, буря улеглась. Он сел и очень удивился, обнаружив за спиной удобное ложе из ивовых прутьев, покрытое бобровыми шкурами. Да, он отлично помнил это укрытие, которое они соорудили вместе с Поттсом. На Кольтере была рубашка из оленьей кожи и кожаные штаны. Его собственная кожа знакомо пахла; кто-то натер его смесью толченой пропаренной зимолюбки и медвежьего сала. Во рту был привкус рыбы.

Вспомнив про черемуховый чай, черный потогонный отвар для лечения лихорадки, он нашел рядом с ложем чашку из коры. Кто-то... но кто же?... счел нужным... но как?

В тайнике было сравнительно тепло. Все имущество, за исключением металлических предметов, было почти полностью съедено грызунами. От пары, работы индейцев кроу, подтяжек из змеиной кожи остались тонкие шнурки, свисающие с кованой треноги. Через дымовое отверстие просачивался скудный свет. Всюду из земляных стен торчали безобразные корни; казалось, своими щупальцами они опутывали весь тайник.

Джон шарил глазами по старому тайнику в поисках предметов, которые могли бы оказаться ему полезными. К сожалению, их осталось немного. В самом темном углу виднелся маленький круглый челнок, который они с Поттсом соорудили из гибких ивовых прутьев и лосиных шкур. То, что не успели съесть грызуны, было похоже на крылья: два куска кожи, которые человек мог бы приладить к рукам, если бы захотел вдруг стать летучей мышью.

Джон Кольтер, задумчиво произнес он. Из всей собственности у него осталось только имя.

Но он был жив. Кто бы мог в это поверить? Только не Поттс. Возможно, Льюис. Да еще Мануэль Лиза. Его праздные размышления были прерваны более насущным вопросом: кто, Бога ради, принес его сюда? Кто притащил его сюда сквозь пургу, спрятал здесь, заботился о нем? Он с отвращением вспомнил образ животного — твари, похожей на волка, — которое во сне было его нянькой. Забавно.

Джон огляделся. Крыша тайника была прямо над головой. Если это не животное, то очень маленький человек. Может, мальчик. Да, именно так. Словно вспышка света,

пришло озарение: мальчик, такой же, каким он был когда-то; мальчик в шапке из головы росوماхи, закутанный в шкуру росوماхи.

Мальчик... вот оно что. Память возвращалась к нему быстро тающими обрывками, похожими на маленькие соленые бисквиты.

Под маской росوماхи скрывался мальчик... еще одно озарение — тот самый мальчик, на которого он наткнулся тогда на берегу, мальчик, которого он так безжалостно ударил, теперь каким-то образом вернул его к жизни! Как случилось, что его жалкое, беспомощное тело было найдено на вершине Сердца Горы, — этого он уже не узнает никогда, но мальчик спас его жизнь, и это было так же верно, как и то, что он жив.



ВОСЕМЬ

ГЛАСС

Хью проснулся еще при ярком солнечном свете. Он и сам не помнил, как растянулся и заснул. Ночное путешествие осталось в памяти путаницей снов наяву, неловких движений и неясных эмоций. Теперь солнце висело низко на западе, окрашивая края облаков красным и розовым. Хью протер глаза, осторожно потрогал струпы на лице, повернулся и поискал глазами нагорье. Половина его теперь была красноватой, словно с западных склонов стекал кровавый водопад.

Он сделал пробное движение вперед, но горло перехватила судорога. Сухо. Больше чем сухо. Словно короста. Он попытался набрать слюны, чтобы смочить горло, словно облепленное песком. Ничего не вышло. Он вырвал пучок травы, сунул в рот и жевал, жевал. Бесполезно. Трава была такой же сухой, как горло. Он выплюнул ее, нацелился на холмы и пополз.

Нога волочилась сзади, словно бревно. Солнце сползло с небосклона. Хью поймал себя на том, что слишком часто отдыхает, и увеличил время движения между привалами.

В голове застучали молоточки. Потом крики койота стали болезненно отдаваться в висках, за бровями. Навалилась страшная апатия, конечности налились свинцом, движения замедлились. В следующий раз, остановившись передохнуть, Хью заснул. Ему казалось, что он проспал совсем немного, но, когда открыл глаза, вокруг было абсолютно темно, а болезненное буханье в голове превратилось в тупую боль. Рот и горло были как обожженные.

Он пополз дальше, не вдаваясь в размышления. Процесс движения уже не зависел от его воли. Позже Хью подумал, что это, наверное, вошло в привычку, и разум уже не был нужен, а потому его можно смело отпустить в свободное плавание по морю мыслей, в то время как плоть, в которой он жил, будет сжиматься и расслабляться, двигаясь сама по себе, чем она занимается вот уже многие века по всей Земле.

...Хью идет вдоль прохладного потока в тени фруктовых деревьев. Став на колени, опускает в воду руки, подносит их к лицу. Чувствует прохладу воды на щеках. В траве лежат красные яблоки. Рука тянется к яблоку, вот он поднял его, откусил...

Трава... Хью полз по траве и нагорью, зрение его помутилось, жажда осталась неутоленной. Не только горло, но и живот, все тело молило о воде. Он лизал травинки, но они еще не набрали росы. Возможно, он обрезал язык, но не почувствовал боли, тот совсем онемел.

Запах яблоневого сада долго преследовал его вместе с воспоминанием о воде, плещущейся у лица. Хью возвращался к этим мыслям снова и снова, пробуя их на вкус.

Немного погодя он залез в карман, где оставалось несколько хлебных корней. Жевать их было мукой, глотать — еще тяжелее, они болезненно застревали в горле. Но ведь какая-то влага в них должна была сохраниться и просочиться в организм.

...А нагорье — иногда оно было далеко впереди, иногда придвигалось совсем близко — приняло теперь голубой оттенок, словно по склонам стекала вода, рассыпаясь каскадами, стараясь оросить всю долину. Скоро ли ее прохладные волны докатятся до него? Прекрасно сознавая, что это обман, Хью лелеяла нахлынувшие ощущения хотя бы за то, что они отвлекали, принося призрачное облегчение.

Ненависть, так же, как и движение, перестала быть сознательным актом. Она плыла вместе с ним, независимый продукт его воли. Она была содержанием всего, что делал, видел, о чем думал, мечтал, она стала окружающей его действительностью. Возможно, она и была тем движением, той силой, что толкала его конечности снова и снова по направлению к изменчивому и вместе с тем удивительно постоянному каменному монолиту. Звезды скрылись за облаками, но каким-то образом она знала, куда направлять его движение в кромешной тьме. Ненависть прокладывала путь впереди него — черную тропу в черном мире.

Ненависть преодолевала жажду, гасила мысли о том, что он может скоро умереть, подталкивала его. И, похоже, собиралась это делать до тех пор, пока не иссякнет жизненная сила.

Так он полз и полз, а ненависть грела и кормила его, обглаживала и сжигала его во время движения. Он видел сны об охоте, он полз по звериным тропам, разглядывая неясные следы на каменистой почве и сжимая в руке ружье. Тот, за кем он охотился, оставил следы. Нужно было только читать их и не терять из виду. Рано или поздно, сколько бы времени это ни заняло, он догонит дичь. Пока есть силы, он будет идти по следу. Жизнь его жертвы в его руках, и Хью возьмет ее. Ведь он охотник. Его дыхание становится гнилостным и сладким. Он неумолимо движется вперед. Теперь он медведь.

...Яблоки в саду осыпались. Поток журчал совсем рядом. Хью пробрался к нему. Опустив голову, чтобы напиться, он увидел свое отражение — покрытые коркой брови, копна волос, темные блестящие глаза. Медведь или человек? Не все ли равно? Хью наклонился к воде, чтобы выпить свое отражение...

...А сам в это время полз и полз к темной гряде, и ветер пел над ним. Жажда вернулась и непрекращающиеся судороги заставили его скорчиться и схватиться за живот. Когда спазмы улеглись, он немного помассировал больную ногу, выдернул занозы из ладоней, пососал собственные щеки, надеясь выдавить хоть немного слюны.

Вдруг он заметил, что ветер прекратился. Тишина, разлившаяся в воздухе, казалась почти неестественной. Ветер сопровождал его так давно, что он перестал его замечать. Теперь Хью задумался: сколько времени ему понадобится, чтобы умереть, если просто лечь и ждать, пока это случится? День? Два? Несколько часов? Пока он размышлял об этом, разум вновь скользнул в небытие. Он задремал, то и дело вздрагивая.

Минуту спустя Хью открыл глаза, едва ли сознавая, что спал, кашляя и с трудом втягивая воздух. Ему казалось, будто он на дне моря, такая тяжесть вдруг навалилась на грудь, на ноющие бока. Может, это и есть ответ на вопрос, подумал он. Значит, вот оно? Последний вздох?

Но дыхание не прерывалось. Боли он уже не чувствовал, а дышать было трудно от того, что сам воздух, казалось, изменился. Удивление уступило место вернувшейся жажде. Тлеющий огонь охватил горло и проник в желудок, вызывая

тошноту. Противная слабость разлилась по телу. Может, и в самом деле проще лежать и ждать?

Нет, натура приказывала ему ползти, и он будет продолжать свой путь до тех пор, пока не иссякнут последние силы и не наступит конец.

Хью напрягся, оттолкнулся здоровой ногой и снова потащил себя вперед. Теперь это стоило гораздо больших усилий, но он, стиснув зубы, полз. Еще несколько движений, и вот прежний ритм восстановился.

Не успел он проползти и десятка шагов, как послышался низкий рокот. Сначала Хью решил, что это кровь стучит в ушах. Но шум продолжался, усилился до вполне различного рева, и шел откуда-то извне. В глаза вдруг ударила вспышка света, в небе что-то гроыхнуло, словно щелканье бича. Раздался свистящий звук, вновь задул ветер. Хью остановился.

Минуту спустя на него обрушилась могучая стена воды, гонимая сокрушительным ветром, и буквально вдавила его в землю. Еще одна вспышка света, удар грома прямо над головой. Хью мгновенно вымок до нитки. Теперь он боролся с ветром и неподвижной ногой, пытаясь перевернуться на спину, и одновременно жадно слизывая языком капли, стекающие по лицу.

Когда ему наконец удалось это, Хью растянулся и широко открыл рот. Дождь барабанил немилосердно, словно тысячи маленьких дубинок. Но вода попадала в рот, и Хью на дубинки не обращал внимания. С первым же глотком он подавился, но продолжал пить, задрал намокшую рубашку и стал выжимать воду в рот, делая большие глотки. Холодный душ обдал голый живот. Хью вновь опустил рубашку и, когда она почти мгновенно намокла, выжал снова.

Желудок сжался, расслабился, скрутился в судороге, опять расслабился. Жжение и сухость во рту исчезли. Хью продолжал глотать. Снова и снова поднимал рубашку, выжимал, пил. Вода сочилась сквозь волосы, бороду, смягчала кожу, казалось, впитываясь внутрь.

Еще одна молния. Еще удар грома. Ливень усилился. Дрожа всем телом, Хью жадно пил. Это была жизнь, она била его, благословляя, а он продолжал впитывать ее в себя, давно напившись. А потом пожелал, чтобы дождь прекратился.

Но вода продолжала колотить его, как бешеный налетал ветер. Земля превратилась в грязь. Вода намочила каждый дюйм его тела. Хью закрыл глаза и стал ждать, но и сквозь закрытые веки видел вспышки молний. Вода заливалась в

нос, приходилось поворачивать голову и выдвигать ее. Устав бороться, он закрыл лицо руками.

Лежащему Хью мерещилось, будто земля так размякла, что он провалился в нее, в подземный мир, где пребывал когда-то так долго... как долго? Похоже, целая вечность прошла с тех пор, как он очнулся в пустынном лагере. Вода унесла его в другой мир, где он смотрел на все с точки зрения животного — зайца или дикой собаки. Так было проще различать следы, но и легче стать чьей-то добычей.

Вода продолжала падать с небес, а Хью представлял себе, что на него обрушился горный водопад, унося его к океану.

Вот он вонзился в его воды, позволяя волнам охватить себя со всех сторон, оттолкнулся, упал в мокрую зелень, вытиснулся на спине, поплыл, дрейфуя, потом попытался встать, почувствовал, что ноги не достают до дна... секундное замешательство... и волны, большие волны... это все равно что взбегать на холм... он помнил океан. Весь вымок. Смех — это он смеется — и волны. Он помнил.

На какое-то время Хью затерялся в волнах и воспоминаниях. Проснулся, закашлявшись. Рука откинулась, и вода снова стала затекать в нос.

Кашляя, он сел. Дождь еще шел, и вода струилась по спине, по бокам. Еще одна вспышка и раскат грома долетели издалека, со стороны нагорья, ветер немного стих. Ливень теперь барабанил мягче, как бы шутя.

Хью немного попил, выжимая рубашку. Жажды больше не было, он просто хотел вобрать всю влагу, какую сможет удержать, и пил, пока живот не раздулся. Потом опять лег навзничь и позволил дождю омыть себя.

Эпицентр грозы продолжал удаляться. Шум его стал глуше. Хью лежал, тяжело дыша, словно от крайней усталости, живот его был, как бочонок.

И вдруг все кончилось. Сначала он даже опешил на секунду. Потом понял, что дождь перестал, и вскрикнул. Дождь прекратился! Все тело покалывало, будто дождь-призрак еще капал на него.

Чуть погодя его начало трясти: мокрая одежда прилипла к телу, ее обдувал легкий ветерок. Хью представил себя, чихающего и кашляющего, с мокрым носом. Пора было начать двигаться, только так можно согреться.

Он перевернулся на живот, неуклюже, словно вес состоял из воды. Пополз, пальцы утопали в земле. Тем не менее он толкал себя вперед под аккомпанемент хлюпающей грязи.

И снова мерный цикл отдыха и движения. Гроза отступала все дальше. Над головой облака рассыпались клочьями, а между ними мерцали звездные реки. Еще немного и тепло усталости выдавило озноб из тела. Позже — он не мог точно вспомнить, сколько прошло времени — облака уплыли и Хью увидел, что небо на востоке уже побледнело.

Нагорье исчезло, но тело его, казалось, само знало, где оно должно находиться, там, за колышущейся белой стеной. Над долиной вязкими клубами поднимался пар. Хью полз в этой дымке, следя, чтобы нарастающая лавина света оставалась слева.

Мир вновь обретал краски, вокруг заблестели лужи. Сегодня, решил он, сегодня я не стану отдыхать днем, буду двигаться, пока хватит сил. Влажная земля смягчит солнечный зной, и можно будет пить на ходу, пока лужи не высохнут.

Небо над ним совсем очистилось. Туман понемногу рассеялся. Ни одного облачка не виднелось в синеве. Земля все еще хлопала под ним. Нагорье снова открылось взору, как раз там, где он и предполагал. Утро было прохладным, и он чувствовал, что правильно поступил, решив двигаться вперед, а отдых отложить до темноты.

Хью постарался вспомнить, сколько дней прошло с тех пор, как он покинул лагерь, но воспоминания путались. Все, что осталось в голове, было движение ползком по невероятно сложной местности — вверх по склону ущелья, сквозь заросли, кустарники, а еще те благословенные места, вроде соленого бассейна и виноградно-сливового сада. Все остальное сливалось в памяти в унылый ландшафт из грязи, скал и травы. Время превратилось в сплошное утомление, и медленно проплывающие мимо пейзажи. Только воспоминание о винограде и сливах доставляло удовольствие, не столько из-за их утоляющей жажду сладости, сколько из-за сочной мякоти. Он вспоминал каждый кусочек, плотно наполняющий желудок. Он жаждал теперь не воды, а пищи, которую можно жевать и глотать, насыщаясь. Порывшись в карманах, Хью нашел несколько тонких корешков, быстро сунул в рот, разжевал, проглотил. Ощущение пищи на зубах было восхитительным, но через секунду от них ничего не осталось.

Его тут же охватил страшный голод. Корешки только напомнили телу о том, сколько времени прошло с тех пор, как он по-настоящему ел. По ходу движения он начал рассматривать траву, отыскивая признаки чего-либо съедобного, и останавливался у каждой лужицы, чтобы попить

впрок. Жажды он не чувствовал, обманывая желудок ложной наполненностью.

Когда утро было в самом разгаре, Хью заметил, что передышки стали дольше, а двигаться было все труднее. Несколько раз он закрывал глаза и засыпал, просыпаясь, когда голова стукалась о землю. Он стал избегать класть голову на руки во время привалов; а потом запретил себе закрывать глаза, чтобы не заснуть.

Некоторое время он еще медленно полз, с небольшой передышкой после каждого рывка вперед, чтобы сэкономить силы и обмануть усталость. А потом заметил, что на каждой остановке глаза закрываются сами собой. Однажды острая боль в израненном лбу разбудила его, когда голова упала в грязь. Хью попытался ползти быстрее, мысленно подгоняя себя, но на первом же привале его охватила настоящая летаргия. Он попил из ближайшей лужицы. Протер глаза. И решил во время каждой передышки совершать определенный ритуал: помассировать ногу, внимательно посмотреть по сторонам, взглядеться в холмистую гряду на горизонте, размять плечи, поморгать, глянуть на солнце, снова поморгать, глубоко вздохнуть, найти гладкий камушек, пососать его, помурлыкать песенку, выплюнуть камушек, провести рукой по волосам, потрогать рану на лице, почувствовать боль, поискать что-нибудь съедобное.

Голод... Похоже, это может сработать. Если не утолить его, то хотя бы использовать. Думать о еде каждый раз, как усталость начнет туманить голову...

Продвигаясь вперед, Хью думал о бифштексах с яйцами, хлебе, кофе, чае, вине, плитке шоколада. Плотная, тяжелая масса, способная заполнить пустой желудок. А как славно поспать после хорошей еды...

И он начинал снова, с бекона, рыбы, лука, кукурузы, яблок, вишневого пирога...

Когда он остановился, чтобы попить, желудок скрутил спазм. Хью зажмурился, сморгнул миражи. Пополз дальше. На время перестал думать о еде. Слишком много жидкости внутри.

Спустя несколько минут сонливость вернулась, он заметил, что то и дело зеваает. Принялся бороться со сном прежним способом. Вдруг справа словно что-то взорвалось, это промчался мимо перепуганный кролик.

Зверек остановился недалеко от человека, подергивая носом. Хью облизнулся, закинул левую руку назад, нащупал сапог и стал его осторожно стягивать, чтобы не спугнуть животное резким движением. Думая о том, как убьет кро-

лика, он представлял себе Джеми, которого не достать. Пока. Хью переложил сапог в правую руку, отвел ее назад. Джеми...

Выругавшись, бросил сапог. Промазал. Кролик скрылся из виду. Джеми.

Подполз, подобрал ботинок, искал глазами кролика, не нашел. Продолжая ругаться, засунул в сапог ногу. Какую-то выгоду все-таки извлечь удалось: спать больше не хотелось.

Хью медленно пополз дальше. Если показался один кролик, значит, поблизости должны быть и другие. Будут еще попытки, нужно только проявить большее самообладание.

Но больше в тот день кроликов он не видел. Он пил из каждой ямки, из каждого отпечатка бизоньего копыта, но ничего съедобного не нашел, как ни искал. Тем не менее он полз весь день и большую часть ночи. А может, он спал? Хью и сам не знал толком. Движение во сне и движение наяву были неотличимы. Он помнил только, что полз до самого рассвета.

А теперь был уже вечер. Хью посмотрел на гряды. По расчетам, он должен добраться до ее левых отрогов. Интересно, сколько же он прополз? Трудно сказать, он ведь даже не знал, сколько дней прошло. Но что это?.. Далеко-далеко, за вершинами нагорья, вдоль южного горизонта можно было разглядеть зазубренный край хребта. Гребень водораздела. Там лежит долина, где растут фруктовые деревья, и несут свои воды реки. Там — жизнь, нужно только добраться до нее. Во всяком случае подползти так близко к цели, что держать ее в поле зрения — это уже маленький триумф. Гряда холмов уже близко, можно даже различить ее рельеф. Хью почувствовал небольшой прилив сил. Отчетливый вид реальной цели, независимо от того, как далеко она была удалена, радикально изменил его самочувствие. Взамен всех тягот и страданий он получил мгновение счастья, и теперь предстояло выторговать у судьбы еще немного удачи.

Подъем сил помог ему продержаться большую часть ночи. Хотя все так же слипались временами глаза и на протяжении всего пути преследовали видения пищи, кое-где встречались лужицы воды, и тело двигалось с ясным осознанием цели. Возможно, завтра найдется еда...

Всю ночь ярко светили звезды, двигаясь по своей вечной карусели. Где-то далеко кричали койоты. Ветерок был прохладным, но не более того. Хью принял решение ползти как можно дальше, чтобы восстановить цикл ночного движения

и дневного сна. Двигаться. Двигаться. Сам процесс движения значил больше, чем пройденное расстояние.

Незаметно прошла большая часть ночи. Передышки становились все длиннее. Перед рассветом Хью заснул, и ему приснилась долина за хребтом.

Он проснулся от полуденного зноя. Подняв голову, присмотрелся к хребту на горизонте. Холмы теперь были справа. Он помассировал ногу, задаваясь вопросом, осталась ли где-нибудь на поверхности вода. Потянулся, зевнул. Протер глаза, потрогал изорванный лоб. Облизал губы. Почесал шею. Есть пока не хотелось, но он знал, что это не продлится долго. Некоторое время Хью испытывал такой комфорт, что казалось, готов был встать и пойти. Но знал, конечно, что эта иллюзия исчезнет, как только он начнет двигаться. И все же... двигаться необходимо.

Хью вытянул руки вперед, выпрямил тело, подтянулся, оттолкнулся здоровой ногой. Хорошо хоть земля просохла и тело теперь не вязнет в грязи. Опять подтянулся.

Так он полз большую часть дня. Вдруг справа донесся тихий стрекочущий звук. Хью сразу узнал крик суслика, желудок его сжался. Он остановился, определил направление и тихо, медленно пополз на звук. Осторожно раздвинув траву, выглянул на поляну, где возле норы увидел зверька.

Рука снова ухватила за сапог, стаскивая его с ноги. На этот раз он не бросил его, а тихо отложил в сторону и стянул толстый шерстяной носок. Устроившись поудобнее, принялся распускать вязание.

Носок изобиловал дырками. Тогда приходилось вытягивать нитку за ниткой, связывая их узелками между собой. Наконец, в его распоряжении оказался длинный шнур, который Хью смотал в моток.

Потом он сделал петлю, надел сапог и пополз к норе. Услышав его, суслик нырнул в свое убежище.

Хью осторожно разложил петлю перед норкой, разгладил ее. Не выпуская из рук шнура, отполз назад, устроился как можно удобнее и приготовился ждать. Ждать долго. В голове тут же зашевелились мысли о мясе.

Несколько раз он менял положение тела, предвкушая обед. Время от времени прикладывал ухо к земле и прислушивался к подземным звукам. Ни разу ничего не слышал, но не был обескуражен; норка должна была иметь несколько входов и выходов, множество галерей и ответвлений. Трудно было рассчитывать, что зверек часто пользу-

ется именно этим отверстием. Тем не менее, если однажды он это сделал, то рано или поздно появится опять.

Шнур он держал все время натянутым. Сам же расположился так, чтобы тень не падала на входное отверстие норки. Дышать старался потише. Тень передвинулась на восток. Время от времени Хью посматривал на вершину хребта. Да, горы теперь были заметно ближе. И снова думал о еде, напрягая мышцы живота, чтобы заглушить урчание.

Должно быть, прошел час или два — Хью не смог бы сказать точно, — когда ему показалось, что какая-то тень шевельнулась в глубине норы. Рука машинально напряглась и он заметил, что затаил дыхание. Еще одно еле заметное движение. Хью терпеливо ждал, позволив себе отдышаться. Минуты шли одна за другой. Ничего.

День клонился к закату. Зверек, видимо, передумал, нашел себе другое занятие. Хью переменял позу, помассировал ногу, прикинул длину своей тени. Он умел ждать. Очень давно научился искусству ожидания.

Хью опять подумал о еде и о том, как Джеми поиздевался бы над ним — сидящим вот так около норы какого-то грызуна в надежде раздобыть крошечный кусочек сырого мяса. Ах, Джеми... Где ты сейчас? Закусываешь бифштексом из бизона и жареной картошкой с толстым ломтем хлеба вместе с майором Генри и его ребятами? А на десерт яблоко? Думаешь ли ты о старом Хью и о том, что с ним стало? Или я полностью вычеркнут из твоей памяти?

Хью снова приложил ухо к земле и опять ничего не услышал. Солнце продолжало свой поход на запад, и пить теперь хотелось почти так же сильно, как есть. Он беззвучно выругался и продолжил бдение.

Вот! Еле уловимое движение в норке. Хью напрягся. Опять! Зверек подобрался к выходу, выглянул наружу. Хью подумал о Джеми, и стал упрашивать зверька вылезти наружу, представил себя этим сусликом, побуждая его двигаться вперед.

Животное сделало несколько шажков, издав воркующий звук. Хью почувствовал, как слюна наполняет рот. Суслик вновь высунулся из отверстия.

Ну еще немного... Вышел. Встал. Хью дернул шнурок. Петля затянулась на шее суслика. И тут шнурок лопнул.

С рычанием Хью бросился вперед, протянул руки, пытаясь схватить зверька прежде, чем тот скроется в норке. Но суслик исчез, негодуяще стрекоча. Было слышно, как грызун скребется и пищит где-то под землей. На глаза Хью навернулись слезы.

Он долго и громко ругался, думая о своем желудке, о долгом ожидании, о Джеми. Охотник, целый день карауливший грызуна и оставшийся ни с чем... Это было бы почти смешно, если бы от этого не зависела его жизнь.

Хью развернулся лицом к нагорью и снова пополз. В животе урчало, во рту опять пересохло. Ругаясь, он упрямо полз вперед, во мглу.



ДЕВЯТЬ КОЛЬТЕР

Кольтер щурился от лучей света, проникавших в тайник, взгляд его блуждал по беспорядочному нагромождению безнадежно испорченного добра, принадлежавшего когда-то некоему забытому горцу. Тайник представлял собой полость, размытую подземными водами и прикрытую сверху бревенчатой крышей с земляной насыпью. Отовсюду сочилась вода, грозя вымочить все до нитки.

Как он сюда попал? Руки неуверенно ощупали лицо, щетину на подбородке. Грудь и ноги прикрывало изорванное одеяло с дырками для рук. Перебирая пальцами влажную шерсть, он решил, что должен кого-то поблагодарить, ибо одеяло и тайник спасли его жизнь.

Мысленный голос спросил: «Кто ты?» У него пока не было ответа. Я — нечто. Он ощупал голову и обнаружил, что волосы у него необычно длинные и приятно чистые, словно недавно вымытые. На лбу был шрам, холодный как лед. Похоже на старый ожог; но он не мог припомнить, где получил его. Кости ломило. Подбородок и скулы покрыты щетиной. Она еще кололась, но в целом уже была мягкой на ощупь. Ноги усеяны подживающими ссадинами и царапинами. А вот ступни, похоже, использовались как осадные орудия: пальцы разбиты, ногти поломаны.

Джон долго лежал, размышляя о том, до какого же жалкого состояния дошел — а, может, он всегда пребывал в нем? Это ему было неизвестно. Он знал только, что являлся некой сутью, которая уравнивала суть другую, ему неизвестную. Бог, или судьба, держали его на ладони мира. Его предки на далеких островах называли когда-то своего бога, который был ничем иным, как судьбой, странным именем Вирд. Почесывая бороду, он думал, смотрит ли на

него сейчас старый Вирд. Или же этот Вирд, безголовый и бестелесный, не что иное, как серия роковых шагов, которые совершает жалкий, беспомощный человек, барахтаясь и думая только о том, чтобы было где поставить ногу.

Так или иначе, но сейчас ему не оставалось ничего, кроме как выбраться отсюда, пока эта чертова куча земли не обрушилась ему на голову. Он со стоном сел, опираясь на локти. Сквозь дыру в потолке, которая была одновременно входом, виднелось солнце. Невдалеке слышалось журчание воды между камней...

Бывал ли он раньше в горах? И не был ли он?.. Мысль прервалась. Джон пополз по земляному полу, осматривая истлевший скарб. Бочонки с порохом, отсыревшим, слипшимся, неизвестно сколько пролежавшим в земляной могиле. То, что осталось от нескольких проржавевших топорниц и сверел, не поддавалось описанию — труха, да и только; рубанки, пилы — все покрыты ржавчиной; бочонки с мясом, некогда съедобным, а теперь изъеденным мышами, вонючим; медвежьи шкуры, облезлые, но с еще прочной мездрой. Может, где-то завалялась пара мокасин? Он с сожалением взглянул на свои голые распухшие ступни и вернулся к кожаному хламу — то, что не успели съесть грызуны, было пронизано белыми змееподобными корнями, которые, проникая в тайник, давали дорогу струйкам подземных вод.

Вдруг пришло озарение... ..Я помню, как складывал сюда все эти вещи, груды зимних запасов, спуская их в отверстие Поттсу, а он ворчал и ворочался в темноте, словно кипящая патока в котелке.

Вместе с именем Поттса пришло и целостное представление о себе самом — кто он такой на этой земле, и что ему предстоит сделать.

Смеясь, Джон вспомнил все. Проверил свои знания. Последнее прозвище: Сихида. Последний род занятий: траппер. Прежний род занятий: охотник. Цель жизни: выживание. Цель выживания: жизнь.

Удовлетворенный, высунул из отверстия голову. Солнце моментально ослепило его. Закрыв глаза руками, он выглядывал сквозь щели между пальцами, понемногу их раздвигая, пока боль не исчезла.

Провалиться мне на этом месте, совсем как старик... Интересно: а сколько мне лет? Не помню точно. Сколько зим, как говорят кроу...

Он считал, припоминая исхоженные тропы. Тридцать четыре, может быть, тридцать шесть.

Попытался вытащить из тайника медвежьё шкуру с редкими пятнами меха на серо-голубой мездre. Увы, она не пролезала в отверстие. Выругавшись, Кольтер бросил ее обратно во тьму.

Значит, вот он я, одеяло на спине, нож на поясе... Сидя на бледном осеннем солнышке, Джон дал глазам привыкнуть к свету. Рядом с тайником ревела речка, переполненная талой водой, извиваясь вокруг хвойных деревьев и исчезая за поворотом. Вдруг до него донесся ясный, громкий треск древесины. Он поднял голову и увидел сноп искр. Над беснующейся рекой горела мертвая сосна.

Кольтер мгновенно оценил увиденное. Живя у кроу, он научился разбираться в знаках. Кто-то поджег дерево. Это была благодарность создателю за хорошую погоду и просьба о том, чтобы она продлилась подольше — горящая сосна, возносящая огонь в небеса.

Северо-восточный ветер коснулся щек. Кольтер вздрогнул, отвел глаза от дерева надежды и посмотрел на речку, пробивающуюся через валуны и исчезающую за поворотом. Дальше она повернет на юг, нырнет в расселину, пронзит своим телом заснеженные поляны, дымящиеся прерии, равнины, полные дичи. На юг к каньону, носящему его имя, тянулась широкая солнечная дорога. К Кольтерову Аду.

Значит, так тому и быть. Прими этот знак, иди вдоль ручья. Дорогой пылающего дерева.

А те, кто хотят меня заполучить, пусть следуют за мной в Кольтеров Ад. За мной. Джон затрясся от смеха.

Горящее дерево с треском лопнуло, рассыпавшись горячими угольками, оставлявшими в воздухе белесые дымные хвосты. Кольтер проследил глазами за их падением и... замер, потрясенный. Там, у реки, в зарослях красных ив скрывалась удивительная вещь...

То была принадлежавшая ему когда-то грубая лодка из ивовых и ольховых прутьев, покрытая высушенной на солнце лосиной шкурой. Память вновь заработала, и он вспомнил тот день, когда они с Поттсом смастерили ее и спрятали в пещере чуть повыше тайника. Прорехи в лосиной шкуре они заделали смесью пчелиного воска, бизоньего сала и толченого угля. За два прошедших года швы разошлись, но лодка все еще выглядела достаточно прочной. Два года — много это или мало? Он заковылял к лодке; ступни при солнечном свете казались синеватыми и хрупкими, как у старухи.

«Рано хоронить старину Джона», — пропел себе под нос Кольтер, сплунув на землю.

В лодке он нашел сосновое весло, которое сам же вырезал, с его инициалами. Буквы «Д. К.», а над ними крест, его знак. Маленькая шутка — инициалы и крест. Рядом с веслом — пара мокасин с двойными подметками из бизоньей кожи. В первый раз с того самого момента, как черноногие окружили его, Кольтер весело улыбнулся, даже усталость и тупая боль отступили на время.

Одеяло и нож, пел он. Лодка и прошитые мокасины, завопил он. И сплясал сумасшедшую джигу, кружась на песке.

Куда может пойти человек?... Человек может пойти туда, куда он может пойти, заливался он бессмысленным смехом.

Ха! Путь лежит в Сент-Луис... И если я избавлюсь от этой своры дикарей, о Господи, я обещаю Тебе раз и навсегда оставить свои суетные дела, построить надежный дом среди высокой травы, не бродить где попало, отдать всего себя Твоей власти...

Джон сощурившись посмотрел в небеса и сквозь дрожащие ресницы увидел черного ястреба, пересекавшего солнце. В когтях он сжимал мышь. Длинные черные когти и надменный зубастый клюв с черными ноздрями...

...Ястреб? Черный образ на слепящем диске растаял. Кровь жернового хищника впиталась в перистые облака.

Кольтер потряс головой, избавляясь от видения. Камни, камни. Охотники иногда вешают на деревьях ястребов с распростертыми крыльями, еще живых, молящих криком о милосердии.

Милосердие? Джон задумался, был ли этот мир миром животных или миром людей? Что это за неживотное животное, это человеческое животное, которое не может ладить ни с человеком, ни со зверем? Ему многое пришлось повидать в этом суетном мире — караваны переселенцев на лесных дорогах, плутающие в тумане, и водопады на орлиных островах, где белые медведи оставляют свои отметины на деревьях двухсотфутовой высоты.

Люди в экспедиции молились неизвестным богам или богам, известным своей кровожадностью. Сам Христос, полузабытый в этих лесах, нес людям проклятие вместо удачи. И они проклинали Его в ответ и с тем же выдохом молили о благословении, ибо все здесь было новым в этой ужасной земле, словно в насмешку названной кем-то — обетованной.

Вот почему Кольтер везде, где бы ни шел, оставлял эту свою странную подпись — Д. К. с крестом — на дереве, на камне, на стене пещеры и на тоненьких стволах молодых

деревьев, чтобы они, когда вырастут огромными великанами, хранили на своем живом теле его тотемный знак.

Охотник. Он был охотником. Он убивал. Но только ради того, чтобы жить, чтобы есть. Хотя даже это порой казалось ему преступлением. А ведь он видел тысячи мертвых бизонов, убитых только ради того, чтобы вырезать язык и горб. Мериуэзер Льюис прострелил одной бизонихе легкие, когда та паслась со своим теленком. А потом застрелил теленка и его братца. Он застрелил бы и теленка этого теленка, если бы таковой существовал...

И почему охотник всегда держит в памяти картинки смерти? Он слышал, как кости мертвых животных поют на ветру словно арфы, и видел овес, прорастающий сквозь пустые глазницы белеющих черепов. У людей Льюиса и Кларка в руках был гром, а на ремнях — молнии; гром и молния были их союзниками, их повелителями — так говорили индейцы.

Только на следующий день, спустившись далеко вниз по реке, Кольтер полностью оценил свою удачу. Он вспомнил свой обморок на вершине Сердца Горы и смутно все остальное — как кто-то ухаживал за ним, спасая от морозной ночи.

В памяти навязчиво вертелась одна картинка: подобно тому как шаманы кроу лечат раненых, вылизывая их с ног до головы, его нянчила мать-волчица. Неужто это и правда было? Память не сохранила четких деталей, кроме ощущения материнской ласки, тепла, запахов древесного дыма, сала, рыбы и прикосновений мягкого меха.

Река окончательно прояснила разум. Удача и дырявая лодка позволили ему худо-бедно продержаться на плаву до сумерек. И тут он наткнулся на утонувшую антилопу. Он видел такое не в первый раз. Бывало, баржа Мануэля Лизы с трудом пробивалась через трупы животных, но даже поселенцы, с их волчьим аппетитом, не трогали эти тонны мяса. Животные тонули сотнями, и река, замедляя течение среди зарослей пижмы, источала трупный запах. Правда, в тех случаях, когда бешеный поток ловил молодое животное — бизона, лося, антилопу или оленя — и мясо было еще свежим и кровоточило, любой в экспедиции готов был отведать порцию филе, запивая ее глотком рома.

Радуюсь первому за много дней куску мяса — окороку антилопы, зажаренному на углях, — Кольтер с сожалением вспоминал вкус рома и его тепло, разливающееся по жилам.

На поляне у реки, где он устроил лагерь, рос шалфей. Джон сорвал несколько стебельков и бросил их на угли, чтобы копченое мясо стало слаще. На второй день горы, словно театральный занавес, расступились, река приобрела цвет кофе с молоком. В тополином молодняке он отыскал крыжовник и дикую смородину. Пока он пировал там, вокруг разбрелось дружелюбное стадо белохвостых оленей, непуганых и послушных. Они тоже тянулись за ягодами, слегка толкая его боками. Где-то в зелени крон сойка с голубым грешком ругалась и срамила человека и его странных друзей.

К полудню он преодолел самый опасный порог. Гранитные скалы остались позади, и перед ним раскинулась река, полноводная, грязная и зловонная, с берегами, испещренными красной и белой глиной, которой многочисленные племена пользовались для боевой раскраски.

Эта местность была Кольтеру домом родным. Его всегда манили горы. Но когда он откликался на зов, они обращались с ним весьма сурово. Горы терзали его плоть, а равнина ее залечивала. Теперь чернохвостые олени как собаки бежали за его лодкой. Они вместе ели «белые яблоки», которые Друйярд называл *romme de prairie*, похожие на репу клубни растений семейства бобовых — человек может неделями питаться только ими, если нет под рукой ничего другого. Олени в этой обширной, похожей на парк, прерии были упитанные, не то что худые горные, которых раньше доводилось видеть им с Поттсом. Соскучившись по соли, чернохвостые лизали Джону лицо, пока он отдыхал на солнышке.

И все равно, он ни на минуту не переставал чувствовать себя дичью — охотник, за которым охотятся. Сумев уйти от черноногих на Сердце Горы, он теперь стал более удобной добычей. Хотя через горы они не перейдут, Кольтер был уверен в этом, но вполне могут обойти их с востока на своих отличных сплетенных из ивовых прутьев снегоступах. Сначала они вернутся в свои типи, поедят мяса, нарасказывают небылиц, укрепят сердце, подсластят охоту крепким сном. А потом — и это так же верно, как то, что теперь у него на ногах мокасины, — отправятся за ним лучшие из бегунов, способные бежать по равнине днем и ночью, легендарные маратонцы.

Истина заключалась в том, что настоящая охота за Джоном Кольтером только начиналась. То, что ему дважды удалось ускользнуть от индейцев, было скорее их про-

машкой, нежели его проворством. Так что игра продолжается, и ставка в ней — жизнь.

Остановиться у реки, грея измученное сердце последним теплом осеннего солнца и добротой милых оленьих морд, было опасно — и все же Джон не смог отказать себе в этом. Внутренний голос твердил, что черноногие уже в пути, что он теряет драгоценное время, что скоро будет слишком поздно. И его ждет адский огонь.

Поев «яблок», Джон вернулся к реке, осмотрел лодку, убедился, что течь не усилилась. Вспомнил другую лодку, подарок Льюиса. Она была настоящей бездонной бочкой. У нее был кованый железный каркас, который мастерили несколько недель, и все равно она текла в каждом шве. В тот самый день, когда она затонула, случилось дурное предзнаменование — разом сломались тринадцать топорищ. Новые, сделанные из дикой вишни, оказались гораздо хуже. Помнится, ребята целый день оглядывались через плечо, ожидая чего-то ужасного.

Стряхнув воспоминания, Кольтер снова пустился в плавание, на глазок определив высоту солнца на юге. По берегам раскинулись широкие поляны, на которых пестрели пышные желто-лиловые купы колючих диких груш. С берегов вниз клонились подсолнухи, Кольтер отметил обилие диких огурцов, камыша, конского щавеля. Здесь, в низине, земля еще наслаждалась летом, и буйная растительность радовала глаз, заставляя забыть о том, что его жизнь в опасности.

«По крайней мере от голода я не умру», — подумал Кольтер. Сосны уступили место тополям, тополя — ольхе. Предгорье мягко переходило в сочные влажные луга — преддверие великих равнин, лежащих на юге. Гребя веслом, он видел в воде ондатр и выдр. Тут и там попадались печальные остовы доверчивых оленей, антилоп и бизонов, которые были сбиты с ног бушующим потоком и не сумели выбраться на крутой берег. А однажды он заметил медведя гризли, выглядывающего из кроваво-красных ободранных ребер утонувшего лося. Белая медвежья морда была вымазана кровью. Зверь поднял лапу, охваченный скорее любопытством, нежели страхом. Кольтер поднял в ответ весло, словно приветствуя хорошего товарища, и скрылся за поворотом.

Тремя годами раньше, когда Льюис имел неосторожность подстрелить одного из этих невозмутимых животных, гризли бросился за ним в воду, хлопая лапами и делая вид,

что играет. Льюис выпустил в него одну за другой девять мушкетных пуль. Медведь раскинул лапы и закружился в воде, словно небольшой водоворот. Казалось, пули не причинили ему вреда, будто он был неуязвим для них. В дело вступили все охотники и поливали танцующего медведя свинцом до тех пор, пока он наконец, почувствовав боль, не бросился на Льюиса, который тщетно пытался спрятаться в воде. Над ее поверхностью торчал нос Льюиса да кисти руки с побелевшими суставами, сжимающие ружье. Медведь неумолимо приближался, не обращая внимания на град пуль. Казалось, ничто не сможет остановить его.

В конце концов огромный зверь, получив достаточно свинцовых шариков из тридцати ружей, скрылся под водой, издав леденящий душу крик, напомнивший всем плач умирающего ребенка.

Кольтер с содроганием вспоминал этот эпизод своей жизни, разбивая лагерь на крошечном островке, поросшем чахлыми березками. Середина островка была выжжена молнией. А может, это сделали индейцы. Как бы то ни было, центр острова представлял собой пепелище, причем совсем свежее.

Только ствол старого кривого дуба уцелел в пожарище. Кольтер подошел к нему и обнаружил круг из почерневших камней, тщательно выложенный у его подножия.

И отпрянул, поняв, что это священный дуб. С длинных ветвей, покачиваясь на ветру, на шнурках свисали кожаные щиты. В центре каменного круга возвышался плоский порфировый валун, не тронутый огнем. Кольтеру, который в своих странствиях не раз встречал нечто подобное, круг напомнил манданское колесо судьбы. Манданы молились священным камням в центре круга. Они приносили им разнообразную пищу, окуривали дымом. Совершив подношение, люди, желавшие узнать будущее, ложились возле них, курили священные травы и ожидали знака.

Став на колени в золу перед древним дубом, Кольтер поклонился лиловому камню в центре, который имел не менее десяти футов в поперечнике. Казалось, он слегка дрожал в неверном вечернем свете.

Нет, нужно что-нибудь поднести ему... Джон вернулся к лодке и достал небольшой кусок копченого мяса, который берег на ужин.

Что ж, придется обойтись без ужина... Застывший силуэт дерева четко вырисовывался в стгущающихся сумерках. Камень же — будто в нем жила частица северного сияния — начал светиться собственным светом. Кольтеру не было

нужды трогать камень, чтобы узнать, какой он на ощупь. Гладкий, словно грудь женщины. Он как-то видел мужчину и женщину, занимающихся любовью возле такого камня. Манданская скво слыла бесплодной. А осенью живот ее начал пухнуть и к весне она разродилась здоровым ребенком.

Джон смотрел на камень, мерцающий в сумерках. Ветер с реки кружил мягкий пепел вокруг его головы. Он закрыл глаза и положил у камня кусок мяса, все, что мог ему дать. Однажды у него на глазах человек отрезал себе указательный палец правой руки и положил его туда, куда Кольтер сейчас положил мясо, направив палец на восток, а когда утром проснулся, палец был повернут на юг. И человек пошел этим путем, уверенный, что впереди его ждет удача. Так оно и случилось потом, человек стал вождем.

«Да, немало частиц своей плоти разбросал я по горам и долам Развилки», — пробормотал Кольтер.

Он склонил голову. Камень мерцал. Казалось, откуда-то из его глубин доносится шепот манданской молитвы, смешиваясь с шумом реки и растворяясь в ночной пустоте.

Посидев несколько минут, не думая ни о чем, Кольтер встал, вернулся к лодке и уселся на прибрежный валун, размышляя, что же делать дальше. У другого берега шумно расправлялась с утонувшим бизоном разбойничья компания: сороки, волки, вороны. При звуках этой дружной пирушки урчанием напомнил о себе желудок. Маленькие клубни дикой картошки давно переварились — живот требовал еще, требовал мяса. Но того же требовал и священный камень. И он его получил, а желудок — нет.

Кольтер сидел на валуне и следил за взмахами хищных крыльев над кровавой тушей, пока с верховьев вместе с опустившейся тьмой не спустился гризли и не разогнал падальщиков. Теперь сквозь лепет реки с того берега доносилось лишь мощное чавканье.

Джон прилег, завернувшись в одеяло. Оно помогало мало, стужа пробирала до костей. Ночной ветер завывал в кронах, заглушая возню гризли в вязком мясе мертвого бизона. Кольтер скорчился, дрожа от холода. Потом встал, пошел на пожарище и стал раскапывать руками мягкий песок. Чем глубже он копал, тем теплее становился песок. Он проработал так где-то с час, пока вырыл себе ложе вблизи от светящегося камня и кривого дуба, на котором кожаные щиты похлопывали от ветра.

Закопавшись в землю, Джон наконец согрелся. И заснул, укрывшись одеялом до подбородка, попав во сне в продымленный вигвам манданов, где кружком сидели старики,

а за ними теснились молодые мужчины с женами, закутанными в плащи из бизоньих шкур.

Приглашенные Кольтер, Льюис и его люди бок о бок стояли в вигваме, наблюдая. Что это был за обычай, они не знали. Знали только, что он имеет отношение к бизону, но каким образом, не могли сказать с уверенностью. Юные жены были голыми под своими плащами. Жалобно воя, юноши подходили к старикам, униженно умоляли заняться любовью с их женами.

Долгие дни охоты отняли у них много сил. Но краем глаза Кольтер видел, что кое-кто из их команды все же поддался искушению... «Дьявольское наваждение, — услышал он слова Льюиса. — Сифилис — лучшая награда тем, кто замарается об этих язычников, не знающих лучшей жизни...» И выбежал из вигвама в своей развевающейся шинели, бормоча проклятия.

Кольтер, однако, уйти не смог. Нечто большее, нежели простое любопытство, словно пригвоздило его к месту. Отведя взгляд от похотливых болванов из команды Льюиса и Кларка, он стал наблюдать за стариками с дряблой плотью и седыми волосами, которые с вождедением проникали под плащи и один за другим, словно одурманенные опиумом, проваливались в забытие любви...

Кольтер был больше не в силах бороться с собой. Когда одна из них распахнула плащ, он вошел в его сумрак и куда-то упал. Жилище наполнилось стонами стариков, вздохами юных жен и жалобным нытьем юнцов, которые, согласно ритуалу, предлагали своих женщин любому, кто захочет проникнуть под мягкую тяжесть мохнатых плащей.

Джон катался с ней по полу. Молодая, крепкая, она боролась с ним. Слезы благодарности катились по его щекам. Добравшись до ее тела, Джон ощутил, как его руки... его когти... устремились вниз, а грудь прижалась к ее груди. Он рвал ее своим зубастым ртом.

Кольтер проснулся, дрожа от холода. Был серый рассвет. Медведь на том берегу все еще трудился, глубоко погрузив морду в тушу бизона. Прямо над головой, на ветке черного дуба сидел ястреб, негромко покрикивая на ветру. Кольтер, неловко изогнувшись в песчаной яме, подставив лицо ветру и завернувшись в одеяло, лежал на животе, руки его были стиснуты, а ноги дергались в каком-то бессознательном танце.

Песок запекся на губах, Джон сильно вспотел. Встал, накинув одеяло на плечи. Возле лодки рос куст черемухи.

Джон достал нож, отрезал несколько кусков коры и пожевал, зная о способности черемухи выгонять лихорадку.

Потом, с отвращением прислушиваясь к чавканью медведя — было еще слишком темно и туманно, чтобы разглядеть его полностью, — вернулся на пепелище. Ястреб улетел.

В центре камня что-то лежало.

Весь следующий день Кольтер размышлял о том, что нашел на камне. Мысли об этом то приходили, то уходили, но не оставляли его. Подобно лихорадке, которая вдруг нападала на него, а потом отпускала, образ камня то исчезал, то возникал вновь, ввергая его в некий сон наяву. Он бросил лодку, когда открылась сильная течь, выбрал удобный для ходьбы берег, свободный от медведей и волков, и побежал, не обращая внимания на холодный пот на пылающем лбу.

Равнина, полого поднимавшаяся от реки, была золотисто-коричневой. Западный ветер предвещал дождь. Джон бежал, пошатываясь, останавливался, чтобы отдышаться, падал на колени, прислушиваясь к грохоту собственного сердца.

Нет ничего хуже, чем попасть под град в этих местах. Он буквально прибивает человека к земле, расстреливая небесной картечью. Град размером с мушкетную пулю...

Это вновь напомнило ему о Льюисе, раненном в зад, но неспособном, в силу хорошего воспитания, отвесить надлежавший эпитет провинившемуся. «Черт возьми, ты подстрелил меня», — вот наихудшее ругательство, какое тот смог из себя извергнуть.

— Я не стрелял в вас, сэр, — оправдывался Кольтер.

Но тщетно: Льюиса было трудно переубедить, его упрямство можно было сравнить разве что с его благовоспитанностью. Вместе они составляли его основные достоинства.

— Ну же, имей мужество признать правду. Ты пальнул мне в зад; проделал вторую дырку там, где должна быть только одна!

— Вы были одеты в коричневое и выглядели, как медведь, когда наклонились...

— Это все отговорки. А не попробовать ли тебе стрелять в москитов? Их здесь гораздо больше, чем дичи... ахх, моя дырявая задница, моя несчастная, израненная филейная часть...

Потом они нарвали дикого лука, которого было великое множество, и принялись жевать его. Паслись, чмокая, словно парочка оленей.

— Советую тебе, Кольтер, засунуть по луковице в каждое ухо, — вещал Льюис докторским тоном. — А также подвязать лук с обеих сторон к распухшим гландам, как раз под твоей чудовищной челюстью, которую ты так любишь выпячивать.

Кольтер делал, как ему было велено, и чувствовал себя при этом ужасно глупо, но Льюис слыл хорошим врачом и знал толк в подобных вещах.

И в самом деле дикий лук принес облегчение. Потом они беседовали, прогуливаясь вдоль длинных, приятно пахнущих манданских полей, засеянных кукурузой, тыквой и табаком.

— Эти краснокожие, — говорил Льюис, — чудесный народ, когда посвящают себя земледелию. Единственно достойное занятие для простодушных язычников. Кстати, что произошло с тем человеком? Ну, что столкнулся с индейцами?

— Вы имеете в виду Роуза?

— Именно! Как же он осмелился предпринять подобную вылазку, если ты, Кольтер, сопровождал его?

— Случилась драка между Роузом и старым шарлатаном Мануэлем Лизой. Ну и зверская была потасовка, скажу я вам, хорошо, что Поттс вмешался, встрял между ними, когда они уж было сцепились насмерть.

— ...Поттс навлек на себя страсти Господни из-за своей неутомонности, — перебил Льюис. — У него ведь просто дар влезать в любые стычки, не так ли?

— Будьте покойны, старый Лиза превратил Поттса в котлету, прыгнул в свою пирогу и был бы таков. Но Роуз оказался не прост, как шарахнул по нему из фортовской пушки. Я сам видел, как Лиза грохнулся в воду, а его дружок по имени Сунер, так тот, наоборот, взлетел в воздух. Заряд пришелся ему точнехонько между ног, так что не успел он шмякнуться обратно в лодку и вырутаться, как был уже мертвее мертвого.

— Если бы заряд пришелся между ног тебе, я думаю, ты теперь тоже был бы мертв. Это напоминает мне, Джон, о том медведе, которого я подстрелил. Помнишь, то шестисотфунтовое чудовище, чей жир мы потом так славно перетопили? В нем было девять футов от носа до пяток, шея в обхвате — три фута одиннадцать дюймов, и когти длиной в пять дюймов...

— Какое отношение имеет медвежий жир к пушечному заряду, попавшему человеку по яйцам, хотелось бы мне знать? — усмехнулся Кольтер.

— А вот какое, — ответил Льюис с самым серьезным видом, — если сердце того медведя было размером с бычье, то какие же у него, по-твоему, были яички?

— Не больше чем у вас, — отшутился Кольтер.

Льюис не обратил на него внимания. «Те яички были больше бильярдных шаров, и каждое — в отдельном мешочке, не то что наше федеральное объединение».

Кольтер предпочел сменить тему. «Ногу колет!» — пробормотал он. Колючие семена трав проникли в мокасины и царапали кожу. Джон присел и кивком предложил Льюису сделать то же самое. Оба стянули мокасины и расположились на солнышке, почесывая ноги и разглядывая облака.

— Чего бы я сейчас не отдал за хороший глоток ключевой воды, — занял Кольтер.

— А я вот многое отдал бы за то, чтобы узнать, что означает вон тот дымок, — задумчиво произнес Льюис, показывая на горизонт, откуда в полуденное небо поднимался серый столб дыма.

Кольтер улыбнулся.

— Что бы то ни было, — заявил он, массируя ногу, — там наше спасение.

Потом повернулся на север и произнес: «А там — тропа войны».

Льюис удивленно уставился в жаркий воздух, дрожащий над сухой травой. Темные тени сгущались в знойном мареве, рисуя размытые фигуры бегущих мужчин.

— И ничто их не остановит? — спросил Льюис.

— А что может остановить нас? — мягко ответил вопросом Кольтер.

Льюис развернулся на сто восемьдесят градусов. Дымное пятно на юге исчезло.

— Что бы это ни было, его больше нет, — заключил он. — И лучше нам не мешкать.

Они бежали молча. Двое мужчин, бок о бок, локоть к локтю. Дыхание в унисон. Мерным, как стук метронома шагом, их локти, покачиваясь в такт, отбивали шаг. Пока сжатые кулаки описывали в воздухе полукруг, ноги успевали оторваться от земли и вновь опуститься, выбивая маленькие клубы пыли из сухой травы. Дыхание вырывалось в унисон. Так они и бежали в полуденном зное, полностью отдавшись монотонности бега, ритму дыхания, биению крови в жилах.

Позади — черная клякса смертного приговора. Впереди — Кольтеров Ад. Трудно было сказать, что ближе. Вдруг тихий

размеренный стук подошв, мягкие взмахи локтей, слитный ритм — все это сломалось. Кольтер оглянулся на товарища и увидел, что Мериуэзера Льюиса, его друга и начальника, больше нет рядом. Он рассмеялся коротким сухим смешком.

— Ты никогда не был сильным бегуном, — проговорил он в пустоту.

И продолжил свой бег... И бежал до тех пор, пока ноги не стали тяжелее цепей. И бежал до тех пор, пока солнце не скрылось за облаком и ястреб не упал с неба. Почувствовав резкую боль в лопатках, Кольтер издал резкий крик! Ястреб...

...рассек ветер темными крыльями. Дышать стало легче. Лететь, парить. Догнать облако, схватить его когтями. Прокатиться на нем, нырнуть в него. Пари, ястреб, кричи! Крик ястреба! Ночь над долиной. Фигурки бегунов среди ночных теней. Ночное небо выплевывает звезды. Но вот крылья на его плечах сложились. Он сидел, крепко ухватившись когтями за ветку. Вокруг неслись звуки земли и неба, булькающие, журчащие. Он не боялся, он теперь мог летать. Он дремал, спрятав голову под крыло. И вновь, закрыв глаза, увидел себя на священном камне с распростертыми крыльями. Ночь пожирала себя. Вода кипела, грязь булькала. Земля, старая Земля вздыхала. И он увидел Ее в своем ястребином сне: какая Она маленькая и круглая с голубыми венами рек по всему телу. Издалека, с невообразимой высоты, Она была прекрасна, закутанная в платье облаков, хрупкое голубое яйцо, вращающееся в пространстве, откуда он смотрел на Нее стеклянными пузырьками глаз. Его могут понять только ястребы, умирающие и пророки. Только они, те кто знают Ее, любят Ее, хотят Ее.



ДЕСЯТЬ ГЛАСС

Впадина на склоне хребта становилась все отчетливее, и Хью теперь держал направление точно на нее. Небо продолжало чернеть, под стать его мыслям, а силы теперь подпитывались только яростью, которая не покидала его ни на минуту, сгибая и разгибая усталые конечности. Он не отдыхал уже очень давно.

Устроив наконец передышку, Хью вновь и вновь прокручивал в памяти поединок с сусликом, пока не заснул, и во сне продолжая свою неудачную охоту. В ней принимал участие и Джеми, который сливался с сусликом. Он держал разорванный шнурок, на котором висела жизнь Хью; волосы его развевались, глаза бегали. Потом это видение уплыло куда-то, и ему снилось, что он снова ползет к спасительной впадине на склоне хребта.

Очнувшись, Хью с удивлением обнаружил, что действительно ползет. Да останавливался ли он? Может, просто продолжал ползти и видел сны на ходу? Усталость казалась вечной; мысли сливались и путались, порой уплывая в долгие мечтания наяву. Иногда казалось, что он полз всю свою жизнь, воспоминания же были просто отрывками мечтаний. Хью остановился и помассировал ногу.

Пополз дальше, отталкиваясь здоровой ногой и прислушиваясь к шелесту травы. Иногда он чувствовал себя глубоко под водой, движения становились легкими, как у пловца. А то вдруг ему казалось, что сопротивление почвы исчезает, и он с маниакальной поспешностью устремлялся вперед, к хребту.

Наконец Хью пришлось остановиться, на этот раз он заснул по-настоящему, ему приснились медведь и Джеми. Он проснулся от ненависти и в ярости пополз дальше. Упала

ночь, а он продолжал движение в темноте, перемежая его короткой дремотой.

Хью очнулся от холода. Он не мог вспомнить, полз ли он или спал. Дневной свет уже заливал мир, просачиваясь сквозь облака. Первым делом он посмотрел на юг. Нагорье было теперь гораздо ближе. Похоже, он прополз за ночь большое расстояние. Хью вздохнул и потер ногу над переломом.

В тот день он добрался до грязноватой канавы, оставшейся после ливня. На вид грязь была довольно сырой...

Хью спустился по более сухому склону. Сунул руку в грязь. Жидкая, очень жидкая. Он тут же принялся копать углубление. Уже через минуту стала прибывать вода. Глядя, как наполняется ямка, Хью дал себе клятву ждать, пока вода отстоится, станет прозрачной.

Но как только углубление заполнилось настолько, что стало возможным погрузить в него ладони, Хью немедленно проделал это и начал пить. Снова и снова. Невозможно было ждать дольше.

Прошло, наверное, не меньше двадцати минут, прежде чем Хью напился. Теперь маленький колодец стал наполняться медленнее. Хью повернулся и выполз из канавы. По крайней мере он утолил жажду. Голод, правда, остался. Но жажда ушла. Он несколько раз сплюнул, чтобы избавиться от илистого привкуса, и снова взял курс на впадину. Теперь Хью был уверен, что доберется до нее. А тогда... тогда дела пойдут на лад. Он начал рисовать себе картины, которые откроются за перевалом, — пышные луга, кишашие дичью, сверкающие ручьи...

Он пополз быстрее. Может, от постоянной работы тело стало сильнее? Или его гнало вперед предвкушение радости? В любом случае он собирался выжать этот прилив сил до предела.

Так он и полз все утро: ненависть отступила, боль притупилась, даже голод куда-то исчез. Он скользил по долине, а хребет все отчетливее и отчетливее нависал над ним. Перед носом прошуршала змейка. Несколько темных птиц покружили на юге, перелетели через хребет и скрылись.

Ближе, гораздо ближе, радовался он, отдыхая под полуденным солнцем и растирая бедро. Возможно. Вполне возможно, он достигнет перевала сегодня. Когда-то и холмы были так далеко, а ведь теперь они остались позади, к востоку. Он даже не повернул головы, чтобы посмотреть на них.

И снова в путь под полуденным солнцем. Хребет час за часом рос перед ним, расселина становилась все шире и шире. Когда земля начала подниматься, Хью принялся тащить себя вверх, стараясь свести привалы до минимума. Он упорно прокладывал путь к перевалу. Местность становилась все более каменистой.

Рассказывая самому себе удивительные истории о долине, лежащей за хребтом, он взбирался по склону, вспоминал трудный подъем в ущелье и изобилие, которым был вознагражден за муки. Не обращая внимания на боль в бедре, он тащил себя через валуны и осыпи, лишь иногда замедляя движение в особенно трудных местах.

И вот наконец перевал, зажатый с двух сторон каменными башнями. Хью медлил, оттягивая момент, когда откроется вид на долину внизу, страшась, что мечты об этой земле обетованной окажутся не более чем сказкой, рассказанной себе самому, чтобы облегчить путь. И все же...

Медленно, очень медленно он преодолел последние ярды подъема. Перед взором открылась даль, где ряд за рядом, насколько хватал глаз, громоздились желтые холмы. Хью вцепился в камень, вглядываясь. Сказки, рассказанные себе, были так красивы. Он уткнулся лицом в ладони и разрыдался.

«Я знал... я знал...», — твердил он себе. Когда ложь, придававшая силы, рассеялась, как дым, что-то тяжелое, как камень, навалилось вдруг, сломало волю, выдавило из тела последние силы, оставив только чувства одиночества, растерянности, и тщетности своих усилий. Среди скал перевала свистел ветер, и Хью стиснул зубы, не желая больше смотреть на открывшийся пейзаж.

Выплакавшись, он долго лежал неподвижно. Теперь ясно, что все его усилия ничего не стоили. Никогда ему не преодолеть того пространства, что раскинулось впереди. Зачем ползти дальше? Это место не лучше и не хуже любого другого. Пусть все случится здесь, решил Хью.

Но некоторое время спустя он поднял голову, повернулся и посмотрел назад, чтобы окинуть взглядом пройденный путь, оценить, как далеко сумел уползти. Гряда холмов, к которой он так долго и мучительно стремился, — где она теперь? Отыскав ее наконец глазами, Хью нахмурился и поднял руку. Какой же крошечной она стала, ее вполне можно закрыть ногтем мизинца.

Значит... Невозможно поверить в то, что он преодолел такое расстояние. Хью не мог отвести глаз. Значит...

Он улыбнулся, зная теперь, что сможет двигаться через желтые холмы и дальше, за ними. Столько, сколько нужно. Отвернулся от гряды на западе. Огляделся. Все-таки далеко...

Пополз. Через впадину. Через перевал. Вниз. К желтым холмам.

Вниз ползти оказалось легче. Дело пошло быстрее, порой он почти скользил, движение не требовало таких усилий, как прежде, каждый толчок оставлял за спиной метры и метры.

Приподнятое настроение оставалось с ним, пока дорога шла под уклон, весь вечер и начало ночи. Нога продолжала болеть, ныли плечи и поясница, временами ломило грудь. Тем не менее сейчас страдания плоти как бы отделились от разума, пребывающего на гребне эйфории от осознания того, что ему удалось совершить.

До темноты ему не удалось отыскать приметных ориентиров, и Хью продолжил движение по звездам. В ту ночь от гордости за собственный успех они казались ему особенно яркими, и он полз еще довольно долго, пока усталость окончательно не свалила его. Устроившись на привал, он быстро провалился в сон без сновидений.

Когда он пробудился, висел серый день, и холод пробирал до костей. Вокруг стелился туман, колеблемый студенным ветром. Голод был тут как тут, но холод выбил из головы мысли о еде, и Хью отправился в путь, чтобы разогнать кровь и немного согреться.

Для выбора курса у него теперь не было ни ориентиров, ни звезд, ни даже солнца. Он определил маршрут по положению тела, в котором застал его сон. Из-за холода движения стали резкими.

Туман. Шевелится. Это было непохоже ни на ночь, ни на день, а скорее напоминало те мечты, сквозь которые он так часто полз в последние дни. Конечности двигались механически, холод понемногу выходил из тела, и Хью все меньше стал осознавать себя, впадая в монотонное дремотное движение в фантазиях, а скоро и вовсе слился с ними, стал частью их причудливого танца. Они вливались в водоворот его ощущений, он пробирался теперь сквозь поляны своего детства в далекой Пенсильвании, слыша чей-то плач. Чей? Его? Или чей-то еще?

Конечно. Это был Джеми. Но почему парень плачет? Хью не мог вспомнить. Внезапно он заметил, что слезы текут по его щекам. Каким-то образом они оба плакали одними и теми же слезами. Он не знал, почему так происходит. Да это было и неважно. Он полз, всхлипывая, сквозь

туман и, когда успокоился, почувствовал себя совсем разбитым. Он думал о том, что Джеми лежит где-нибудь мертвый. Он боялся, что ри вышли на тропу войны и наткнутся на него. Он думал о какой-нибудь трещине, которую можно заметить слишком поздно и провалиться.

Теперь Хью полз сквозь страхи, ощупывая землю перед собой и тяжело дыша во время привалов. Отдыхать слишком долго он позволить себе не мог, давал знать холод. Он полз уже все то время, которое можно было назвать утром, а завеса тумана не рассеивалась. Он полз. Вернулась жажда, а голод и не исчезал. Порывы ледяного ветра стали сильнее.

Навалилась тоска и отпустила, ветер завывал голосом Джеми. Вчерашнее ощущение победы стало таким далеким, словно привиделось в каком-то сне наяву, вроде детства в Пенсильвании или призрачного медведя. Страх теперь накапывал неожиданно, и был беспредметным. В такие минуты Хью либо лежа дрожал от ужаса, либо двигался в бешеном темпе.

Туман не редел. Однажды над самой головой ему слышались крики гусей. Почва поднималась и опускалась. В низинах ветер стихал. А когда приходилось карабкаться по склонам, он возвращался и терзал его. Поэтому когда туман потемнел, возвращаясь в ночь, Хью для ночлега выбрал низину. Все же теплее.

Заснул под стоны ветра. Ему снилась еда, которую он ел последний раз.

Проснулся, окоченев от холода. Рассвет был молочно-белый. Вокруг все так же низко стелился туман. Царила великая тишина. Хью не двигался. Часть сновидений осталась с ним. Запрокинув голову, он увидел ветви, склонившиеся под тяжестью слив, ожидающих, чтобы их сорвали. Он знал, что это сон и пытался усилием воли перенести их в мир, где лежало его коченеющее тело. Он не спускал с них глаз до тех пор, пока проснувшийся голод не заставил его двигаться.

С первым же движением вернулись телесные боли. Но он позабыл о них, когда понял, что сливы отказываются исчезать. Серо-зеленые пятна над головой, которые он принимал за склон холма, оказались листьями сливового дерева. Хью приподнялся и обнаружил, что многие ветви были в пределах досягаемости.

Слезы навернулись на глаза, когда он ухватился за плод и сорвал его. Пропатать всю ночь, не зная о том... Хью принялся есть.

Дневной свет пронизал белизну, туман начал редеть. Когда видимость прояснилась достаточно, он увидел, что заснул в самом начале долины. Воздух становился все прозрачнее, прилетел теплый ласковый ветерок.

Внизу, в долине, виднелась тонкая линия, похожая на ручеек. Оценив рельеф местности, Хью решил, что ручей скорее всего течет к Моро, которая в свою очередь впадает в Миссури. Оставалось только следовать по течению.

Пока он ел, свет и тепло продолжали окутывать его тело. Сорвав все сливы, что смог, он развернулся и направился вниз в долину. Бедро сильно болело от напряжения вчерашнего дня и переохлаждения; суставы онемели. Первые же движения заставили его застонать, но впереди лежала надежда, облегчая боль одним своим существованием.

Взявшись за дело с новыми силами, Хью заметил далеко впереди чахлую зелень. Как он и предполагал, там оказался ручеек, бьющий из ключа. А растительность сопровождала ручей его русла.

Вода. Надо только добраться до нее и ползти потом рядом. Жажда отступит. А, возможно, и голод, если он сможет найти кое-какие фрукты, коренья, ягоды. Хью решил поторопиться. Растаяли последние клочья тумана, когда он спустился в долину.

Ползти пришлось долго, солнце поднималось все выше, день становился теплее. И вот наконец он добрался до полоски растительности, где вода была ключом в маленьком водоеме, переполняла его и убегала на юг. Припав губами к источнику, Хью думал о пути, который прополз, о пути, который лежал впереди, и о конце его. Он вдруг вновь преисполнился уверенности в победе. После того, что случилось, уже не страшны были никакие испытания. А потом, потом он найдет Джеми, и разделается с ним...

Хью пил, и вода была сладка. Он склонялся над источником, сначала глотая, а потом лениво посасывая воду, отдыхал, поглаживал ногу, дремал. Наконец-то. Впервые с начала своей страшной одиссеи он чувствовал себя в безопасности, стараясь продлить это чувство как можно дольше.

Так он провел больше часа, прежде чем тронулся дальше. И полз теперь с удовольствием, ибо слышал журчание ручейка. Хью будет сопровождать его, следить, как он растет, набирает силы. Он знал, что вода поделится с ним своей мощью.

Так он и полз, напиваясь досыта на каждом привале, закусывая съедобными корешками и ягодами, что частенько попадались на пути. Полз весь тот день, и следующий, и еще

один, все дальше продвигаясь на восток и следя, как слева от него постоянно растет и ширится поток. И по мере того как Хью набирался сил, он вновь и вновь возвращался к обстоятельствам, приведшим его сюда, и гнев его рос, неотступно следуя за ним. Теперь уже было ясно, что скорее всего он останется жив и сможет начать свою, особую охоту. С тем же упорством, с каким когда-то выслеживал дичь, он выйдет на тропу войны и отыщет Джеми...

Вдруг на рассвете четвертого дня Хью наткнулся на свежий медвежий помет. Потом на пути попались заросли малинника, возле которого явно отпечатались недавние медвежьи следы. Верхние ветки кустов были ободраны, но внизу еще висело с пригоршню ягод. «Медведь оставил мне завтрак, — улыбнулся Хью. — А может, это компенсация за мои страдания? Прямо скажем, не слишком щедрая. Мог бы оставить и побольше». Мысли вновь вернулись к той роковой схватке с медведем. Отняв у Хью почти все, что тот имел, дал ли зверь что-то взамен? Да, похоже; тяжелая, неумолимая медвежья решительность с тех пор стала неотъемлемой чертой его характера. Но ведь ей не насытишься. Взял ли медведь больше, чем дал? Та сила, что гнала его сейчас вперед, — справедливая ли то была расплата? В ноздри ударил мерзкий приторный запах. Смерть, неукротимая энергия, сладость жизни. Он обрел ее, эту энергию, но что еще вдохнули в него испытания? Что обрел он еще?

Хью внимательно вгляделся в медвежий след, потряс головой. Нужно рассуждать, как индеец. Тотемы и их сила, дневная сила, ночная сила... Может быть, он преисполнился ночным духом медведя? Пусть так. Хью с благодарностью примет теперь этот дар, ибо он поддержит его в пути и приведет в конце концов к Джеми.

Он глотнул воды из ручья, вытер рот тыльной стороной ладони. Опустил руки в поток и мокрыми пальцами пригладал волосы, расчесал бороду. Потрогал сломанный нос. Все еще мягкий, но уже не такой, как в день пробуждения. На ощупь словно пятак. Лоб весь в стружьях, но болит уже меньше.

Так он полз и полз, равномерно, с регулярными передышками. На солнце напоздали облака, то затемняя его, то позволяя сиять снова. Все больше гусей тянулось на юг, их крики долетали до Хью и звали вперед. Голод усиливался. Теперь, когда жажда наконец отступила, голод накатывал волнами, скручивал живот, отдавался слабостью в груди, ломотой в спине, просачивался в конечности. Ягоды и корешки, которые он находил у ручья, каждый раз казались

благословением. Но они не могли насытить его полностью. Все время до боли хотелось еще. Он рассматривал сморщенные, с обвисшей кожей, руки и пересчитывал ребра. Желудок требовал пищи. Страшно хотелось мяса. Он мечтал о бифштексах и дикой птице. Засыпая, ощущал запах жаркого. Перед глазами стояли куски крольчатины, оленины, птичьих ножки, бизоньи отбивные. Каждый раз, когда Хью выкапывал хлебный корень или глотал пригоршню ягод, это оказывалось даже хуже, чем ничего. Голод только усиливался, заставляя думать о еде, по-настоящему желанной, — белках, форели, беконе, семге. Дни шли своим чередом, и он чувствовал, что теряет силы. Жалкая пища давала ему небольшой заряд энергии, но каждый раз, взглянув на руки, он понимал, насколько сильно истощен. Его могучие бицепсы и тяжелые предплечья усохли, сухожилия торчали, словно шнуры. Разглядывая свое отражение в воде, Хью едва узнавал себя, из ручья смотрел некто изможденный, с заострившимися чертами тощего лица, обрамленного густыми волосами, с глубоко запавшими глазами, расплюснутым носом и темной полосой рваной раны над бровями. Голод и злоба теперь слились в единое целое, да и источник у них был один — Джеми и медведь. Хотя медведь, упорный, сильный, сам дал ему многое из того, что имел, тогда как Джеми только забрал. Переход через равнину отнял у Хью почти все силы. Остался только самый примитивный животный инстинкт. Он весь превратился в голод, и целью его было мясо.

Джеми — теплая кровавая сытость... Хью продолжал ползти и чувствовал, что ему становится жарко, хотя ветерок был холодный и двигался он в тени. Он понял, что его лихорадит, но это уже не имело значения. Он будет пить и ползти, потеть, слышать голоса из прошлого, говорить забытые слова о каких-то местах, где бывал давным-давно. Вот он плавает в Карибском море, играет на полянах Пенсильвании. Борется, охотится и пирует с сию.

Временами казалось, что вернулся туман, а когда он прояснялся, Хью полз по городским улицам, и прохожие не замечали его, над ним нависали странные ярко освещенные здания невероятной высоты, и причудливые экипажи без упряжек проезжали прямо по его телу... Иногда было лето иногда зима, дождь, снег, все вокруг меняло цвет в зависимости от времени года. Он полз сквозь годы, сквозь страны и казалось...

...А голод оставался с ним даже тогда, когда в небе проносились удивительные машины и странно одетые люди

шли мимо. Двигаясь вместе с речкой, он слышал собственный голос, но не понимал своих слов, да это и не имело значения. Вперед, вперед с течением воды.

Поток продолжал расширяться, подпитываемый случайными ручейками. Зеленая полоса вдоль него становилась больше, деревья выше. Порхали птицы, щебетали и пели, охотились за насекомыми.

Лихорадка ослабла, Хью надолго погрузил лицо в воду. Собрал жиденького салата, поел, пополз дальше. Чуть позже упал и заснул.

Проснулся опять от холода: одежда промокла от пота. Попил еще и снова пополз. Долина начала сужаться, углубляться, становилась все более каменистой. Теперь он все время полз в холодной тени, земля, казалось, проваливалась, утаскивая его с собой. Травянистая пойма сменилась на усыпанный острой галькой берег.

В неярком свете облачного полдня Хью достиг резкого поворота ручья. Берега вдруг расступились, и глазам предстал плоский, обрамленный деревьями и тростником берег Моро, в которую низвергалась с высоты его речушка.

Хью подался вперед, чтобы рассмотреть получше. Речка глубоко вгрызалась в желтую скалу, которая преграждала ей путь к Моро. Хью решил взобраться на нее, когда услышал низкий бормочущий звук, не похожий на журчание воды.

Это был самый тяжелый подъем за все путешествие. Уклон временами становился очень крутым, и сломанная нога то и дело болезненно цеплялась за острые камни. Тогда он выбрал кольцевой маршрут, но трижды ему приходилось спускаться и отыскивать более удобную дорогу.

Только на исходе дня он добрался до вершины. Лежа там, вновь стал прислушиваться к странному звуку, пытаясь определить его источник.

Далеко внизу, на равнине, которую Моро делила на две половины, он увидел большое облако пыли, за которым едва проглядывали вершины деревьев.

Вглядываясь в даль, Хью заметил, что звук усиливается, впрочем, это могло лишь казаться из-за того напряжения, с которым он прислушивался. Постепенно внизу облака стало различаться некое движение. Пылевая завеса начала колебаться. Вот она раздвинулась, снова сомкнулась, опять распалась...

Наконец сквозь пыльную дымку Хью разглядел мигрирующее стадо бизонов. Должно быть, они направлялись на зимнее пастбище к Платту. Он жадно вглядывался в них —

тонны живого мяса — до тех пор, пока солнце не село и ночь не укутала небо. Но звук их бега преследовал его и во сне.

Ему снился костер, на котором скворчали бифштексы и языки. А сам он сидел, высасывая сладкий мозг из костей. Проснувшись, услышал нарастающий топот копыт. Над долиной сиял месяц, отражался в воде, освещая темную бегущую массу, которая все приближалась, приближалась.

Хью опять заснул, теперь во сне он преследовал бизона по глубокому снегу, пока окончательно не увяз в нем. Проснулся от ставшего оглушительным грохота бега. Теперь вся масса стада катилась на запад прямо под ним, не оставив ему и крошки мяса. Солнце взошло над долиной, а внизу все перекачивался сплошной живой поток из пузырьков тяжелой плоти.

Было просто невыносимо видеть, как стадо бежит мимо, оставляя его голодным. Если бы была хоть малейшая возможность прибить бизона, пока все они не умчались... Хью огляделся.

Валун. Он понял, что не сможет его поднять, но камень выглядел достаточно крутым, чтобы можно было попытаться подкатить его к краю скалы. Тяжелый, конечно. И все же, если сдвинуть его с места...

Хью подполз к валуну, положил на него руки, уперся здоровой ногой, толкнул. Камень вздрогнул, но остался на месте. Надо раскачать. Он вновь уперся ногой, расслабил плечи, согнул руки. Толкнул, отпустил, снова толкнул, расслабил, толкнул... С каждым разом валун качался чуть сильнее в обе стороны. Толчок...

Камень высвободился из ямы, в которой лежал. Еще толчок. Перекатился через кромку своего ложа. Хью опять принялся равномерно раскачивать камень. Подполз ближе, держась за камень руками, вновь надавил. Толчок. Вперед. К обрыву.

И вдруг валун исчез за кромкой обрыва. Вниз. Хью быстро пополз к краю, чтобы проследить его падение. Камень в полете ударился о выступ, отскочил, покатился к бегущему стаду, чуть не врезался в бок самки бизона и замер. Стадо выровняло свой бег, обтекая валун.

Хью зарычал, схватил булыжник, бросил вниз. Еще! Еще... Они падали среди стада, нечувствительные, как капли дождя. Утомившись, он остановился и теперь просто зло смотрел вниз.

Наконец он отполз от края скалы и спустился к ручью. Напился, поел корешков, вслед за ручьем направился к реке. Местность была неровная, ползти приходилось медленно,

раны заныли с новой силой, а лоб вновь начал пылать. Вернулась лихорадка.

Утром вибрация почвы стала стихать. Стадо удалялось. Ушло... К полудню Хью убедился в этом. Топот копыт стал совсем слабым. Преодолев скопление валунов, он положил голову на руки и замер. Нет смысла торопиться, подгонять себя, особенно когда жар чередуется с ознобом. Он закрыл глаза и стал слушать затихающий топот.

Когда Хью проснулся, тени заметно удлинились. Он попил, умылся и двинулся дальше к устью речушки. Вокруг что-то неуловимо изменилось.

Лишь несколько минут спустя он понял, что именно. Тишина. Земля больше не дрожала от копыт бегущего стада.

Хью не спеша полз к реке. На пути попались еще два каменистых места, затем склон стал более ровным. Спустившись на равнину, он немного отдохнул, прежде чем двигаться дальше. В воздухе еще висела пыль, берега были изрыты тысячами копыт. Кора на деревьях снизу ободрана, молодые деревца повалены и растоптаны. Хью пополз вперед, чтобы получше осмотреть долину.

Насколько хватал глаз, земля повсюду была одинаково взрыта. Он мысленно намечал себе путь, а потом полз в этом направлении. Пробираясь по вспаханной земле под полуденным солнцем, Хью решил двигаться как можно больше при свете дня. Мало-помалу он добрался до того места, где Моро поворачивала на восток. Богатый, сочный запах полноводной реки действовал умиротворяюще.

Когда уже стало темнеть, Хью вдруг услышал странный шум из-за следующего поворота. В нем ясно различалось тьякканье и визг. Осознав, что это может означать, Хью почувствовал прилив сил. И поспешил вперед.

За поворотом реки он, как и ожидал, увидел тушу бизона, черную от облепивших ее ворон. Вокруг толкались похожие на собак звери, слишком крупные для койотов. Хью принялся поспешно озираться в поисках какого-нибудь оружия.

На берегу валялся выброшенный водой топляк. Там можно было постараться отыскать увесистую дубину. Хью направился туда. В излучине реки к берегу прибывало изрядное количество древесины. Он принялся выбирать себе достаточно тяжелую палку длиной фута в два. Наконец отыскал одну, она удобно легла в руку и не треснула от удара о землю.

Подобравшись к туше, Хью закричал. Подобрал камень и запустил его в стервятников. Снова закричал, бросил еще

один камень. Несколько ворон снялись с места и стали кружить невдалеке; другие отлетели в сторону, чтобы тут же вернуться. Три волка прервали пиршество, несколько секунд смотрели на Хью, а потом опять вернулись к прерванной трапезе. Он нашел еще один камень. Поднял его, бросил. Камень упал далеко, на этот раз никто из пирующих даже не пошевелился.

Хью почувствовал, как в нем шевельнулась злоба... как же так, он, охотник, вынужден драться со стервятниками — а эти побирушки даже не обращают на него внимания. Волна ярости захлестнула его, ударив в голову и наполнив конечности бешеной силой.

Он заревел и пополз вперед, тяжело и неуклюже, словно медведь. Размахивая перед собой дубинкой, он подбирался все ближе, и вот сорвались и улетели с протестующими криками птицы. Волки молча смотрели на него, медлили. Ему это было уже неважно. Если они набросятся на него, он будет отбиваться, насколько хватит сил. Если его самого убьют и съедят — значит так тому и быть. Хью снова взревел.

Волки крадучись отступили от туши. Продолжая реветь, он бросил им вдогонку несколько камней. Один из волков заскулил, и вся стая скрылась в прибрежных зарослях.

Хью бросился вперед к окровавленной туше, запустил руки в разорванный бок. Мясо было скользким, оно тянулось и вырывалось из рук. За что бы он ни ухватился, добыча буквально выскользала из пальцев. В который раз он проклял Джеми за кражу ножа. Потом с урчанием впился в мясо зубами — кусал, рвал, грыз. Глотая, тряс головой и следил за теньями. Потом снова сосал и пил кровь, кусал и рвал, и все его мечты о мясе кружились в бешеном танце, в ритме биения крови в висках. Ухватив кусок коренными зубами, он мотал головой, отрывая его. Глотал, не жуя, и хватал новый кусок.

Пока он ел, сгустились сумерки. Из зарослей, осторожно приближаясь к туше, появились тени. Хью услышал собственное рычание и отметил, что оно заставило их остановиться, правда ненадолго. Хью быстро нагнул голову и оторвал еще один кусок теплого мяса. Тени неумолимо приближались, крадучись переставляя лапы с молчаливым упорством. Глаза волков горели в сгустившейся тьме, и Хью вдруг понял, что ночь принадлежит им, что дубинка его бессильна против их питаемой тьмой смелости. Тогда он тихо отполз и взобрался на ближайший утес. Не успел он скрыться, как волки, ворча, набросились на еду.

С красной бородой, с руками, пахнущими кровью, Хью сидел на камне и наблюдал с высоты, как они толкаются и рычат над своей добычей. Время от времени он сам отфыркивался и рычал, вспоминая вкус туши бизона, от которой отрывал куски. Он облизывался и чмокал, а живот скручивался в судорогах и урчал от непривычного содержимого. Лицо вдруг залил жар, конечности внезапно ослабли. Его затрясло, прошиб холодный пот, голову заволокло туманом. Силуэты волков внизу казались то очень далекими, то совсем близкими, а то расплывались, словно во сне. Хью вытянулся на вершине каменной скалы, положил голову на руки. Дул холодный ветер, но ему не было холодно. Волки внизу рычали и лаяли. Хью снилось, что он там, вместе с ними, толкается, прокладывая себе дорогу к мясу, и рвет его зубами.



ОДИННАДЦАТЬ

КОЛЬТЕР

Кружа на крыльях ястреба, расплескивая ястребиным ветром темное небо и провожая дикими криками голубой раскаленный росчерк полета через плывущую завесу туч, темные линии гор, зеленые заросли лесов, рассеченные нитями струящейся голубизны, взмывая ввысь на крыльях ястреба, ловя ястребиным глазом вспышки света на ледяных полях, движение грохочущих стад под пыльными облаками на кружевных равнинах, арки радуг, горящие снежные пики за изгибами океанского берега... исчезающий птичий крик выстраивается клином и пронзает осень, затем бросается вниз в отвесном свинцовом падении, вырываясь из равноденствия... вниз... вниз-ой-йе-о-о... сквозь влажный шепот, раскаленные сполохи, ястребиный крик, охотничий клещ, через Ее вечнодышащее исполосованное Тело, тараня изломанные кряжи, проваливаясь в низины под простреленным звездами небом, вниз, все время вниз между острых скал, холмов, ущелий... с криком вонзаясь в пещерообразные разломы, вниз, туда, где огненные глаза, где стены испещрены вкраплениями сверкающих минералов, ниже, еще ниже... под тяжким весом Земли, столь тяжким, что она стонет, когда вертится вокруг оси, и — наконец, приземлившись, утнездившись, нахохлившись, опускаясь еще ниже, ниже, под тяжестью мира удлиняясь, расширяясь, расплываясь... уже на четырех ногах, ниже, все ниже, ой-йе-о, в...

ДВЕНАДЦАТЬ

ГЛАСС

...Начало начал, где темные потоки низвергаются сквозь тьму, где слепые рыбы рождаются в пещерах глубинных, где на стенах светящаяся плесень вычерчивает тела и лица прародителей всех живущих племен, где хрупкий папоротник пробивает себе дорогу сквозь угольные пласты, где бобер, олень, медведь — сам себе отец, где коты, рыбий народ, птица, которую он видел мгновение назад, а может, целую жизнь, змея, летучая мышь, енот, волк, койот и насекомые в янтаре, все видят во сне Ее тело, все сплошь в сверкающих самоцветах и нефтяных озерах, где жаркий гул расплавленных скал, текущих вечно, все глубже, глубже... свет подземного мира, и в вышине... мужчины и женщины, волосатые охотники, вечные скитальцы Земли, и большие цветы, странные, неизвестные цветы... он идет по ним, кровь на лице, во рту, в глотке... вот он запрокидывает голову и ревет, чтобы весь подземный мир знал, что он идет вперед, и нет силы, способной остановить его.

ТРИНАДЦАТЬ

КОЛЬТЕР

Его разбудило жужжание роящихся пчел. Открыв глаза, Джон увидел длинный серо-бурый шланг, свитый изящной восьмеркой и уложенный мотком, в шесть рядов.

Прямо под деревом, уставившись на него, монотонно шелестела большая гремучая змея: «ш-з-з, ш-з-з». Ее хвост был высоко поднят над треугольной головкой, темной и опасной.

Блеск гладкого хвоста в утреннем свете. Кольтер покачал головой, с улыбкой посмотрел на змею, которая не могла достать его. С ветки, на которой он спал, открывался прекрасный вид на ту зловонную землю, что раскинулась перед ним. Его земля.

Кольтеров Ад... Забавно, похоже, одна из прислужниц сатаны приползла поприветствовать меня здесь этим дивным вонючим утром...

Большая змея зашипела. Клубы желтого пара поднимались в небо. Земля вздымалась, пучилась, вздыхала, опадала. Кольтер задумчиво посмотрел на север.

Если индейцы осмелятся войти в долину, это вряд ли будет похоже на прогулку в парке среди фонтанов. Шипение змеи стало низким, угрожающим.

Глядя на змею сверху вниз, Джон вспомнил запись в дневнике Меризуэра в тот день, когда тот проснулся рядом с десятифутовой гремучей змеей.

«Погремушки, словно ряды кукурузных початков... рты розовые, клыки белые, изогнутые. Бросок их молниеносен, но твари эти не слишком точны в нападении, очевидно, из-за ограниченности зрения. Змея крайне опасна, но, когда она в полдень ползет сквозь сухой кустарник, она похожа на сверкающую струйку воды...»

Да, эта точно подписалась бы под этими строчками своей смертоносной головкой. Льюис, прямо скажем, ошибался, оценивая способности гремучих змей. Кольтер бросил вниз кусок коры и увидел, как извилистое тело свернулось золотисто-коричневыми кольцами, показав кольчатое кремовое брюшко.

Ясноглазая головка, обратился он к ней, живая длань сатаны.

Змея зашипела громче, как бы с признательностью. Что будем делать? Что, мне теперь целый день здесь сидеть? Змея метнулась в сторону, сверкнув алмазным узором, извилисто заскользила прочь.

Так-то лучше и для тебя, и для меня! Кольтер скорчил рожу вслед змее, которая шелковой ленточкой мелькала в низких зарослях чапарраля.

— Сихида, — позвал тихий голос.

Джон подумал было, что это змея, но вдруг заметил темную фигуру у подножия дерева. Тоненький мальчик с волчьей шкурой, наброшенной на плечи. Тело раскрашено красной и черной глиной, вокруг глаз темные кольца.

— Как тебя называют? — спросил Кольтер на языке кроу, не слезая с дерева.

— Брат Енота, — ответил мальчик.

Они принялись искоса разглядывать друг друга. Глаза, по индейскому обычаю, двигались полукругом.

— Сихида, — снова позвал мальчик, подняв голову.

— Чего тебе?

В позе мальчика было что-то просительное, умоляющий жест рукой и плечом. Лицо, однако, оставалось непроницаемым.

Мальчик ничего не ответил.

— Ты пришел... за мной? — спросил Кольтер, ощупывая взглядом горизонт. На северо-западе никого, на востоке серо-голубая трава, окрашенная алыми лучами восходящего солнца... тоже пусто...

Мальчик молчал. Кольтер спрыгнул с дерева. Маленький индеец инстинктивно отскочил назад. Оба уставились друг на друга, в молчании. Потом мальчик дотронулся до руки Кольтера. Тот не двинулся, выжидая. Пальцы мальчика пробежались вверх по руке, потерли щеку, задержались на бровях, потрогав сначала левую, потом правую. Затем, словно маленькая упорхнувшая птичка, рука упала. Таинственная улыбка изогнула его губы, исчезнув так же быстро, как и появилась.

Мальчик отвернулся, рассматривая клубящийся пар Кольтера Ада. За туманными испарениями просматривалась водянистая почва с горячими озерами, извергающими огонь, холодные лужицы замерзшей воды, блестевшей на солнце. Пузырящиеся голубые лагуны. Ярко-зеленые кочки, поросшие мокрой желтой осокой. Покрытые коркой охряные лужицы, испускающие мерзкий запах, невидимые сернистые дымки, струящиеся в небо. Ядовито-зеленые гейзеры, словно огромные глаза гигантских жаб, квакающих в гнилостном тумане.

Мальчик осматривал пейзаж без видимого удивления. Кольтеру стало интересно, придает ли маленький индеец увиденному то значение, которое почудилось ему в тот первый раз, когда он обнаружил это место. Наверное, нет. Правда, в поверьях мацдан есть нечто похожее на ад с маленькими красными дьяволами.

В призрачных испарениях Кольтеру виделся гнев Господень. Вылетающие из земли облачка были душами грешников, низвергнутых в ад, и теперь горящих в серном огне. Горящая сера, смоляное озеро, туда был сослан сатана и с тех пор властвовал над зловонными дымами, исходящими от грешных душ, их грязи, гноя и крови.

— Никогда не думал, что вновь увижу это, — поморщился Кольтер, покачивая головой при виде места, куда он зарекся возвращаться и названного его именем.

Взор мальчика был безмятежен.

— Что ж, тогда пойдем купаться, — пробормотал Джон. — Смоем скверну, прочистим глаза, сполоснем задницу... Пойдем, сынок, я знаю местечко.

Мальчик послушно пошел следом. Джон шел между ведьмиными дымами, огибал кипящие ключи, грязевые лужи, гейзеры, мальчик опасливо ступал след в след. В отдалении столбы пара поднимались высоко в небо. Камни под ногами были раскаленными, как сковороды. Земля все время дрожала. Вибрация перемежалась глубоким подземным громом, словно спазмами неуправляемой ярости. Кольтер пробирался сквозь скопления засохших деревьев, мертвенно-белых, как кости скелетов, выжженных брызгами гейзеров. Вода, по которой они ступали, была покрыта тонкой изумрудной пленкой.

По уступам они взбирались на сероватые холмы; под ногами булькали пурпурные лужицы, по краям которых поблескивали валики из твердых отложений: каскады пахучей мочи падали с уступа на уступ, стекая в глубокие впадины — чаши с кипящими экскрементами.

Кольтер выбрал одну из таких ванн — золотистую, до краев наполненную прозрачной бирюзовой жидкостью. Разделся и улегся в теплую воду. Мальчик присел на край водоема, окруженного насыпью из снежно-белого песка с торчащими кое-где пучками белой, выжженной травы. Напротив чаши, по другую сторону песчаной насыпи виднелась какое-то образование, напоминавшее комок мокрого зеленого теста. Оно казалось живым, но на самом деле окаменело много веков назад.

Кольтер плескался, смывая песок с высушенной солнцем кожи. Мальчик смотрел на север, словно слышал оттуда чей-то зов.

Чуть погодя Кольтер решил окунуться в прохладный ручей неподалеку. Он вылез и пошел к речушке, что журчала по скользким камням. Кольтер распластался в студенном потоке, прикрыв глаза. Замерз, встал и снова пошел отмокать в бирюзовую чашу. Так и прошел день: мужчина лениво дремал в воде, а мальчик вглядывался вдаль, ожидая чего-то, что, похоже, и не собиралось появляться, но оставалось на горизонте его разума. Он упорно вглядывался в бурые холмы за опаловыми террасами Кольтерова Ада.

К концу дня Кольтер проголодался. Нашел место для стоянки на плоской вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на окружающую местность. Устроил лагерь и задремал в ожидании. В отдалении слышались крики диких гусей, расположившихся на озере по ту сторону кипящего болота. Услышав их, мальчик моментально вскочил. Кольтер впервые увидел, как он извлекает из-под волчьей шкуры лук и стрелы.

Мальчик ушел в заросли мертвых деревьев, а Кольтер принялся взвешивать свои шансы. У подножия холма, где он расположился, находилось жерло маленького гейзера, который через определенные интервалы испускал выхлопы насыщенного серой газа. Вокруг этого небольшого отверстия — Кольтер решил вдруг, что именно так должен выглядеть раскрытый рот троглодита — тонкая, твердая известковая корка скрывала незаметную глазу кипящую жидкость, поджидавшую неосторожного путника. А чтобы добраться до Кольтера, нужно было еще и преодолеть несколько уступов, покрытых скользкими водорослями.

Лебедь перелетит через эту корку, решил Кольтер. Маленького сурка она тоже, пожалуй, выдержит... Но человека, не знающего об опасности, не пропустит. С этими мыслями он и уснул. А когда проснулся, не запомнив снов, хорошо отдохнувший, мальчик был тут как тут. Он ел

жареного гуся, втирая гусиный жир в волосы. Угостил Кольтера. Тот схватил гусиную ногу и принялся жадно глотать, почти не жуя. Пировали в молчании.

Костер из веток мертвых деревьев горел неровным пламенем на сухом холме. Ночь была звездная, воздух колючий, холодный. Но там, где они нашли себе убежище, от раскаленных камней густой пар поднимался в небо. Вид на туманные сады, открывавшийся с высоты, давал уверенность в относительной безопасности.

Джон вглядывался в лицо мальчика. Ведет себя, как глухонемой, подумал он. Посасывая сочные кости, они прислушивались к выдохам газовых струй. Кольтеру, который бросал кости в рот троглодита, слышалась оттуда удовлетворенная отрыжка.

Джон улегся на спину, всматриваясь в высыпавшие звезды. Наконец-то он вновь, хоть и на короткое время, стал самим собой, человеком беспечным и безрассудным. В этом ужасном месте он чувствовал прилив кипучей энергии, радуясь своему богатырскому здоровью, которым всегда отличался. Умиротворенный, он закрыл глаза, приснились ему великие равнины Запада в тот день, когда он впервые увидел их:

...мили высокой травы и колючек, нагорья, покрытые низкой осокой, горная смородина между скалами... великие равнины были необъятны, как человеческий разум, подумал он тогда, любуясь оленем, бегущим не ведая троп и дорог... здесь, где можно наткнуться лишь на случайный след мокасин, уходящих к солнцу...

...а потом вся нетронутая эта благодать обрушилась на него: щедрое лоно земли, не имеющие конца реки, бездонные пропасти, мохнатые, колючие, поросшие соснами горы...

Вновь он видел маленькие круглые камни, по которым так трудно ходить, и больших козерогов, чье мясо, как ни вари, все равно остается жестким, диких индеек, напоминающих вкусом сапожную кожу; дни, измеряемые усталостью, когда тащишь неуклюжую лодку вверх по течению; москитов, высасывающих из человека жизнь; солнце, иссушающее душу; ночи, наполненные дикими, свирепыми снами...

...ясное утро, холодная ночь, тяжелый долг, подавляющий порывы духа — завтрак из бизоньих кишок, обжаренных на костре по манданскому обычаю. Леса с деревьями-стрелами, леса красные, ивовые и тополиные, и люди, кто — с опухолью, кто — с лихорадкой...

...Льюис, думая, что целится в волка, выстрелил в кошку тигровой желто-коричневой окраски, что притаилась у норы, готовясь к прыжку; выстрелил-то он точно, но, когда я подбежал, чтобы посмотреть, раненое животное исчезло, а ведь кошка была единственной в своем роде, такую мы раньше не видели; мы потом пробовали зарисовать ее по памяти, но рисунок имел мало общего с оригиналом...

...холодная ночь, тяжелая, долгая, тянем лодки по реке, оступаемся на скользкой гальке, тащим наши замерзшие души вниз, вниз, вниз...

— ...в ад? — спрашивает Поттс с волокуши.

— Нет, — отвечаю.

— Как же так, — говорит он, — разве по мне не видно...

— Нет, — говорю, — ад нужно заслужить... туда по своей воле не попадешь...

— Одно, — говорит, — знаю: этот берег не похож на рай...

По обыкновению перебивая, в разговор влезает Льюис: «Попал я в эту тигровую кошку или нет, точно сказать затрудняюсь, но думаю, что попал; мое ружье пристреляно, к тому же я пользовался сошками, которые считаю весьма полезным устройством при стрельбе на открытой местности. Последнее время у меня вообще складывается впечатление, что все звери в округе словно сговорились разделиться со мной. А может, некая безумная судьба имеет намерение позабавиться на мой счет...»

...о, скалистые обрывы, и речные утесы, и сырые тени вымокших, усталых путников, которым не хочется ничего, кроме домашнего уюта, но ветер приносит болезни, и дождь ранит кожу, и звери в округе находятся в сговоре, находятся в сговоре, точно вам говорю...

Джон повернулся во сне, поудобнее устраивая голову на руках. Мальчик встал от костра, подложил еще полено, укрыл вспотевшего Кольтера своей волчьей шкурой, прислушался к ночным призракам, к свисту и визгу кипящей воды. А Кольтер слышал мужские голоса между столбами пара. Мелькающие факелы. Они приближаются, идут к губам гейзера. Утром они убьют его. Ему снилось...

Проповедь среди дымных колонн, освещенных четырьмя лунами. Льюис, покачиваясь на пятках, смотрел на людей, скрестив на груди руки. Позади него взмыл вверх фонтан спермы, забрызгав деревья. Люди закрыли лица платками. Льюис, тоже забрызганный извержением, не шевельнулся, только продолжал маниакально покачиваться на пятках, сжав губы и готовясь, словно тигровая кошка, к броску.

— ...Наполнил землю и покорил ее, — гласит Библия. — И властвовал над рыбами морскими, и птицами небесными, и над всеми тварями живущими, что движутся по-земле...

Кольтер вскочил на ноги, исполненный праведным гневом.

— Мы, — возопил он, — поклонились Зверю, печать его на наших лбах. Мы испили крови его. И пришел Судный час. Посмотрите на это место, оглянитесь вокруг — адский гнев, вино Зверя. В Библии сказано: «И дым мучений их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его, принимающие начертание имени его».

Толпа заревела и взлетела в воздух множеством хлопающих крыльев — вороны, взбивающие крыльями серные испарения.

А уж у Роуза печать Зверя просто была отчетливо выжжена на лбу. А все потому, что все они, невзирая на неодобрение Льюиса, катались по полу с манданскими женщинами.

Джон молился над убитой дичью и над дичью, которая должна была быть убита; он убивал и убивал, и то же делали остальные. И не было конца крови, в которой они купались.

И четыре луны затмили солнце. И было великое землетрясение. И унесло людей ветром, и обросли они вороньими крыльями, и покрылись власяницами, и луны окрасились кровью. А из чаши изошли гром и молния, и возникло сверкающее хрустальное море, и вышли из него звери, вернувшиеся из страны мертвых, рогатые звери серных озер, и глаза их горели.

Джон проснулся, дрожа. Мальчик, полуобнаженный, сидел, скрестив ноги. Костер догорал, рассыпаясь искрами. Юный индеец смотрел на него с доброжелательным равнодушием; на губах его играла слабая улыбка.

— Знал бы ты, что мне привиделось, ты бы так не улыбался, — проворчал Кольтер, яростно протирая глаза.

— Тебе было видение?..

— Да, видение... Ведаешь ли ты, мой друг, что когда-нибудь все исчезнет? Не останется ничего? Что жизни твоя и моя не стоят той искры, из которой они родились...

Мальчик слушал внимательно, временами губы его изгибались в радостной улыбке, только лицо оставалось непроницаемым, неподвижным, лишь дымный огонь мягко играл его юными чертами.

— Мне тоже было видение, — наконец сказал он.

Кольтер поднял глаза, покачал головой:

— Когда?

— Этой ночью.

Кольтер внимательно разглядывал круглую мальчишескую голову. Почувствовал на плечах вольчую шкуру.

— Это ведь твоя? Без нее я бы умер...

Мальчик холодно смотрел сквозь него, в темное небо, расчерченное дымными столбами. Слабая кошачья усмешка исчезла. Спокойное лицо стало старым, усталым, сморщенная черепашья шейка еле поддерживала голову, готовую вот-вот упасть и скатиться по ступенькам в булькающие воды. Кольтер даже подался вперед, чтобы удержать ее.

Небо, усыпанное звездами. Под ним — земля, измученная отрыжкой. А между ними два окаменевших человека — Кольтер и мальчик. Джону вдруг показалось, что они сидят тут вечно, с первого дня творения.

— И что сказало тебе видение? — спросил он мальчика.

Мальчик раскрыл рот. Пар заструился вокруг него, заволакивая лицо.

— Пришли белые медведи, — начал он шепотом. — Они унесли меня далеко в горы. И оставили меня и отдали боевым орлам, а те подняли и понесли дальше. И оказался я на вершине гор, там, где они соединяются с небом. И голос попросил меня дать немного крови. И я это сделал.

И там, куда упали капли моей крови, в горах открылись пещеры. И я вошел в одну и шел далеко, очень далеко. И пришел я в то место, глубоко под землей, где живут мертвые. И подошел там ко мне вождь бизонов с огромными изогнутыми рогами и сказал так: «Мы все мертвы. Когда-то мы были живы, и не было нам числа. Но теперь мы мертвы».

И сказал я ему, что не верю, будто почти весь его народ исчез с лица земли. И заверил он меня, что так оно и есть. И глаза его горели во тьме, как маленькие огоньки.

— Идем, — сказал вождь бизонов, — я покажу тебе...

И он позвал свой народ из глубин земли, и земля задрожала и загрохотала от топота их копыт. И я не мог сосчитать, так много их было. Копыта, головы и рога пронеслись мимо, грохоча по земле.

— И вот все они выбежали из пещеры...

Мальчик показал на дымящийся рот троглодита.

— Вот, — прошептал он опасливо, — вот то отверстие, из которого они вышли...

Кольтер посмотрел на круглую дыру, из которой поднимался нежный серный дымок.

— И все? — спросил он.

— То были не настоящие звери, — ответил мальчик. — То были твари из мира мертвых. Они вернулись в мир живых, но двигались по земле как-то странно. Они паслись, как бизоны, но не поднимали голов, когда я проходил мимо. Многие легли, но не так, как ложатся бизоны. Их было много, и все в пятнах, и все такие странные. Они не издавали звуков, тех, что издают бизоны. Когда они говорили, это был какой-то тихий, неясный шум. Рога на их головах были маленькие и короткие, а глаза большие и круглые. Головы маленькие, зато хвосты длинные, с кисточками на конце. Звери, которых я видел, пришли из других времен. Я думаю, это дурное предзнаменование.

Мальчик умолк. Отвернулся. Кольтер заметил в его глазах слезы, но тот даже не пытался вытереть их.

Дым змеился между голыми холодными деревьями. Дрожащая земля испускала дыхание смерти. Ночь, полная ледяных звезд, была туманной, как сон. Кольтер протер глаза,фыркнул.

— Значит проклятые бизоны исчезли, — пробормотал он. — Интересно, не с ними ли сейчас Поттс... Тебе не встречался там, на адских тропинках, такой чудной парень, похожий на подушечку для булавок?

Маленький индеец смотрел в сторону корявых деревьев с призрачными змейками, струящимися между ветвями.

— Они придут за нами утром. Они убьют нас, — мягко сказал он. — Я должен приготовить свое лицо смерти.

Кольтер заметил, что небо посерело. Утро спешило на смену ночи.

— Не бойся за свою жизнь, мою юный спаситель, — сказал он, когда мальчик начал спускаться по скользким ступеням. — И добавил: — Не наступи на корку, лишь дюйм отделяет тебя от огненной могилы...

Мальчик пошел дальше, и вдруг рот троглодита изрыгнул фонтан горячей пены. Кольтер перегнулся через уступ, подцепил мальчишку за талию и успел отшвырнуть его от второго фонтана раскаленного пара. На этот раз плевок вылетел высоко, но Джон, обняв мальчика, уже упал и откатился в сторону, свалившись в небольшую пещеру, оказавшуюся поблизости. Горящие капли забрызгали вход, не задев людей. Они еще долго прислушивались к реву троглодита, который заливал теперь всю округу своей грязной блевотиной.

— Тут на каждом шагу ловушка, разве не видишь... Мистер Дьявол завел будильник, вот так-то. Если бы ты только знал, куда мы попали...

Индеец смотрел на него, явно не понимая, что происходит; похоже, он был убежден, что они оба уже умерли.

— Ну ладно, иди и готовь свое лицо смерти, а я тут подожду твоих родичей.

Когда небо стало бледнеть, Кольтер закричал петухом. Вскоре солнце залило свежей кровью это нечистое место. Тут и там извергались гейзеры, двигалась земля, сравнивая холмы и заливая поляны ядовитой грязью. Безбожная какофония звуков радовала ухо лихорадочно возбужденного Кольтера, который приплясывал на вершине своего облепленного водорослями трона.

Он вновь кричал петухом. Издалека, от другого костра, пришел ответный крик. Мальчик вздрогнул, словно проснувшись, поднял голову, прислушался.

Они пришли с рассветом. Кольтер, впавший в возбужденное безумие, подготовился к встрече. Задрапировал спину и плечи прядями водорослей, обмотал ими голову. В руках он держал веревку, сплетенную из водорослей. Ловушки для болванов были расставлены. Он ждал.

И они пришли. Первым шел Каменное Лицо. Выглянув из-за голых деревьев, он увидел вдалеке пляшущего человека, крутящего над головой веревку. Стрелять из лука он не стал, отбросил его, отвязал колчан. Кивнув своим спутникам, их было человек пятнадцать, двинулся вперед.

Кольтер заревел от радости и скрылся в пещере. Минут через пятнадцать, пробираясь по поваленным окаменевшим деревьям, Каменное Лицо добрался до подножия холма, на котором ночевал Кольтер. Вокруг поднимался зловонный пар. Каменное Лицо острием ножа указал на дыру, в которой исчез Кольтер, и один из его людей, согнувшись, вошел туда.

«Давай же, — шептал Джон сквозь зубы, — пройди сквозь кишки ада, и я научу тебя дьявольской игре в шахматы...»

Туннель уходил вниз, стены пылали жаром. Кольтер услышал, как воин потерял равновесие, поскользнувшись на слизистых камнях.

«Слизь немного смягчит твою шкуру», — проворчал он, готовя веревку. Воин завернул за неровный угол, повернувшись спиной к свету. В пещере было темно, индеец прошел совсем рядом с Джоном, который стоял неподвижно, весь зеленый, как колонна, облепленная водорослями.

Вдруг колонна рванулась вперед, накинула веревку на горло индейца. Они сцепились. Задрожали стены подземной

пещеры. Близилось время, когда должна была сработать адская машина. Они катались по полу, зеленое облачение Кольтера расплзлось под руками воина, веревка лопнула во время схватки. Теперь они бешено извивались, обхватив друг друга. Стены пещеры все громче возвещали о приближении грома.

Снаружи, на ярком солнце, индейцы бросились в укрытие. Троглодит выбросил предупредительную струю дыма, затем последовал фонтан ртутных капель, и наконец заключительная конвульсия извергла основную струю — тысячи галлонов обжигающей серной воды.

Трое индейцев в панике забежали на беловатую корку, она тут же проломилась под их весом, и серное озеро поглотило несчастных вместе с предсмертными криками. Остальные бросились врассыпную и, скользя по коварным водорослям на ступенях и падая, побежали под защиту деревьев, где и припали к земле, наблюдая оттуда за происходящим.

А в это время в чреве пещеры, забыв обо всем, кроме схватки, Кольтер и его противник награждали друг друга мощными ударами. Один раз Кольтер попал индейцу в горло, правда, не очень точно, и кулак соскользнул по груди, противник увернулся и в свою очередь провел хук, сбив Джона с ног. Руки индейца тут же намертво обхватили Кольтера, и тот слышал треск собственных ребер. Он застал и стал проваливаться в черноту.

Трепыхаясь, завис между мирами. Его соперник был крупнее и сильнее; позвоночник, прижатый к раскаленной стене, казалось, вот-вот расплавится. Из последних сил Кольтер использовал свой последний шанс. Большими пальцами рук он уперся под челюсть индейца, пытаясь добраться до аорты. Надавил, вогнал их в мягкую плоть, как гвозди.

Противник издал вопль. Тиски, сжимавшие ребра Кольтера, ослабли, индеец ловил ртом воздух. Оба рухнули на пол. Джон схватил соперника за уши и, держа его голову, словно кочан капусты, трижды ударил о выступ скалы. Без сознания тот откатился в пенную лужицу на полу пещеры.

Несмотря на отчаянное жжение в ладонях, Кольтер стоял на четвереньках, не в силах подняться. Дыхание вырывалось из него судорожным лаем. Легкие, на время лишенные воздуха, болели. Пошатываясь, он наконец поднялся и, спотыкаясь, словно вместо ног у него были водоросли, добрал до мглистого выхода из пещеры.

Черноногие отошли подальше от троглодита и наблюдали из-за белых костяных деревьев, как Кольтер, шатаясь,

выбрался из пещеры и повис, уцепившись за скалистый выступ. Один из индейцев поднял лук, тщательно прицелился и послал стрелу. Кольтер заметил ее слишком поздно, пригнулся, принял ее в грудную мышцу и упал назад в пещеру.

Каменное Лицо в гневе ударил стрелка кулаком.

— Ты не должен был этого делать, — сказал он злобно.

Когда он вновь посмотрел в сторону пещеры, Белобрового уже не было видно.

Кольтер пошатнулся, изумленно глядя на торчащую из груди стрелу, сделал три неуверенных шага в темноту, упал. Секунду спустя, придя в сознание, увидел, что человек, которого он ударил, поднимается на ноги, неловко пытаясь найти какую-нибудь опору. Двигался он очень медленно.

Превозмогая боль, Джон перевернулся на живот; потом очень осторожно подался вперед, подняв одно колено.

Воин теперь стоял, выпрямившись, протирая глаза. Весь в щелоке, он блеснул, как мраморная статуя.

Кольтер прижал согнутое колено к животу и перекатился так, что теперь оба колена оказались под ним. Человек все еще стоял спиной к нему. Голова Джона повисла, словно стала вдруг весом в тысячу фунтов. Пошатываясь, он тихонько поднялся на ноги, и все же не удержал сдавленного стона.

Пещера поплыла, закружилась перед глазами. Кольтер взмахнул руками, цепляясь за воздух. Земное притяжение заставило его вновь рухнуть на колени. Теперь индеец стоял лицом к нему, сжимая томагавк.

Шаря руками по полу пещеры, Джон вдруг нащупал нечто скользкое. Набухшие обрывки веревки из водорослей. Собрав их в комок и крепко зажав в кулаке, он уперся пятками в каменистый пол и начал поворот.

Воин, полагая, что Кольтер абсолютно безоружен, быстро подошел и низко — слишком низко — наклонился; Кольтер поднял кулак, полный горячих мокрых водорослей, и с силой ударил индейца в лицо.

Удар отбросил того назад. Он сделал полшага в сторону, широко размахнулся томагавком, но Кольтер отбил удар предплечьем и шагнул вперед, нанеся хук справа. Голова индейца запрокинулась, и Джон ударил его ребром ладони по кадыку.

Щелкнув челюстью, индеец тяжело рухнул на пол. Голова его ударилась о камень, глаза закатились, веки сомкнулись.

Кольтер тяжело дышал, стоя на коленях. Вдруг он заметил, что оперение стрелы щекочет нос. Встал, дернул за

отточенный кремневый наконечник и протаскил оперенную стрелу сквозь тонкую ткань грудной мышцы. Лоскутик кожи вырвался вместе со стрелой, издав треск лопнувшего полотна.

Выдернув стрелу, Джон швырнул ее на пол. Пришло время бежать. словно спохватившись, пещера загрохотала и наполнилась паром. Троглодит собирался выплюнуть очередную порцию сернистой воды.

Интересно, куда ведет эта дорожка, пробормотал Кольтер, устремляясь в глубь пещеры. Она ушла вниз, нырнула в водоем с прохладной водой, сделала поворот и наконец впереди забрезжил свет. Теперь Кольтер бежал по прямому туннелю, который становился все светлее.

Возможно ли это?.. Туннель вдруг наполнился солнечным светом. Кольтер выбрался из пещеры и стоял теперь перед ее широко раскрытой пастью; под ногами был скалистый обрыв. Внизу раскинулось устье Зловонной реки. Он проследил глазами, как она разливалась широкими озерцами, а затем, влившись в быстрый белый поток, стала частью Большой Двойной Развилки, которая текла к подножию Шошонских гор.

Шошоны были последним препятствием, отделявшим его от форта Мануэля Лизы; стоит перевалить через них, и останется преодолеть только большую скалистую долину. Несколько секунд Джон смотрел на солнце и сосны долины, не окутанной дьявольскими испарениями горячих скал; наконец-то он вернулся обратно в страну, еще не забытую Богом. Небо было голубым и чистым, только перистые облака время от времени закрывали солнце. Кровь текла по груди из недавней раны; но он не обратил на нее внимания.

Джон Кольтер прыгнул.



ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

ГЛАСС

...Сон. Он лежал весь переломанный возле собственной могилы, а друзья седлали коней, собираясь на запад. Он слышал, как они говорили об этом, но не мог ничего сказать в ответ. Стук копыт. Удаляясь, он отдавался в земле. Слова стали еле слышны.

Хью проснулся, прислушиваясь. Слова замерли вдалеке. Над головой висела усталая луна, подернутая дымкой. Рассвет робко просачивался через полосы тумана. Не было ветра, чтобы разогнать его. Стук копыт в голове не стихал. Хью припомнил вкус крови, дыхание медведя. Пополз...

Тут он окончательно проснулся и обнаружил себя на вершине своего утеса. Понял, что стук копыт ему не снится. повернулся и стал вглядываться вдаль. Пробираясь сквозь плотный туман, три индейца ехали по следам бизонов. Хью чуть было не окликнул их, это могли быть сиу, с которыми он поддерживал хорошие отношения. Но могли оказаться и ри, а он проделал весь этот путь не для того, чтобы преподнести себя на блюде врагам. Хью замер и вскоре они растворились в тумане на западе.

Это вполне могли быть разведчики целого племени, кочующего вслед за бизонами. Лучше немного подождать и посмотреть, как будут дальше разворачиваться события. И подготовиться к встрече с большим отрядом, независимо от того, враги это или друзья. Тогда... Если это окажутся сиу, его накормят, станут ухаживать за ним, лечить. Он будет рассказывать им сказки у костра, расплачиваясь звонкой монетой удивительных историй. А потом вновь отправится в путь, пробавляясь охотой.

Так он и лежал, вслушиваясь и вглядываясь, а туман вокруг уже начал золотиться. Солнце медленно вставало на

востоке, прошло уже около часа. Вдруг ниже по течению реки порскнула стая черных птиц, каркая и хлопая крыльями, и упорхнула к западу, рассевшись на ветвях тополей. Послышались лай собак и ржание лошадей. Чуть погодя появилась группа конных воинов. Они ехали недалеко от подножия утеса, направляясь на запад.

Хью всматривался, стараясь сдержать биение сердца. Впереди на пегом жеребце восседал старик с тяжелым морщинистым лицом, с сединой в волосах; Хью узнал его. Это был Язык Лося, вождь ри, вслед за ним из тумана появлялись все новые и новые воины, огибая утес в лавинообразном движении на запад.

Потом пошли старики и женщины, дети, больные и здоровые. Это было нечто большее, чем просто охота, ибо за Языком Лося следовало не менее сорока родов, и они везли с собой все свое имущество, а не только охотничьи принадлежности. Сиу, похоже, одержали верх в войне, вытеснив соперника с восточных стойбищ. Ри отступали, пони тащили повозки, на которые были навалены меха, котлы, барабаны, корзины с едой, немногочисленные металлические инструменты; поверх скарба сидели маленькие дети; на других повозках можно было различить распростертые тела дряхлых стариков и раненых. Вот мимо проследовала группа кормящих скво с детьми на спинах. Все они выглядели измученными. Хью почудилось, будто они принесли с собой запах горящих кукурузных полей. Они идут за стадом бизонов, чтобы добыть себе пропитание, а потом скорее всего направятся к землям своих родичей пауни на Платте.

Хью фыркнул. «Ри» — сокращение от «арикара». Они несколько раз нападали на мирные торговые караваны, что и привело к Ливенвортской кампании, в ходе которой сиу вступили с союз с белыми, ибо познали бессмысленную жестокость этого племени. Пауни, родичи ри, были более терпимы и менее склонны нападать без веской причины. Хью сам считался членом племени пауни и говорил на их языке так же свободно, как на диалекте ри, но все же не был уверен, что ри признают его кровную связь со своими родичами.

По правде сказать, пауни тоже были не слишком-то добродушны...

Когда племя прошло, Хью позволил мыслям уплыть в далекое прошлое. Когда же это началось? То, что привело его сюда? Не на той пенсильванской равнине, где он родился и вырос, много раньше. Это была судьба. Судьба и

человеческая подлость — подлость белого человека, француза, такого же проклятого, как и любой из тех, кого он встречал на земле, неважно, белого ли или индейца. Ни одна раса, ни одна нация, ни одно племя не имело монополии на проклятие; оно было неотъемлемым свойством человека. Он вспомнил море.

После войны 1812 года он служил на торговых судах в Карибском море. У него никогда не было настоящего желания лазить в горах или скитаться по равнинам. Он посещал тропические порты, выпивал свою порцию рома, выходил невредимым из жестоких штормов. Ему нравилось море, его запах и дух, нравились яркие птицы, цветы и девушки в портах, нравился вкус экзотической пищи и вин. Он и сейчас предпочел бы плавать, если бы не тот случай в заливе.

Когда щеголеватое судно со множеством парусов показалось на горизонте, никто особенно не беспокоился до тех пор, пока оно не выбросило свой настоящий флаг, дав предупредительный выстрел.

Капитан попытался удрать, и это было ошибкой. Пиратское судно оказалось быстроходнее. Тогда он решил принять бой, вторая ошибка. Пираты были лучше вооружены, у них было больше людей, а судно маневреннее. Теперь-то ясно, что он тогда ничего не мог сделать правильно, подытожил Хью. Просто сдаться без боя после первого предупредительного выстрела тоже было бы ошибкой. Хью смог убедиться в этом позже, и это лишь подтвердило слухи, годами ходившие среди моряков. Капитан в любом случае не смог бы спасти команду от Джина Лафитта, который не имел привычки оставлять живых свидетелей своих деяний.

Хью видел, как зарезали капитана и всех офицеров. А потом принялись за матросов. Хью решил не сдаваться в плен и вознамерился продать свою жизнь как можно дороже. Стоя спина к спине с другим матросом, Томом Дикенсом, с абордажной саблей в одной руке и крепежным шкворнем в другой, он рубил каждого, кто пытался приблизиться, выпускал им кишки, дубасил по голове, резал руки и лица. Палуба под ними стала скользкой от крови, и сам он обливался кровью из множества ран. Чуть погода интенсивность атак стала ослабевать; пираты старались держаться подальше, опасаясь подходить слишком близко. Вдруг Хью заметил долговязого субъекта, который стоял и спокойно наблюдал за бойней.

Неожиданно человек заговорил: «Довольно! — приказал он. — Я сам поговорю с ними». Хью различил французский

акцент и понял, что это и есть капитан пиратов, о котором ходило столько жутких историй.

— Вы, двое, — сказал капитан, — жить хотите?

— Глупый вопрос, — отозвался Хью. — Разве бы мы стали драться, если бы не хотели жить?

Француз улыбнулся.

— Я могу приказать своим людям заколоть вас или вызвать стрелков и просто расстрелять вас, — перечислил он. — А могу взять вас в свою команду и сохранить вам жизни. У меня сейчас ощущается нехватка людей, отчасти благодаря вашим усилиям. Я бы не отказался от пары хороших бойцов.

— Предпочитаю жизнь, — быстро сказал Том.

— Я тоже, — кивнул Хью.

— В таком случае сложите оружие — можете сохранить его — и помогайте таскать груз на мой корабль. Если хотите взять что-то себе, ради Бога. Мы все равно затопим эту посудину, как только выпребем добро.

— Есть, сэр, — отсалютовал Хью, опустив саблю и засунув дубинку за пояс.

В то время штаб-квартира Джина Лафитта находилась на острове Гальвестон. Там они и получили свое новое пристанище. Том держался особняком, а Хью вскоре перезнакомился со всей пиратской командой. Поначалу новички вызывали неприязнь, но память об их стойком сопротивлении на палубе злополучного судна удерживала большинство от того, чтобы перейти от слов к делу; исключения составляли лишь два головореза. Это были хорошо вооруженные, широкоплечие скандалисты с лицами, иссеченными шрамами. Как-то раз перепалка все же закончилась дракой. Коренастый Хью быстро повалил своего противника и лежащего избил до бесчувствия. Том боксировал со своим оппонентом по всем правилам и в конце концов, хоть и сам вышел из поединка со сломанным носом, все же сумел положить того на лопатки. После этого команда больше не доставляла приятелям неприятностей, и они стали общаться со всеми на равных. Правда, особой любезности к себе они так и не испытывали, если не считать случаев всеобщих пьянок — совместного пения, виселичного юмора, похабных анекдотов и грубых розыгрышей. Хью вскоре стал избегать подобные мероприятия, ибо пиратам нравилось поджигать друг друга бороды или снимать с уснувших штаны и мазать задницы смолой.

Так Хью и Том стали пиратами. Все чаще налеты заканчивались кровавыми стычками с экипажами торговых

судов, поскольку слава о жестокости Лафитта, уничтожавшего всех свидетелей до единого, бежала далеко впереди их корабля. Хью входил в абордажную команду и убивал, главным образом защищаясь, а добычу получал самую ничтожную, ибо никогда не участвовал в казнях пленников. Но одним весенним днем все изменилось. Они взяли на абордаж английское торговое судно.

В живых оставили трех крепких, сильных матросов. Лафитт подошел к ним — высокий, грациозный, элегантно одетый — и смотрел им в глаза до тех пор, пока те не отвели взгляд. Тогда он завел свою обычную речь.

— Джентльмены, — сказал он, — в настоящее время я ощущаю некоторую нехватку людей. Особенности нашей работы требуют определенной убыли человеческих ресурсов. Поэтому у меня есть для вас предложение. Присоединяйтесь к моей команде. Вам будет предоставлены уютные койки, любая еда и питье на ваш выбор, а также доля трофеев. Время от времени вы сможете сходить на берег в безопасном порту и предаваться наслаждениям. Жизнь опасная, но интересная. Подумайте хорошенько, но недолго.

Двое сразу же согласились. Третий, однако, спросил: «А если я отвечу "нет"?»

Лафитт покачал головой.

— Принимая решение, — ответил он, — считайте это вопросом жизни и смерти, сэр.

— Всю свою жизнь я делал то, что положено, и старался быть честным, — сказал моряк, — хотя и у меня немало грехов. Спустите меня в шлюпку или высадите на какой-нибудь остров. Я не желаю быть пиратом.

Лафитт поднял глаза и встретился взглядом с Хью.

— Убей его, — приказал он.

Хью отвел глаза. Лафитт продолжал смотреть в упор на него. «Немедленно», — добавил он. На этот раз Хью выдержал темный взгляд капитана.

— Нет, сэр, — просто ответил он.

— Ты отказываешься выполнить мой приказ?

— Я не буду убивать безоружного человека, — сказал он.

Лафитт вытащил из-за пояса пистолет и выстрелил пленнику в голову. Тот упал, обливаясь кровью.

— Выброси его за борт, — велел Лафитт другому пирату, который немедленно выполнил приказание.

— Хью, я тобой недоволен, — заявил Лафитт, отворачиваясь.

Хью молча отошел и стал помогать перегружать захваченное добро.

Позже, когда они вернулись на остров, Том шепнул ему: «Ходят разговоры о том, что ты не угодил капитану».

— Не сомневаюсь в этом, — ответил Хью. — Я же не стал убивать того англичанина, когда он мне приказал.

— Я слышал, такие вещи случались и до нас.

— И что?

— Старый Джин горой стоит за дисциплину. Говорят, те, кто ослушался его приказа, долго не живут.

— И как он поступает с ними?

— Иногда устраивает что-то вроде публичного судилища для устрашения. А иной раз просто дает понять нескольким особо доверенным лицам, что тот или иной человек ему не угоден. И тогда стоит тому потерять бдительность, как наутро его находят с ножом в спине.

— И что, говорят, это случается с ослушниками довольно быстро после инцидента?

— Именно так.

— Спасибо тебе, Том. Думаю, не стоит сейчас долго со мной разговаривать.

— Что ты собираешься делать?

— Я уже давно подумываю о бегстве. Теперь самое время.

— Но ты же не сможешь украсть лодку, Хью. С них глаз не спускают.

Хью покачал головой:

— Думаю дождаться темноты и пуститься вплавь до материка.

— Это очень далеко.

— Я хороший пловец.

— А как же акулы?

— Ну, акул может и не быть, а здесь наверняка пропадешь.

— И что ты будешь делать, если тебе повезет и ты доберешься до берега?

— Отправляюсь пешком в Новый Орлеан.

— Я с тобой, Хью. Мне здесь тоже не нравится. Рано или поздно он велит мне сделать то же самое, и я попаду в аналогичную передрягу.

— Собери маленький узелок. Я дам тебе знать, когда тронемся в путь.

Хью дождался, пока пираты начали свою ежевечернюю пьянку, и, кивнув Тому, сказал: «Пора».

Они поодиночке пробрались на северный берег острова, освещенный ущербным месяцем и звездами. Легкие волны танцевали в их слабом свете, когда Хью и Том подошли к воде.

— Путь неблизкий, — сказал Том. — Как ты думаешь, скоро нас хватятся?

— Утром, если повезет. Или совсем скоро, если уже сегодня ночью кто-нибудь придет по мою душу. Но и в этом случае они ничего не смогут сделать до утра, а утром нас либо утопят, либо мы сможем достаточно далеко уплыть.

Том кивнул.

— Я готов.

— Тогда вперед.

Они разделись, завернули в одежду свои пожитки, привязали узелки на спину и вошли в воду. Она оказалась прохладнее, чем ночной воздух, но начали они энергично и спустя короткое время согрелись. Теперь они размеренно плыли к материку, и Хью вспоминал месяцы пиратства. Он давно хотел бежать, но его удерживал страх. Теперь он жалел, что не сделал этого раньше. Воровать, убивать, ежедневно напиваться и вместе с тем чувствовать себя пленником — все это наводило его на мысли о подлости этого мира. Она была всюду, куда ни кинь взгляд. Ему хотелось остаться одному, подальше от ненадежных друзей, хотелось стать свободным. Он задумался, была ли у убитого матроса семья. Сам он не был уверен, хочет ли жениться. Пожалуй, это тоже своего рода плен.

Скользя в воде, он потерял ощущение времени. Осталась только монотонность волн, равномерные взмахи рук Тома, да ночная темнота, в которой сливалось все окружающее. Оба берега давно стали мечтой, реальность свелась к мерному движению в воде.

Ему отчетливо запомнилось, как они добрались до берега. Теперь воды залива Гальвестона казались сном, а реальностью была земля, завоеванная с таким трудом. До сих пор в ушах стоял его смех и смех Тома. Они растянулись на берегу, тяжело дыша, кожу покалывало от переутомления, и не заметили, как уснули.

...Теперь, лежа на утесе, он разглядывал сквозь дымку тумана и пыли хвост уходящей процессии — хромыe и старые шли, опираясь на палки или плечи родных, скво тащили ребятишек и мешки с припасами. Они заботятся друг о друге, отметил он, и в душе шевельнулось что-то, похожее на сочувствие к ним, бегущим от сию, хотя на эту тропу их привела собственная жестокость. Как-то, скитаясь по Техасу, они с Томом попали в лапы ри, но тогда им удалось сбежать. Индейцы замучили их до полусмерти. Но никакие

страдания не сравнятся с тем ужасом, который они испытывали, когда отряд всадников вновь заметил их на равнине.

Они попытались спрятаться в кустах, но воины знали, что они там и быстро выкурили их оттуда. Хью попытался произнести несколько слов на диалекте ри, которые запомнил во время недолгого плена, и индейцы, похоже, поняли их, так же, как и миролюбивые жесты. Однако недвусмысленно дали понять, что Хью и Том являются пленниками, отобрали у них ножи и отвели в лагерь.

Их связали и охраняли всю ночь и, хотя и дали воды, но не покормили, разрешив тем не менее закусить собственными припасами из фруктов и корешков, которые они раздобыли во время бегства. На следующий день их оставили в покое, хотя свободно перемещаться не разрешили, а ночью опять приставили охрану. Каждый вечер из соседней палатки допоздна раздавались звуки жаркого спора на незнакомом языке.

На следующий день им принесли поесть и стали относиться более дружелюбно: дали чистую одежду и показали лагерь. К концу дня Хью попытался наладить контакт с охранниками в надежде на некоторые послабления, но ему только намекнули, что им будет разрешено поучаствовать в празднике этим вечером.

На закате их отвели туда, где собралось все племя. Повсюду пылали костры и разносился запах жареного мяса бизонов, оленей и птицы. Им пришлось попробовать каждое блюдо, как на том настаивали хозяева, ибо на главном празднике племени каждый должен был наесться до отвала.

Постепенно царившее в племени хорошее настроение передалось друзьям, они расслабились и начали отпускать шутки. Наконец, сытые и немного сонные, Том и Хью стали ожидать окончания праздника, когда можно будет устроиться на ночлег. Но вдруг несколько воинов крепко схватили их и связали по рукам и ногам ремнями из сыромятной кожи.

— Эй! — завопил Хью и добавил слово, которое, как он запомнил, означало «друг».

Никто ему не ответил. Вместо этого Тома привязали к высокому столбу. Скво обнажили его, срезав одежду, и сложили у ног хворост.

— Отпустите парня! — закричал Хью. — Друг! Друг!

На него не обратили никакого внимания, и женщины принялись работать над Томом ножами, срезая полосы кожи.

— Остановитесь! Остановитесь ради Бога! — кричал Хью, и крики его наполовину тонули в воплях Тома.

Женщины сосредоточенно занимались своим делом, не спеша отрывая кожу клочок за клочком, время от времени втыкая в него кончики ножей. Хью прекрасно понял, что последует дальше. Он закрыл глаза, чтобы не видеть этого кошмара, стиснул зубы и попытался не слышать крики Тома. Это не помогало. Не видеть было еще хуже, воображение рисовало картины Ада.

Пытка продолжалась еще некоторое время, в конце концов Том стал умолять убить его. Но они только разожгли костер у его ног и подбросили еще хвороста. Хью кричал, но на него не обращали внимания. Потом он заплакал. Перестал и теперь молча смотрел, как поджаривают друга. Он пытался не смотреть, но взгляд сам собой возвращался к кошмарному зрелищу. Скоро все кончится. И тогда наступит его очередь.

Вдруг он вспомнил про маленькую коробочку с киноварью, которую захватил с острова Гальвестона. Поскольку она имела некоторую коммерческую ценность, он рассчитывал продать ее. Жалко, если она сгорит впустую; из нее получится отличная боевая раскраска, вещь, которую индейцы очень ценили. Чем черт не шутит, решил он. Может, она сослужит мне службу.

Он нащупал связанными руками мешочек, привязанный к поясу. Морщась от боли, развязал узелок. Когда мешочек упал, Хью крепко схватил его и встал.

Бросив сверток вождю, он крикнул: «Вот тебе подарок! Не хочу, чтобы это пропало даром!»

Вождь внимательно осмотрел мешочек, потом протянул руку и поднял его. Вынув из кожаного футляра жестяную коробочку, он долго изучал ее, пока не разобрался, как она открывается. Глаза его вдруг округлились. Он осторожно потрогал вещество пальцем, понюхал его, провел на лбу жирную черту.

Два воина были готовы наброситься на Хью, но вождь поднял руку и что-то сказал. Воины остановились.

Вождь подошел к Хью и обратился к нему с речью, но тот лишь покачал головой и сказал: «Подарок. Я не понимаю, что ты говоришь».

Вождь, однако, продолжил свою речь, а потом сделал кому-то знак через плечо. К Хью приблизился воин с ножом. Тот стиснул зубы, ибо лезвие чуть не скользнуло по животу, но индеец всего лишь разрезал ремни.

Воин помог ему встать, вождь подошел и подхватил Хью с другой стороны. Они вместе отвели его в палатку и уложили на шкуры. Вождь еще что-то сказал, улыбнулся, и ушел. Человек, который разрезал ремни, остался снаружи на страже.

Хью думал, что не сможет уснуть в ту ночь, но все же уснул. События прошедшего вечера возвращались в снах, и утром он вспомнил, что несколько раз просыпался от звука собственного голоса, звавшего Тома. Немного погодя женщина принесла ему завтрак, и он сам подивился своему аппетиту. Он съел все, а когда она принесла еще, съел и это.

Время шло, но ничего не происходило. В полдень его покормили еще раз. Кроме женщины, приносившей еду, никто к нему не приближался. Хью не делал попытки выйти за пределы отведенного ему места. Он просто сидел и думал о Томе, Лафитте, Карибском море, кораблях, о солнечном дне в открытом море и пенсильванском лете.

Наконец за ним пришли и отвели на то место, где вчера состоялся праздник. Он опасливо огляделся, но на этот раз торчащих столбов нигде не было видно. Хью собрался было сесть туда, где сидел вчера, но его остановили и подтолкнули вперед, пригласив занять место подле вождя.

Ужин отличался от вчерашнего тем, что на сей раз его предварила краткая речь вождя и своеобразный ритуал: вождь несколько раз положил руки на плечи и голову Хью, слегка ударил его связкой прутьев, повязал голову расшитой бисером лентой и наконец накинул на плечи небольшой кусок дубленой шкуры. После чего праздник продолжился в атмосфере всеобщей радости; индейцы племени подходили, чтобы обнять Хью или возложить на него руки. Постепенно до него дошло, что вождь совершил обряд посвящения, и теперь он стал членом племени, теперь он — пауни.

Затем в течение месяца он изучал их язык, обычаи, обнаружил в себе способности к выслеживанию зверей, научился без промаха стрелять из лука, взял в жены женщину-пауни и сделался одним из лучших охотников племени. Понял он также и то, что охотничьи тропы привлекают его больше, чем морские суда с их тесными каютами. В равнинах была та же свобода, что и в бескрайнем, изменчивом море, но они не грозили поглотить тебя в своей пучине. Он и сам точно не знал, когда решил остаться в пограничье. Это решение вызревало постепенно. Однако к исходу первой зимы Хью не сомневался, что с морем покончено.

Размышляя об этом теперь, когда менее удачливые родичи пауни скрылись в западном направлении за облаком золотистой пыли, он вновь пережил ужас той ночи, когда женщины пауни пытали Тома. Да, у них были основания для ненависти к белым, но пуля в голову или молниеносный удар ножом ничуть не хуже утоляет жажду мести. У Хью не было каких-то особых претензий к пауни, которые были очень добры к нему, когда он жил среди них. Скорее, думал он, жестокость была свойственна им, поскольку они принадлежали к тому же виду, что и все остальные племена и народности этой земли.

Он протер запорошенные пылью глаза и облизал сухие губы. Пора было сползти с утеса, попить из реки, поискать пропитание.

Хью медленно спустился, добрался до реки, попил, вымыл лицо, шею и руки. Местность впереди была слишком вытоптана, чтобы там сохранились корни или ягоды. Он подполз к туше, от которой поживился вчерашним вечером. Она была чисто-начисто обглодана, даже кости выломаны и разбросаны или унесены прочь.

И тут невдалеке от утеса, на котором провел ночь, Хью заметил какое-то движение. Он затаился и стал наблюдать. Это был кто-то из оставшихся ри.

Хью подполз поближе, пробираясь через заросли кустарника, чтобы оказаться там раньше, чем ковыляющая по дороге фигура.

Одинокая старуха, закутанная в оленью шкуру, осторожно ковыляла по дороге с маленьким узелком в руках. Хью облизнулся и внимательно посмотрел на дорогу вперед и назад. Сзади никого не было видно, да и хвост процессии давно скрылся. Наверняка в ее мешочке есть еда, а соплеменники едва ли скоро хватятся той, кого даже не удосужились подождать. Кремневый скребок, стальной нож... Даже в его состоянии не составит труда отнять у нее эти незамысловатые пожитки. За топотом арьергард не услышит криков.

Хью смотрел, как она идет. Старуха приближалась, и он задумался о ее жизни. Сколько детей она родила? Сколько из них осталось в живых? Простая старуха... Он смотрел, как она прошла мимо, и не шевелился до тех пор, пока она не скрылась за деревьями.

— Дурак! — промывчал он, досадуя на самого себя за то, что дал ей уйти, этой старой матери ри. Это было совсем не то, как тогда, когда он отказался убить беззащитного моряка. Она была врагом. Он потряс головой. «Дурак!» — тихо повторил он. Порой он бывал таким дураком...

Рыча, он повернулся и пополз назад к реке. Хью направился вниз по течению, дорогой, которой прошли ри. Ползти было нетрудно, хотя пыль забивалась в нос, и ему то и дело приходилось останавливаться и ополаскивать лицо. Ягодные кустарники вдоль дороги были ободраны, так же, как и нижние ветви фруктовых деревьев. Возле реки он выкопал несколько корешков и заморил червячка.

Вскоре туман растаял, и пыль улеглась. За час он продвинулся довольно далеко. Солнце начало припекать сквозь желто-зеленые кроны деревьев, и Хью чувствовал прилив сил.

Поднявшись на небольшую возвышенность, он остановился и принялся.

Дым. Ветерок донес до него запах дыма. Начало военных действий или, наоборот, их конец? А, может, просто кто-то невдалеке развел костер?

Ветер переменялся, и запах исчез. Может быть, это ему почудилось?

Хью пополз дальше, то и дело припохиваясь. Ничего. И все же...

Через несколько минут дымок долетел вновь. Запах был по-прежнему слабый и капризный, ветерок опять унес его. Но теперь Хью был уверен, что ему не чудится. Это запах древесного дыма. Определить направление пока было невозможно, и он пополз дальше по дороге.

Еще сотня ярдов, и запах дыма стал отчетливее. Дорога шла своим курсом. Интересно, чью восточку доносит до него ветер? Друга? Или врага?

Хью свернул с дороги и пополз среди деревьев, кустов, валунов. Двигаться стало гораздо труднее, но предосторожность была излишней, ибо наивно было думать, что можно увидеть лагерь, не будучи замеченным самому.

Запах костра становился все сильнее. Почувствовав, что приближается, Хью замедлил ход. Наконец он остановился и долго лежал без движения, прислушиваясь. Но голосов слышно не было, хотя иной раз ему чудилось, что до него доносится лай одной-двух собак.

Немного погодя он подполз к краю зарослей. Раздвинул ветки кустов, выглянул. Совершенно очевидно, что здесь совсем недавно был лагерь. Людей видно не было, лишь несколько собак рыскали кругом, копаясь в мусоре.

Осмотрев землю, по которой ночью прошло огромное количество людей, он понял, что это должно быть была последняя стоянка ри. Они вышли отсюда и прошествовали

мимо его утеса. Хью еще некоторое время присматривался, пока окончательно не убедился в том, что лагерь пуст.

Тогда он выбрался из кустов и пополз в лагерь. Убегающее племя могло что-нибудь оставить или забыть. Костры полностью прогорели, но, помня о наступающих на пятки сиу, ри, видимо, снимались довольно поспешно. Лагерь явно заслуживал беглого осмотра. Хью прикрикнул на собак на наречии пауни, и те отбежали подальше от него.

Хью подполз к одному костру, который еще дымился, помедлил и лег возле него. Как же давно он не видел костра, этого признака цивилизации! Сколько времени прошло с тех пор, как он имел возможность разжечь его сам! Он думал о великом множестве огней, возле которых сжививал за свою жизнь — лагерных кострах, домашних очагах, — и понял вдруг, что действительно преодолел огромное расстояние и куда-то вернулся. Хью усмехнулся, поймав себя на мысли, что лежит перед костром, как перед святилищем. Его жизнь прошла на природе, но все же было нечто, отличавшее его от зверей. Ни один медведь не мог чувствовать то, что чувствовал он сейчас при одном лишь намеке на возвращение к прежнему существованию. Хью погладил землю перед костром и двинулся дальше.

Глазом опытного следопыта он отмечал все признаки лагеря — вот место, где его обитатели ели, здесь они спали, а вот тропинки к воде и в отхожее место. Даже если бы он не видел, как племя проходило мимо, ему было бы нетрудно определить их численность, причем тропинки стариков и детей отличались от тропинок взрослых. Собаки посматривали на него издали, но опасались приближаться к существу, издающему человеческий запах, но с повадками зверя.

Хью палкой разгребал пепел костров, где осталось немало мусора: куски одежды, кожи, дерева, все обгоревшее, но не заслуживающее внимания. Наконец он добрался до пятого костра...

Копаясь в мягкой серой горке, обрамленной кругом из камней, он чуть не пропустил мгновенный проблеск. Хью начал активно орудовать палкой, очищая поверхность неизвестного предмета. Среди пепла лежал истонченный стальной клинок с обломанным кончиком и обуглившейся рукояткой.

Он отбросил палку и схватил его. Сталь, Боже, настоящая сталь...

Хью вытер клинок о штаны и поднес его к глазам, рассматривая лезвие. Туповатое, но заточить будет нетрудно. Рукоятку можно обернуть куском ткани, оторванным от

рубашки. Если найти кусочек кремня, он сумеет разжечь огонь, когда захочет. Хью улыбнулся.

Можно будет вырезать костыль. Бедро теперь болело не так сильно. Возможно, если будет на что опереться, он сможет двигаться в вертикальной позиции.

Хью осмотрел камни, окружавшие остывший костер, и выбрал один небольшой и плоский, который мог сойти за оселок. Да. Теперь вперед и вправо...

Хью закрепил камень и начал точить клинок. Он поймал себя на мысли, что чуть не засвистел за работой, и сдержался.

Через некоторое время, заточив лезвие и затупив зазубренный обломанный кончик, он принялся осматривать деревья, отыскивая подходящую ветку для костыля.

Почти час он провел, ползая между деревьями, прежде чем наметил хороший сук, до которого мог дотянуться, сначала ухватившись за ствол, а затем держась за нижние ветви и сжимая клинок зубами. Сделав зарубку у основания и наконец отломив ветку, он не меньше часа провозился, сидя у подножия дерева и прислонившись спиной к стволу, — защищал от сучков, подгонял под свой рост, то и дело проверяя длину, вырезал удобную ручку.

Наконец он положил палку на колени и полюбовался на нее. Нож и костыль за одно утро... Если второе окажется столь же полезным, как и первое, это будет поистине знаменательный день.

Держась за ствол, он подтянулся, встал во весь рост, распрямив левую ногу, и укрепил костыль под мышкой. Все еще держась за ствол левой рукой, он перенес вес тела на костыль. Палка выдержала. Он дал правой ноге слегка коснуться земли.

Потом сделал шаг левой ногой, перенес на нее центр тяжести, слегка передвинул костыль, оперся на него. Оторвал левую руку от ствола. Еще один шаг левой. Перенос центра тяжести. Перемещение костыля. Опора на него.

Он двигался вертикально — хоть и с помощью костыля, — не полз больше — да, это был знаменательный день. Хью улыбнулся. Прошелся по лагерю. Собаки наблюдали за ним, но держались на расстоянии и опускали хвосты, когда он обращал на них внимание. Он подумывал о том, чтобы убить одну и съесть, но звери были начеку. Да, похоже, это действительно человек, наверное, думали они, только какой-то странный.

Теперь вот чем надо заняться. Отыскать кусок кремня. Поиски в лагере результатов не дали. Он решил двигаться дальше, внимательно разглядывая каменистую почву.

Не ползти больше, задирая голову. Хью довольно быстро отыскал оптимальный ритм своей новой поступи. Периодически он присаживался, чтобы дать отдохнуть левой ноге и правому плечу. Сейчас трудно было определить, возросла ли скорость его движения по сравнению с теми днями, когда он полз изо всех сил. Тем не менее Хью был уверен в том, что, по мере того как он будет осваивать костыль и набираться сил, преимущества нового способа передвижения не замедлят сказаться.

Так, раскачиваясь, он продолжал двигаться далеко за полдень, пока жажда не заставила свернуть его с тропы к реке. Там-то он и отыскал кремeнь. Чуть не запев от радости, Хью добрался до берега. Когда его тень накрыла воду, он разглядел быстро мелькающие тени. Рыба кормилась на мелководье.

Напившись, он лезвием заточил палку в виде копья. Затаился в такой позе, чтобы тень не падала на намеченную полосу воды, и через полчаса безуспешных попыток добыл наконец двух сомов.

Потом, с помощью нескольких ниток из рукава рубашки и вороха коры, Хью удалось разжечь огонь. Сначала он подбрасывал тонкие ветки, а когда костер разгорелся, положил в него толстые палки и занялся чисткой рыбы на плоском валуне. Обжаривая ее на ивовых прутиках, он старался подсчитать, сколько времени прошло с тех пор, как он последний раз ел пищу, приготовленную на огне. Однако вскоре отказался от этой затеи, поняв, что давно потерял счет дням своей ползучей одиссеи.

Поев, Хью разделся и искупался в реке, вспоминая тот горький пруд в самом начале пути. Теперь достаточно было наклонить голову, чтобы напиться досыта. Плескаясь, он чувствовал, что вновь становится самим собой.

Выстирал заскорузлую одежду и надел ее мокрой. Сначала Хью намеревался отдохнуть до конца дня и высушить одежду на кустах, но ри были слишком близко, и он не чувствовал себя в безопасности. Едва ли кто-то из них вернется назад, чтобы проверить, нет ли погони, но такая возможность не исключалась, учитывая тот факт, что сиу в самом деле преследовали их довольно долгое время. Наткнуться на оставших теперь уже тоже было маловероятно, и все же какая-нибудь случайность могла задержать нескольких индейцев, которые теперь могли спешить вдогонку за остальными. Поэтому Хью оставался настороже и двинулся дальше своим раскачивающимся шагом, готовый в

любой момент скрыться в придорожных кустах, завидев людей.

Однако день клонился к вечеру, а единственными звуками, составлявшими компанию стуку костыля, оставались птичьи трели да редкие всплески воды. Несколько желтых листьев сорвались и спланировали перед ним. Подмышка и плечо затекли, зато состояние ноги заметно улучшилось, она не болела теперь даже при случайных касаниях земли. Кожа на голове, лоб и нос также заживали, часть струпуев отвалилась во время купания. Головная боль прекратилась — он даже не смог вспомнить когда.

На пути больше не попадались фрукты и ягоды. Ри ободрали все кусты и деревья. Хью решил раздобыть, если повезет, на ужин еще рыбы. Шагая по дороге, он вдруг понял, что впервые за много дней опять наслаждается жизнью.

По дороге он думал о времени, проведенном вместе с пауни, причем недавние мечты и галлюцинации придавали новую окраску его воспоминаниям. Как-то вождь принял решение отправиться в Сент-Луис, где должна была состояться встреча охотников и промысловиков. Совет племени признал разумным послать миссию мира, а заодно заверить меховую компанию в том, что пауни являются надежным и дружественным народом, на который можно рассчитывать, когда возникнет потребность в проводниках, посыльных или рабочей силе. Не повредит племени и предоставление режима благоприятствования во всем, что касается торговли, особенно металлическими изделиями, огнестрельным оружием, одеждой, лошадьми. Ради всего этого стоило пуститься в путь.

Как странно было Хью въезжать в город, где жили люди, похожие на него — или не слишком похожие? Он понял, что очень изменился. Лишь через несколько дней комнаты с четырьмя стенами и шумные улицы перестали смущать его. Он снова вошел во вкус чтения утренних газет за чашкой кофе. Тогда-то ему и попалось на глаза объявление в «Миссури Рипабликен», которое вновь заставило его задуматься о том, что постоянно приходило в голову последние дни. Меховая компания Скалистых гор проводила дополнительный набор мужчин в команду охотников на этот сезон с базой в форте Генри. Майору Эндрю Генри, чьим именем был назван форт, нужны были как охотники, так и трапперы, особенно трапперы — люди со знанием индейских наречий и троп. Позже Хью узнал, что возле устья реки

Йеллоустон форт понес большие потери в людях и лошадях от ассинибойнов и черноногих.

Действительно, это было похоже на предприятие, которое отвечало его желаниям, и которому он подходил безоговорочно. Его уже порядком утомила жизнь в племени пауни. А тут... стоит пошевелить пальцем, и увидишь новые земли... Он улыбнулся и допил кофе, решил сходить на собеседование и выяснить подробности.

Когда Хью пришел по указанному адресу, с ним поговорили и тут же сделали предложение поступить на работу. Опыт его, похоже, произвел сильное впечатление, и Хью подписал контракт.

За оставшиеся дни, что он провел в Сент-Луисе, Хью познакомился с несколькими людьми, подолгу жившими на природе — одни по контракту с меховой компанией, другие просто путешествуя с востока на запад и обратно. Одним из них был тот странный человек, Джон Кольтер, которому довелось дойти с Льюисом и Кларком до океана. В глазах его был какой-то странный свет, который сперва показался Хью признаком лунатизма, но позже он понял, что это... нечто иное — такой взгляд бывает у шамана, слишком долго пребывавшего в видениях. В его рассказах слышалось не бахвальство записного болтуна, но глубокая убежденность, вселившая в Хью смутное беспокойство. Тогда он ушел от этих рассказов о путешествиях и приключениях с уверенностью в абсолютной искренности того человека, и теперь, спустя много лет, снова задумался над его историями...

...Позже, когда уже стало темнеть, он наконец поймал свою рыбу, зажарил и поужинал. Затем умылся, помассировал ногу, плечо, руку и устроился на ночлег подальше от дороги. Заснул с чувством полного удовлетворения.

Утром позавтракал ягодами и водой из реки. Несколько дней размеренной ходьбы, и он привыкнет к своей раскачивающейся походке. Он уже начинал улавливать ее ритм и теперь был убежден, что в вертикальном положении движется с большей скоростью и с меньшими усилиями.

Каждый шаг уносил его дальше от ри и приближал к территории сиу, которых тут называли дакотами. Они доверяли ему. Парни майора Генри всегда ладили с сиу. Чем ближе он продвигался к реке Шейенн и чем больше удалялся от Моро, тем лучше себя чувствовал. Трудно сказать точно, сколько дней потребуется, чтобы добраться до территории дружественного племени. Если бы он шел несколькими

неделями позже, когда на деревьях уже мало листвы, на западе открывался бы лучший обзор. Тогда можно было бы уловить мельканье Черных холмов и точнее определить собственное местоположение. По крайней мере узнать, куда направляется. Хью преодолел уже изрядное расстояние до форта Киова, и, хотя впереди оставался еще немалый путь, места казались знакомыми. К нему возвращались силы. Оставшиеся позади бесконечные отрезки змеино-го ползания приучили его к погружению в прерывистые мечтания...

Он пытался думать о людской жестокости — от Лафитта и женщин пауни до Джеми — но на душе было слишком хорошо. Поэтому он просто дал волю своему разуму взмывать вверх и падать, словно корабль на якоре, и дни проходили в обрывках мыслей о Пенсильвании, островах Вест-Индии, горах, и все воспоминания касались только дней, подобных этому.

Ночью он спал крепко и не запомнил снов. Однако утром, спустившись к реке, чтобы умыться и поискать ягод и корешков, обнаружил обломанные медведем ягодные кустарники, следы и медвежий помет. Это надолго испортило ему настроение. Днем он шел бодро и одолел большое расстояние, но ночью ему опять снился медведь, который ломал его и дышал ему в лицо; это сопровождалось чувством тревоги, словно зверь пытался вернуть Хью в то место и в то время, поймать его снова и на этот раз уже не выпустить из лап. Хью проснулся весь в поту, его колотила дрожь. Он приглядывался к теням, нюхал воздух, но никто не собирался нарушить его одиночества. Чуть позже ему вновь удалось уснуть.

На следующий день признаков медвежьего присутствия не было, но несколько раз принимался дождь, вынуждая искать укрытия под деревьями. Земля раскисла, и двигаться пришлось медленнее, к тому же Хью опасался поскользнуться и упасть. Поймать рыбу не удалось и обедать пришлось одними кореньями.

Назавтра земля начала вздыматься, приобретая холмистый рельеф. Теперь приходилось пробираться между утесами, река нырнула в труднодоступное ущелье. То и дело приходилось перебираться через речушки и ручьи, подпитывавшие реку, в них Хью ловил рыбу и купался. Память подсказывала, что эта холмистая равнина была началом долины реки Шейенн. Еще день-два и начнется легкий пологий спуск в эти знакомые места.

...С момента встречи с медведем боль в бедре значительно уменьшилась. Нога даже начинала обретать некото-

рую силу. Каждый раз, как он нечаянно опирался на нее, она отдавалась болью, но уже не той ужасной, дурманящей болью перелома. За последние несколько дней наступать на ногу стало гораздо легче, так что Хью иной раз загадывал, сможет ли она когда-нибудь выдержать его вес на протяжении нескольких шагов. В такие минуты он начинал потихоньку экспериментировать. Слегка опереться... Неплохо. Еще немного. Терпимо. А сейчас немного больно. Еще разок.

На следующее утро, спускаясь с холма, Хью услышал стук копыт. Мгновенно метнулся к правому краю дороги в поисках укрытия. Поздно, должно быть, слишком поздно, подумал он, поспешая. Высокая скала слишком долго скрывала от него звук, пока всадники не обогнули ее. Он почти бежал со склона, зарываясь костылем в землю, раскачиваясь, не обращая внимания на боль в правой ноге.

Двое верховых индейцев выехали из-за поворота, и по восклицанию одного из них, Хью понял, что его заметили. Секунду спустя из-за скалы показались две вьючные лошади, а по топоту копыт можно было судить, что они были не последними. Хью остановился и обернулся. Всадники сжимали ружья.

Он встретил их, подняв левую руку раскрытой ладонью вперед, правую тоже постарался поднять насколько возможно. Из-за скалы выехали еще два всадника, ведя в поводу лошадей, навьюченных корзинами и мешками. Эти двое тоже схватились за оружие.

Когда они приблизились, Хью убедился, что это сиу, и даже догадался, что в корзинах, должно быть, урожай с полей изгнанных ри.

Подумав еще раз мельком о людской жестокости, он дал им подъехать поближе и остановиться, нацелив на него ружья.

Тогда он сказал: «Хью Гласс», и добавил на их наречии: «друг».

ПЯТНАДЦАТЬ
КОЛЬТЕР

Ястреб парил.



ШЕСТИНАДЦАТЬ ГЛАСС

...И медведь, рыча, встал на задние лапы.



СЕМНАДЦАТЬ

КОЛЬТЕР

Джон спустился с гор и углубился в море травы, отделявшее его от форта Мануэля Лизы. Он шел, прихрамывая, под жарким солнцем, припекавшим затылок. Перед ним больше не было гор, утесов или холмов, бушующей воды. Осталась только колышущаяся под ветром трава великой прерии, сквозь которую даже слепой нашел бы дорогу к форту. Кольтер же знал прерию, как собственную ладонь, исходив ее вдоль и поперек вместе с Льюисом и Лизой, а когда и в одиночку. Она встречала его и завыванием зимнего ветра, и мягкостью весеннего ветерка, но еще ни разу он не шел по ней в таком состоянии, когда все кости ломило, а в голове плыло от лихорадки. Сейчас он не смог бы сказать наверняка, была ли трава водой, или вода была травой; он не знал точно, сам он движется, а трава стоит на месте, или трава плывет мимо, а он стоит.

Он развлекал себя мыслями о полете. Дрожащее небо над головой раскалилось добела, и в нем носились птицы-пылинки, его братья. Но он больше не мог летать с ними. Дыхание вырывалось вялыми выдохами, похожими на одышку дрожжевого теста. Хромое, подпрыгивающее, скрюченное существо, он потерял способность парить. Зловещая судьба — утонуть в море травы — пугала его больше, чем погоня черноногих.

Кольтер передвигался со скоростью раненого ястреба. Он видел птицу, которой был когда-то: залитый солнцем, с большими красными крыльями, она опустилась на сухую ветку только затем, чтобы Крузат тут же подстрелил ее. Как подрубленный, ястреб рухнул в мокрую утреннюю траву. Кольтеру запомнились тлеющие глаза, хищный коготь, хро-

мающий прыжок огромной раненой птицы, пытающейся подняться в воздух.

Охотники смеялись. Ни один и пальцем не шевельнул, чтобы прекратить ее мучения, и он, к стыду своему, тоже. Они швыряли ястребу куски убитого кролика и наблюдали, как он вращал злобным глазом, презирая мясо, добытое другими. На следующее утро Кольтер увидел, как ястреб, прихрамывая, взбирается на пригорок: острая, словно наколечник стрелы, головка, волочащееся по земле крыло. Он сумел уберечься от койотов в сумерках и от хорьков ночью, но в человеке, который подстрелил его, не было жалости, как не было ее и в тех, кто смотрел на его мучения. Сжался на нами, Господи, думал теперь Кольтер, мы не самые лучшие твои создания. Ему отчетливо запомнились последние минуты ястреба, как он ковылял до тех пор, пока скала не преградила ему путь, и осталось лишь сверкать колючим глазом на судьбу. В конце концов Кольтер успокоил птицу точным выстрелом в голову.

Сейчас же он желал одного: чтобы кто-нибудь или что-нибудь, тронутое его жалким состоянием, проявило подобную доброту. Время от времени ему приходилось останавливаться и вытаскивать из тела клещей, поворачивая их против часовой стрелки, а потом давить ногтем. Иногда он кидался на землю и сгибался пополам или же, засунув голову под мышку, бешено кусал их, глотая собственную кровь.

И полз дальше в лабиринте трав. Вверх-вниз — подтянись, каждые несколько ярдов падал бесформенной кучей и ловил ртом воздух.

Клещи были не единственными насекомыми, донимавшими его. Кузнечики прыгали на своих ногах-пилах прямо в глаза, обжигая их болью. Острая трава резала грудь и подбородок, хлестала по ногам; зеленые мухи и осы барабанили по голове.

Он представил, как они в первый раз выходили с Льюисом из этих травянистых зарослей. Он увидел себя на пригорке, озирающем море травы. Наконец-то они выбрались из него — оба даже засмеялись от облегчения. Там-то, на этом олимпийском холме, и начались все их беды — произошла первая стычка с черноногими.

— Давай теперь я расскажу, как я это помню, — сказал Мериуэзер Льюис.

— Откуда ты взялся, приятель? — спросил Кольтер, качая головой.

Льюис широко улыбнулся:

— Оттуда, куда все мы уйдем, разумеется.

— А где это?

— Там, куда ты направляешься.

Трава била Кольтера по ушам. Он не был уверен, что расслышал правильно.

— Там, куда я послал краснокрылого ястреба?

— Там, куда слетаются ястребы и другие стервятники... Так могу я начать?

— Значит, в это самое место?

Льюис раздраженно нахмурился:

— Дорогой Джон, может, ты все же позволишь мне высказать мысли касательно индейского конфликта?

Кольтер устало кивнул.

— Итак... мы собрались на возвышенности, озирая широкие просторы травы, подобные этим, когда вдруг, повинуясь импульсу, я глянул в подозрную трубу и увидел на расстоянии около мили стадо лошадей голов в тридцать, а над ними, на пригорке их владельцев, черноногих, в том же количестве.

Я подумал извлечь выгоду из ситуации, показал наши добрые намерения. Велел Джею Филдсу поднять флаг, который захватил специально для таких целей, а сам стал медленно приближаться к ним. И как ты полагаешь, Джон Кольтер, что они сделали?

— Да что мне предполагать — ведь я же был там.

— Тем не менее, в силу своего замкнутого характера, ты не можешь поведать об этом должным образом. Поэтому рассказывать буду я. Поначалу они не двигались, видимо, не могли точно определить нашу численность. Я решил, что количество индейцев должно было примерно соответствовать количеству лошадей, и, поскольку, ничего иного не оставалось, махнул отряду рукой, предлагая поехать им навстречу.

— Вместо того, чтобы спокойно ждать их на месте.

— И вот, когда расстояние между нами сократилось на четверть мили, один из них вдруг вскочил на коня и помчался во весь опор в нашу сторону. Тогда я спрыгнул с лошади и стал поджидать его. Однако он, не доехав до нас сотни шагов, остановился и начал плясать на нашу команду.

— Это был разведчик, проводивший рекогносцировку.

— Все это время я жестами приглашал его приблизиться.

— А он почему-то не пожелал откликнуться на столь любезное приглашение, не так ли?

Льюис, не обращая на Кольтера внимания, продолжал свой отчет.

— Потом он вернулся к своим товарищам и небольшая группа индейцев направилась в нашу сторону...

— ...их было восемь, я сосчитал тогда.

Льюис скривил губы и стегнул воздух стебельком травы.

— Полагаю, какая-то часть индейцев спряталась, готовя засаду, поскольку я заметил, что уменьшилось количество людей, оставшихся с лошадьми.

— Разве они обязаны были выкладывать на стол все карты?

Льюис искоса посмотрел на Кольтера и недоверчиво потряс головой.

— Послушай, это твоя история или моя?

— Все зависит от того, намерены ли вы говорить правду, — лаконично заметил Джон.

Льюис вновь предпочел проигнорировать его слова.

— Как командир, я ожидал, что нас ждут определенные сложности. Вполне естественная ситуация, когда дело касается индейцев.

— И они, — вставил Кольтер, — всыпали нам по первое число.

— Теперь, вспоминая все обстоятельства, я лишний раз убеждаюсь, что мы, определенно, вели себя корректно. Когда мы встретились, спешили, индейцы спросили, не хотим ли мы разделить с ними трубку. Я ответил: «Наш человек с трубкой отъехал, так что придется подождать». Таким образом я пытался выиграть время, чтобы попытаться определить их численность.

— Снова вынужден перебить вас, командир. Откуда вам было знать наверняка, что они предлагали: чтобы мы разделили их трубку или они разделили нашу? Не исключено, что наш переводчик неправильно понял. Такое случалось довольно часто; но в любом случае задержка была воспринята как оскорбление.

— Это должна была быть моя трубка, мой табак, — заявил Льюис. — В конце концов, мы первыми сделали жест доброй воли, ты же помнишь. Я вручил одному из них медаль Джефферсона, другому — флаг, третьему — носовой платок. И все они казались вполне удовлетворенными.

— На ваш взгляд.

— Ближе к вечеру я предложил разбить совместный лагерь, на что индейцы охотно согласились. При этом они сами показали наиболее безопасное место возле реки рядом с большими деревьями, перед которыми расстелили полукругом бизоньи шкуры; там мы и заночевали. Я рассказал

им, что мы проделали большой путь с востока по большой реке, которая течет вслед за солнцем; что я бывал на великих водах, в которые садится солнце, и видел множество народов, каждый из которых приглашал нас прийти и торговать с ними на реках по эту сторону гор. Потом я рассказал им, что большинство из них воевали друг с другом, и мне удалось установить между ними мир. Я стоял на часах первым до половины двенадцатого; к тому времени все индейцы заснули. Затем я разбудил Р. Филдса и проинструктировал его, чтобы он внимательно следил за индейцами, и если хоть один из них пошевелится...

— ...во сне...

— ...если хоть один из них пошевелится с недобрыми намерениями, чего вполне можно было от них ожидать, чтобы он немедленно будил меня. И отправился спать. На рассвете индеец, которому я вручил медаль Джефферсона, подкрался к Филдсу сзади и отнял у него ружье...

— ...это было нетрудно сделать.

— А другой в это время взял ружье его брата...

— ...еще проще.

— В ту же минуту еще двое подкрались и схватили ружья Дрюера и мое...

— ...и это было несложно.

— Джей Филдс повернулся и увидел индейцев, убегающих с ружьями. Он разбудил брата и оба бросились вдогонку за ними. И вскоре догнали...

— ...индейцы не слишком торопились.

— Р. Филдс, отняв свое ружье, ударил обидчика ножом в грудь. Тот пробежал еще несколько шагов и упал замертво. После того как мы вернули ружья, они пытались увести наших лошадей и...

— ...забрать своего мертвого товарища...

— Уверяю тебя, мы убили еще нескольких, когда они пытались украсть лошадей.

— ...забрать одного мертвого индейца...

— Мы оставили его там, где он упал, с медалью на шее. Мы забрали четырех индейских пони в качестве компенсации за нападение; я сам выстрелил одному индейцу в живот и, после того как тот уполз в скалы, сжег на костре четыре щита, два лука с колчанами, а также много других вещей. Естественно, я вернул флаг.

— Естественно.

— Следующий день мы решили посвятить отдыху, и ты, Кольтер, подстрелил самку бизона. Мы поели немного мяса, которое оказалось превосходным. Перед нами простиралась

долина, ровная, как поле кегельбана, лишь кое-где виднелись кактусы. Ночью, под тяжелыми грозовыми тучами мы отправились дальше. Вокруг бродили несметные стада бизонов. Залитые лунным светом, они казались порождениями сна. Думаю, мы в свою очередь должны были казаться этим великолепным мохнатым животным жалкими оборванными призраками. Моя маленькая индейская лошадка бежала очень резво, гораздо лучше, чем моя собственная, и грех было жаловаться на кражу.

— Грех... — эхом откликнулся Кольтер.

Вдруг лицо и фигура Мериуэзера Льюиса в залитой лунным светом кожаной куртке растаяли, и Кольтер понял, что снова остался один. День вновь превратился в ночь. Звездочки-ребятишки опять, приплясывая, высыпали на небе. Он смотрел на них, кутаясь в траву, как в одеяло. Звездочки-ребятишки напевали какие-то свои песенки.

— Вы дадите мне еще немного пожить? — спросил их Кольтер.

— Грех... — донеслись до него слова песенки, — грех...

— Пляшите, пляшите, — вздохнул Кольтер, — мне наплевать, жив я или мертв.

Он не мог припомнить, когда ел последний раз. Несколько горьковатых клубней, немного коры черемухи, старые засохшие сморчки, горсточка семян, змеиные яйца... пил он во время ливней, лежа на спине и открыв рот.

Какая разница? Еда и питье существуют для тех, кто хочет жить. Он же был изношенной вещью, преодолевшей сотни миль, существом, которое лишь ползает и не может ходить.

Когда в холодной траве возле самого носа раздалось ворчание, он вежливо спросил, кто идет. Это оказался барсук, совершавший свой вечерний моцион.

Барсук предпочел не ответить. Он даже не зарычал, почуяв в этом человеке нечто, не поддающееся его пониманию, и пошел дальше по своим делам, отвернув нос, выслеживая добычу.

Ночи становились все холоднее. Настолько холоднее, что звездочки-детишки дрожали в небе.

Где-то на границе леса и долины старик и мальчик, сидя на освещенном луной пригорке, закутанные в одеяло и неподвижные, думали об одном и том же человеке. О человеке, которого они когда-то звали Сихидой. Больше они его так не звали. Он потерял это имя и вошел в мир непостижимых вещей.

— Когда-то, — говорил старик мальчику, — был человек, чье тело нашли в болоте. Человек давно был мертв, но по лицу его можно было определить, кем он был, когда жил. Человек был великим воином, на много ладоней выше самого высокого воина нашего племени. И кожа его была странного цвета: не слишком темная, не слишком светлая.

— Он долго лежал в болоте? — спросил мальчик.

— Очень долго, — ответил старик, — дольше, чем может припомнить самый старый рассказчик нашего племени.

— И остался человеком?

— Он выглядел совсем как человек.

— Может, он был одним из Первых Людей?

— Мы так и подумали, — ответил старик. — Но потом, некоторое время спустя, один из мудрейших сказал, что этого не может быть. Потому что, если бы он был человеком из Первого Мира, то, когда мы смотрели на него, произошло бы чудо.

— И что вы сделали, дедушка?

— Мы похоронили его, как положено. А потом забыли о нем. Насколько я знаю, с тех пор о нем не вспоминали.

— Зачем тогда ты рассказал мне о нем?

— Потому что вскоре мы забудем и о Сихиде. Забудем о белом человеке, который бежал быстрее лучших бегунов нашего племени. Мы забудем его.

— Я понял, дедушка.

— Льюис? — позвал Кольтер, выныривая из сна.

Был предрассветный час, когда ночь и день перепутываются, когда свет и тьма сливаются и воздух наполнен тайной, и туман колышется над травой, словно призраки древних кроликов.

— Льюис? — опять позвал Кольтер, садясь в траве.

Тень не произнесла ни слова, лишь положила к его ногам сладко дымящийся пучок шалфея, перевязанную на индейский манер красным кожаным ремешком.

Он узнал мальчика по мягкой покатости плеч. От него веяло чем-то очень знакомым, возвращая его к переходу через великие горы, к чему-то связанному с Шарбонно и его женщиной из Змей. Как ее звали?

Сакагагвеа. В ней, как и в этом мальчике, была какая-то порывистость, чистая и надежная, словно ключ, бьющий из скалы. Ни один белый человек, из тех, кого он встречал, не умел так двигаться, за исключением, быть может, французов-плотогонов, людей, которые стали почти индейцами. Слу-

чилось так, что он увидел Сакагагвеа еще раз в то утро, когда она собиралась родить. Согласно поверьям Змей, ее племени, она должна была съесть кусочек хвоста гремучей змеи. Ее соплеменники, змеи, верили, что это обеспечит легкие роды.

Джон вернулся обратно в свое травяное царство. Подул предрассветный ветер, принес с собой колючий дождик. Кольтер начал дрожать. Над головой плыла темная туча. Он закутался в собранную траву. Мальчик сделал то же самое.

— Что-то я забыл твое имя, парень, — проворчал Кольтер.

Мальчик описал в воздухе два кольца большим и указательным пальцами и прижал их к глазам.

Кольтер пожал плечами. Подросток завел руки назад.

— Мальчик-Хвост-Колечками, — сказал Джон.

Паренек улыбнулся и что-то сказал на своем языке. Теперь улыбнулся Кольтер: на языке кроу это означало Брат Енота.

В руках у мальчика был обломок камня, который он с восхищением разглядывал.

— Это я вырезал, — сообщил ему Кольтер. — Это мой знак. Я никогда не учился читать и писать, но могу делать отличные знаки. Мой тотем, — Кольтер хихикнул, постучав по камню ногтем.

Мальчик хихикнул в ответ; его длинные прямые волосы закрывали лицо. Он отдал камень Кольтеру.

— Да нет, возьми себе, — отказался Кольтер. — Он принадлежит вашему племени. Отдай его человеку, который хочет съесть мою печень. Скажи, что я выжег еще один на дереве возле чертовой ямы; и еще один на большой поляне у подножия Титских гор. Есть и еще, но...

Лицо мальчика медленно разгоралось в свете восходящего солнца; туман от травы поднимался все выше. Поверх глаз юного индейца Кольтер увидел другое лицо; это был белый юноша примерно тех же лет. Рядом с ним стояла трактирная служанка и царапала цифры на грифельной доске. Кольтер не мог прочесть их, но вынул перочинный нож и вырезал на доске свой знак. Девушка мрачно посмотрела на него, требуя, чтобы он заплатил. Юноша напротив протянул монету. Усталость всей жизни подкатила к горлу Кольтера. Он понял, что его сейчас вырвет.

Лицо юноши придвинулось вплотную. Это было лицо человека, который смотрит на мир глазами молодого трактирного гуляки, только что оставившего ферму. Но было в нем что-то своенравное, эти маленькие глазки, медвежий взгляд, неуклюжая грация, хитрость.

Жадно хватая ртом воздух, Кольтер оттолкнул от себя стол, металлический привкус во рту становился невыносимым.

Кто был этот человек, который притворялся, что знает его, Кольтера, лучше его самого?

Тошнота прокатилась волной и исчезла. Он еще раз посмотрел парню в глаза. Здоровенный, счастливый, только вчера с фермы: от него исходило животное тепло, нечто такое, на что липнут мухи.

— Кто ты такой, парень, черт тебя подери?

Молодое лицо растаяло в густом табачном дыму салуна. Кольтер вздохнул:

— Неужели не будет конца этим встречам?

Он застонал в полузабытьи, и его вывернуло на траву. Все внутренности разом рванулись вверх. Три вороны кашляли в облаках над головой. Ветерок кружил в золотистой полуденной траве.

— Сколько же мне еще ждать смерти? — крикнул Кольтер воронам.

Потом ему показалось, что он взмыл вверх и полетел через широкую реку, которую минатари называли Сварливой. Он плыл, летел, плыл, пытался приземлиться, пристать к берегу, его руки-крылья били по траве, дождю, глади реки, опять по траве... Он вылетел из самого себя, чтобы встретиться с тенями, встающими позади оперенных голов.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

ГЛАСС

Ближайший к нему всадник прищурился и медленно произнес по-английски:

— Что с тобой случилось?

— Боролся с медведем гризли, — ответил Хью, — некоторое время назад, — затем он повторил это, как смог, на сиу.

— Гризли? — удивился человек. — Это он сделал с тобой такое?

— Да, — сказал Хью.

— Где?

— Там, у развилки Большой реки.

— Как ты попал сюда?

— В основном ползком.

— А что стало с медведем?

— Он мертв.

— Что ты там делал?

— Охотился для майора Генри.

— Мы сражались вместе с майором Генри против ри. Только что закончили войну с ними, — он жестом показал на корзины. — Их деревня горит. Мы везем домой их кукурузу и тыквы.

Хью кивнул.

— Я видел, как они прошли на запад, — сказал он. — Я тоже сражался с майором против ри.

— Почему ты сейчас не с ним?

— Меня оставили умирать. Наверное, я был совсем плох. Может, еще умру, — он сухо рассмеялся.

— Гризли суровы и опасны.

— Не спорю.

— Ты, как мне кажется, тоже. Пойдем с нами. Мы накормим тебя, а наши женщины вылечат твои раны.

— Я принимаю ваше гостеприимство, — кивнул Хью.

Всадник крикнул на сиу, опуская ружье. Остальные тут же убрали оружие и спешились. Они начали разгружать вьючных лошадей, чтобы перераспределить груз.

Вскоре одну из лошадей освободили для верховой езды и предложили Хью. Не без помощи он взгромоздился ей на спину. В такой позе, когда ноги вытянуты, а вес тела приходится на ягодицы и крестец, ожившая боль из бедра начала просачиваться в ногу и поясницу. Некоторое время он пытался приноровиться к новым ощущениям. Затем по сигналу старшего они тронулись в путь легким шагом.

Однако без седла, после всего, что случилось... Каждый толчок копыт отдавался болью, и большую часть пути Хью ехал стиснув зубы.

Он вцепился в лошадку и старался рассмотреть все мало-мальски необычное, попадавшееся на пути — все, что помогало отвлечь его внимание. Когда они свернули на запад с того направления, которым он шел раньше, это стало легче, благодаря его неистребимой привычке примечать дорогу. Ему очень хотелось узнать, далеко ли до стоянки сиу, но он воздержался от вопроса, поскольку это могло быть расценено как признак слабости.

Несколько раз они останавливались передохнуть, и Хью подозревал, что некоторые из этих остановок были сделаны не столько ради лошадей, сколько ради него. Старший из индейцев, Танцующий Бизон, по дороге расспрашивал во всех подробностях о схватке с медведем. Хью отвечал обстоятельно, упоминая даже о своих снах — зная, какое значение сиу придают миру сновидений — ибо медведя боялись, уважали, почитали священным. По обилию заданных вопросов он заключил, что его теперь тоже уважают, поскольку он смог выйти из поединка живым. И чем больше он размышлял над этим, тем больше сам начинал удивляться происшедшему. Странно, что он снова очутился здесь. Не только из-за медведя, но принимая во внимание всю его жизнь...

День был прохладный и ясный, отдельные листья уже начинали желтеть. Солнце перевалило за полдень. Хью начал было удивляться, почему они не остановились перекусить, но понял, что, должно быть, стоянка уже недалеко.

Немного погодя он почувствовал запах дыма. Затем послышался лай собак. А вскоре донесся отдаленный дет-

ский крик. Через некоторое время вдали показалась деревня. Она стояла на расчищенном месте около реки. Хью насчитал несколько десятков типи, между которыми бродили люди и собаки. Их заметили. Собаки принялись хором лаять, ребятишки уставились в сторону всадников и несколько мужчин прокричали приветствия.

Они въехали в деревню, где Танцующий Бизон спешился и отдал указания, как разделить добычу, что они привезли. Затем помог спешиться Хью и повел его к одному из покрытых шкурами жилищ.

Там он помог Хью сесть на бизонью шкуру и сам сел рядом. Вокруг сновали несколько женщин — жены Танцующего Бизона, решил Хью, за исключением пожилой, которая была занята изготовлением пары мокасин и была, по-видимому, тещей. Хозяин попросил женщин принести поесть ему и гостю.

Пока готовилось угощение, несколько воинов, которые были с ними в пути, заходили под полог с приветствиями и тоже были приглашены разделить трапезу. Пока они беседовали, Танцующий Бизон взял длинную трубку и начал набивать ее табаком. Немного погодя он зажег трубку, поднял ее вверх, опустил в сторону запада, а потом направил на все остальные стороны света.

Затянулся, медленно выпустил тонкую струйку дыма и передал трубку Хью. Хью сделал то же самое и передал трубку по кругу. Давно забытое ощущение радости наполнило его душу при виде этой церемонии.

...Запахи кухни смешивались с ароматом табака. Угощение включало в себя, как мог видеть Хью, оленину, кукурузу, а с ними тыкву и другие овощи.

Он наслаждался дымом, компанией и возможностью избавиться от той проклятой лошади. Бедро и ягодицы болели, но боль становилась тупой и теплой. Да еще горячая пища в завершение... Хью на мгновение погрузился в мечтательное состояние, воскресившее все его грезы о еде во время пути, когда перед ним по порядку возникали всевозможные блюда, и он ощущал их запах и вкус.

Жены Танцующего Бизона роздали мужчинам деревянные плошки, они подошли к котлу и наложили себе горячего мяса и овощей. Вернувшись на бизонью шкуру, принялись есть прямо пальцами, тщательно облизав их после еды. Хью исподтишка несколько раз глубоко вздохнул, чтобы подавить громкую признательную отрыжку.

После обеда воины удалились. Танцующий Бизон предложил Хью раздеться, чтобы жены могли постирать его

одежду и приступить к лечению ран. Хью снял с себя все и растянулся на шкуре, повинаясь приказам женщин.

Обмыв его, они принялись втирать какую-то жгучую едкую мазь в правую ногу, бедро, плечо. Массаж они начали мягко, затем — с возрастающей силой. Жжение становилось почти невыносимым, массаж слишком энергичным. Но женщины четко соблюдали еле уловимую грань. Вскоре жжение сменилось теплом, Хью расслабился... закрыл глаза и стал наслаждаться ощущениями. А потом заснул.

Проснулся он только утром. В тот день его опять хорошо накормили, а в перерывах между едой женщины массируют его тело и втирали мази. Вечером он уже смог сделать несколько осторожных шагов без костыля, держа его, однако, наготове, чтобы успеть опереться, если вдруг начнет падать.

На следующий день он прошел дальше. Боль стихала. Все струпья с ран были смыты. Ему удалось сделать десять коротких шагов, прежде чем он оперся на костыль. Чуть позже он прошел двенадцать шагов, а в полдень — в два раза больше. Хью чувствовал, что перелом сросся, хотя было еще трудно сказать, выздоровел ли он окончательно. Продолжавшиеся боли могли быть из-за нагрузки на мышцы, отвыкшие от такого рода движений. Вечером он прошел тридцать шагов, и мог бы пройти больше. Чувствовалось, что завтра он окрепнет еще, хотя и решил не торопить события. Он снова поручил себя заботам женщин. Силы возвращались. Скоро можно будет отправиться дальше. Пока же Хью смаковал вновь обретенные радости. Ожидание в такой обстановке не было тягостным, и он быстро шел на поправку. Он разминал свои мощные конечности и играл мышцами на спине и плечах. Лучше, гораздо лучше...

На следующий день он стал ходить. Утром поднялся без костыля и больше уже не притрагивался к нему. Правда, частенько отдыхал, но зато проходил весь день и ночью спал как убитый.

На следующее утро жены Танцующего Бизона принесли ему новую рубашку, штаны и мокасины из оленьей кожи. Одежда оказалась ему как раз впору. Хью почувствовал себя лучше, чем когда-либо с момента схватки с медведем. Он отправился в лес и быстро отыскал там звериные тропы, хотя и не занимался этим целую вечность.

Через несколько часов он вернулся и попросил лук и стрелы. Вооружившись, поковылял обратно в лес и нашел свою тропу, помеченную особыми знаками. Он пошел по следу, и забытое радостное возбуждение охватило его.

С минуты на минуту он сможет проникнуть в разум своей жертвы, предвидя все ее действия.

Листья подернулись желтизной, сквозь них просачивался яркий свет осеннего солнца. Некоторые уже валялись на земле. Все еще свежие и влажные, они не шуршали, когда он наступал на них. Прохладный ветерок доносил аромат земли и гниющего дерева. Над головой затараторила белка, в отдалении слышалась птичья трель. Время от времени Хью останавливался, замирал и прислушивался к разнообразным звукам — шуршанию тростника, хрусту ветки, падению какого-то плода или шишки на лесную подстилку. Он слышал, как обитатели леса снуют вокруг него и над головой.

Теперь он мог многое рассказать о том, кого искал: пасется, насторожен, но не подозрителен. На первый взгляд просто бродит туда-сюда, хотя на самом деле придерживается северо-восточного направления. Хью прошел немного дальше, чтобы удостовериться в правильности своих догадок.

Проверив свои выводы, он прикинул скорость и направление движения животного. Затем, повернув налево, пошел наперерез. Дойдя до места, где предположительно должна была появиться добыча, начал искать укрытие.

Небольшие заросли кустарника прямо впереди казались вполне приемлемыми. Он направился туда и встал на колени. Приготовил лук, достал стрелу.

— Олень, — прошептал он, — прости, что я собираюсь убить тебя, но людям надо есть, а эти люди были добры ко мне. Я должен отплатить им за доброту и хочу, чтобы этой платой был ты. Я надеюсь, ты не затаишь на меня зла. Я ничего не имею против тебя лично и хочу, чтобы ты знал: мы постараемся использовать все, что ты нам дашь.

После этого Хью замер и заставил свой разум утихнуть. Прошло не меньше получаса, прежде чем появился он — олень-трехлеток. Хью подождал, пока он подойдет поближе. Натянул лук, спустил тетиву.

Стрела попала точно в цель, в переднюю часть тела, пронзив легкие и, возможно, сердце. Животное вздрогнуло, споткнулось, упало на передние колени, изо рта показалась кровь. Оно пыталось подняться, не смогло, упало и улеглось, тяжело дыша. По земле побежала струйка крови.

Хью встал и подошел к оленю. Освеживал тушу, разделал и повесил на ветвях, используя кожаные ремешки. Затем, очистив пучком листьев руки и нож, направился в лагерь.

Там он сообщил Танцующему Бизону о своем подарке, и индейцы отправились в лес с выючной лошастью. Вечером намечался праздник, и Хью должен был формально отблагодарить их за заботу.

Так он и сделал, хотя и не сказал им о своем намерении наутро отправиться дальше к форту Киова. Спал он прекрасно.

Проснувшись до рассвета, он потянулся за одеждой и обнаружил, что Танцующий Бизон положил рядом лук и запас стрел, подарок на прощание. Хью оделся, бесшумно вылез из типи и зашагал к лесу вдоль границы лагеря. Над деревней висела тишина, птицы еще спали в своих гнездах. Костыль он бросил, ему доставляло удовольствие шагать, почти не хромая.

Он пошел обратно к реке, взяв направление чуть к юго-востоку относительно того, которым они прибыли в деревню. Этот путь казался легче и короче. К тому же всегда интереснее идти по новой тропе.

Рассвет застал его уже далеко от деревни. Немного позже он подстрелил себе белку на завтрак. К полудню добрался до реки. Напился и наелся ягод. Уровень воды в Миссури был низким, она неспешно несла свои воды, по берегам валялось множество бревен. По воде яркими пятнами плыли ивовые и тополиные листья. Темные птицы летели на юг.

Вверх по течению он наткнулся на стадо оленей на водопое. Пальцы дрогнули, но Хью не стал хвататься за лук. Слишком много мяса для одного. Большая часть пропадет. Остаток пути до Киовы ему придется довольствоваться мелкой дичью и придорожными растениями. Он двинулся дальше, поев ягод и корешков. По реке проплыло каноэ, Хью спрятался на всякий случай. Скорее всего это были сиу, и все же... Теперь, когда главные испытания были позади, совсем не хотелось подвергать себя риску.

Хью шел, а вокруг падали листья. Каждый порыв ветра срывал все новые и новые. Они приятно шуршали под мокасинами.

Он решил прикинуть, сколько дней займет дорога до форта. Там он получит новое охотничье снаряжение. Хью предполагал, что майор Генри со своими людьми должен был вернуться на базу в Йеллоустоне. Стало быть, нужно идти дальше вверх по реке и искать их там, если он хочет найти Джемми.

Хорошо. Он вновь начал думать об этой встрече. Скоро, скоро он рассчитается за свои мучения. Все новые и новые караваны птиц тянулись на юг.

Во время отдыха Хью ощупал шрамы. Проследил за антилопой, бегущей по холмам. Солнце скрылось за тучей, с севера задул холодный ветер. Год поворачивал к зиме. Вскоре нельзя уже будет рассчитывать на милосердие погоды.

Так и не распогодилось. Ночью температура еще упала. Утром Хью вышел чуть свет, чтобы согреться в ходьбе.

Он далеко углубился в долину реки Шейенн, и надеялся, что сегодня достигнет реки. Было холодно, небо посерело.

В сумерках он заметил вдалеке блеск — похоже, до воды осталось совсем немного. Несмотря на холод, Хью улегся на ночлег в приподнятом настроении. Путь от реки до форта он помнил хорошо.

Перебравшись через Шейенн, он вскоре доберется до места, где Миссури делает большой поворот сначала на северо-запад, затем сворачивает на юго-восток и миль через тридцать выходит к Киове. У излучины он повернет от реки и пойдет напрямик, коротким путем до форпоста Французской меховой компании. Там он поведает свою историю, выплеснет накопившуюся горечь, отдохнет день-другой и распишется за новое снаряжение. Да. Скоро.

На следующий день Хью подстрелил гуся и тщательно обглодал его. Нога почти не беспокоила. Как хорошо, что не приходится больше ползти, подумал он. Погода совсем испортилась, посыпал холодный мелкий дождь.

Вечером он зажарил на ужин рыбу и заснул возле костра, регулярно просыпаясь и подкладывая веток, чтобы поддержать огонь. Было холодно. Надо будет раздобыть одеяло или плащ из шкуры бизона.

Следующий день был туманным, мелкий морозящий дождь преследовал его до тех пор, пока он не сдался и не укрылся в неглубокой пещере. Он просидел так несколько часов, наблюдая, как рассеивается туман, как разрастаются небольшие лужицы, мелькают дождевые капли. Вокруг не было ни щепки сухой древесины для костра.

Спал он беспокойно, бедро ломило от сырости. Сновидения приходили обрывками. Вот он едет вместе с Джеми, охотится... Медведи, костры, индейцы... Вот он ползет сквозь тучу... Стук копыт... Внизу под ним проходит длинная процессия — Том, Лафитт, Танцующий Бизон, майор Генри, Джеми, старуха ри... Рядом раздается гром и сверкает молния. Равномерный шепот дождя. Хью идет сквозь пещеру, глубоко под землей, все стены ее разрисованы... Чернота, и снова медведь. Зверь ушел от него в пещере, и вновь пришло чувство одиночества, покинутости, как в тот день, когда друзья бросили его на равнине. Хоть бы, что ли,

медведь повернул обратно, Хью даже попытался позвать зверя, но не нашел слов. Медведь, ворча, утонул по темному коридору, и Хью вдруг понял, что рыдает.

Он проснулся со слезами на глазах, ночь по-прежнему была ненастной. Утерся и устроился поудобнее. Немного погодя снова заснул, снова видел сны и снова плакал, хотя на этот раз сновидения были более хаотичными и ускользали из памяти при попытке вспомнить.

Утром тоскливая морось продолжала падать сквозь туман. Хью рывком сел, прислонившись спиной к скале, и стал смотреть на унылый пейзаж. Одежда его высохла и мокнуть вновь не хотелось. С другой стороны ему было холодно, а движение поможет согреться. Правда, во время остановок холод опять будет ждать под одеждой. Хью знал, что скоро проголодается, и не похоже было, что удастся раздобыть что-нибудь съедобное в такую погоду. Нужно идти дальше, добраться до форта, заняться наконец своим делом. Но разве один день что-то решит? Хью давно заметил, что потерял счет времени, которое минуло с того несчастного дня. Он подтянул колени и обнял их руками. Как долго он так просидел, уставившись в серый туман, Хью и сам не знал. Возможно, несколько часов. Когда дождь наконец утих и можно было трогаться в путь, он не смог припомнить, о чем думал все это время.

Туман был густой, как вата, он заглушал звуки, и Хью шел в полной тишине. Ветка дерева или край утеса внезапно вырастали в тихом белом мире, как куски запредельной реальности. Он вспомнил, как преодолевал перевал. В то время мир тоже как бы существовал по своим собственным законам, мираж — зажатый двумя мирами, лежавшими позади и впереди.

Мимо пролетела птица, исчезла. Над головой слышался крик ястреба. Все произошло слишком быстро, чтобы он смог понять, была ли это одна и та же птица.

И тут в тумане он увидел очертания человека, идущего по дороге впереди. Пораженный, Хью чуть не окликнул его. И все же прошел еще немного следом, пытаясь определить, нет ли у человека попутчиков. Нет. Похоже, он шел один. Большой, коренастый, хромой. Силуэт сместился в сторону, скрылся за ветками, появился снова.

Хромота... Синхронные шаги, движения рук... Хью улыбнулся. Остановился и поднял руки. Фигура впереди сделала то же самое. Он опустил левую руку. Фигура вновь повторила движение. Тогда он продолжил путь, и двойник тоже

пошел вперед, то появляясь, то исчезая в клочковатом тумане.

Хью вспомнил индейские легенды о том, что после долгого путешествия необходимо остановиться и подождать, чтобы твой дух догнал тебя. Здесь же была обратная ситуация — словно в самом конце пути он спешил догнать свой собственный дух. Вскоре туман начал редеть, вместе с ним растаяла и тень.

К середине дня туман совсем рассеялся и, хотя небо было затянуто тучами, дождь прекратился. Деревья потеряли почти всю свою зелень, дорога покрылась желтыми и красными листьями, сырыми, липнущими к земле. Хью взобрался на очередной пригорок. Остановился на его вершине. Недалеко внизу блестела тусклая серая лента реки Шейенн. Он оглядел ее, нашел место для переправы — там, где река сужалась в изгибе.

Хью наметил точку, где нужно свернуть с дороги, чтобы выйти к переправе. Конец путешествия становится реальностью. Он начал спускаться с холма.

Пока он шел по открытой местности, температура все падала, и когда он спустился к реке, воздух был почти таким же холодным, как вода. Хью пошел вдоль берега, измеряя глубину, и решил провести остаток дня, занимаясь охотой и приготовлением ужина, разбив лагерь в защищенном от ветра месте, а переправиться завтра утром.

Полчаса потребовалось ему, чтобы обнаружить кроличью тропу, и еще двадцать минут, чтобы дождаться, пока появится кролик. Выстрел был бесшумным и точным. Десять минут спустя он добыл еще одного. Вернулся к реке и освежевал их.

Сидя у огня он медленно зажарил тушки с травами, которые собрал по дороге. Медленно поел, обретя наконец свой обычный аппетит, и прикончил обоих кроликов. Потом закопал кости и напился из реки. Заслонил огонь плоским камнем, подкинул хвороста и свернулся калачиком. Периодически просыпался и подкидывал в огонь веток.

Утром закопал пепел и спустился к реке. Проклинал погоду, разделся, завязал в узелок свои пожитки, примотал их кожаным ремешком к сухому полену, которое приметил накануне. Затем, стиснув зубы, вошел в воду и побрел к противоположному берегу. Лук торчал над водой, один рукав рубашки выбился из узелка.

Несколькими минутами позже он выбрался из воды ниже по течению, дрожа, как осенний лист, под серым небом и холодным ветром.

Торопливо одевшись, быстро зашагал дальше, надеясь согреться в движении. Пока он переправлялся, в тучах появились голубые трещины, но воздух оставался холодным.

Почти час Хью шел, подгоняя себя, оставляя позади небольшие рощицы, взбираясь на пригорки, спускаясь в овражки. В конце концов, поднявшись на вершину небольшого холма, он встал как вкопанный. Вдалеке виднелась река, и на берегу ее стоял форпост Французской меховой компании. Хью приближался к нему с тыла, его массивные ворота смотрели на реку. Бревенчатая стена была в три человеческих роста и тянулась в обе стороны футов на сто пятьдесят. Блокгауз находился ближе к реке, на юге, а ближайшей внутренней постройкой была сторожевая башня. На верху ее расхаживали двое вооруженных людей, и, когда Хью спустился с холма, один из них увидел его.

— Добрый день, — прокричал он. — Я — Хью Гласс.

— Хью? — донесся ответ. — Мы думали, ты с майором Генри.

— Был, — отозвался Хью, подходя ближе, и увидел, что говорит с Бобом Терри, пожилым охотником, который теперь все реже выходил на тропу, предпочитая работу в форте. — Был ранен, отстал, нуждаюсь в помощи. Скажи кому-нибудь, чтобы впустили меня, ладно, Боб?

— Ясное дело, Хью, — крикнул Боб. — Это были ри?

— Да нет, — ответил Хью, подойдя к углу, чтобы обойти форт с севера. — Медведь. Потом расскажу.

Он шел к стене, обращенной в сторону реки. Вот он добрался до больших ворот и минуту спустя одна створка их распахнулась перед ним.

Войдя внутрь, он отметил возле плаца домик Молодого Киовы. Жозефа Бразо, буржуа, который построил этот форт, прозвали так, чтобы отличать от его дяди — тоже Жозефа Бразо — основателя Французской меховой компании, который носил прозвище Старого Киовы и имел львиную долю торговли с сиу. Меховая компания «Коламбия» построила форпост в двухстах милях к северу, на территории манданов, но он был значительно меньше и снабжался несравнимо хуже.

Домик клерка и офис располагались правее. Хью направился туда. Склады должны были быть набиты обмундированием и оружием под самую крышу после войны с ри и ухода генерала Эшли, и Хью первым делом решил оставить заказ на снаряжение.

Из-за конюшни раздавались удары молота, там находилась кузница. Лью — коренастый рыжий плотогон — окликнул его.

— Хью! — позвал здоровяк. — Мы думали, ты с Генри в Йеллоустоне.

— Должен бы, — отозвался он, — да мы разделились, и я потерял снаряжение.

— Лицо у тебя сильно помято. Все из-за этого?

Хью кивнул:

— Был ранен. Но теперь в порядке.

Лью показал на бревенчатый частокол напротив конюшни.

— Зайди ко мне, пока здесь, — пригласил он. — Третий домик слева. Хочу послушать твою историю.

— Обязательно, Лью, — кивнул Хью. — Увидимся.

Он пересек палисадник и постучал в дверь Бразо.

— Кто там? — послышался знакомый голос.

— Хью Гласс, — ответил он. — Мне нужно снаряжение.

Раздались шаги и секунду спустя дверь распахнулась.

— Хью! — воскликнул невысокий темноволосый человек. — Действительно ты. Почему ты не в Йеллоустоне?

— Долгая история, — ответил Хью.

— Стаканчик бренди? — предложил Молодой Киова. — Я хочу услышать подробности.

Хью кивнул и уселся на предложенный стул. Минуту спустя взял стакан. Начал рассказ.

История растянулась на несколько стаканов, Бразо слушал, открыв рот.

— ...Стало быть, если вы дадите мне снаряжение, — закончил Хью, — я смогу отправиться на север в Йеллоустоун, догнать Генри и решить все свои дела.

— Конечно, конечно, — сказал Бразо. — Но какие у тебя могут быть дела на севере?

Хью ухмыльнулся:

— Там кое-кто меня дожидается. Могу сказать только, что это сугубо личное, ты ведь знаешь, я всегда был справедливым человеком.

— Как скажешь, Хью. Зайди в соседнюю дверь и попроси Перси выдать тебе кое-что из снаряжения Эшли. Остановиться можешь во втором домике — он сейчас пустует. Ты ведь побудешь у нас немного?

— Одну ночь, — сказал Хью, кивая. — Может, две.

— ...И поужинаешь со мной вечером, вскоре после захода?

— С удовольствием, — поблагодарил Хью, поднимаясь. — Спасибо за бренди.

Он пожал хозяину руку, вышел и заковылял к складу. К вечеру получил все, что хотел, и обустроился в домике.

У него теперь было новое ружье, патронташ, порох и запас пуль, а также рубашка, плащ, меховое одеяло, шапка и новый нож. Разжился он и чаем, кофе, солью, табаком, сковородкой, товарами для обмена.

Помылся, постриг бороду и надел новую рубашку. Прежде чем отправиться к Молодому Киеву, приготовил вещи, чтобы быстро упаковать их.

За ужином Бразо сказал:

— Надеюсь, ты поужинаешь со мной и завтра вечером. У тебя слишком много рассказов для одного раза.

— Если честно, — признался Хью, — я подумывал о том, чтобы уже завтра тронуться в путь.

— Это чертовски глупо, — ответил Бразо, — особенно если учесть, что в четверг я посылаю партию вверх по реке для торговли с манданами, пока погода окончательно не испортилась. Ты сможешь поплыть на лодке. Хороший охотник в пути дороже золота.

— Какой сегодня день? — спросил Хью.

— Понедельник.

Он застонал. Потом кивнул.

— Хорошо. Так все равно получится быстрее, — согласился Хью.

Бразо усмехнулся:

— Еще несколько ночей поспишь в настоящей кровати.

Хью пожал плечами:

— Пожалуй, что так.

— Отдохни как следует. Здесь есть несколько человек, с которыми ты с удовольствием перекинешься парой слов.

— Пожалуй, что так.

— Нас не так много, чтобы не помогать друг другу.

Хью кивнул:

— Верно.

— Правосудие здесь не очень-то процветает, не то что на востоке. Все эти суды и прочее.

Хью снова кивнул.

— Не сказать, чтобы мы от этого сильно страдали, — сказал он. — По опыту знаю, что большинство людей сами вершат свое правосудие.

— Точно, — кивнул Бразо. — Сам так делал. И буду делать. Как большинство из нас.

— Подай, пожалуйста, соль, — сказал Хью. — Спасибо.

— Никогда не стал бы мешать человеку, подумывай он о том, чтобы убить другого, — заметил Бразо. — Ну, скажет он «да», а потом что-то случится с тем парнем, так это все равно, что оказаться свидетелем.

— Ты прав, — сказал Хью.

— ...А если он скажет «нет», это все равно ничего не значит.

— Ну так и не приставай.

— Но хороший христианин должен хотя бы попытаться отговорить его.

Хью усмехнулся.

— А ты таких знаешь? — спросил он. И добавил потом: — А если он не скажет ни «да», ни «нет», так хороший христианин и знать не будет, что и делать, верно?

— Пожалуй, — согласился Бразо, сделав глоток из стакана.

— Если бы это был я, я бы ничего не сказал, — заметил Хью. — Передай, пожалуйста, хлеб.

— Вот, возьми. Хотелось бы еще послушать о твоём путешествии.

— Порой у меня такое ощущение, что мне все это приснилось, — сказал Хью.

Это ощущение не покидало его, когда он позже рассказывал свою историю Лью за стаканчиком бренди. Он вернулся в свою хижину после полуночи, почти пресытившись обществом себе подобных, но с приятным чувством, которое не покинуло его и утром, несмотря на легкое похмелье. Лишь некоторое время спустя он понял, что давным-давно не был так счастлив. До отъезда нужно было чем-то занять себя, и он решил навестить знакомых.

Удивительно, как быстро пролетело время, подумал Хью, загружая свое снаряжение в большую плоскодонку. Когда он полз, все было как раз наоборот: минуты казались часами.

Было сырое туманное утро, красная и золотая листва слегка колыхалась под легким ветерком. Поддюжины человек собирались подняться вверх по реке с торговой миссией, большую часть пути предполагая пройти на веслах, если попутный ветер не позволит использовать парус. Экспедиция была вызвана не столько внезапной жаждой торгового обмена в это неурочное время года, сколько желанием Бразо убедиться в том, что ри действительно снялись со своих мест, и разведать отношение манданов к их изгнанию. Хью ценил подобную предусмотрительность и одобрил предприятие. Он поглаживал свое новое ружье, давая зарок кормить команду от пуза.

К середине дня задул холодный встречный ветер. Он разогнал туман с реки, но небо оставалось серым. Флотилии ярких листьев торопились мимо них к югу. С криками летели гуси. Хью разглядывал песчаные холмы, утесы, тропы по обоим берегам, примечая движение дичи. Потом разговорился о ри со старшим команды по имени Ланжевен, и они большую часть дня чесали языки.

Задолго до заката они пристали к берегу, и пока остальные разбивали лагерь, Хью пошел охотиться со своим новым кремневым ружьем. В первые же пятнадцать минут ему удалось с одного выстрела уложить антилопу. Ее зажали еще до наступления темноты.

В ту ночь, согревшись в бизоньей шкуре, он вновь увидел себя на равнине. На этот раз он полз, преследуя медведя. Но зверь все время маячил впереди и растаял на рассвете. Царапая ногтями землю, Хью проснулся с чувством разочарования. Издалека донеслось тьякканье койота.

Станным казалось после столь долгого перерыва вновь оказаться на воде. Прислушиваться к плеску весел, ощущать мерное покачивание. Та же сырость в воздухе... Погода стояла холодная, осень вступала в свои права, и все же что-то напоминало те карибские деньки... Только там на побережье всегда царило жужжание насекомых и неумолчный крик попугаев... Внезапно он очутился в тропическом трактире, где пираты праздновали удачный набег. Лафитт заказал еще одного жареного поросенка и бочонок грога. Когда он поднял руку, Хью заметил на рукаве его рубашки мазок запекшейся крови.

Он засмеялся, чем привлек внимание Ланжевена.

— Над чем смеешься, *mon ami*? — спросил тот.

— Над отсутствием попугаев, — ответил Хью.

В полдень закружились редкие снежинки. Река была антрацитово-серой, даже листопад не оставлял следов на ее глади. Через час воздух побелел. Только бурые листья и голые ветки оттеняли бледность дня. Хью вытянул руку и следил, как снежинки скапливались на ладони, потом слизнул их. Это было похоже на действия шамана или одного из колдунов обеа с Карибских островов, правда, они никогда не видели снега. Он словно пытался покорить зиму, как когда-то его покорила медведь. Хью растянулся, зевнул, ветер больше не казался таким холодным. Он снова рассмеялся.

— Что теперь, *mon ami*? Попугай?

— Вкус зимы, — ответил Хью.

Когда во второй половине дня он пошел сквозь пургу на охоту, ему припомнились пенсильванские зимы. Подняв

ружье, чтобы прицелиться в оленя, стоявшего под тополем, Хью заколебался. На мгновение олень превратился в старуху ри с седой, низко опущенной головой. Он нажал на курок, и взгляд прояснился.

В ту ночь во сне, выслеживая медведя, он попал в пещеру и долго преследовал его глубоко под землей, где вся история жизни была запечатлена на стенах, словно огромная фреска. Он проходил мимо гигантских ящеров, цветов и насекомых и видел, как все живое уменьшается и исчезает в океане. Он продолжил преследование, медведь заревел, и они обнялись без всякой враждебности...

Лодка плыла мимо песчаных куч, бобровых запруд, высоких утесов. Время от времени Хью замечал небольшие стада бизонов. Оленей было в избытке, изредка встречались лоси.

Они миновали устья рек Тетон и Шейенн. Глядя вправо, Хью мог восстановить свой маршрут в обратном порядке. Вот место, где он поймал двух рыб... А здесь он шел, опираясь на костыль. Это было задолго до того, как он встретил индейцев. В этих местах его еще мучили сильные боли, хотя надежда уже придавала сил...

Это было удивительное чувство — путешествовать обратно во времени. Поскрипывали весла, дул холодный ветер, и Хью радовался, что не встретился с медведем на несколько недель позже. Небольшое стадо антилоп спустилось к реке на водопой... С запада донесся низкий рокот грома.

Дни, как и погода, слились в однообразную серую ленту сырого холода, наполненного воем ветра и скрипом уключин. Появление реки Моро оказалось сюрпризом. Да, он приближался к самому началу. Место схватки с медведем осталось слева в глубине равнины, место стоянки ри было далеко впереди.

Позже во время сильного снегопада миновали устье Большой реки. Через несколько миль показалась покинутая деревня ри. Обутлившись жилища коченели в снежной белизне. Среди руин бродили несколько собак. Людей нигде не было видно. Хью не мог оторвать глаз от этого печального зрелища, пока оно не скрылось за поворотом.

— Интересно, куда отправились выжившие? — спросил Ланжевен.

— Переправились через реку, — ответил Хью. — И двинулись на запад. Собираются поселиться возле пауни. Кажется, они родня им или что-то вроде того.

И вновь он увидел старуху, ковыляющую мимо. Каждый шаг давался ей с трудом, и Хью даже немного пожалел ее,

несмотря на то что сам был не в состоянии подняться. Перед ним словно прошла вся ее жизнь и вся жизнь ее народа, бредущего на запад, зная, что конец их близок. Не стоило беспокоить их в те последние часы, которые всякий человек хотел бы посвятить подведению итогов.

Следующие несколько дней снегопад чередовался с дождем, и земля между оголившимися деревьями превратилась в слякоть. По утрам она сверкала инеем. Днем земля окутывалась дымкой под низким ноябрьским небом. Только черные птицы остались на зимовку. Трава побурела. Здесь, в долине Верхней Миссури, лодку неотступно сопровождали ветры. Вскоре они достигли устья реки Каннобол, минова-ли его.

Снегопады начинались и заканчивались, а когда они прошли реку Харт, снег повалил с новой силой. Старый Шарбонно и его жена-шошонка Сакагавеа, которые сопровождали Льюиса и Кларка в 1805 году, попросили высадить их за день до того, как лодка должна была добраться до деревни манданов, объяснив, что хотят пройти остаток пути пешком. Это обеспокоило Хью, который привык доверять интуиции старожилов, и теперь, сам сделавшись старожилом, заметил, что ему почему-то не по себе.

На следующий день он тоже попросил высадить его на несколько миль ниже деревни, решив поохотиться и по возможности прийти в деревню с подарком в виде свежего мяса. Ланжевен согласился, и Хью углубился в рощу. Пробираясь на север, он вдруг услышал отдаленные воинственные крики, за которыми последовали мушкетные выстрелы. Шум доносился со стороны реки. Хоть они и обсуждали не раз предубеждение манданов к торговцам после недавней кампании, первым делом в голову пришла мысль о вылазке ри. Не манданов. И, конечно же, не сиу. Он решил, что группа воинов, протестуя против недавнего отступления на север, отстала от племени ради подобных партизанских набегов. Крики продолжались. Раздался еще один выстрел.

Шепча проклятия, Хью повернул назад. Совершенно очевидно, что его друзья в лодке подверглись нападению. Если атакующих немного, его ружье может пригодиться... Он поспешил.

Приблизившись к берегу, он замедлил шаг и нырнул в заросли кустарника. Хью вскоре разглядел на берегу дюжину воинов ри. Они все еще возбужденно смеялись и перекрикивались, перегружая товары из плоскодонки в свои лодки.

Хью опустил ружье и отступил в чащу. Его товарищей нигде не было видно, а у нескольких ри болтались на поясе свежие скалпы. Было уже поздно помогать кому-либо, кроме самого себя.

Выбравшись из зарослей, он направился на север, стараясь идти под прикрытием кустов. Его живо интересовали взаимоотношения манданов и ри, которых он только что видел. Вполне возможно, думал он, что ри спускались по реке, когда заметили экспедицию. Впрочем, лучше не строить догадок.

Через пару миль он услышал женские голоса, упал ничком и пополз. Женщины работали в саду возле деревни с земляными домиками. Говорили они на наречии ри. Возле жилищ бродили воины. Хью изучил расположение деревни. Затем отполз так же осторожно, как и приблизился.

Пробираясь в зарослях, обогнул деревню. Хью никогда не бывал у манданов, и сейчас ему пришла в голову дикая мысль о том, что ри выгнали манданов из их деревни и поселились в ней сами. Если бы это было так, ему только оставалось продолжать двигаться к Йеллоустону. Но следов борьбы нигде не было видно, да и земляные жилища были точно такие, какие строили ри.

Оставив деревню позади, он пошел быстрее. На земле отчетливо различались хорошо утоптаные тропы со следами мокасин и неподкованных копыт.

Минут через двадцать за деревьями показалась еще одна деревня. Ее он рассматривал вдвое дольше, подкравшись поближе, следя за обитателями, прислушиваясь к разговорам, пока не убедился, что люди говорят не на языке ри. В конце концов, удостоверившись в том, что это действительно манданская деревня, он поднялся и медленно вошел на территорию с пустыми руками и в полный рост.

Пожилой индеец вышел из жилища и приблизился к нему. Хью приветствовал его по-английски и на языке ри. Человек подумал минуту и решил, что говорить на ри будет удобнее. Его имя было Сон Двух Антилоп, сообщил он Хью, и да, он согласен, что ри — сукины дети. (Тут Хью перешел на английский за неимением адекватного выражения на индейском наречии.) Его племя разрешило им поселиться поблизости, когда основная часть ри ушла дальше, а те взамен обещали поддерживать мир с белыми. Однако с тех пор друзья Хью — не единственные, кого они убили.

Сон Двух Антилоп отвел его в свою хижину и предложил еду и питье, которые Хью с благодарностью принял. Хью подробно рассказал о нападении и спросил о Шарбонно.

Сон Двух Антилоп рассказал, что тот прибыл благополучно, и сейчас находится в соседней хижине. Он отведет Хью к нему, когда тот покончит с угощением.

Позже, когда Шарбонно выслушал историю расправы с товарищами, Сон Двух Антилоп рассказал о форте Тилсон, принадлежащем меховой компании «Коламбия». Он предложил отвести их туда под охраной, если они хотят посоветоваться с другими белыми людьми.

— Много в нем людей? — спросил Хью.

— Четверо.

— И давно они там?

— Форт построили осенью, — сказал Сон Двух Антилоп. — Тогда их было больше.

— Что же случилось с остальными?

— Их убили ри. Форт и строился для защиты от них.

— Смогут ли они меня кое-чем снабдить? — спросил Хью.

— Возможно. У них теперь должно быть припасов больше, чем нужно, ведь они потеряли нескольких товарищей.

— Думаю, нам лучше навестить их.

Шарбонно кивнул:

— Мне стоит с ними познакомиться, я ведь собираюсь здесь зимовать.

— Почему ты хочешь остаться? — спросил Хью. — Я собираюсь двинуться дальше, как только разживусь припасами. Чем дальше я уйду от ри, тем лучше для меня.

— Мне, пожалуй, опаснее возвращаться, чем остаться здесь, — сказал Шарбонно. — Тут я смогу затеряться среди индейцев. А если они прослышат о белом человеке в племени, они тут же решат, что это ты. Мы скажем им, что ты ушел дальше. Я же пережду здесь до весны и вернусь в Киову.

— Хорошо, — согласился Хью. — Придется отложить свое дело до другого раза. Сейчас мне надо убираться отсюда как можно скорее.

— Какое дело? — спросил Шарбонно.

— По моим подсчетам, они должны мне четыре скальпа, за тех ребят, с которыми я плыл. Я обязательно рассчитаюсь. Позднее.

— Старики — те, что давали обещания, когда мы разрешили им поселиться здесь, — не совсем забыли про честь, — сказал Сон Двух Антилоп. — Но им трудно держать в узде молодых воинов. У нас порой творится то же самое, и я слышал, что иногда подобное случается и у белых.

Хью кивнул:

— ...Да, сукин сын — он и есть сукин сын, не важно, какого он роду и племени. Просто ему досталась большая доля человеческой подлости. Ну пойдем, посмотрим, что за люди там, в форте.

Четыре часа спустя, когда наступила безлунная ночь, Сон Двух Антилоп и молодой воин переправили Хью на западный берег Миссури. И манданы, и меховая компания «Коламбия» снабдили его всем необходимым: новыми одеялами, одеждой, чаем, солью, пеммиканом*. Уложив все это в рюкзак, он отправился на север, а манданы вернулись на восточный берег.

Он зашагал по замусоренному пляжу, при первой возможности выбравшись на высокий берег. Хорошо было вновь идти по дороге в вертикальном положении, несмотря на холодный ветер и колючие снежинки, кусавшие лицо. А река была старым другом.

Идти по берегу было трудно, приходилось огибать утесы и валуны. Температура продолжала падать, и Хью понял, что придется идти всю ночь — с одной стороны, чтобы не замерзнуть, а с другой стороны, чтобы уйти подальше от ри. Он прикинул, что до базы Генри, там, где Йеллоустон впадает в Миссури, оставалось миль триста.

К утру, прикинул Хью, он прошел миль десять—двенадцать. Небо было как грифельная доска, продолжал дуть ночной холодный ветер. Хью поел пеммикана и поискал место для лагеря. Остановился на небольшом углублении между корнями дерева, завернулся в одеяло и устроился там, сжимая в руках ружье. Дневные и ночные мысли не долго донимали его.

Хью проснулся в полдень, попил из реки и решил не тратить порох на белку. Пока не попадется добыча покрупнее, можно обойтись пеммиканом. Он двинулся дальше на север.

Едва ли по соседству могли оказаться ри, хотя такая возможность не исключалась, и он принялся перебирать в уме другие племена, с которыми мог встретиться по дороге к форту Генри. Самыми опасными были черноногие. Пакостей можно ожидать и от ассинибойнов, и от миннатари. Но с ними можно было иметь дело, тогда как черноногие

* Пеммикан — твердая паста из высушенного на солнце и измельченного в порошок мяса оленя или бизона, смешанного с растопленным жиром и соком кислых ягод. Изобретен алгонкинскими племенами североамериканских индейцев.

были наделены избыточной дозой человеческой жестокости, которая делает людей опасными.

Эти день и ночь казались холоднее предыдущих. Когда он доберется до места, суровая снежная зима будет в самом разгаре. Приятно, что раны и переломы не болят от холода. Он боялся, что с приходом зимы начнутся боли в бедре. Теперь же его беспокоил только нос, он отчаянно мерз, но так случалось каждую зиму. Он рассматривал звезды сквозь пар собственного дыхания и прикидывал, куда спрятаться при звуке копыт.

Но ничего не случилось. Дни катились своим чередом с монотонной однообразностью, а он продолжал равномерно пожирать расстояние шагами, делая между ночевками по десять—двенадцать миль. Когда он впервые выстрелил в оленя, первое время довольно долго опасался, не привлек ли ненужного внимания. Он быстро разделал тушу и унес сколько смог, пройдя без оглядки несколько миль, пока не решился разжечь костер и поужинать. Огонь тоже не привлек незваных гостей. После ужина Хью тщательно засыпал костер, уничтожил собственные следы и только после этого быстро пошел прочь, напевая песенку, которая так и рвалась изнутри.

Каждую ночь становилось немного холоднее, каждый день сохранял все меньше тепла. Снегопады приходили и уходили. И с каждым разом прибавлялось снега на земле. Однако пока его было не так много, чтобы затруднить движение.

Немногим более двух недель занял у него путь до места, откуда открывался вид на слияние Йеллоустона и Миссури. Вглядываясь вдаль, он мог уже различить частокол форта Генри на мысу между двумя реками.

Хью глубоко вздохнул и зашагал дальше. Просто не верилось, что он подошел так близко. Скоро... Однако надо придумать, как перебраться на северный берег.

Стоя на берегу Йеллоустона, он пытался рассчитать, на каком расстоянии от слияния рек столкнуть в воду бревенчатый плот, чтобы добраться до другого берега, прежде чем плот будет снесен в Миссури. Осторожность не помешает, решил Хью и зашагал вверх по течению.

К тому времени когда он закончил плот, совсем стемнело. Хью перекусил, не разводя огня, и заснул в овраге. Утро было солнечное, но холодное, и к концу переправы он изрядно вымок. Тем не менее рассчитал он верно. Плот ударился о берег ярдах в ста к западу от форта.

Хью сбросил рюкзак и пошел к частоколу. Вдруг его что-то насторожило.

Ворота были распахнуты. Внутри ни звука. Держа ружье наготове, он вошел в форт. Никаких признаков насилия, но майора Генри и остальных не было. Похоже, это был запланированный уход, поскольку ничего ценного Хью не нашел. Через несколько минут он наткнулся на записку. Она была написана на доске и прибита к двери самого большого дома: «Ушли вверх по Йеллоустону строить новый форт за развилкой на Маленьком Большом Роге».

Изрыгнув несколько проклятий, Хью покинул форт и пошел дальше, отмахав до заката десять миль. День за днем он придерживался той же скорости. Три недели спустя Хью отпраздновал Сочельник в овражке под наскоро собранным навесом, пируя жарким из кролика и прикидывая, сколько еще миль до нового форта Генри. Внезапно повалил густой снег, сугробы вокруг лагеря становились все глубже с каждой минутой. Ветер выл, как раненый зверь. По крайней мере Хью теперь за пределами земли черноногих. Интересно, что бы они с ним сделали, если бы наткнулись на него. Сейчас он приближается к стране кроу, а с ними договориться гораздо проще, чем с черноногими. Охота в этих краях должна быть отличная, решил Хью. Он вытер чашку, растопил снег и попил чаю. Отхлебнул глоток виски из маленькой медицинской фляжки и подумал о том, как празднуют Рождество майор Генри и ребята. Вкусные ли у них блюда? Поет ли Джеми рождественский гимн? Джеми... Сколько еще ему пробираться до форта, где они, должно быть, в эту самую минуту пьют о любви и добре? В груди заныло. Что, если он прошел это место? Могло ли случиться так, что он не туда свернул и теперь удаляется от форта?

С минуту он был почти уверен в этом, и его захлестнуло черное отчаяние, но он быстро нашел успокоительные доводы. Ему ни разу не попадались следы охотничьей деятельности и не было никаких других признаков присутствия белых. Нет, он еще не так далеко отошел, хотя можно с уверенностью сказать, что от форта Генри он ушел дальше, чем расстояние от форта до Кивы. Но это неважно. Во всяком случае не сейчас. Хью зевнул и закрыл глаза. Время не так существенно за пределами больших городов.

На следующий день он смастерил снегоступы и побрел дальше. На этой неделе Хью пережил три свирепых метели и поймал полдюжины кроликов и одного бобра, которого изловил скорее случайно, чем хитростью. На следующей неделе пришлось провести два дня в пещере, глядя на

сплошную стену мелькающего снега. Хью отметил Новый год. Это снова навело его на мысли о людях майора, которые празднуют и поют. И Джеми среди них. «Вспоминают ли они обо мне?» — думал Хью.

Тремя днями позже он брел по лесу, перебравшись через три замерзших притока Йеллоустона. Ветер завывал, как неприкаянный дух, а снег кружил все быстрее и гуще. Он почувствовал, что что-то изменилось в атмосфере, но это было не похоже на ту ночь, когда он перед грозой полз по равнине. За пеленой мелькающих снежинок каждая деталь казалась частью чего-то большего; деревья возникали внезапно, словно оторвались от корней и скитались в этом призрачном мире, столь похожем на мир его сновидений, когда он прокладывал себе путь в долину.

Перед ним стоял медведь. Сначала Хью в рассеянном свете, не отбрасывающем теней, показалось, что это ствол дерева. Он был так близко, что можно было потрогать. Вот только его тихое шевеление не соответствовало порывам ветра, а происходило само по себе. Зверь высоко поднял морду, близоруко щурясь от порхающих хлопьев. Хью замер, желудок его болезненно напрягся. Скорее всего это был не гризли, а если и гризли, то совсем молоденький. Различить окраску животного было трудно из-за облепившего мех снега. Наверное, снег точно так же скрывал сейчас бороду Хью. Медведь покачивался, хватаясь лапами за воздух. Он был немного выше Хью, и дыхание его не отдавало гнилью, как у того гризли. От медведя исходил лишь запах мокрого меха.

Ружье застыло в руках. Он нес его заряженным, чтобы быть готовым в любой момент пустить в ход. Хью знал, что может поднять его и выстрелить. Разумеется, если не уложить медведя на месте, он вновь окажется лицом к лицу с раненым и очень разъяренным зверем. Поэтому он просто стоял и смотрел, вспоминая предыдущий случай.

— Я знаю тебя, медведь, — сказал он, — и, возможно, мы что-то должны друг другу, а может, и нет. Я за то, чтобы распрощаться и каждому пойти своей дорогой. А ты как?

Прищурив глаза, медведь поводил носом, затем упал передними лапами на землю, повернул налево и ушел. Он хрустел ветками все дальше, а Хью неподвижно стоял, не веря в удачу. «Ну и ну», — выдохнул он наконец. Потом тоже повернул налево и стал пробираться между деревьями. В ту ночь ему снился медведь, растворяющийся в белизне.

Три дня спустя он стоял вечером на небольшом пригорке, рассматривая частокол у слияния Маленького Большого

Рога и Большого Рога. Смотрел, как над строениями поднимается дымок, вдыхал его аромат. Наконец, он нашел... Ладони неожиданно вспотели, несмотря на холод.

Он шел вперед автоматически, ни о чем не думая. Теперь им управляло что-то более глубинное, чем разум. Низко над землей пронеслась белая сова. Несильный северо-восточный ветер крутил снежные хлопья.

Хью подошел к воротам и постучал прикладом ружья. Минуту спустя чей-то голос отозвался: «Кто там?»

— Хью Гласс, — ответил он, — и здесь чертовски холодно.

— Хью Гласс, — повторил голос после долгой паузы.

— Это я, Мартин. Долгая была охота.

— Слышали, что ты умер, Хью. Убит медведем.

— Не сказать, чтобы медведь поленился, Мартин. А кто тебе об этом рассказал?

— Джеми и ле Бон. Черт, я же сам тебя видел, ты лежал там при смерти.

— Да, представляю себе. Так ты собираешься впустить меня? Или думаешь, что я призрак?

Опять наступила тишина. Потом:

— Нет, если бы ты был призраком, тебе не нужно было бы просить открыть ворота. Ты бы прошел сквозь них — правда?

— Ну конечно. Открывай же, шпингалет скрипучий.

Через минуту ворота распахнулись, и Хью вошел. Мартин, невысокий худощавый охотник с бородой с проседью, колебался не дольше секунды, прежде чем стиснуть его руку.

— Никаких сомнений, — прокомментировал он. — Ты — настоящий.

Хью кивнул и, оглядевшись, увидел майора Генри и еще двоих, идущих к нему от блокауза. Мартин захлопнул и запер ворота.

— Черт возьми, Хью! Ты жив! — воскликнул подошедший майор, обнимая его за плечи. — Что случилось? Мы думали, ты давно червей кормишь. Как ты сюда попал?

— Дополз до Киовы.

— Дополз?

— Да меня вроде как переломало всего. Правда, к тому времени как добрался туда, я уже ходил. Потом поднялся на лодке до манданской деревни. Там еще ри осели неподалеку. Оттуда дошел до вашего старого форта. А потом по реке — сюда.

— Я думаю, у тебя есть что рассказать, но сначала поешь, слушать будем потом, — сказал майор Генри. — Пойдем в дом, согреемся и выпьем чарку.

— Хорошо, — сказал Хью. — Кстати, Джеми здесь?

— Нет, он ушел некоторое время назад. У нас есть сведения, что он заболел, его подобрали кроу. Это вверх по реке, в надежном месте.

Хью скрипнул зубами.

— А что ле Бон? — спросил он.

— Тоже ушел. Сказал, что подумывает вступить в армию.

Хью поставил приклад на землю и оперся на ружье.

— А что случилось с Джеми? — спросил он.

— Лихорадка, слабость и хрип — вот все, что нам сказали кроу. Возможно, тиф.

— Возможно, — согласился Хью. — Наверное, я останусь поужинать с вами.

— Пойдем. Я устрою тебя на ночлег, там ты можешь положить вещи. Устроишься, отогреешься, примешь стакан огненной воды внутрь.

— Кружечка грога не помешает, — сказал Хью. — Да. Пойдем.

Позже, за жарким из кролика, обильно приправленным овощами, майор Генри заметил:

— Хорошо, что ты вернулся, Хью. Теперь мы сможем питаться гораздо лучше. Поможешь добыть нам завтра оленя?

— Хотелось бы, — ответил Хью. — Но я все-таки должен сначала отыскать Джеми. Как насчет того, чтобы указать мне дорогу к той деревне кроу?

Майор Генри откинулся на стуле и несколько минут смотрел в огонь.

— А что конкретно ты собираешься сделать, когда отыщешь мальчишку? — спросил он.

— При всем уважении к тебе это касается только его и меня.

— Ясно. Тогда я не уверен, что хочу сказать тебе, где это находится.

Хью пожал плечами:

— Я был бы совсем никудышным следопытом, если бы не смог отыскать его сам.

— Верно, — согласился майор Генри, кивая. — Тогда я предоставляю тебе такую возможность. В этом случае, если что-нибудь случится с Джеми, мне не будет казаться, что я приложил к этому руку.

— Справедливо, — сказал Хью, сделав глоток виски. — Я выйду утром.

— А, может, поживешь у нас, Хью? Отдохнешь немного. Хью покачал головой.

— Не хочу, чтобы он умер без меня, — произнес он. — Не хочу упустить его после того, как ждал так долго.

— Знаешь, он охотился для нас, — сообщил майор Генри. — И весьма неплохо. Ты хорошо учил его, Хью.

— Рад, что он хоть чему-то от меня научился, — сказал Хью.

— Когда они с ле Боном дежурили у твоего одра, им показалось, что приближаются ри. В самом деле, они были совершенно уверены в этом. Вот что заставило их смяться оттуда раньше времени, так сказать.

— Сказки. Ни одного там не видел — даже следов. За все время, пока полз.

— Я только хочу напомнить старую истину о том, что у каждого своя правда, Хью.

Хью вздохнул.

— Наверное, ты прав, — сказал он. — Может, это и хорошо, что ты прав. Полагаю, кроу где-то на юге.

— Пожалуй, что так.

— Я должен вернуться немного назад к Роузбаду и спуститься вниз. Думаю, найду их у воды.

— Похоже на то.

Хью громко рыгнул.

— Что ж, спасибо за угощение. Пожалуй, мне пора, хочу завтра выйти пораньше. Возможно, уже не увижу тебя, так что прощай.

— Ты зайдешь к нам — потом?

— Трудно сказать. — Хью поднялся. — Спокойной ночи, майор.

— Спокойной ночи, Хью.

Хью отправился в отведенную ему комнату и заснул без сновидений.

Снова в путь. Он прокладывал себе дорогу в предутреннем свете по западному берегу Роузбада. Болен. Теперь он думал только об этом. Помимо своей воли. Просто не мог думать ни о чем другом. Болен. Джеми лежит там и одному Богу известно, насколько опасно он болен. Просто больной ребенок. Заболел в самое неподходящее время. Скорее всего по своей же вине. Может быть, ноги промочил и не потрудился просушить обувь. Может, неправильно питался

или выпил лишнего. Проклятый безмозглый ребенок. Заболел, будто назло. Для поединка ему нужен был бодрый, настороженный, здоровый, гибкий, огрызающийся Джеми. А вовсе не...

Хью выругался. Это входит у Джеми в привычку: все усложнять. Он размеренно шагал на юг, то и дело набредавая на признаки человеческой деятельности. Хорошо, значит направление выбрал правильно. Возможно завтра или послезавтра...

Болен. Узнать бы, насколько серьезна болезнь. Он содрогнулся при мысли о жуткой иронии судьбы: прийти и обнаружить, что парня уже нет, быть одуроченным самой смертью.

Хью начал ругаться на ходу — по слову на каждый шаг, — чтобы проверить, насколько хватит словарного запаса. Покрыв немалое расстояние, он израсходовал все ругательства и начал снова. Снова... Он чуть не споткнулся, когда до него через некоторое время дошло, что вместо ругательств он шепчет молитву.

— ...Только не забирай его пока, Господи, прошу тебя. После всего того, что мне пришлось пережить по его вине. Я хочу поговорить с ним. Я как никто заслужил право поговорить с ним. Это будет просто несправедливо...

Тут он снова выругался и умолк. И долго потом шагал молча, лишь дыхание вырывалось морозным облаком, оседая кристаллами на бороде. Кролик выскочил из укрытия и сиганул через тропинку. Хью не тронул его. Не было нужды. Не до того.

Еще не совсем рассвело, а мир полным ходом начинал новый день. Холодный ветер дул в спину. В воздухе появилось предчувствие бури, и Хью заторопился, чтобы уйти как можно дальше.

Примерно через час пошел снег, первые редкие снежинки сменились густым снегопадом. Ветер, к счастью, продолжал толкать в спину, и белые хлопья неслись мимо него вперед. Деревья облепило снегом, и мир стал белым, точно обглоданная кость.

Болен? Вполне возможно, что он идет на юг, чтобы увидеть труп, отдать последний долг, попрощаться. Хью явно увидел Джеми на равнине, верхом на гнедом жеребце. Ветер треплет русые волосы, конь скачет все быстрее, быстрее, пропадая во внезапных сумерках, где летают совы.

— Джеми! — позвал он, но мальчик не услышал его и растаял в сумраке. Хью скрипнул зубами и вновь оказался один в белом безмолвии.

В то утро начался сильный гололед, и Хью несколько раз отступался, выныривая при этом из мечтательного забытья, где Джеми предстал в образе его корабельного приятеля; он шел вместе с Хью сквозь кровь, выстрелы и разбой, плыл в холодных темных водах залива Гальвестона, скво сдирали с него, привязанного к столбу, кожу; Хью падал и поднимался со льда, снова падал и в конце концов пополз — снегоступы давно потерялись — он полз сквозь высокую траву, лежал на спине с открытым ртом посреди бушующей грозы, карабкался через перевал, смотрел на бегущих мимо бизонов и на старуху ри — ковыляющую скво, которую малейший толчок мог сбить с дороги, ведущей во тьму, и слышал голос Лафитта: «Разделайся с ним», он поднимал пистолет и видел, что перед ним стоит Джеми и кричит, чтобы его убили...

Хью проснулся, как от толчка, стуча зубами. Он лежал в каменной ложбине, защищенной от ветра елями. Хью и сам не помнил, как забрался сюда и заснул, завернувшись в одеяло. Вокруг была крошечная тьма, сквозь которую падали белые хлопья. Он стряхнул снег с лица и бороды, перевернулся на другой бок и опять уснул.

Проснулся, полностью засыпанный снегом. Он не шевелился и вспоминал о могиле, возле которой пришел в себя — когда это было? Вновь нахлынуло ощущение, будто он заживо погребен, — то самое ощущение, которое так разжарило его в тот солнечный день. Пусть так и будет, решил он. Здесь тепло и уютно. Нужно быть дураком, чтобы вылезти отсюда, из этой определенности, и идти в холодную неизвестность. Вполне возможно, что под соседним холмиком, окруженным камнями, лежит Джеми. И вот они оба лежат, отныне и навсегда, там, где ненависть и любовь — как все это ничтожно по сравнению с холодом! — не уходят в глубь земли, частью которой они стали.

А то, что нужно было сказать и сделать, никогда не будет сказано и выполнено. Прежде он отказывался от земли ради этого. И если соседний холмик всего лишь предостережение, а не реальность — а теперь он знал, что так оно и есть, ибо сонная одурь отступала, неуклюже, как медведь, — ему ничего не остается, кроме как встать, хотя так хочется спать. И он встал, отряхнул одеяло, скатал его, убрал в рюкзак. Позавтракал, закусил несколькими снежками, облегчился и пошел дальше.

Снег продолжал кружиться вокруг. Он больше не клялся и не молился, просто отпустил свой разум в свободное плавание среди белых деревьев, вспоминая давно забытые

могилы, лица и силуэты давно умерших мужчин и женщин. Он думал о море, которое забрало себе многих, кого он знал, оно напоминало и эту холмистую белизну, и прерию, по которой он полз.

В полдень снегопад прекратился, и, прежде чем разбить лагерь, он наткнулся на свежие следы, уходящие на юг. Уже близко, подумал он. Деревня совсем рядом.

Ему снилась какая-то путаница из мыслей и снов последних дней, и Хью проснулся, убежденный в том, что, если он еще не опоздал, его цель близка. Джеми может быть при последнем издыхании в этот самый момент. Он быстро вскочил на ноги, умылся, как смог, сложил вещи...

Поел на ходу, устремляясь мыслями далеко вперед. Через некоторое время опять закружили снежинки. Так продолжалось все утро.

Вскоре после полудня, взобравшись на вершину холма, он увидел в отдалении то, что так давно ждал: тоненькую струйку дыма. Или ему только показалось. Ветер сдул ее так быстро, что полной уверенности не было. А потом повалил снег и все скрылось из вида.

Хью озадаченный спускался с холма. Далеко ли? И что там — деревня или костер одинокого путника? И ведут ли эти следы в правильном направлении?

Похоже все-таки, что он выбрал верный путь. Хью продолжал идти по следу, хотя снегопад усилился. Выбора не было.

Вот он спустился в низину, здесь следы начинали петлять. Это сбilo его с толку, и он не мог вспомнить, в какой стороне видел дымок. Оставалось только идти по следу и надеяться, что индейцы придерживаются обычая селиться у реки.

Пробираясь сквозь снежную пелену, он снова думал о смерти, о том, как сам был близок к ней в последние месяцы, о Джеми. Ветер начал задувать слева — похоже, с юго-востока. Он надвинул шапку поглубже и опустил голову.

Ветер налетал порывами, бросая в лицо колючие кристаллы. Хью прикрыл лицо рукой. Немного погодя следы начали подниматься вверх по склону. Чем выше он взбирался, тем сильнее становился ветер. Однажды Хью упал, увяз в снегу, еле поднялся. Склонившись в три погибели, пошел дальше.

К тому времени как он добрался до вершины холма, началась настоящая буря. Лицо было иссечено колючим снегом. Ветер пел жуткую песню. Казалось, он ищет Джеми,

чтобы вырвать у него душу из тела. Ветер-убийца. Готовый мести человека со смертного одра.

Ветер хочет украсть у него мальчишку, оттянуть время, задержать его в пути. Хью ускорил шаг и вскоре уже бежал, сгорбившись и пошатываясь. Нога задела за камень, и он опять упал. Встал и бросился вперед. Некогда. Ветер пожирает время.

«Быстрее, — решил он, добравшись до ровного места. — Здесь я могу идти быстрее».

Он увеличил шаг и вновь побежал, словно за ним гнались. Ветер пел и набрасывался на него, а сзади ощущалось присутствие чего-то темного, идущего по его следам. Может, это медведь, который преследует его с того самого дня, приходит и уходит, во сне и в реальности, а, может, какая-та иная мрачная сущность?

Он бежал и падал — сам не помнил, сколько раз — весь в синяках и ссадинах, поднимался и снова бежал. Ветер пел в верхушках деревьев, сдувая с них снег. Или это пела душа Джеми? Как холодно, как холодно!

Далеко ли еще? Может, там, за ближайшим поворотом? Или в необозримой дали вниз по реке? Он толкал себя вперед, морозный воздух обжигал легкие, темное существо, казалось, начинало настигать, звук его дыхания сливался с дыханием Хью.

Сердце колотилось в груди. Левый бок сводило судорогой. Поднимаясь после очередного падения, он с рычанием обернулся назад.

— Ты не получишь его, — сказал он преследователю. — Если ветер еще не забрал его, он мой.

Ветер был белый и живой. Это было похоже на то, как если бы он бежал под водой или сквозь бесконечную пустоту. Даже постоянный вой ветра превратился в особый род тишины. Хью охватило онемение, он перестал чувствовать холод.

И все же это была жизнь, пустая в самом сердце своей наполненности и наполненная в центре пустоты, она неистовствовала и замирала над ним, она принимала все, что он ей давал — и он полз сквозь нее, чтобы остаться в ней и дать или не дать то, что должен.

— Джеми! — позвал он, не слыша собственных слов. — Держись! Я иду!

И он побежал, как не бегал еще никогда в жизни, но ему казалось, что он стоит на месте. И тогда Хью представилось, что нет нужды возвращаться в тот мир, который он знал; что можно остаться в этом тихом белом безмолвии и познать

истинный покой; что он находится в одном из тех духовных мест, о которых иногда рассказывают индейцы.

И тут Хью услышал собственный голос: «Джеми... Я иду!» И вновь побежал по снегу, и холод начал пробираться сквозь мокасины, и ветер опять хлестал и резал, а впереди уже виднелась небольшая рощица, а сквозь нее просматривались зимние типи и дымок над ними. Двое мужчин — индейцы — смотрели в его сторону.

Хью продолжал бежать, каким-то образом сохраняя равновесие, вытянув руки, словно пытаясь ухватиться за что-то, и в конце концов упал на самой границе лагеря, прямо перед ними. Он лежал, тяжело дыша, весь в испарине, вздрагивая от напряжения. Потом вдруг почувствовал, что его осторожно поднимают.

Они говорили с ним, но он не мог выговорить ни слова. Не оглядываясь, он понял, что сзади больше никого нет. Моргнул, протер глаза.

— Джеми, — спросил он. — Джеми здесь? Мальчик?

— Джеми. Да, Джеми здесь, — ответил один из мужчин, все еще поддерживая его за руку. Он смотрел мимо Хью на тропу. — Ты бежал, кровь на лице и на руках. Тебя преследовали враги?

— Да. Нет, — сказал, оглядываясь. — Теперь уже нет. Отведите меня к Джеми.

Другой человек поддерживал его с другой стороны. Они повели его между типи.

— Он... еще... жив? — спросил Хью.

— Может быть, — сказал тот, что слева. — Был жив, насколько я знаю. Он твой сын?

— Нет.

— Друг.

— Был.

Ближе к центру поселения они остановились перед одним из типи.

— Здесь? — спросил Хью.

— Да. Хотя, если он спит, лучше не будить его.

— Нет, я не буду. Я подожду.

— Входи.

Они ввели его в типи, в центре которого горел небольшой очаг, дым от которого выходил через отверстие в потолке. Хью постоял несколько минут, мигая и привыкая к темноте после слепящей белизны.

И тут он увидел лицо. Тонкое и бледное... Почти чужое. Но вот память заставила знакомые черты проступить под маской, и он увидел...

...Джеми возле огня, только лицо, изможденное болезнью, остается страдальческим даже во сне. Хью бросил рюкзак и ружье у входа, обогнул очаг, приблизился, склонился над лежащим юношей. Как тихо, как тихо он лежит. Хью протянул руку, подержал перед лицом Джеми, пока не почувствовал дыхание. Тогда он сел возле лежанки.

— Я подожду здесь.

— Хочешь поесть?

— Нет, спасибо. Не сейчас. Просто посижу здесь.

Индейцы тихо вышли. Хью смотрел на лицо Джеми. Такое изменившееся и такое знакомое.

— Как это случилось, Джеми? — спросил он. — Лихорадка от плохой воды. Всегда надо кипятить ее. А может, замерз или не просушился как следует? Черт возьми, Джеми, ты всегда был беспечен. Я пытался тебя учить. А ты никогда не слушал. Нужно ценить собственную жизнь.

Хью сердито фыркнул, наклонился и положил руку на грудь, прикрытую шкурами. Он кивал в такт слабым вздохам, потом приложил ладонь ко лбу мальчика.

— Холодный. Ты холодный и мокрый, Джеми. Как смерть, — сказал он. — Это ни к чему, парень. Думаю, ты не станешь этого делать, — он плотнее подоткнул шкуры. — Тебе надо согреться. Давай-ка, возвращайся и присоединяйся к живым, чтобы мы могли поговорить.

Джеми издал слабый звук.

— Что говоришь? Что ты говоришь, парень? — спросил Хью.

Джеми застонал, и веки его задрожали, но остались закрытыми.

— Ты меня слышишь, Джеми? — спросил он. — Это я, старый Хью.

Брови Джеми вздрогнули, рот напрягся.

— Хью, — повторил Хью. — Я тебя нашел и вот сижу здесь.

— Хью? — прошептал Джеми.

— Точно. Я здесь, с тобой.

Джеми открыл глаза. Несколько раз моргнул и уставился на него.

— Я умер, да? — спросил он.

— Нет, — сказал Хью. — Ты не умер.

— Но ты ведь умер, значит, и я тоже.

— Я не умер, Джеми. Я выжил после того, как вы с тем парнем бросили меня.

— О черт, Хью! Я не знал! Я...

Хью покачал головой и, наклонившись вперед, прижал палец к губам Джеми.

— Тише! Тебе вредно беспокоиться. Все в порядке. И я в порядке. Теперь я о тебе позабочусь.

— Хью, это должно быть...

— Да все было не так плохо. Отдыхай. Поспи-ка. С тобой тоже все будет в порядке.

Мальчик кивнул, закрыл глаза и вздохнул. Хью сделал то же самое.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

КОЛЬТЕР/ГЛАСС

Сент-Луис, 1812 год.

Шли годы, и Кольтер отдался плавному течению жизни на ферме Среднего Запада. Время, когда он шел, бежал, полз, осталось позади, как и пройденный путь. Он нашел себе невесту на Миссури, Салли из страны, где каждая девушка — Салли, осел на кусочке черной илистой земли, фермерствовал и считал себя счастливым, потому что выжил. С крылечка его домика в Салленс Спринг, неподалеку от слияния Литтл Беф и Биг Беф на южном берегу Миссури, можно было наблюдать за проплывающими шлюпками. Он желал им счастливого пути и ни о чем не жалел. Годы суровой жизни в типи среди кроу отошли в прошлое. Кольтеру хотелось наконец хотя бы чуточку комфорта вместе с женой на этой прибрежной ферме; у них рос сын Хайрам. Старый Дэниел Бун, тоже великий путешественник, был их соседом выше по реке, они любили покурить и поболтать вечером, оба терпеть не могли ложь и лжецов, и особенно когда их собственные имена упоминались во всяких небылицах.

Джон Кольтер сидел в самом дальнем углу бара Датчмана. Он присел на краешек скамьи в шерстяном пальто, застегнутом на все пуговицы, словно вот-вот собирался уходить, и с виду почти не отличался от остальных посетителей, если не считать того, что одежда на нем была сшита женой, тогда как громкоголосые мужчины, собравшиеся в баре, носили кожаные куртки с бахромой или плащи, богато расшитые бисером и перьями, давно не стиранные и пропитанные

грязью и копотью походных костров. Это были не горожане, а трапперы последнего поколения.

За истекшие четыре года он был в Сент-Луисе второй раз, пытаясь раздобыть немного денег для фермы и семьи. Он не любил тратить, а еще меньше любил бывать в питейных заведениях. С одной стороны, он вообще мало пил, а с другой — у него было предубеждение против таких мест с тех пор, как Мериуэзера Льюиса убили в таверне на Натчез Трейс. И что хуже всего, Льюис сошел в могилу без гроша в кармане, не расплатившись с Кольтером по счетам. За экспедицию, которая теперь стала всемирно известной, Кольтеру недоплатили 377 долларов 60 центов, и он понимал, что никогда их уже не увидит.

Была ранняя весна, кипучее время, когда речники и трапперы встречаются, чтобы поговорить о вещах, в которых знали толк, — тайниках,кладах и тутих кошельках. Старые добрые времена бобрового промысла канули в Лету, но истории о тех людях не забывались. Многие из них были еще совсем не старыми, но лучшие их деньки остались в прошлом, и теперь они уже не ждали от жизни ничего хорошего. Выглядели они, как правило, старыми и потрепанными. Годы опасной жизни укрепили их нервы, посеребрили волосы, изрезали морщинами лица. У многих не хватало руки, ноги, глаза. Некоторые лишились скальпов, при этом кожа на лице обвисала, и они пытались подтянуть ее войлочными шапками. У этих грубых людей было нечто общее, то, что они называли «нищета гор». Теперь, когда для них миновали времена жалающих стрел и пуль, летнего снега и зимнего дождя, они сидели в тепле таверны, плечом к плечу, забавный сброд разукрашенных перьями, мехом, помятых, переломанных, морщинистых, битых проходимцев, которых хлебом не корми, дай только потрепать языком...

Кольтер не был любителем эля или виски, но как-то незаметно для себя опрокидывал кружку за кружкой, пока не напился. Он приехал в город с одной целью: рассчитаться по векселю на 45 долларов в пользу Уильяма Кларка. И тут, впервые за долгое время, увидел свое отражение в зеркале, и, хотя воздух был сизым от трубочного дыма, Кольтер рассматривал себя вполне отчетливо. Он был моложе многих, но выглядел старым, и это заставило его забраться в самый темный угол таверны. Избавившись хотя бы на короткое время от необходимости корчевать пни, выращивать кукурузу и ходить за скотом, он должен был бы почувствовать

облегчение. Но этого не произошло. Он пил пенистое пиво, кружку за кружкой, чтобы заглушить тяжелое чувство. Вид собственного преждевременно состарившегося лица выбил его из колеи.

А в самом деле, сколько ему лет? Он не знал точно. Определенно не больше сорока. Но эти глаза с кислыми желтыми белками, тусклые, потухшие, почти безжизненные.

Что-то застряло у него внутри и не отпускало. «Уж не дикие ли это земли?» — подумал он.

Кожа желтовато-бледная. Постоянно чешется, словно в ней живут муравьи. Может, это крошечные манданские дьяволы? Его предупреждали, чтобы он не совал руку в ту дыру, но он именно это и сделал. Вся его жизнь была такой, постоянная борьба с опасностью.

Среди всеобщего гомона он услышал имя: «Кольтер», — произнес кто-то. Он вздрогнул и увидел человека, размахивающего руками. Тот рассказывал историю легендарного Джона Кольтера.

— ...Что вы, он же собрал коллекцию скальпов — сто один!

Кольтер почувствовал приступ старой лихорадки. Голова кружилась от крепкого эля; его вдруг зазнобило. Стиснув кулаки, он глубже откинулся в тень.

— ...Его кожаные мокасины были полны крови, а он все бежал, при каждом шаге булькая и хлюпая кровью!

Кольтер поднял высокий воротник и совсем утонул в тени.

— ...Голый, как сойка, он убежал от этих дикарей, только его задницу они и видели!

Совсем утонув в своем пальто, Кольтер стал похож на птицу, на ястреба, только острый нос высывался из тени, и высокий воротник торчал сзади, как капюшон ястреба.

— ...Те, кто его знали, а я — один из них, говорят, что он так и оставил убитых краснокожих сидеть, словно они попивают чаек, и это была его метка, вроде как подпись.

Кольтер совсем пропал из виду, только безголовое пальто сжимало рукой кружку эля.

— ...Пятьсот миль он пробежал в тот день, а когда добрался до форта, ноги у него были, как копыта у бизона!

Кольтер закрыл глаза от шума, и вдруг увидел медведя, встающего перед ним на дыбы, тяжелая лапа падает на лицо, разрывает кожу под бровями. Потом его обхватывают огромные передние лапы. Последнее, что он запомнил, прежде чем кровь залила глаза, было зловонное дыхание зверя, тошнотворная вонь гниющей плоти, приправленная

сладостью ягод и меда, вызывающая в памяти образ разлагающегося мертвеца.

Он открыл глаза и вновь услышал гомон и хохот, стук глиняных кружек, сталкивающихся в тяжелом воздухе. Выглянув из воротника, он увидел старика, встающего из-за стола.

— Дураки! — крикнул старик. — Все вы тут — ночные горшки. Одно дело сказки рассказывать, а другое дело — врать напрапую. Среди вас нет ни одного, кто имел бы право чесать языком о Джоне Кольтере, потому что вы, хорьки, его никогда не видели.

Он приглядел свои седые вихры растопыренными пальцами. Вызывающе посмотрел на трапперов.

— Говорю вам, в этой комнате столько вранья и самодовольной глупости, что честному человеку хочется сдохнуть и лечь в могилу. Старый наконечник стрелы у меня в плече так не саднит, как ваше вранье.

Он обвел их уничижительным взглядом.

— Виски я не пью, о хлебе и соли не забочусь, но ложь — этого я вынести не могу. Что я здесь делаю? Лучше вернуться назад, к индейцам. Они если и хвастают, то совсем немного.

Голос его сорвался; он решил больше не тратить слов. Нахлобучив потертую бобровую шапку, старик повернулся на каблуках и вышел из таверны.

Кольтер слабо улыбнулся. Он узнал этого человека, или думал, что узнал. Старый Ричардсон, некогда траппер, а теперь такой же фермер, как и он. Настоящий правдолюбец, хвастовства ни на грош, только арикарский наконечник в плече.

Кольтер тоже двинулся было к двери вдогонку за стариком, но толстая барменша загородила ему дорогу, протягивая серо-голубую грифельную доску с нацарапанным на ней счетом.

Подслеповато щурясь, не в состоянии разобрать непонятные иероглифы, он жестом попросил дать ему доску и, вынув перочинный нож, нацарапал на ней свои инициалы Д. К. с корявым крестом под ними.

В этот миг молодой человек, сидевший напротив, встал из-за стола. Он быстро глянул на знак, узнал его, вынул из кармана маленький деревянный круляшок, покрытый янтарным лаком, и вручил его Кольтеру.

— Один человек из Стюартс Дрэфт, Вирджиния, дал этот медальон моему отцу, — весело сказал молодой человек. Потом с внезапной серьезностью добавил: — На нем тот же знак, сэр. Вы ведь Джон Кольтер?

— Какое отношение имеет ваша болтовня к цифрам на доске? — наступала барменша. — Кому интересно, кто вы такие!

Молодой человек бросил ей тяжелую круглую монету; подпрыгнув, монета зазвенела на каменном полу. Барменша, хотя и была толстухой, а за монетой нырнула, словно щука. Потом забрала свою доску и пошла прочь, бормоча проклятия в адрес трапперов.

Кольтер криво улыбнулся.

— Если у тебя есть голова на плечах, — сухо сказал он, — ты постарайся сохранить ее на своем месте. Мой тебе совет: оставайся в Сент-Луисе, твое место здесь.

— А у меня такое мнение, — ответил Хью Гласс, — надо самому посмотреть, что делается в мире. Голова головой, а посмотреть надо. Испытать судьбу, сэр, как вы.

Кольтер, прищурившись, рассматривал юношу, пытаюсь разглядеть в нем мужчину, которым тот станет. Он понял, что это не хвастливые слова, они чисты, как горный источник.

Джон кивнул.

— С Богом, — прошептал он. — Я верю, что ты доползешь дальше, чем я, — и неловко встал из-за стола. Потом, не оглядываясь, вышел из таверны и медленно побрел в темноту.

В следующем году Джон Кольтер умер от желтухи и был похоронен на холме возле фермы.

И вот мы идем, прочь от всего, бежим и ползем.

Идем, как положено, хотя сказке конец,
во тьме и под солнцем,
в тумане, мимо белеющих костей бизонов,
проходим сквозь зимы и годы,
мимо разрытых и зарытых могил,
сожженных деревень и почерневших долин,
где текут реки и течет время, мы ищем
настоящий конец,
но не находим,
только могилы, которые приходят и уходят.

Джон Кольтер умер, оставив после себя:

2 кровати, 4 стула, один стеклянный стакан, 1 блюдо и 5 тарелок, 1 плуг, 1 мотыгу, одну голландскую печку, 2 кастрюли, 3 миски, 1 кофейник, 1 маленькую прялку, 2 бутылки, 4 жестяные кружки, ножи, вилки и ложки, 1 капкан, 1 колоду карт, 1 утюг, 3 книги, 1 жеребца, 1 колыт, 1 корову и теленка. Его имущество, по описи от 10 декабря 1813 года, было оценено в 233 доллара 76 3/4 цента после уплаты всех

долгов, и покоронен он был в безымянной могиле на Туннел Хилл под Сент-Луисом.

Могила была вскоре заброшена и позже стала частью железной дороги Миссури Пасифик.

Никто не знает, где нашел упокоение старый Хью, хотя Джеми Бриджер хотел назвать форт Вайоминг его именем.

И вот мы идем, прочь от всего, вниз, в бесконечных пещерах,
сквозь будущие города,
и находим в конце каждой дороги череп.

Чей он — едва ли это важно,
но там, в том месте встречи,
где время пересекает мир,
он заключает в себе
акт ненасытной страсти,
придавая значение
яркому мгновению своей казни,
под солнцем, небом, звездами,
где сгорает настоящее и будущее,
отворачивая дороги от великой тьмы,
помечая землю долгим давлением пристального взгляда.

Проходя, ты теперь видишь их запечатленными
в древних чертогах Земли;
проходя, ты видишь всех их запечатленными
глубоко, на стенах пещеры.



РАССКАЗЫ



Я СТАЛ КАК ПРАХ И ПЕПЕЛ

Приемник шипел, не переставая. Кройд Кренсон дотянулся до него, выключил и швырнул через всю комнату в мусорную корзину рядом с комодом. То, что он попал, показалось ему добрым знаком.

Потом он потянулся, откинул одеяло и осмотрел свое бледное обнаженное тело. Все как будто бы было на месте и выглядело пропорциональным. Кройд попробовал левитировать, но ничего не вышло; тогда он сел на кровати, свесив ноги. Провел рукой по волосам и обрадовался, что они у него есть. Проснуться — каждый раз приключение.

Он попытался стать невидимым, расплавить мусорную корзину усилием мысли и вызвать электрический разряд между кончиками пальцев. Из этого тоже ничего не вышло.

Тогда Кройд встал с кровати и пошел в ванную. Там он стал пить воду, один стакан за другим, одновременно разглядывая себя в зеркало. На этот раз у него были светлые волосы и глаза, правильные черты лица — в общем, вполне привлекательная внешность. Ростом он был, по собственной оценке, чуть выше шести футов. Сильные мускулы. Хорошо было и то, что Кройд уже бывал примерно такого роста и телосложения. В шкафу должно было быть что-нибудь подходящее из одежды.

За окном был серый денек, на тротуаре по ту сторону улицы лежали остатки мокрого снега, а по сточному желобу текла струйка воды. На пути к шкафу Кройд остановился и достал из ящика под письменным столом тяжелый стальной стержень. Он без видимых усилий согнул железку пополам

и скрутил в кольцо. «Значит, сила все-таки сохранилась», — подумал он, отправив металлический крендель в корзину вслед за радио. Кройд нашел рубашку и брюки, которые оказались ему впору, и твидовый пиджак, немного узкий в плечах. Потом порылся в своей обширной коллекции обуви и отыскал себе подходящую пару.

Его часы фирмы «Ролекс» показывали восемь с небольшим, и зимой в это время бывает светло, — значит, было восемь утра. В желудке у него заурчало. Пора бы позавтракать, а потом решить, как жить дальше. Он заглянул в тайник, где прятал деньги, и взял оттуда две стодолларовые бумажки. «Кончатся, — подумал Кройд. — Надо идти в банк. А может, и грабануть его. Деньги на счету тоже скоро все выйдут. Ладно, потом».

С собой он захватил носовой платок, расческу, ключи и маленькую пластиковую баночку с пилюлями. Кройд не любил носить с собой документы. Без пальто тоже обходился — холод его беспокоил редко.

Заперев за собой дверь, он прошел через холл и спустился по лестнице. Выйдя из дома, Кройд повернул налево и пошел по улице в сторону Бауэри*, навстречу пронизывающему ветру. Перед закрытыми дверями магазина масок маячил, как пугало, высокий джокер. Нос у него был, как сосулька, а видом он смахивал на мертвеца. Положив доллар в его протянутую руку, Кройд поинтересовался, который сейчас месяц.

— Декабрь, — ответило чучело, не двигая губами. — Рождество.

— Понятно, — сказал Кройд.

По пути он испробовал несколько фокусов попроще, но не сумел ни разбить усилием мысли пустой бутылки из-под виски в сточном желобе, ни поджечь кучу мусора. Вместо ультразвука у него выходил какой-то мышинный писк.

В газетном ларьке на улице Хестер, куда направлялся Кройд, сидел Джуб Бенсон, толстый коротышка, и читал одну из своих газет. Под светло-голубым летним костюмом Бенсона была видна желтая с оранжевым гавайская рубашка; из-под шляпы с плоской тульей и загнутыми полями торчали вихры рыжих волос. Похоже, холод ему тоже был нипочем. Когда Кройд остановился перед ларьком, он поднял хмурое лицо, толстое и изрытое оспой, с торчащими из рта кривыми клыками.

* Бауэри — район нью-йоркского «дна».

— Вам газету? — спросил он.

— Все по одной, — ответил Кройд, — как всегда.

Джуб прищурил глаза и всмотрелся в стоящего перед ним человека. Потом вопросительно произнес:

— Кройд?

Кройд кивнул:

— Ну да, Валрус, это я. Как дела?

— Грех жаловаться, старик. На этот раз ты разжился подходящим телом.

— Я его еще не совсем освоил, — сказал Кройд, собирая газеты в стопку.

Джуб снова оскалил клыки.

— Угадай, какое занятие самое опасное в Джокертауне? — спросил он.

— Сдаюсь.

— Грабить мусоровозы. А слышал, что стало с бабой, которая выиграла конкурс «Мисс Джокертаун»?

— А что?

— Лишили титула, когда узнали, что она позировала голой для журнала «Вопросы птицеводства».

— Не смешно, Джуб, — сказал Кройд, изобразив улыбку.

— Я и сам знаю. У нас тут был ураган, пока ты спал. Знаешь, что он натворил?

— Что же?

— Четыре миллиона долларов ущерба национальной экономике.

— Ну ладно, хватит! — прервал его Кройд. — Сколько я тебе должен?

Джуб отложил свою газету, встал и вперевалку вышел из киоска.

— Для тебя бесплатно. Надо поговорить.

— Я хочу поесть, Джуб. Когда я просыпаюсь, мне нужно сразу поплотнее покушать. Я зайду попозже, хорошо?

— Ничего, если я с тобой?

— Пошли. А как же твои газеты?

Джуб стал запирать ларек.

— Газеты подождут. Есть дела поважнее, — сказал он.

Кройд подождал, пока он закроет ларек, а потом они прошли пешком два квартала до «Кухоньки» Хэйри.

— Пойдем вон в ту кабинку сзади, — предложил Джуб.

— Мне все равно. Никаких деловых разговоров, пока я не съем первую порцию, ладно? Видишь ли, когда у меня в крови недостаток сахара, какие-то непонятные гормоны и полно трансаминазы, я не могу сосредоточиться. Мне нужно принять внутрь что-нибудь еще.

— Понятно. Я подожду.

К ним подошел официант, но Джуб сказался сытым и заказал только чашку кофе, к которой так и не притронулся. Кройд начал с двойного бифштекса с яйцами и кувшина с апельсиновым соком.

Через десять минут, когда подали оладьи, Джуб откашлялся.

— Ну ладно, — сказал Кройд, — так-то лучше. И что же тебя беспокоит?

— Не знаю, с чего начать... — пробормотал Джуб.

— Да уж начинай как-нибудь. Мне уже полегчало.

— Иногда может не поздоровиться, если сунешь нос в чужие дела...

— Это верно, — согласился Кройд.

— С другой стороны, людям свойственно сплетничать, обсуждать разные слухи.

Кройд кивнул, продолжая жевать.

— Все знают о том, что ты спишь не так, как другие; поэтому тебе, наверное, трудно найти постоянную работу. И потом, ты, в общем, больше похож на туза, чем на джокера. Я хочу сказать, что вообще-то ты выглядишь как все, но у тебя есть кое-какие особые таланты.

— Пока я в этом не уверен.

— Все равно. Ты хорошо одет, платишь по счетам, любишь пообедать в «Козырных Тузах», да и часы у тебя на руке — не «таймекс». Надо ведь что-то делать, чтобы держаться на плаву — если только ты не унаследовал состояние.

Кройд улыбнулся.

— Мне страшно заглянуть в «Уолл-стрит Джорнэл», — сказал он, показав на кипу газет на соседнем стуле. — Может, мне *придется* заняться кое-чем, чего я давно уже не делал, если там написано то, что, как я думаю, там написано.

— Надо ли это понимать так, что, когда тебе приходится работать, ты занимаешься не совсем законными вещами?

Кройд поднял голову, и, когда их глаза встретились, Джуб вздрогнул. Только теперь Кройд заметил, что тот нервничает. Он засмеялся:

— Черт возьми, Джуб, я знаком с тобой давно и знаю, что ты не полицейский. Ты хочешь мне что-то предложить, так? Если речь идет о краже, я в этом специалист. Учился у настоящего мастера. Если кого-то шантажируют, я с удовольствием верну компромат, а шантажисту покажу где раки зимуют. Если надо что-нибудь уничтожить, изъять, подкинуть в другое место — я тот, кто тебе нужен. Вот за убийство

я бы не взялся, хотя и могу назвать людей, которые не так щепетильны, как я.

Джуб покачал головой:

— Я никого не хочу убивать, Кройд. Мне надо кое-что украсть.

— Пока мы не обсуждали деталей, предупреждаю, что беру дорого.

Джуб оскалил клыки:

— Люди... гм... интересы которых я представляю, готовы достойно оценить твои усилия.

Кройд доел оладьи и пил кофе с кексом в ожидании вафель.

— Это тело, Кройд, — наконец сказал Джуб.

— Что?

— Труп.

— Не понял.

— В конце недели умер один парень. Тело нашли в мусорном баке. Документов при нем не было. Теперь он в морге.

— Боже мой, Джуб! Тело? Никогда не воровал трупов. Кому оно понадобилось?

Джуб пожал плечами:

— Они за него действительно хорошо заплатят. Вещи, которые найдешь при нем, им тоже нужны. Больше я ничего не могу тебе сказать.

— Ладно, зачем он нужен — это их дело. О какой сумме идет речь?

— Они заплатят пятьдесят штук.

— Пятьдесят штук? За мертвеца? — Кройд оторвался от еды и вытаращил глаза. — Да ты шутишь.

— Ничего подобного. Даю тебе десять сейчас и остальные сорок, когда тело будет у нас.

— А если у меня не выйдет?

— Можешь оставить себе десятку за то, что попытаешься. Интересуешься дельцем?

Кройд глубоко вдохнул и сделал медленный выдох.

— Да, — сказал он, — интересуюсь. Но я даже не знаю, где морг.

— В отделе медицинской экспертизы на углу Двадцать Первой и Пятой авеню.

— Хорошо. Скажем, я туда пойду, и...

Тут подошел Хэйри и поставил перед Кройдом тарелку сосисок и мяса с овощами. Налив ему еще кофе, он положил на стол несколько бумажек и мелочь.

— Сдача, сэр.

Кройд посмотрел на деньги:

— Что такое? Я с вами еще не расплачивался.

— Вы же мне дали пятьдесят долларов.

— Да нет. Я еще даже не поел.

Под густой черной порослью, покрывавшей все тело Хэйри, как будто бы появилась улыбка.

— Если бы я раздавал всем деньги направо и налево, давно бы прогорел, — сказал он. — Я знаю, когда давать сдачу.

Кройд пожал плечами и кивнул:

— Не сомневаюсь.

Когда Хэйри отошел, Кройд нахмурил брови и покачал головой.

— Я не платил ему, Джуб, — сказал он.

— Я тоже не помню, чтобы ты ему платил. Он сказал — пятьдесят... Такую сумму трудно не запомнить.

— И правда странно. Я собирался разменять здесь полсотни, когда поем.

— Да? А ты помнишь, когда ты об этом подумал?

— Ну да. Когда он принес вафли.

— Ты действительно представил себе, как вынимаешь полсотни и даешь ему?

— Да.

— Это интересно...

— Что ты имеешь в виду?

— Я подумал, что, может быть, теперь твоя сила — что-то вроде телепатического гипноза. Тебе надо просто потренироваться, освоиться что ли, понять, что ты можешь.

Кройд задумчиво кивнул.

— Только не пробуй этого на мне. Я и так сегодня не в себе.

— Почему? Ты что, тоже заинтересован в успехе этого предприятия с трупом?

— Чем меньше ты будешь знать, тем лучше, Кройд. Уж поверь мне.

— Ладно, я понимаю. Мне-то все равно. В этом деле меня интересуют только деньги, — сказал он. — Что ж, я берусь за эту работу. Скажем, все пойдет гладко и тело будет у меня. Что мне с ним делать дальше?

Джуб достал из внутреннего кармана ручку и маленький блокнот. Быстро что-то написал, вырвал листок и передал его Кройду. Потом он покопался в боковом кармане, вытащил оттуда ключ и положил его перед ним на тарелку.

— Это через пять кварталов отсюда, — пояснил он. — Там снята комната на нижнем этаже. Ключ — от нее. Притащишь

его туда, запрешь дверь, а потом сообщишь мне — я буду у себя в киоске.

Кройд снова принялся за еду. Через некоторое время он сказал:

— Договорились.

— Ну и хорошо.

— В это время года там у них, наверное, несколько таких. Ну, ты знаешь — этих пьянчут, замерзших насмерть. Как мне узнать, который из них — мой?

— Сейчас объясню. Этот парень — джокер, понял? Маленький такой. Ростом, наверное, около пяти футов. Похож на большого жука: ноги коленками назад, как у кузнечика, кутикула покрыта шерстью, на руках по четыре пальца, по три сустава в каждом, глаза по бокам головы, на спине недоразвившиеся крылья.

— Да, представляю. Со стандартным типом, похоже, не спутаешь.

— Вот именно. И к тому же легкий, наверное.

Кройд кивнул. Ближе ко входу в ресторан кто-то произнес:

— ...Птеродактиль!

Кройд повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть крылатый силуэт за окном.

— Опять этот малютка прилетел, — проговорил Джуб.

— Н-да. Знаешь, кому он надоедает теперь?

— А ты знаешь?

— Угу. Показывается время от времени — похоже, он интересуется тузами. В конце концов, откуда он знает, как я сейчас выгляжу? Ладно... Когда им нужно это тело?

— Чем скорей, тем лучше.

— Ты знаешь расположение помещений в морге?

Джуб задумчиво кивнул:

— Да. Морг находится в шестизэтажном здании. Наверху — лаборатории, офисы и все такое. Приемный покой и зал для опознания — на первом этаже. Трупы они держат в подвале. Прозекторская тоже внизу. Там у них сто двадцать восемь ящиков для взрослых и большой холодильник с полками для детских трупов. Если кому-нибудь надо увидеть тело для опознания личности, они поднимают его на специальном лифте в смотровую комнатку на первом этаже — она отгорожена от комнаты для посетителей стеклом.

— Ты что, там был?

— Нет, я читал воспоминания Милтона Гелперна.

— Вот что значит по-настоящему широкое образование, — восхитился Кройд. — Надо бы мне тоже побольше читать.

— На пятьдесят штук можно закупить полно книг.

Кройд улыбнулся.

— Ну что, по рукам?

— Дай мне еще немного подумать за завтраком, да заодно и сообразить, как работают эти мои новые способности. Я подойду к твоему ларьку, когда буду готов. Когда я получу десять штук?

— Они будут у меня сегодня днем.

— Хорошо. Увидимся примерно через час.

Джуб кивнул и, грузно поднявшись со своего стула, вышел из кабинки.

— Следи за уровнем холестерина, — сказал он.

В сером панцире туч появились просветы голубого неба, и выглянуло солнце. Было слышно, как, не переставая, капает вода где-то за киоском. Джуб слушал бы капелё даже с удовольствием, как приятный аккомпанемент к шуму уличного движения и другим звукам города, если бы не одна нравственная дилемма, прилетевшая на кожистых крыльях и испортившая ему все утро. Он понял, что принял решение, только когда увидел подошедшего Кройда, который чему-то весело улыбался.

— Я все обдумал, — сказал Кройд. — Это дельце выгорит.

Джуб вздохнул.

— Мне надо сказать тебе еще кое-что, — проговорил он.

— Что, есть проблемы?

— Это не относится непосредственно к твоему заданию, — объяснил Джуб. — Но могут возникнуть сложности, о которых ты еще не знаешь.

— Какие это? — спросил Кройд, помрачнев.

— Этот птеродактиль, которого мы с тобой видели...

— Ну?

— Тебя искал Малыш-Динозавр. Он был здесь, когда я вернулся. Ты ему нужен.

— Надеюсь, ты ему не рассказал, где меня найти?

— Нет, и не собираюсь этого делать. Но ты же знаешь, все тузы и стоящие джокеры у него на учете...

— Ну, может быть, он ищет бейсболистов для сборной или военных преступников?

— Он хочет поставить тебя в известность, что видел одного человека. Он сказал, что Джон Дарлингфут Дьявол около месяца тому назад вышел из больницы и куда-то пропал. Но сейчас он снова вернулся. Он недавно видел его возле Клойстера. Говорит, что тот направлялся куда-то сюда.

— Так-так. Ну и что же?

— Малыш считает, что он ищет тебя. Хочет отыграться. По его мнению, Джон не может тебе простить того, что ты с ним сделал тогда на Рокфеллер Плаза.

— Ну и пусть себе ищет маленького плотного брюнета. Я-то теперь выгляжу по-другому. Пойду-ка за мертвецом, куда его еще не похоронили.

— А про аванс ты что, забыл?

— Ты уже дал его мне.

— Когда?

— А когда я, по-твоему, сюда вернулся?

— Около минуты назад. Я увидел, что ты стоишь и улыбаешься. Ты еще сказал, что все обдумал. И что-то про выгодное дело.

— Отлично. Значит, получилось.

— Объясни-ка лучше.

— Я и хотел, чтобы с этого места ты стал запоминать. Я здесь был уже за минуту до того и внушил тебе, чтобы ты дал мне деньги и забыл об этом.

Кройд достал из внутреннего кармана конверт, открыл его и показал деньги.

— Боже мой, Кройд! И что еще ты успел сделать за эту минуту?

— Не знаю, о чем ты беспокоишься, но твоя невинность не пострадала.

— Ты ведь не спрашивал меня о?..

Кройд покачал головой:

— Я же говорил, мне все равно, кому нужно это тело и зачем. Я на самом деле не люблю обременять себя чужими заботами. Своих проблем достаточно.

Джуб вздохнул:

— Вот и хорошо. Ну, давай, счастливо тебе.

Кройд подмигнул ему:

— Не беспокойся. Считай, дело уже сделано.

Кройд пешком добрался до супермаркета, где и купил упаковку больших пластиковых мешков для мусора. Один мешок он сложил и засунул во внутренний карман пиджака, остальные выбросил в урну. Потом на ближайшем перекрестке поймал такси.

Пока такси пересекало город, Кройд проиграл в уме план дальнейших действий. Он войдет в здание и, используя свои новые способности, убедит сотрудника в приемном покое, что его здесь ждут, потому что он — патологоанатом из Бельвю, которого пригласил его друг, работавший в морге, чтобы проконсультироваться по одному вопросу из

области судебной медицины. В голову пришли фамилии Мэлони и Узбли, но выбрал он имя Андерсон. Потом он заставит позвать кого-нибудь, кто сможет проводить его в подвал и помочь найти там то, что ему было нужно. Этого сотрудника надо будет держать под контролем, пока Кройд не заберет тело и вещи покойника, не положит все это в мешок и выйдет из здания. Всем, кого он встретит, надо будет внушить, что они ничего не видели. Все это намного проще, чем то, что он делал раньше в подобных случаях. Он улыбнулся классической простоте своего плана — никто ничего не запомнит, и никакого насилия не потребуется...

Добравшись до здания с алюминиевыми ставнями, сложенному из белого и голубого глазурированного кирпича, Кройд велел водителю высадить его на соседнем углу. Перед зданием морга стояли две полицейские машины, а у входа лежала выбитая дверь. Присутствие полицейских само по себе не должно было сорвать его планов, но выломанная дверь его насторожила. Он заплатил водителю полсотни и попросил его подождать. Потом направился ко входу в морг, но прошел мимо, только заглянув внутрь. Он увидел там нескольких полицейских, которые разговаривали с сотрудниками.

Похоже, для осуществления своих намерений он выбрал не вполне удачное время. Хотя все равно надо было выяснить, что произошло. Поэтому, дойдя до угла дома, он повернул назад, а затем уверенно вошел внутрь и быстро осматрелся.

Мужчина в штатском, разговаривавший с полицейскими, неожиданно обернулся и уставился на него. Кройду это совсем не понравилось. У него засосало под ложечкой и задрожали руки.

Кройд немедленно использовал свои новые способности. Он двинулся прямо к этому типу, изобразив на лице улыбку.

Все в порядке. Делай то, что я тебе прикажу. Сейчас ты хочешь со мной поговорить. Помашу мне рукой, громко скажи: «А, Джим, привет!», а потом иди в мою сторону.

— А, Джим, привет! — сказал мужчина, направляясь к Кройду.

«Нет! — подумал подневольный болтун. — Проклятье! Слишком все быстро случилось. Сцапал меня, как только я его расколол... А ведь очень бы пригодился...»

— Ты шпик в штатском? — спросил его Кройд.

— Да, — охотно ответил тот.

— Как тебя зовут?

— Матис.

— Что здесь произошло?

— Покойника украли.

— Которого?

— Да какого-то из неопознанных.

— Как он выглядел?

— Похож на большого жука — ноги, как у кузнечика...

— Черт! — выругался Кройд. — А были при нем какие-нибудь вещи?

— Ничего.

Несколько полисменов в форме теперь смотрели на них. Кройд отдал следующее мысленное приказание. Матиас повернулся к полицейским.

— Подождите минутку, ребята, — крикнул он им. — У меня дело.

«Черт! — подумал шпик. — Этот тип мне еще пригодится. Не вечно же ты, приятель, будешь меня держать».

— Как это случилось? — спросил Кройд.

— Только что сюда явился один парень, спустился вниз, заставил ассистента показать ему, где лежат трупы, взял тело и смылся с ним.

— И никто не пытался его остановить?

— Конечно, пытались. В результате четверых уже увезли в больницу. Парень-то был тузом.

— Кто это?

— Который осенью разгромил Рокфеллер Плазу.

— Дарлингфут?

— Он самый. «Только... Только ни о чем меня больше не спрашивай — замешан ли я в этом, я ли его нанял, не прикрываю ли его теперь...»

— Куда он потащил труп?

— На северо-запад.

— Пешком?

— Именно. Свидетели божатся, что скачками в двадцать футов. «Как только ты, молокосос, отпустишь меня, я пущу по твоим следам ищеек».

— Слушай, а почему ты обернулся и так на меня посмотрел, когда я вошел?

Черт!

— Я почувствовал, что вошел туз.

— Как ты догадался?

— Потому что я сам — туз. Моя сила в том, чтобы распознавать других тузов.

— Да уж, для полицейского это полезный талант. Ну, теперь слушай внимательно. Сейчас ты забудешь о нашем разговоре и не заметишь, что я уйду. Подойди вон к тому

фонтану, чтобы попить, и вернись к своим друзьям. Если кто-нибудь спросит, с кем ты разговаривал, скажешь, что со своим букмекером, и забудешь об этом. Ну, давай! Забудь!

Кройд отвернулся и пошел к выходу. Шпик почувствовал, что хочет пить.

Выйдя на улицу, Кройд вернулся к такси, забрался в машину, захлопнул дверцу и сказал водителю:

— На северо-запад.

— Как это? — спросил водитель.

— Езжай прочь от центра, а дальше я тебе скажу.

— Как прикажешь. — Машина тронулась.

Примерно мило Кройд заставлял шофера вести такси медленно, надеясь напасть на следы похитителя. Ему казалось маловероятным, что Дьявол Джон повезет труп на общественном транспорте. Хотя у него мог быть сообщник, который заранее приготовил для него средство передвижения. Однако, зная, что представляет собой Дарлингфут, Кройд не исключал, что тот так и будет продолжать улепetyвать пешедралом: ведь Дьявол Джон знал, что мало кто сможет его остановить, если он сам того не захочет. Кройд вздохнул, глядя вперед на дорогу. И почему элементарные вещи всегда даются с таким трудом?

Потом, когда они приблизились к Морнингсайдским холмам, водитель пробормотал:

— ...Опять один из этих проклятых джокеров!

Кройд взглянул, куда показывает шофер, и увидел силуэт птеродактиля, через несколько мгновений исчезнувший за небоскребом.

— Давай за ним, — сказал Кройд.

— За этим летающим крокодилом?

— Да!

— Я потерял его из виду.

— Ну так найди!

Кройд помахал у него перед носом очередной купюрой. Водитель дал гудок и повернул так резко, что завизжали шины. Кройд окинул взглядом горизонт, но Малыша не увидел. Тогда он остановил машину, чтобы задать вопрос трусившему мимо старичку. Тот вставил в ухо слуховой аппарат, выслушал Кройда, показал на восток и побежал дальше.

Через несколько минут он увидел угловатый птичий силуэт, описывающий широкие круги к северу от них. Теперь они почти все время следили за полетом птеродактиля и смогли приблизиться к месту, над которым он кружил.

Когда они добрались туда, Кройд попросил ехать помедленнее. Пока он не видел рядом ничего особенного, но в поле зрения ящера было несколько кварталов. Если тот действительно сопровождал Дьявола Джона, значит, Дарлингфут вполне мог быть где-то рядом.

— Что мы здесь ищем? — спросил водитель.

— Крупного мужчину с рыжей бородой и курчавыми волосами. Ноги у него разные, — ответил Кройд. — Правая — здоровенная, волосатая, вместо ступни — копыто. Другая — нормальная.

— Я кое-что слышал об этом парне. Он опасен...

— Я знаю.

— Что ты собираешься делать, когда его найдешь?

— Мне надо кое о чем с ним поговорить, — сказал Кройд.

— Я не хотел бы присутствовать при вашем разговоре. Когда мы его догоним, я тут же уеду.

— Я тебе хорошо заплачу.

— Нет уж, спасибо, — ответил ему водитель. — Если ты его отыщешь, я тебя бросаю и сматываюсь. Так-то вот.

— Так... Птеродактиль летит на север. Давай попробуем его опередить, а потом жми на восток, как только увидишь место, где можно повернуть.

Водитель снова дал газ, свернув направо, а Кройд тем временем старался вычислить, где находится центр кругов, которые описывает Малыш.

— Следующая улица, — наконец сказал Кройд. — Поворачивай, посмотрим, что будет.

Они медленно завернули за угол и медленно объехали квартал, но Кройд не только не заметил преследуемого, но и потерял из виду птеродактиля, парящего над ним, как поплавок над рыбой. Однако над следующим перекрестком крылатая тень появилась вновь, и на этот раз он увидел того, кого искал.

Дьявол Джон был на другой стороне улицы, на расстоянии полуквартала от них. В руках он нес большой сверток. Он был широкоплеч и так страшно скалил свои белые зубы, что встречная женщина с продуктовой тележкой шарахнулась от него в сторону. На Джоне были джинсы — правая штанина оторвана по бедро, — и розовый спортивный свитер, какие продаются в Диснейленде. Водитель проезжавшей мимо машины задел припаркованный автомобиль, когда увидел, как Джон сделал обычный шаг левой ногой, а потом, согнув под каким-то невероятным углом правую, прыгнул на двадцать футов вперед, попав на свободный от людей край

тротуара. Затем он снова шагнул, как все люди, и опять прыгнул, пролетев над красной «хондой», ехавшей на небольшой скорости. Теперь Джон оказался на раздельном газоне в середине улицы. Две большие собаки, бежавшие за ним, с громким лаем бросились к краю тротуара, но не решились перебежать дорогу наперерез едущим машинам.

— Останови! — крикнул Кройд водителю, открыл дверцу и выскочил на край тротуара, хотя машина еще двигалась.

Потом он приложил ладони ко рту и закричал:

— Дарлингфут! Подожди!

Тот только оглянулся, уже согнув ногу для очередного прыжка.

— Это же я, Кройд Кренсон! — позвал его Кройд. — Мне надо с тобой поговорить!

Сатиropодобная личность застыла, присев на полусогнутой правой ноге. По мостовой пронеслась тень птеродактиля. Из-за угла выскочил маленький белый пудель и присоединился к лаявшим собакам. Раздались возмущенные гудки по адресу двух зазевавшихся пешеходов. Дьявол Джон обернулся к Кройду и уставился на него. Потом покачал головой.

— Ты не Кренсон! — крикнул он.

Кройд шагнул вперед.

— А вот сейчас увидишь! — ответил он и бросился через улицу к раздельному островку.

Дьявол Джон прищурил глаза под косматыми бровями, изучая бегущего к нему Кройда. Он задумчиво пожевал нижнюю губу, а потом медленно покачал головой.

— Не-е, — сказал он. — Кройд был сильно меньше ростом и с темными волосами. Ну ладно, все равно, чего тебе надо?

Кройд пожал плечами.

— Я тот самый парень, который осенью надрал тебе задницу, — проговорил он. — Просто у меня все время меняется внешность.

Дарлингфут засмеялся:

— Забудь об этом, приятель. На групповуху у меня сейчас нет времени.

Оба стиснули зубы, когда рядом раздался гудок и из окошка машины высунулся мужчина в сером деловом костюме.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Кройд зарычал, ступил на проезжую часть, оторвал бампер машины и бросил его на заднее сиденье, разбив стекло.

— Автоинспекция, — сказал он. — Ваша машина в порядке. Поздравляю.

— Кройд! — воскликнул Дарлингфут, когда машина поспешно уехала. — Да ведь это ты!

Он швырнул свою спеленутую ношу на землю и сжал кулаки:

— Я ждал этой встречи всю зиму...

— Тогда подожди еще минуту, — сказал ему Кройд. — Мне надо кое-что у тебя спросить.

— Ну?

— Это тело... Зачем оно тебе?

Громила засмеялся:

— Мне нужны деньги. А ты как думал?

— Может быть, скажешь, сколько они тебе обещали?

— Пять кусков. А что?

— Жмутся, ублюдки, — сказал Кройд. — Ты знаешь, зачем оно им?

— Да нет, я и не спрашивал. Мне все равно. Баксы не пахнут.

— Ты прав, — сказал Кройд. — А все-таки, кто они?

— Тебе-то что?

— Ну, я думаю, ты продешевил. Я считаю, это стоит дороже.

— Сколько?

— Так кто они?

— Мне показалось, какие-то масоны. А сколько это стоит?

— Масоны? Тайные рукопожатия и всякое такое? Я думал, они только и делают, что устраивают друг другу пышные похороны. Но зачем им мертвый джокер?

Дарлингфут покачал головой.

— Они странные люди, — ответил он. — Насколько я понимаю, они собираются его съесть. Так что ты говорил насчет денег?

— Думаю, я смогу заплатить больше, — сказал Кройд. — Что, если я добавлю к пяти еще один? Я дам тебе за него шесть косарей.

— Ну, я не знаю, Кройд... Я вообще-то не люблю подставлять тех, на кого работаю. А то будут потом говорить, что я, мол, ненадежный человек.

— Ладно, я, может быть, дам и семь.

Внезапно они услышали яростное рычание и звуки собачьей грызни. Пока они беседовали, собаки перебежали дорогу — их оказалось уже целых пять — и выволокли маленькое насекомоподобное тело из мешка. Большой датский дог впился зубами в руку и с грозным ворчанием пытался

вырвать добычу у немецкой овчарки; тело уже стало расплываться на части. Два других пса оторвали ногу, похожую на лапку кузнеца, и дрались над ней, пытаясь разорвать на куски. Белый пудель с четырехпалой кистью в зубах был уже на середине проезжей части. В воздухе Кройд почувствовал какую-то особую вонь, непохожую на привычные запахи Нью-Йорка.

— Дерьмо! — воскликнул Дьявол Джон и прыгнул к труп, выбив копытом бетонную плитку из мостовой. Он бросился на датского дога, но тот увернулся и убежал. Терьер испугался и бросил ногу, а коричневая дворняга кинулась через улицу, волоча за собой остатки конечности.

— Я отниму у него руку! А ты давай за ногой! — закричал Дьявол Джон, догоняя датского дога.

— А как же кисть? — крикнул ему Кройд, пиная еще одну собаку, прибежавшую неизвестно откуда.

Ответ Дарлингфута соответствовал ситуации, был короткий и описывал крайне маловероятные анатомические особенности всех участников. Кройд припустил за коричневой собакой.

Когда он добежал до угла, за которым скрылась дворняжка, послышался пронзительный визг. Повернув на соседнюю улицу, он увидел пса, который, лежа на спине, отбивался от наседающего на него сверху птеродактиля. Помятая конечность валялась рядом. Кройд бросился вперед.

— Спасибо тебе, Малыш. Я теперь твой должник, — пропыхтел Кройд, подбегая к ноге. Поколебавшись, он вынул носовой платок, обернул им руку и подобрал конечность, стараясь не держать ее против ветра.

Вдруг птеродактиль исчез, а на его месте появился голый мальчик, на вид лет тринадцати от роду. У него были светлые глаза, нестриженные русые волосы и маленькая родинка на лбу.

— Для вас и старался, — отозвался он. — Ну и воняет она, однако.

— Да уж, — сказал Кройд. — Прости, но я пойду, попробую собрать то, что осталось.

Он развернулся и двинулся назад, туда, откуда пришел. За его спиной послышались быстрые шаги.

— Зачем она вам? — спросил мальчик.

— Ну, это длинная, запутанная и скучная история. Тебе ее знать ни к чему, — ответил Кройд.

— Да ладно, бросьте. Расскажите!

— У меня нет времени. Я спешу.

— Вы опять будете драться с Дьяволом Джоном?

— Я не собираюсь драться. Надеюсь, мы сумеем договориться по-хорошему, не прибегая к насилию.

— А в чем теперь ваша сила, если вы будете драться?

Кройд дошел до угла, повернул на разделительную полосу. Вокруг бранных останков крутилась еще одна собака. Дьявола Джона нигде не было.

— Черт побери! — крикнул он. — Ну-ка, пошла отсюда!

Собака содрала с хитинового щитка лоскут шерстистой ткани, не обратив на Кройда никакого внимания. Кройд заметил, что с оторванного куска покровов капала бесцветная жидкость. Потом он понял, что эти выделения сочатся из дыхательных отверстий на тораксе, и от этого сами останки стали какими-то влажными.

— Пошла отсюда! — повторил он.

Собака зарычала, но потом вдруг поджала хвост и заскулила. Из-за спины Кройда к ней приближался прыжками тираннозавр метрового роста, издавая угрожающий шип. Собака испугалась и убежала. Через мгновение на месте ящера стоял Малыш.

— Она убежала с тем куском, — сказал мальчик.

Кройд повторил выражение Дарлингфута, бросив спасенную ногу рядом с туловищем. Он вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный мешок для мусора и развернул его.

— Малыш, если хочешь мне помочь, поддержи мешок, а я засуну туда то, что осталось.

— Ладно. Ну у вас и работенка!

— Не говори. Неприятное занятие.

— Зачем же вы это делаете?

— Такова уж наша взрослая доля.

— Что вы имеете в виду?

— К старости все больше времени уходит на исправление собственных ошибок.

Раздался тяжелый топот, сверху упала тень, и откуда-то прыгнул Дьявол Джон.

— Проклятый пес удрал, — объявил он. — Нога у тебя?

— Да, — ответил Кройд. — В мешке.

— Пластиковый мешок — это ты хорошо придумал. А кто этот голый мальчик?

— Ты что, не знаешь Малыша-Динозавра? — удивился Кройд. — Я думал, он со всеми знаком. Он — тот птеродактиль, который за тобой летал.

— Зачем это?

— Я люблю быть в гуще событий, — сказал Малыш.

— Слушай, а почему ты не в школе? — спросил Кройд.

— Да пошла она.

— Послушай меня. Я вот ушел из школы в девятом классе, так и не доучившись. И до сих пор об этом жалею.

— Почему? Разве вы плохо живете?

— Ну, я не знаю многих полезных вещей. Лучше бы я их в свое время выучил.

— Каких, например?

— Ну... Скажем, алгебры. Я никогда не изучал алгебры.

— И что хорошего в этой долбаной алгебре?

— Я этого не знаю и никогда не узнаю, я же ее не изучал. Но иногда смотришь на людей на улице и думаешь: да, они-то уж наверняка знают алгебру, и от этого появляется какое-то чувство неполноценности.

— А я вот тоже не знаю алгебры и не чувствую никакой дурацкой неполноценности.

— Потом почувствуешь, — сказал Кройд.

Тут Малыш заметил, что Кройд как-то странно на него смотрит.

— Немедленно возвращайся в школу, — сказал ему Кройд, — и протирай штаны на занятиях, пока они не кончатся, а вечером сделай домашнее задание. И делай это с удовольствием.

— Ладно, мне надо лететь, — сказал Малыш и превратился в птеродактиля, потом несколько раз подпрыгнул и поднялся в воздух.

— По дороге найди, во что одеться, — крикнул Кройд ему вслед.

— Что это за чертовщина здесь происходит?

Кройд обернулся и увидал полицейского в форме, только что перешедшего улицу.

— Пойди поцелуй себя в задницу, — огрызнулся Кройд.

Тот расстегнул кобуру.

— Стоп! Ты это прекрати, — сказал ему Кройд. — Застегни ее. Забудь, что ты нас видел, и иди, патрулируй другую улицу.

Дьявол Джон вытаращил глаза, когда полицейский сделал, как ему велел Кройд.

— Как ты это делаешь? — спросил он.

— В этом теперь моя сила.

— Тогда ты можешь меня заставить просто подарить тебе это тело, ведь так?

Кройд встряхнул мешок и перевязал его сверху. Закончив с этим, он кивнул:

— Верно. Рано или поздно оно все равно будет у меня. Но я не хотел бы тебя обманывать — все-таки это ты его украл. Я предлагаю тебе честную сделку.

— Семь кусков?

— Шесть.

— Ты говорил семь.

— Да, но теперь там кое-чего не хватает.

— Сам виноват. Я-то тут при чем? Это ты мне зубы заговори.

— Не надо было бросать его на землю, на съедение собакам.

— Да, но я же не знал... Смотри, там, на углу, есть закусочная с баром.

— Да, правда.

— Не возражаешь, если мы все обсудим за ленчем и стаканчиком пива?

— Когда ты это сказал, я обнаружил, что у меня зверский аппетит.

Они выбрали столик у окна, а мешок положили на свободный стул. Пока Дьявол Джон заказывал пиво, Кройд посетил туалет и несколько раз вымыл руки. Вернувшись, он заказал себе полдюжины сандвичей. Дарлингфут последовал его примеру.

— На кого ты работаешь? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Кройд. — Я получил этот заказ через третье лицо.

— Что-то уж больно сложно. Интересно, зачем оно им всем понадобилось?

— Черт его знает. Надеюсь, они заплатят за то, что здесь осталось.

— Вот поэтому я и иду на эту сделку. Мне почему-то кажется, что мои заказчики хотели бы получить его в более приличном виде. Могут продинамить меня с деньгами. Лучше синица в руке, — знаешь такую поговорку? Я им не особенно доверяю. Проходимцы.

— Скажи, были у него какие-нибудь вещи?

— Нет, никаких.

Когда принесли сандвичи, оба принялись за еду. Через некоторое время Дарлингфут взглянул на мешок и заметил:

— По-моему, он стал больше.

Кройд тоже посмотрел на мешок.

— Просто немного растрясся, — сказал он.

Они доели, а потом заказали еще по пиву.

— Да нет, черт возьми! Он растет! — настаивал Дарлингфут.

Кройд снова взглянул на мешок. Он действительно набухал прямо на глазах.

— Да, ты прав, — признал он. — Это, наверное, газы, которые выделяются при... э-э... разложении.

Он хотел было ткнуть в мешок пальцем, но, поразмыслив, убрал руку.

— Так сколько ты за него даешь? Семь кусков?

— Думаю, шести будет достаточно — учитывая его состояние.

— Но они ведь знали, чего просили. Известно же, что с мертвецами происходят такого рода вещи.

— Да, но не до такой же степени. Признай, он у тебя изрядно попрыгал.

— Это верно, но обычный покойник сохранился бы лучше. Откуда я знал, что этому парню нужно особое обхождение?

— Достаточно было посмотреть на него — он же маленький и хрупкий.

— Когда я его схватил, он мне показался довольно прочным. Может, сойдемся на шести с половиной?

— Ну, не знаю...

Мешок распух настолько, что уже привлекал внимание других посетителей. Они допили свое пиво.

— Еще по одной?

— Почему бы и нет?

— Официант!

Официант, убиравший посуду с соседнего освободившегося столика, обернулся к ним с горой грязных тарелок в руках.

— Что вам угод... — начал было он, и в этот момент лезвие ножа, торчащее из охапки у него в руках, скользнуло по раздувшемуся мешку. — Боже мой!

Раздалось шипение выходящего газа — смеси миазмов канализации и вони на скотобойне. Этот тошнотворный запах распространился по помещению так быстро, словно произошла авария на заводе по производству отравляющих веществ.

— Извините, — сказал официант и поспешно удалился.

Через несколько мгновений люди за другими столиками тоже стали задыхаться.

— Сделай что-нибудь, Кройд! Примени свой гипноз! — зашептал Дьявол Джон. — Скорее!

— Не знаю, справлюсь ли я с целой толпой...

— Давай, попробуй!

Кройд сосредоточился, мысленно обращаясь сразу ко всем присутствующим:

Произошла маленькая неприятность. Ничего особенного. Забудьте об этом. Ничем таким здесь не пахнет. Продолжайте есть и больше сюда не смотрите. Не обращайтесь на нас внимания. Здесь не на что смотреть. Никакого запаха нет.

Посетители отвернулись и снова принялись за еду и разговоры.

— Получилось! — пробормотал Дьявол Джон странным голосом.

Кройд повернулся к нему и увидел, что тот зажимает нос.

— Ты что-то пролил?

— Нет.

— Ну и ну! Слышишь, капает?

Дарлингфут посмотрел на мешок, потом наклонился и заглянул под стол.

— Вот черт! — сказал он. — Газ оттуда уже вышел. Оно теперь вытекает через дырку, которую сделал этот парень. Слушай, сделай так, чтобы я тоже не чувствовал запаха, а?

Кройд закрыл глаза и стиснул зубы.

— Уже лучше, — услышал он вскоре, когда Дарлингфут показался из-под стола и поправил мешок на стуле так, чтобы из него не текло. При этом раздалось какое-то хлюпанье и бульканье.

Кройд посмотрел на пол и обнаружил здоровенную лужу, напоминающую разлитый суп. Он поперхнулся и отвел взгляд.

— Ну, Кройд, что ты теперь будешь делать? Жижу оставишь, а остальное возьмешь? Или как?

— Думаю, я обязан забрать все, что удастся.

Дьявол Джон ухмыльнулся и приподнял бровь.

— Ладно, — сказал он, — дашь мне шесть с половиной, и я помогу тебе собрать все это и унести.

— Договорились.

— Теперь, если сможешь, сделай так, чтобы меня не заметили люди на кухне.

— Попробую. Что ты хочешь делать?

— Положись на меня.

Дарлингфут встал, передал горловину мешка Кройду и проковылял за стойку. Он отлучился всего на несколько минут, а когда вернулся, обе руки у него были заняты.

Он открыл большую банку для солений и поставил ее на пол рядом со стулом.

— Теперь наклони мешок так, чтобы дырка была прямо над банкой, — сказал он, — а я приподниму его снизу. Мы все перельем сюда.

Кройд повиновался; когда струйка иссякла, банка наполнилась больше чем наполовину.

— А дальше что? — спросил он, закрывая крышку.

Дарлингфут достал салфетку из пачки, которую принес, и открыл упаковку небольших пакетов.

— Пакеты для объедков — посетители носят любимым собачкам, — сказал он. — Я собираю в них все твердое с пола.

— А потом?

— А еще я принес губку, — объяснил он, наклоняясь к луже. — Ею можно запросто собрать все, что осталось.

— Можно побыстрее? — попросил Кройд. — Собственное то обоняние я не могу заговорить.

— Быстрее я не могу. Открой банку, а? Я выжму туда салфетку.

Когда остатки трупа собрали в банку для солений и девять пакетов, Дарлингфут расширил разрез, окончательно разорвав мешок, и достал оставшиеся там хитиновые пластины. Банку он засунул внутрь хитинового панциря и запихал все это в новый мешок, побросав сверху более мелкие остатки наружного скелета. Сверху он положил голову и конечности. Потом он пристроил туда же пакеты и губку.

Кройд тем временем встал со стула.

— Извини, — сказал он. — Я сейчас вернусь.

— Я с тобой. Надо немного отмыться.

Под шум льющейся воды Дьявол Джон неожиданно заявил:

— Раз уж мы так славно справились с упаковкой, я хочу тебя кое о чем попросить.

— О чем же? — поинтересовался Кройд, в очередной раз намыливая руки.

— Знаешь, мне все-таки неловко перед моими заказчиками.

Кройд пожал плечами:

— Ты же не можешь отдать его сразу и мне, и им.

— А почему бы и нет?

— Каким образом? *

— Когда ты меня догнал, я уже был почти на месте.

Предположим, мы идем туда, где я с ними забил стрелку, — в маленький парк рядом с Клойстерсом*, — и я

* Клойстерс — музей средневекового искусства в Нью-Йорке.

вешаю им лапшу на уши насчет того, что собаки разорвали тело на части и все унесли. Ты их заставляешь в это поверить, а потом забыть, что я был не один. Вот так, и я им больше ничего не должен.

— Ладно, я тебе помогу, — согласился Кройд, умывая лицо. — Ты говоришь «они». Сколько их будет?

— Всего один или двое. Парня, который меня нанял, зовут Матиас, и с ним был еще какой-то рыжий тип. Он все рассказывал мне о масонах, пока его друг не заткнул ему рот...

— Забавно, — сказал Кройд. — Я сегодня утром повстречал одного Матиаса. Он полицейский. Был переодет в штатское. А кто, интересно, этот рыжий? По-моему, он может быть и тузом, и джокером.

— Наверное. Если у него и есть особые способности, мне он их не демонстрировал.

Кройд вытер лицо.

— Что-то мне все это не нравится, — сказал он. — Видишь ли, этот Матиас — туз. Имена могли просто совпасть, да и я управлял тем типом при помощи гипноза. Только не люблю я иметь дело сразу с несколькими тузами. Можно нарваться на кого-нибудь, кто блокирует твои способности. Эта секта... масоны ведь могут быть группой тузов, как ты думаешь?

— Не знаю. Тот рыжий парень приглашал меня на их собрание, но я сказал, что не люблю пустых разговоров: мол, либо договоримся сейчас же, либо забудем об этом. Так что они дали мне аванс прямо там. Только то, как этот рыжий разговаривал, не слишком мне понравилось.

Кройд нахмурился:

— Может, забудем о них?

— У меня есть правило: если заключил сделку, сделай так, чтобы потом на тебе это не висело, — сказал Дарлингфут. — Может, ты вначале только на них посмотришь, пока я буду разговаривать, а уж потом решишь?

— Ладно, посмотрим... Я же тебе уже обещал. Ты помнишь еще что-нибудь из того, что они говорили? Что-нибудь о масонах, тузах, трупе, — ну, о чем угодно?

— Да нет... А что такое феромоны?

— Феромоны? Это гормоны, которые распространяются по воздуху. Такие вещества — они могут влиять на людей. Мне про это как-то раз рассказывал Тахион. У меня был один знакомый джокер — так если сядешь в кафе с ним

рядом, все, что ты ешь, отдает бананом. Тахи сказал: это из-за феромонов. А что ты про них слышал?

— Точно не знаю. Когда я к ним подошел, тот рыжий парень сказал что-то о своей жене и употребил это слово. Больше ничего.

— Это все, что ты от них слышал?

— Все.

— Ладно. — Кройд скомкал бумажную салфетку, которой вытирался, и бросил ее в мусорное ведро. — Пошли.

Когда они вернулись за стол, Кройд отсчитал деньги и вручил своему спутнику.

— Вот. Должен сказать, ты их заработал.

Кройд посмотрел на разбросанные салфетки, грязный пол, мокрый пустой мешок.

— Что нам делать со всей этой грязью?

Дарлингфут пожал плечами.

— Оставь это официантам, — сказал он. — Они к такому привычные. Только оставь им хорошие чаевые.

Кройд несколько поотстал, когда они вошли в парк. Там на скамейке уже сидели два человека, и даже на расстоянии было заметно, что у одного из них рыжие волосы.

— Ну что? — спросил Дьявол Джон.

— Я попробую, — сказал Кройд. — Сделаем вид, что мы не знакомы. Я пойду дальше, а ты иди объясняйся с ними. Через минуту поверну назад и пойду через парк. Я займусь ими, когда подойду поближе. Будь начеку. Если на этот раз гипноз не подействует, придется прибегнуть к другим средствам.

— Понятно. Договорились.

Кройд замедлил шаг, пропустив Дарлингфута вперед. Тот пересек улицу, вошел в парк и по аллее, посыпанной гравием, направился к скамейке. Кройд дошел до угла, неторопливо перешел дорогу и повернул в обратном направлении.

Скоро он уже мог различить громкие спорящие голоса. Он свернул в аллею, по которой только что прошел Дарлингфут, и не спеша двинулся в сторону скамейки с мешком подмышкой.

— ...Кусок дерьма! — услышал он голос Матиаса.

Тот взглянул в его сторону, и Кройд действительно узнал в нем полисмена, с которым разговаривал в морге. На лице Матиаса не было никаких признаков того, что он тоже вспомнил Кройда, но, как он уже знал, у того был талант распознавать тузов. Значит...

— Господа, — сказал он, стараясь внушить собеседникам свои мысли, — все, что сказал вам Джон Дарлингфут по прозвищу Дьявол, — правда. Труп разорвали собаки. Он не смог вам его принести. Вам придется примириться с этим. Вы забудете, что видели меня, как только...

Тут он заметил, как Дарлингфут повернул голову, увидев что-то у него за спиной. Кройд обернулся.

К ним приближалась некрасивая молодая женщина с азиатскими чертами лица. Руки она держала в карманах пальто и подняла воротник, спасаясь от холодного ветра. А ветер...

Ветер изменил направление и дул теперь прямо ему в лицо.

Что-то в этой даме...

Кройд все смотрел на нее. Как он мог подумать, что она некрасива? Наверное, из-за освещения. Она была так прекрасна, что захватывало дух. Он ужасно захотел, чтобы она ему улыбнулась. Захотелось ее обнять, без устали ласкать ее тело. Хотелось играть ее волосами, целовать ее и любить. Она была самой великолепной женщиной из всех, на кого когда-нибудь падал его взор.

Он услышал, как Дьявол Джон негромко присвистнул.

— Ты только посмотри на нее!

— Просто не отвести глаз, — ответил он.

Кройд растянул губы в широкой улыбке, и она улыбнулась ему в ответ. Ему хотелось задушить ее в объятиях, но он вымолвил только:

— Хелло.

— Это моя жена, Ким Той, — донеслись до него слова рыжего мужчины.

Ким Той! Само ее имя звучало, как музыка...

— Я сделаю для вас все, что захотите, — услышал он слова Дьявола Джона, обращенные к ней. — Вы такая чудесная, просто больно на вас смотреть.

Она засмеялась.

— Как это мило с вашей стороны, — промолвила она. — Мне ничего не надо. Не сейчас. Может быть, как-нибудь потом я что-нибудь придумаю.

— Вы его получили? — спросила она мужа.

— Нет, его съели собаки, — ответил тот.

Дама вздернула подбородок и недоуменно подняла брови.

— Какая печальная участь, — проговорила она. — А откуда вы знаете?

— Нам рассказали вот эти господа.

— Да? — спросила она. — Это правда? Вы им так сказали?

Дьявол Джон кивнул.

— Мы так сказали, — признался Кройд. — Но...

— А мешок, который вы бросили, когда увидели меня, — сказала она, — что в нем? Откройте его, пожалуйста, я хочу посмотреть.

— С удовольствием, — сказал Кройд.

— Мы сделаем все, чего ни пожелаете, — согласился Дьявол Джон.

Оба они опустили перед ней на колени и некоторое время от волнения никак не могли развязать тесемку на горловине мешка.

Кройд, воспользовавшись случаем, хотел было поцеловать ей ножку, но потом вспомнил: она просила дать ей посмотреть, что в мешке. Может статься, в награду за это она позволит ему не один поцелуй, и...

Как только он развязал мешок, их окутало облако смрадных испарений. Ким Той в ужасе отпрянула назад. Когда Кройд почувствовал приступ тошноты, он понял, что женщина больше не кажется ему красивой, что она ничуть не более желанна, чем сотня других женщин, встреченных сегодня на улице. Краем глаза он увидел, как поднимается с колен Дьявол Джон, осознал, в каком дурацком положении находился он сам, и в тот же момент нашел объяснение происходящему.

Когда запах немного ослаб, волна очарования, исходившая от Ким Той, опять настигла его. Кройд сжал зубы, снова наклонился над мешком и сделал глубокий вдох.

Ее красота сразу померкла, и он смог использовать свою силу.

Так вот, я уже говорил, что тела больше нет. Его разорвали собаки. Дьявол Джон старался, как мог, но не уберег его. А теперь нам надо идти. Забудьте, что я здесь был.

— Пошли! — сказал он Дарлингфуту, когда тот наконец встал на ноги.

Дьявол Джон покачал головой.

— Я не могу расстаться с этой девушкой, Кройд, — ответил он. — Она меня просила...

Кройд подвинул открытый мешок поближе к его лицу. Глаза Дарлингфута расширились. Потрясенный, он покачал головой.

— Пошли! — повторил Кройд, взвалил мешок на плечо и бросился бежать.

Дьявол Джон одним гигантским скачком обогнал его сразу на десять футов.

— Вот это чудеса, Кройд! Ничего не понимаю, — признался он, когда они были уже на другой стороне улицы.

— Вот ты и узнал, как действуют феромоны, — сказал ему Кройд.

Небо снова затянуло тучами, и Кройд шел, подгоняемый порывами холодного ветра со снегом. Он расстался с Дарлингфутом у дверей очередного бара и пошел пешком в сторону центра. Поймать такси ему никак не удавалось — их нигде не было видно. Ехать с такой ношей в автобусе или метро он тоже не решался из-за толкотни и давки.

Когда он прошел еще несколько кварталов, снегопад усилился, а порывистый ветер крутил целые вихри снежных хлопьев и гонял их между домами. Автомобили на улице зажгли фары, и Кройд понял, что в такую пургу он ни за что не увидит такси, даже если машина проедет у него перед носом. Ругаясь сквозь зубы, он тащился дальше в поисках какой-нибудь забегаловки или ресторана, где можно было бы выпить кофе и переждать метель или вызвать такси по телефону. Однако по пути ему попадались только офисы.

Через некоторое время пошел снег с градом. Кройд прикрыл рукой глаза. Холода-то он не боялся, но град — это вещь посерьезнее. Он нырнул в первый попавшийся проход — он вел в какой-то двор — и вздохнул, расправив плечи, когда напор ветра ослаб.

Здесь было потише. Снег слабо кружился в воздухе. Он смахнул его с волос, отряхнул пиджак и потопал ногами. Потом осмотрелся. Слева, в нескольких шагах позади него, он увидел укромный уголок перед дверью, куда вело несколько ступеней. Он направился туда, думая переждать непогоду.

Кройд занес было ногу, чтобы подняться по ступенькам крыльца, но увидел, что в одном из углов прямоугольной площадки перед закрытой железной дверью кто-то уже сидит. Это оказалась женщина, одетая в какой-то мешковатый балахон, с бледным лицом и нечесаными волосами. Она сидела между двумя хозяйственными сумками и смотрела в его сторону отсутствующим взглядом.

— ...Ну Глэдис и сказала Марти: я, говорит, знаю, ты встречал эту официантку у Дженсона... — бормотала женщина.

— Прошу прощения, — сказал Кройд. — Вы не против, если я к вам присоединюсь? Там такой град...

— ...Я ведь ей говорила, что она может забеременеть снова, еще не кончив кормить грудью, а она только смеялась надо мной...

Кройд пожал плечами и прошел в противоположный угол.

— Она так расстроилась, когда поняла, что снова на сносях, — бубнила женщина, — а тут Марти с этой официанткой...

Кройд помнил, какой нервный срыв был у его матери после смерти отца, и в его душе шевельнулось сострадание к этой слабоумной старухе. Интересно, подумал он, может ли его сила, его новоприобретенная способность подчинять волю других людей помочь таким, как она? Все равно ему придется провести тут некоторое время... А может быть...

— Послушайте, — сказал он женщине, стараясь мыслить простыми и точными образами. — То, о чем вы думаете, давно прошло, его нет. Вернитесь к действительности. Вы сидите перед железной дверью и смотрите на снег...

— Ах ты скотина, — завизжала женщина, лицо ее налилось кровью, а руки потянулись к сумке. — Не хочу я ничего знать! Не хочу здесь сидеть и пялиться на снег! Не хочу!

Она открыла сумку, и прямо на глазах у Кройда оттуда возникло что-то темное, полетело к нему, затмило все поле зрения, раздирая его на части, кружа в безумном хороводе...

Женщина, оставшись на площадке перед дверью одна, застегнула сумку, посмотрела на падающий снег и снова забормотала:

— ...Так я ей и говорю: мужчины — народ ненадежный, особенно в денежных делах. Иногда приходится искать на них управу — тут уж ничего не попишешь. Вот этот приятный молодой человек из юридической консультации объяснит тебе, что надо делать. А потом Чарли, который работал в пиццерии...

Кройд почувствовал головную боль — непривычное для него ощущение. У него никогда не бывало похмелья, потому что организм слишком быстро усваивал алкоголь, но он представлял себе похмелье именно так. Потом он почувствовал, что у него замерзла спина, ноги, ягодицы и тыльная сторона рук: он лежал на чем-то мокрым и холодном. Наконец он решился открыть глаза.

Небо между домами было темно-синим, без единого облачка, и на нем уже зажглись первые, самые яркие звезды. А ведь до этого шел снег. И был день, а не вечер. Он сел. Что с ним было в течение этих нескольких часов?

Он увидел мусорный бак. Рядом валялись пустые бутылки из-под вина и виски. Это тоже был двор, но...

Это был другой двор. Дома были пониже, и там отсутствовал мусорный бак, а самое главное — он не видел двери, у которой они сидели со старухой.

Он помассировал себе виски и почувствовал, что немного согрелся. Старуха... Что это была за чертовщина, — то темное, чем она его достала, когда он пытался ей помочь? Она вытащила это из сумки...

Господи, а где его мешок? Сильно волнуясь, он принялся шарить вокруг в поисках тщательно упакованных останков несчастного безымянного существа. Потом он понял, что свой порванный и вывернутый наизнанку мешок он все еще сжимает в правой руке.

Кройд вскочил на ноги и оглядел окрестности, освещаемые лишь тусклым светом далекого фонаря. Пакеты были разбросаны вокруг. Он сразу посчитал их. Правильно, девять. Потом он увидел и конечности, голову и хитиновый панцирь, — правда, он был разломан на четыре части, а голова как-то неестественно блестела — вероятно, от сырости. А банка? Где же банка? Может быть, труп был нужен кому-то как раз из-за этой жидкости. А если банка разбилась...

Кройд радостно вскрикнул, когда увидел, что банка стоит в тени у стены дома слева от него. Верх у нее был отбит. Он бросился к ней и успокоился, когда по запаху понял, что в ней не дождевая вода.

Он подобрал пакеты, которые оказались почему-то совершенно сухими, и положил их на выступ подвального окна с решеткой. Рядом он сложил в кучку остатки хитинового скелета. Отыскав ноги, он увидел, что обе они сломаны, но решил, что так даже легче их упаковать. Потом посмотрел на банку для солений с отбитым верхом и улыбнулся. Все очень просто. Ответ был прямо перед глазами — благодаря стараниям пьянчуг, населявших окрестные трущобы.

Кройд набрал несколько пустых бутылок, поставил их рядом с банкой и отвинтил пробки. Потом он осторожно перелил в них темную жидкость из банки.

У него получилось восемь бутылок разного калибра, которые он тоже поставил на оконный выступ рядом с горкой хитиновых обломков. Похоже, с каждой перетасовкой останков от бедного парня оставалось все меньше. А может быть, так казалось из-за того, что теперь он был уложен более компактно. Чтобы точно узнать, в чем тут дело, надо было учить в школе алгебру.

Кройд открыл крышку мусорного бака. Найдя там длинные нити рождественских гирлянд, он заулыбался. Несколько гирлянд он вытянул и сунул в боковой карман. Потом снова нагнулся. Если в помойке были гирлянды, значит...

Тут он услышал позади торопливые шаги. Кройд оглянулся, на всякий случай сжав кулаки, но рядом никого не было. Потом он увидел, как у его карниза на секунду остановился какой-то коротышка в одежде, висевшей на нем, как на вешалке, и схватил бутылку побольше и два пакета. Он побежал в дальний конец двора, где маячило еще несколько оборванцев.

— Эй ты! — закричал ему Кройд. — А ну стой! — Он попробовал ему это мысленно внушить, но тот был уже слишком далеко.

В ответ он услышал только хохот и крик:

— Ну, ребята, сегодня мы попируем!

Тяжело вздохнув, Кройд достал из помойки кипу красной и зеленой праздничной оберточной бумаги и пошел к подвальному окну, чтобы заново упаковать то, что осталось.

С ярким свертком под мышкой он прошел еще несколько кварталов и, пройдя мимо бара под названием «Блиндаж», понял, что он в районе Гринвич Вилидж. Он нахмурился, но потом увидел такси и поднял руку. Машина остановилась. Теперь все было в порядке. Даже голова перестала болеть.

Джуб поднял голову и увидел Кройда, который весело ему улыбался.

— Ну как... Как все прошло? — спросил он.

— Задание выполнено, — ответил Кройд и вручил ему ключ.

— Ты справился? В новостях было что-то про Дарлингфута...

— Я справился.

— А его вещи?

— Никаких вещей у него не было.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Ничего, кроме него самого. Он в ванне.

— Что?

— Все в порядке — я закрыл сток.

— Это что, шутка?

— Машина, на которой я ехал обратно, попала в аварию, и часть бутылок разбилась. Поэтому будь осторожен, когда станешь распаковывать — там могут быть осколки.

— Какие еще бутылки?

— Он — как бы это сказать? — немного растерялся по дороге. Но все, что осталось, я доставил в целости.

— Что значит «осталось»?

— Ну, то, что сохранилось. Просто он развалился и немного потек. Я завернул все в разноцветную бумагу и перевязал красной ленточкой. Все правильно?

— Прекрасно, Кройд. Похоже, ты сделал все, что мог.

Джуб передал ему конверт с деньгами.

— Пойдем пообедаем в «Козырных Тузах». Я плачу, — сказал ему Кройд. — Вот только помоюсь сначала и переоденусь.

— Нет, спасибо, мне нужно... нужно заняться делами.

— Если пойдешь в эту квартиру, возьми какой-нибудь дезодорант.

— Хорошо. Тебе, наверное, трудно пришлось?

— Да нет, дельце было просто конфетка.

Кройд направился домой, посвистывая и сунув руки в карманы. Джуб задумчиво смотрел на ключ. В это время вдалеке раздался бой часов.

КОНЦЕРТ ДЛЯ СЕРОТОНИНА С ХОРОМ СИРЕН

1

Сидя в заведении итальянца Вито, в самой темной из длинного — вдоль всей стены — ряда отдельных кабинок, он коротал время, поглощая очередную порцию лингвини. Место, выбранное для трапезы, представлялось ему достаточно укромным; лишь наметанный взгляд завсегдатая мог подметить необычное оживление среди официантов, бьющихся об заклад, какая по счету порция — а едок уплетал уже седьмую — станет последней. Горка на тарелке таяла со сказочной быстротой, столь же споро понижался и уровень вина в оплетенной бутылки, и, когда в зал ввалился широченный, словно трехдверный шкаф, верзила, того и другого оставалось ровно на донышке. Покачивая увесистыми гири кулаков, пришелец неторопливо прошелся вдоль ряда кабинок и остановился вплотную к столику, не сводя с едока пристального взгляда налитых кровью глаз.

Шкаф молча пиялился на сидящего за столиком, пока тот не обратился на здоровяка вопрошающий взгляд — из-под темных напомаженных непослушных вихров блеснули черные зеркальные линзы.

— Ты, что ли, тот самый, кого я ищу? — прорезался у шкафа сиплый бас.

— Вполне может статься, — откладывая вилку в сторону, отозвался обладатель зеркальных очков. — Если речь о деньгах и определенных специальных навыках.

Верзила неожиданно расплылся в улыбке. Затем поднял и уронил правую гирю — угол столика с треском надломился

и рухнул, увлекая за собой останки изодранной скатерти. Хотя обедающий и отпрянул, тарелка с пестрыми следами итальянской кухни полетела ему на одежду. Зеркальные очки съехали набок, открыв свету выпуклые и ярко мерцающие *фасеточные* глаза.

— Туше! — объявил он негромко, но отчетливо, взметнув вытянутые пальцы ко второму гиреподобному придатку.

— Сукин сын! — взревел гигант, отдернув руку. — Чего жжешься, твою мать?

— А чего хулиганишь? — парировал собеседник. — Благодарю Бога, что не изжарил тебя целиком! Безобразие! Пришел, нагрубил. Зачем хороший столик сломал?

— Так, значит, это не ты, что ли, нанимаешь тузов гребанных? В гробу тогда я тебя видал!

— Нет, не я. Я решил было, что вербовщик ты — судя по замашкам.

— Чтоб ты сдох, ублюдок пучеглазый!

Собеседник мигом вернул очки на место.

— И в самом деле, что за наказание, — возвестил он ядовито, — лицедреть такую ослиную задницу, как ты, двести шестнадцать раз кряду!

— Я покажу тебе сейчас ослиную задницу! — снова заревел гигант, вздымая увесистый кулак.

— Поосторожнее! — объявил очкастый. Меж его расставленных ладоней внезапно разразился настоящий электрический ураган.

Верзила в ужасе отшатнулся. Очкарик расслабился и лениво опустил руки.

— Когда б не соус на одежде, все это могло быть даже забавным, — сказал он чуть погодя. — Присаживайся, что ли. Будем ждать вместе.

— Забавным? Что именно?

— Ну, ты пока пораскинь мозгами, поразмысли, а я схожу приведу себя в порядок. — Уже поднявшись, он добавил: — Меня, кстати, зовут Кройд.

— Кройд Кренсон?

— Точно. А ты, полагаю, Дробила?

— Угадал. А все же что ты забавного здесь нашел?

— Да я имел в виду один старый анекдот — про двух парней, которые принимают друг дружку за кого-то еще, — примирительно ответил Кройд. — Не слышал разве?

Дробила сдвинул на несколько мгновений мохнатые брови, затем губы его сложились в неуверенную улыбку, а из пасти вырвался сильный отрывистый смех, весьма схожий с собачьим кашлем.

— Действительно, чертовски забавно! — выдавил он и зашелся снова.

Продолжая шумно радоваться жизни, верзила рухнул на скамью. Кройд тем временем отправился приводить в порядок свой гардероб. Примчавшийся на шум официант маленько прибрался в кабинке и принял у Дробилы заказ — большой кувшин пива. Спустя минуту в зале появился, выйдя из кухни, хмурый тип в черном. Он постоял посреди, засунув пальцы обеих рук за пояс, меланхолически жуя зубочистку и покачиваясь на носках, затем неторопливо приблизился.

— Что-то мне фото твое вроде бы знакомо, — буркнул он, заходя в кабинку по-хозяйски, без приглашения.

— Дробила, — осклабился здоровяк, приподняв над столом чутунный кулак.

— Крис Мазучелли. Да, слышал я кое-что о тебе. Говорят, стены пробиваешь этими своими кувалдами.

— Запросто, твою мать! — радостно закивал гигант.

Губы Мазучелли, продолжая плотно сжимать зубочистку, сложились в некое бесцветное подобие улыбки; он уселся на место Кройда.

— А про меня слышал что-нибудь? — поинтересовался итальянец.

— Да, чтоб мне с места не сойти! — кивнул верзила. — Тебя среди своих кличут Пауком.

— Верно. Думаю, прослышал и о моих неприятностях? Из-за которых я и вербую особенных парней?

— Если тебе нужны настоящие гребанные потрошители, то я в самый раз, — заверил Дробила. — Черепушки крошить приходилось.

— Звонишь красиво, — заметил Мазучелли и сунул руку в карман. На стол шлепнулся пухлый конверт. — Это зада-ток.

Дробила открыл конверт, медленно и неуверенно — шевеля губами — пересчитал купюры. Закончив непривычно тяжкий труд — или же только сделав вид, что закончил, — объявил:

— Все правильно, чтоб мне сдохнуть! А теперь?..

— Там, в конверте, адресок. Придешь сегодня к восьми, получишь распоряжения. Не опаздывай. Договорились?

— Можешь на меня положиться. — Дробила поднялся, схватил со стола кувшин с пивом, осушил в несколько глотков и звучно рыгнул.

— А кто тут еще был с тобой — какой-нибудь новичок, салага?

— Нет, дьявол его раздери! Наш, один из лучших, — ответил Дробила. — Кройд Кренсон. Парень, каких лучше не заирать, но зато с большим чувством юмора.

Мазучелли вяло кивнул:

— Желаю приятно провести время!

Дробила ответил энергичным взмахом ручки, еще разок рыгнул на прощанье и отчалил.

Обнаружив по возвращении из уборной на своем месте постороннего, Кройд промешкал лишь мгновение, не более. Подойдя к столику, воздел два пальца в шутовском салюте и представился:

— Меня зовут Кройд. А ты, наверное, тот самый Паук, что спешно вербует рекрутов?

Мазучелли окинул Кройда пристальным немигающим взглядом; его внимание привлекло влажное пятно на брюках.

— Никак с нами что-то случилось? — спросил итальянец бесцветным голосом.

— Да нет, ничего, просто по пути в сортир оценил прелести итальянской кухни, — ответил Кройд. — Так это ты ищешь таланты или нет?

— А чем особенным можешь похвастать?

Кройд дотянулся до абажура на соседнем столике и неспешно, без суеты выкрутил из него лампочку. Вытянул руку над столом — лампа засветилась, сперва как бы нехотя, затем ослепительно, наконец коротко вспыхнула и погасла, уже навсегда.

— Оп-ля! — прокомментировал Кройд. — Немного переборщил с напряжением.

— Такое удовольствие в магазине обойдется мне в полтора бакса, — заметил Мазучелли. — И купить можно на каждом углу. Фонарик называется — может, слышал?

— Да включи же свое воображение! — слегка обиделся Кройд. — Я могу точно так же разделаться с любой системой сигнализации, с компьютерами, телефонами. Стоит ли уж говорить о простых рукопожатиях? Но если это тебя не интересует, извини — голодная смерть пока мне не грозит.

И он решительно поднялся с места.

— Да садись же, садись! — спохватился Мазучелли. — А мне еще говорили, что у тебя потрясающее чувство юмора. Вот я и пошутил. Мне по душе твой талант, думаю, применение ему найти — раз плюнуть. И мне действительно срочно нужны парни вроде тебя.

— Никак с нами что-то случилось? — поинтересовался Кройд, усаживаясь на скамью, еще недавно занятую Дробилой. — Заметив, что собеседник нахмурился, Кройд широко ухмыльнулся. — Шутка такая, — пояснил он. — Один-один. И какая же предстоит работенка?

— Кренсон, — объявил итальянец. — Таково твое последнее имя. Как видишь, кое-что мне известно. Более того, известно не так уж и мало. Моим парням пришлось, правда, как следует за тобой побегать... Шутка такая. Не обижайся. Знаю-знаю, ты парень крутой и обычно справляешься с поручениями, справляешься неплохо. Но прежде чем перейти непосредственно к делу, поговорим малость о другом. Разумеешь, о чем я?

— Пока не очень, — ответил Кройд, — но ушки держу на макушке.

— Тебе что-нибудь заказать на время беседы?

— Съел бы еще порцию лингвини, — сказал Кройд, — ну, и чтоб запить — бутылочку кьянти.

Мазучелли махнул рукой, щелкнул пальцами. Мгновенно подскочил официант.

— Linguini, e una bottiglia, — сказал Мазучелли. — Chianti.

Официант исчез. Итальянец потер ладони одна о другую, слегка похрустев при этом тонкими пальцами.

— Тот парень, что недавно свалил отсюда... — произнес он с ленцой. — Дробила...

— Да-да? — вставил Кройд заинтересованно, дабы заполнить затянувшуюся паузу.

— Из него может получиться неплохой боец, — завершил мысль итальянец.

— Полагаю, да, — кивнул Кройд.

— Что же до тебя... сдается, ты обладаешь навыками поинтереснее — помимо талантов, коими обязан вирусу. Думаю, ты уровнем повыше Дробилы будешь. Ты ведь, если не ошибаюсь, со стариной Бентли водился?

Кройд кивнул снова:

— Бентли был первым моим наставником. Я знал его еще псом. А ты и в самом деле осведомлен обо мне лучше всех прочих.

Мазучелли выплюнул зубочистку и хлебнул пивка.

— Это и есть мой бизнес, — небрежно обронил он после паузы. — Знать. Потому-то и не хочу посылать тебя простым бойцом.

Вернулся официант с заказом, поставил перед Кройдом дымящуюся тарелку, чистый бокал и откупорил кьянти. Завершив хлопоты, скрылся в одной из соседних кабинок.

Кройд немедленно навалился на еду — с аппетитом, который Мазучелли с легкой брезгливостью определил как из ряда вон выходящий.

После непродолжительного перерыва Кройд поинтересовался:

— Так чем же все-таки предстоит заняться?

— Кое-чем... чуть более деликатным — если подойдешь для этого.

— Деликатным? Я прямо-таки создан для деликатных дел, — похвастался Кройд.

Мазучелли выставил перед собой палец.

— Первое, — сказал он. — Одна из тех вещей, которые следует уяснить, прежде чем перейти к дальнейшему...

Заметив, что тарелка визави почти опустела, Мазучелли спохватился и снова щелкнул пальцами. Почти мгновенно возник официант с новой порцией.

— Что же это за вещь? — спросил Кройд, отодвигая от себя пустую тарелку одновременно с появлением следующей.

Мазучелли подался вперед и отеческим жестом накрыл ладонь Кройда.

— Мне известны твои проблемы, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Слышал, что порою ты слетаешь с катушек, — Мазучелли понизил голос, — ускоряешься, что ли, и тогда начинаешь крушить налево и направо, все и всех подряд. Впадаешь в такое бешенство, что не можешь затормозить, пока полностью не выпустишь пар или пока кто-нибудь из друзей-тузов не уймет тебя на время из жалости.

Отложив вилку в сторону, Кройд залпом осушил стакан.

— Твоя правда, — уныло признал он. — Но мне не доставляет удовольствия обсуждать это.

Мазучелли пожал плечами.

— У каждого есть право время от времени повеселиться на свой собственный манер, — констатировал он. — Лишь бы не в ущерб делу. Я ведь не из праздного любопытства задел тебя за живое. Как бы такое не стряслось, когда будешь занят моими делами.

— Такое мое состояние вовсе не прихоть, не развлечение и не дамский каприз, — пояснил Кройд. — Мне и самому оно не слишком-то в масть. Кроме одного вреда, никакой пользы. Но ничего не попишешь — само собой накатывает. Впрочем, только лишь после слишком затянувшегося бодрствования.

— Ага, а сейчас ты еще далеко от такой точки?

— Довольно близко, — отрезал Кройд. — Но пока можешь не волноваться.

— Если я все же найму тебя, то предпочел бы и вовсе не беспокоиться. И хоть мне не совсем удобно задавать тебе вопросы касательно твоей пригодности, хотелось бы прояснить еще один небольшой нюанс: когда ты слетишь с катушек в очередной раз, достанет ли тебе самоконтроля, чтобы забыть, на кого работаешь? И если да, то сможешь ли отправиться кой-куда, чтобы сровнять с землей одно злчное местечко — как бы без всякой со мной связи?

Кройд изучал собеседника долгое мгновение, затем неторопливо кивнул.

— Кажется, въезжаю, — сказал он. — Если этого потребует моя работа, справлюсь, разумеется. Никаких проблем.

— Ну, раз мы друг друга поняли, я тебя беру. Как видишь, тебе поручается не черепушки крошить, тут задача потоньше. Посложнее всяких там краж со взломом.

— Мне приходилось участвовать в самых разных делах, — сказал Кройд. — Частенько попадались деликатные. А некоторые — так на проверку и вовсе легальными оказались.

Оба дружно заулыбались.

— Хорошо бы и в моем обойтись без лишнего шума и треска, а если удастся — и без насилия, — добавил Мазучелли. — Как я уже говорил, мой товар чистый — информация, важные сведения. И с твоей помощью я тоже надеюсь разжиться некоторыми новыми данными. Лучше всего, чтобы о попытке их раздобыть никто и не узнал. С другой стороны, если все же придется кого-либо малость пощекотать, колебаться не надо — результат того стоит.

— Общую схему я уже просек. Теперь бы поконкретнее: что узнать и где?

Мазучелли издал короткий нервический смешок и резко ушел в себя.

— Похоже, что в нашем городе затеяла бизнес... еще одна компания, — мрачно процедил он после продолжительной паузы. — Понимаешь, что я хочу этим сказать?

— Конечно! — откликнулся Кройд. — Известное дело: сразу двум бакалейным лавочкам в одном жилом блоке делать нечего.

— Совершенно справедливое замечание, — кивнул Мазучелли.

— Так мы набираем команду, чтобы продолжить состязание в следующей весовой категории?

— Да, резюмировать ты умеешь! Но пока, как я говорил, нужна одна лишь информация о конкурентах. И заплатить за нее я готов очень даже недурно.

Кройд кивнул:

— Сделаю все, что в моих силах. Нет ли каких-то особых обстоятельств, пожеланий?

Мазучелли снова подался вперед и тихо, едва шевеля губами, процедил:

— Нужно имя. Имя хозяина. Хочу знать, кто дергает за нитки.

— Имя босса? Уж не хочешь ли ты сказать, что он еще не удостоил тебя посылки с дохлой рыбой, завернутой в чьи-нибудь кальсоны? А я-то полагал, что с вашими обычаями знаком!

Итальянец зябко повел плечами:

— Этикета эти парни не соблюдают. Кучка грязных чужаков, не иначе.

— С нашей стороны уже делались какие-то ходы, или ситуация пока на нуле?

— Ты будешь первопроходцем. Я решил, что так лучше. Получишь список мест, которые вроде бы у них под контролем. А также имена двух парней, которые, похоже, уже успели на них поработать.

— А почему вы не взяли одного из них в оборот и не спросили прямо?

— Эти парни весьма шустрые, вроде тебя.

— Понятно.

— Но не думаю, что твои друзья, — тут же пояснил Мазучелли.

— Тузы? — безрадостно уточнил Кройд.

Итальянец молча кивнул.

— Разборки с тузами обойдутся дороже, чем с простыми смертными, — заметил Кройд.

— О чем речь! — Мазучелли вынул из внутреннего кармана еще один пухлый конверт. Казалось, он набит ими доверху. — Здесь список и задаток. Можешь считать его десятой долей полной стоимости заказа.

Приоткрыв конверт, Кройд листанул купюры, и на губах его заиграла удовлетворенная улыбка.

— Где оставлять сообщения? — поинтересовался он.

— У здешнего управляющего, он в постоянном контакте со мной.

— Как звать его?

— Теотокополос, короче Тео. Человек надежный.

— О'кей, — сказал Кройд. — Ты купил меня с потрохами, со всей моей деликатностью — как врожденной, так и благоприобретенной.

— И еще одно, Кройд. Когда ты впадаешь в спячку, то ведь выходит из нее совсем другой человек, верно?

— Точно так.

— Ну а если такое случится до завершения работы по контракту, этот другой уклоняться не станет?

— Ни в коем разе — пока в карман хоть что-то сыплется!

— Значит, мы с тобой поняли друг друга.

Скрепив сделку рукопожатием, Кройд поднялся и, оставляя за собой снежный шлейф крохотных чешуек, осыпающихся с кожи, направился к выходу. Мазучелли проводил его брезгливым взглядом и потянулся за свежей зубочисткой. А Кройд, оказавшись на улице, выгудил из кармана и бросил в рот еще одну черную пилюлю.

Наряженный в серые слаксы и голубой блейзер, в галстuke цвета запекшейся крови Кройд посиживал в «Высоком Тузе». Завитой и густо напудренный, с ухоженными ногтями, он сидел в одиночестве за столиком у окна, поглядывая сквозь снежный туман на городскую иллюминацию далеко внизу и, отхлебывая шато д'икем из высокого бокала, ковырял вилок в запеченном лососе. Кройд рассеянно обдумывал предстоящие действия и одновременно не забывал заигрывать с проскакивающей мимо официанткой, Джейн Доу. Та как раз приближалась снова — добрый для Кройда знак. Во всех прежних воплощениях, всеми прежними сердцами — порою даже сдвоенными, строенными, но всегда расстроенными от неразделенной любви — Кройд всецело принадлежал ей. Вот и сейчас, собравшись с духом и полагаясь на случай, как на лучшего помощника в делах сердечных, он вытянул руку и коснулся ее нежного плечика.

Раздался треск электрического разряда, Джейн с тихим «ах!» застыла как вкопанная и потеряла обожженное место. На симпатичном личике читались все признаки детского огорчения.

— Прости меня... — начал Кройд.

— Ничего страшного, ведь ты не виноват — это всего лишь статическое электричество, — ответила девушка.

— Может быть, — не стал спорить Кройд. — Я просто хотел сказать, что мы знакомы, я тебя давно знаю, хотя ты узнать меня в нынешнем моем воплощении вряд ли сможешь. Я Кройд Кренсон. Когда мы виделись в прошлом, я

всегда мечтал познакомиться с тобой поближе — сесть где-нибудь рядышком хоть на минуту и спокойно поболтать. Но до сих пор все как-то не складывалось.

— А ведь неплохой подходец! — объявила девушка, смахивая с бровей влагу. — Надо же, представиться тузом, которого никто не опознает. Бьюсь об заклад, твоему примеру последуют и другие.

— Могут, пожалуй, — улыбнулся Кройд, разводя руки пошире, — но если найдется с полминутки свободных, смогу доказать, что я — это я.

— Что? Что ты собираешься делать?

— Хочу ионизировать воздух, наполнить его в твою честь анионами, — сказал Кройд, зажигая меж ладоней бледный фейерверк. — Освежить, сделать таким, как перед грозой. Лишь слабый намек на то, что я способен устроить на самом деле...

— Прекрати немедленно! — воскликнула девушка, отступая в панике. — Заметить же могут...

Лицо и ладони Кройда взмокли от напряжения, волосы прилипли к потному лбу.

— Ну, прошу тебя, — умоляла Джейн.

— Пусть катятся к дьяволу! — заметил Кройд. — Давай устроим настоящую маленькую грозу. — Молнии заплясали между его пальцами, и Кройд нервно захихикал.

На них уже стали обращать внимание.

— Ну, хватит, ну, пожалуйста, — снова взмолилась девушка.

— А присядешь на минутку?

— О'кей!

Джейн уселась напротив. Утирая насухо лицо и шею, Кройд извел не одну салфетку.

— Извини за укольчик. Моя вина, должен признаться, — сказал он наконец. — Следует осторожнее обращаться с электричеством, когда рядом некто по имени Кувшинка или Водяная Лилия.

Девушка мило улыбнулась.

— Твои очки запотели. — Джейн порывисто нагнулась над столом и сдернула их с переносицы Кройда. — Позволь, я протру...

— Влажная прелесть, явленная сразу двести шестнадцать раз. Что может быть прекраснее? — прокомментировал Кройд ее немигающий взгляд и приоткрытые губки. — Вирус, как обычно, не поспешил в отдельных своих проявлениях.

— Ты действительно видишь меня такое множество раз?

Он кивнул:

— Приметы джокеров проявляются порой в моих метаморфозах. Надеюсь, я тебя этим не напугал?

— Да что ты, это просто удивительно! — сказала девушка.

— Ты весьма любезна. Но все же верни мои очки.

— Секундочку.

Она тщательно протерла линзы краешком скатерти.

— Спасибо. — Кройд снова водрузил очки на нос. — Заказать тебе выпивку? Или поесть? Проси все, что душе угодно — хоть натасканного болотного спаниеля!

— Я ведь на службе, — ответила она. — Спасибо. Извини. Может, в другой раз?

— Ничего-ничего. Я и сам сейчас при деле. Однако, если не шутишь, оставляю адресок и пару телефонов. Меня там может и не оказаться, но весточку на автоответчике я тебе оставлю.

— Договорились.

Кройд быстро нацарапал карандашом несколько строк в блокноте, вырвал страничку и протянул девушке.

— А что у тебя за работа сейчас? — поинтересовалась та.

— Весьма деликатного свойства, — ответил Кройд. — Расследование, связанное с клановыми разборками.

— Правда? Слыхала я, что ты столь же чокнутый, как и честный. Похоже, люди порой правду говорят.

— Ну, не совсем так, — улыбнулся Кройд. — Словом, дай о себе знать. Возьмем напрокат классную тачку и устроим забег в ширину.

Она поднялась с загадочной улыбкой:

— Может, и позвоню.

Кройд поспешно извлек из кармана конверт, отложил в сторону пачку купюр и расправил на столе клочок бумаги.

— Пока не убежала — имя Джеймс Спектор ни о чем тебе не говорит?

Девушка враз побледнела. А Кройд между тем обнаружил, что снова успел покрыться липкой влагой.

— Что я сказал такого особенного?

— Ты не шутишь? И вправду не знаешь?

— Не знаю. И не шучу.

— Но ты же знаком с фольклором тузов, знаешь поговорки.

— Далеко не все.

— Кто в потемках встретит Рыжего, счастлив будет, коли выживет, — продекламировала девушка. — Из гранаты вынь чеку при подходе к Живчику... Эта последняя как раз о нем. Джеймс Спектор по кличке Живчик.

— Никогда не слышал, — признался Кройд. — Кстати, а про меня ничего такого не знаешь?

— Сходу не припомнить.

— Ну, давай, будь пайнкой. Мне жутко интересно.

— Ладно уж. Только в рот засунь пирог — хлоп! — и Дремли на порог, — медленно выговорила Джейн. — Если он слет с катушек, не спасет и сотня пушек.

— Не слабо!

— А если я позвоню, когда ты как раз в таком состоянии...

— В таком состоянии на твой звонок я и ответить не сумею, не волнуйся.

— Принесу-ка я тебе еще пару чистых салфеток. Захвати с собой, — предложила девушка. — И прости, если испортила тебе вечер.

— Ерунда. Тебе кто-нибудь уже говорил, как ты очаровательно, когда истекаешь влагой?

Джейн взглянула на него исподлобья.

— Пожалуй, принесу тебе еще и вяленой рыбки, — процедила она после недолгой паузы.

Кройд потянулся за прощальным поцелуем, но схлопотал звонкую оплеуху.

2

Убедившись, что никому вокруг до него нет никакого дела, Кройд уронил в свой эспрессо сразу две таблетки «Черной прелести». Вскоре, тяжело вздохнув, стал тихо ругаться — на этот раз они не принесли ему желанного облегчения. Все усилия последних дней, все утомительные блуждания пока ни к чему не привели, а он уже приближался к своему скоростному штурпу и в любой момент мог сорваться. Обычно такое состояние беспокоило его мало, но только не в этот раз. Кройд дал себе зарок, точнее, даже два: один касательно наркотиков, другой — по делу. Один глубоко личный, другой касался бизнеса, рассуждал Кройд, но оба теперь равно тяготили. Приходилось держать себя в руках, глядеть за собой в оба, если не в двести шестнадцать глаз нараспашку, чтобы не завалить дело. А еще Кройд страшно боялся разочаровать Кувшинку на первом же свидании. Хотя приступы паранойи были как раз не в диковинку — обычно они и начинались с приближением к фазе сна. Кройд решил, что этот страх может сыграть роль индикатора. Пусть просигналит, когда наступит пора отправляться на боковую.

Кройд обегал уже с полгорода, пытаясь выйти на тех двоих, из списка Мазучелли, но они исчезли, казалось, бесследно. Он проверил все упомянутые в той же бумаге места, никого нигде не застал и теперь утешался мыслью, что блатные редко без особой необходимости меняют места randevu. Сегодня снова наступил черед заниматься Джеймсом Спектором. На самом-то деле новостью для Кройда было лишь подлинное имя Живчика, кличку он знал издавна. И даже пересекался с ним, довольно тесно, на некоторых делах. Живчик всегда производил впечатление шустрого парня, но туза из слабых, не слишком крутого.

— Из гранаты вынь чеку при подходе к Живчику, — бубнил себе под нос Кройд, отстукивая по столу ритм и одновременно подзывая официанта.

— Слушаю вас, сэр?

— Еще эспresso, и чашку побольше, договорились?

— Разумеется, сэр.

— А лучше тащи сюда целый кофейник.

— Будет сделано, мигом.

Кройд стал постукивать громче и даже притоптывать в такт.

— Та-та-та-та, вынь чеку, та-та-та-та, Живчику, — бубнил он рассеянно и вздрогнул, когда внезапно возникший официант поставил перед ним чистую чашку.

— Не смей подкрадываться таким манером!

— Прошу прощения. Не хотел вас пугать.

Официант принялся наливать кофе в чашку.

— И за спиной не стой! Встань так, чтобы я тебя видел!

— Слушаюсь, сэр. — Официант переместился вправо, оставил кувшин на столе и с обиженным видом ретировался.

Поглощая кофе чашку за чашкой, Кройд задумался о том, о чем давно уже не находил времени как следует поразмыслить: о собственных снах, о перевоплощениях, о неизбежности смерти. Осушив кофейник, потребовал новый. Определенно, одолевавшие его мысли стоили двух кофейников.

К вечеру снегопад прошел, но снежный покров толщиной никак не меньше дюйма в свете неоновых витрин продолжал искриться на тротуарах. Обжигающе холодный ветер гнал вдоль по Десятой стрит маленькие белые смерчи. Высокий худощавый мужчина в тяжелом черном пальто и с грузом передвигался весьма осторожно; всякий раз, сворачивая за угол, устраивал себе краткую передышку и озирался

по сторонам. Как только он покинул лавчонку с тюком, возникло ощущение посторонних глаз на затылке. И уже не покидало. Действительно, в сотне-другой ярдов позади, по противоположному тротуару и в том же направлении передвигался неясный темный силуэт. Определенно хвост. Джеймс Спектор прикидывал, не вернее ли подстеречь преследователя и прикончить прямо здесь, чем тащить за собой дальше, рискуя столкнуться после с непредвиденными последствиями. К тому же покоя не давали две квартиры «Джека Дэниела» и пять упаковок скитца в багаже — Джеймс содрогнулся от одной только мысли о том, что они могут разбиться. Как пить дать разобьются на таком гололеде, если кто-то привяжется. А повторять маршрут до лавочки в мороз еще раз ему вовсе не улыбалось.

С другой стороны, ожидание с целью прикончить топгуна чревато тем же результатом — даже если Джеймс поскользнется, всего лишь нагибаясь, чтобы обшарить карманы покойника. Сперва следовало надежно пристроить тюк. И Джеймс огляделся по сторонам.

Чуть дальше оказалось крыльцо с крутыми ступеньками. Подойдя вплотную, он водрузил тюк на третью, надежно прислонив к металлическим перильцам. Отряхнув снег с пальто, Джеймс поднял воротник, выудил из кармана пачку сигарет, выщелкнул одну и прикурил лодочкой. Затем облокотился на перила и, поглядывая на пройденный перекресток, настроился на терпеливое ожидание.

Но томиться довелось недолго: спустя неполную минуту из-за угла вынырнул человек в синей куртке и серых брюках. Его галстук развевался по ветру, теребящему и непокорную темную шевелюру. Выйдя из-за угла, он замешкался на мгновение, затем кивнул и приблизился. В свете далеких витрин сверкнули зеркальные очки незнакомца. Мгновенный озноб прошиб Джеймса от мысли, что он упускает инициативу. Такую встречу посреди ночи обыкновенной случайностью уже не объяснить. Тем более что незнакомец выглядел куда более зловещим, чем обычный топгун-крепыш, севший на хвост. Джеймс глубоко затянулся и поднялся на ступеньку выше, чтобы иметь возможность заехать ногой по физиономии, да как следует.

— Эй, Живчик! — окликнул незнакомец. — Поговорить нужно.

Джеймс пристально глядел, пытаясь опознать преследователя. Но ни лицо, ни голос знакомыми не показались.

Неизвестный подошел почти вплотную и дружелюбно улыбнулся.

— Я отниму всего минуту-другую, не больше, — добавил он вежливо. — Очень важное дело. Весьма срочное. И в той же мере деликатное. Последнее обстоятельство, как ты сам понимаешь, жизнь мне не облегчает.

— Мы разве знакомы? — ожил наконец Живчик.

— Было дело, встречались. В иной жизни, если можно так выразиться. В иной моей жизни, если быть совсем уж точным. А также, полагаю, тебе приходилось выполнять кой-какую бухгалтерскую работенку для фирмы моего сводного брата в Джерси. Его имя Кройд.

— А что теперь от меня понадобилось?

— Имя главаря новой шайки. Той, что пытается потеснить старую добрую мафию, заправляющую делами в городе вот уже с полвека.

— Да ты шутишь, наверное! — ответил Живчик и, затаившись напоследок, затоптал окурки.

— Вовсе нет, — сказал Кройд. — Без этих сведений не знать мне ни сна, ни покоя. Как я понимаю, ты помогал этим парням отнюдь не по бухгалтерской части. Назови того, кто правит бал, и я исчезну.

— Но я не могу! — ответил Живчик.

— Как уже упоминалось выше, дельце доверено мне деликатное. И спрашиваю я только из деликатности. Предпочитаю обходиться без насилия...

Живчик резко ударил Кройда в лицо. Очки полетели через плечо, и в мерцающих фасетках глаз на Живчика уставились двести шестнадцать собственных его отражений. Он не сумел удержаться от изумленного вздоха.

— Так ты туз! — выдавил он. — Или джокер?

— Я — Дремлин, — сообщил Кройд, выворачивая Живчику руку и с хрустом ломая ее о чугунные перила. — Тебе следовало брать пример с меня и вести себя деликатнее. Было бы не так больно. Теперь ты просто не оставил мне выбора.

С трудом совладав с дикой болью, Живчик пожал плечами:

— Давай, вперед, можешь ломать и вторую. Все равно я не смогу выдать, чего не знаю.

Кройд с интересом уставился на повисшую плетью изувеченную руку Живчика. Тот протянул здоровую, вправил обломки на место, прижал плотнее.

— Так ты умеешь быстро зализывать раны! — сообразил Кройд. — В считанные минуты. Я вспомнил!

— Да, чего уж скрывать!

— А если напрочь руку оторвать, новую отрастить сумеешь?

— Не знаю, да и пробовать не хочу. Я слышал, что ты чокнутый. А теперь и на себе убедился. Думаешь, я не сказал бы, если б знал! Невеликое это удовольствие — чертова регенерация. Я не имел с ними никаких дел, кроме одного-единственного паршивого контракта. И понятия не имею, кто у них в главарах.

Кройд схватил разом оба запястья Живчика и крепко сжал.

— Переломы — это варварство, средневековье, — заметил он участливо. — Но у нас в наличии еще один, более деликатный вариант. Ты знаком с электрошоковой терапией? Нет? Так познакомься!

Кройд разжал ладони лишь после того, как Живчика, вернее, его почти бесчувственное тело перестало трясти. Когда же к бедолаге вернулся дар речи, Кройд услышал все ту же песню:

— Все равно мне нечего тебе рассказать. Я просто не знаю.

— Тогда продолжим! Нейронов у тебя в организме пока хватает, чуток и потерять не жалко, — предложил Кройд.

— Отдохнул бы с минуту! — посочувствовал Живчик. — Никогда я в делах не интересовался лишними именами. Меньше знаешь, легче дышишь... Не спеши!!! Одно я запомнил: Глазастый. Он джокер. На самом-то деле он одноглазый, циклоп. И носит монокль. Встречались мы с ним на Таймсквер и всего один раз — он объяснил задание и выдал аванс. И вся любовь. Ты же знаешь, как это делается. Ведь и сам вольный художник.

Кройд вздохнул с заметным облегчением:

— Глазастый? Знакомая кличка. Похоже, когда-то слышал. А где посоветуешь его искать?

— Думаю, встретишь в клубе «Мертвец Николя». Режется там в карты по пятницам. Можешь сходить и прикончить мерзавца. Но на меня не ссылайся и идти с собой не уговаривай — даже близко не появлюсь. Мне это уже однажды стоило двух переломов сразу, к тому же на одной ноге.

— Клуб «Мертвец Николя»? — переспросил Кройд. — Что-то я о таком и не слыхивал.

— Оформлен под склеп короля Николя, находится совсем рядом с Джокертауном. Жратва сносная, пойло терпимое, немного музыки, танцевальный зал, а в задних комнатах казино. Открылся не так уж давно. Но этот патологический стиль в духе детских страшилок не в моем вкусе.

— О'кей, — сказал Кройд. — Очень надеюсь, Живчик, что ты не навешал мне лапши.

— Это все что знаю, век свободы не видеть!

Кройд медленно кивнул:

— Придется идти в твой клуб. Дело должно быть завершено. — Он отпустил собеседника и отодвинулся. — Может, тогда мне удастся отдохнуть наконец. Но деликатно, только деликатно. — Он поднял со ступеней тюк и вручил Живчику. — Держи. Береги добычу. И смотри не поскользнься по дороге. Гололед жуткий. — Продолжая невнятно что-то бормотать, Кройд попятился и исчез за углом.

А Живчик, устроившись на мерзлом крыльце поудобнее, достал из тюка кварту «Джека Дэниела», выбил пробку и надолго припал к вожденному напитку.

3

Ветер накатывал свирепыми волнами, колотясь о витрины и осыпая тучей ледяных игл каменных львов, застывших в карауле у парадного подъезда — входа в клинику Джокертауна. Когда дверь, ведущая внутрь, распахнулась, по гулкому вестибюлю прокатился оглушительный вой разбушевавшейся стихии. Посетитель принялся топтать ногами и стряхивать снег с синей куртки. Закрыть за собой дверь он не удосужился.

Мадлен Джонсон, известная в народе как Цыплячья Лапка, дежурство в приемной совмещала с присмотром за безнадежно хворым дружком, Петушком Робинотом, с которым прошла некогда огонь и воду. Оторвав взгляд от помогающего коротать время кроссворда, она черкнула в сердцах карандашом как Бог на душу положит и заклохоталась:

— Что же это такое, наконец? Эй, мистер, да закройте же вы чертову дверь за собой!

Вошедший опустил платок, которым отирал лицо, и внимательно уставился на дежурную. Только сейчас Мадлен заметила выпуклые фасеточные глаза посетителя и недобро играющие на скулах угловатые желваки.

— Прошу прощения, — негромко отозвался он и аккуратно прикрыл дверь. Затем повернул голову, как бы желая досконально изучить обстановку в помещении — при таких глазах угадать направление взгляда не так-то просто, Мадлен затруднялась, — и объявил наконец о цели визита: — Мне бы с доктором Тахионом переговорить.

— Доктора в городе нет, — нелюбезно бросила дежурная, — и еще какое-то время не будет. А чего вы, собственно, хотели?

— Хочу, чтобы меня уложили спать, — сказал посетитель.

— Здесь вам не ветлечебница, — отрезала Мадден и уже через секунду пожалела о сказанном: посетитель, мгновенно окутавшись ярким свечением и рассыпая по сторонам искры что твой генератор, двинулся вперед. Его вид вызывал сильные сомнения в доброжелательности намерений — он скалил зубы и нервно сжимал кулаки.

— Это... медицинское... учреждение, — раздельно процедил он. — Мое имя — Кройд Кренсон. У вас должна быть моя карта. И лучше бы вам ее найти. Не принуждайте меня к насилию.

Заквохтав снова, на этот раз в ужасе, Мадден подпрыгнула и умчалась, оставив на память о себе пару крохотных пушистых перышек, витающих над конторкой. Кройд перегнулся через барьер и нахмурился. Затем взгляд его упал на недопитую чашку кофе подле газеты — Кройд схватил ее и осушил залпом.

Спустя мгновение из коридора за конторкой донеслось цоканье копыт, и на пороге возник молодой голубоглазый блондин в спортивной рубашке, оснащенный стетоскопом и улыбкой плейбоя. А ниже пояса — еще и туловищем ладного пони с затейливо изукрашенным хвостом. Из-за спины медика выглянула трепещущая от волнения Мадден.

— Он самый, — сказала она кентавру. — Угрожал мне насилием.

Продолжая сиять лучезарной улыбкой, кентавр процокал в помещение и дружелюбно протянул пятерню:

— Я доктор Финн. Вашу карточку, мистер Кренсон, уже разыскивают. Пока же предлагаю пройти в процедурную — там вы без помех сможете поделиться со мной вашими опасениями.

Кройд пожал руку и кивнул:

— А кофе там найдется?

— Полагаю, да. Чашечку раздобудем.

Пока доктор Финн листал медицинскую карточку пациента, Кройд, не отрываясь от вожденной чашки и расплевывая кофе, беспокойно мерил крохотное помещение шагами. Над отдельными страницами пухлого досье доктор негромко фыркал, всхрапывал, а однажды — видимо, над

какой-то особенно интересной записью — даже испустил звук, сильно смахивающий на тихое конское ржание.

— Я не узнал в вас Дремлина, — произнес он наконец, захлопывая папку и переводя на пациента пытливый взор. — Часть этих материалов уже вошла в учебники. — Он постучал ухоженным ногтем по скоросшивателю.

— Наслышан об этом, — тоскливо отозвался Кройд.

— Очевидно, вы столкнулись с серьезной проблемой, не позволяющей полностью перейти в новую фазу, — заметил доктор. — В чем ее суть?

Кройд выдавил бледную улыбку:

— Суть в том, что кости на этот раз легли неудачно. Заснуть не могу. Не получается.

— Если можно, несколько подробнее.

— Не знаю, что именно там записано, в вашей карточке, — сказал Кройд, — но у меня развился неодолимый страх перед сном.

— Здесь упоминается кое-что о приступах паранойи. Может быть, несколько разумных советов...

Неловким нервным движением Кройд продырявил стену.

— Это уже не паранойя, доктор, — возразил он. — Опасность вполне реальна. Могу умереть во время ближайшей спячки. Или же, что еще страшнее — проснуться самым кошмарным джокером, какого вы только в состоянии вообразить, но с нормальным суточным циклом жизни. И застыть в таком виде навсегда. Паранойя — это ведь когда страхи лишены реальной под собой почвы, не так ли?

— Пожалуй, — согласился Финн. — Но мы можем называть так любой чрезмерный страх, пусть частично он и оправдан. Не знаю. Я не психиатр. Но я нашел в досье упоминание о вашей привычке к амфетамину. Вы принимали его, чтобы отсрочить наступление сна. Вам надлежит знать, что уже в подобной химической зависимости проявляются признаки паранойи.

Кройд обвел пальцем дыру в стене, сжигая напрочь куски пластиковой панели.

— Разумеется, во многом это вопрос семантики, — продолжал доктор Финн. — И не столь уж важно, как мы это назовем. Суть в том, что вы боитесь заснуть. А сейчас, по вашим ощущениям, уже наступила фаза сна?

Шагая по кабинету, Кройд принялся хрустеть суставами пальцев. Доктор Финн как зачарованный считал щелчки. Когда раздался седьмой, доктор принялся гадать, чем все это может закончиться.

— Восемь, девять, десять... — незаметно для себя стал приговаривать доктор.

Кройд пробил еще одну дыру в стене и утихомирился.

— Не желаете ли еще немного кофе? — спросил доктор.

— Желая, и побольше — до галлона.

Доктор сорвался с места столь резко, словно перед ним распахнулись стартовые ворота дерби.

Позже, никак не комментируя пристрастие Кройда к кофе, доктор Финн продолжил:

— Опасно вводить вам сейчас наркотики — при вашей-то привычке к амфетамину.

— Даю вам два обещания, док, — нервно отозвался Кройд. — Первое: постараюсь заснуть сейчас без сопротивления. Но если вы не можете меня быстро выключить, лучше всех этих хлопот и не затевать. Лучше мне попросту уйти. Но тогда я — и это второе — обязательно вернусь к амфетаминам и прочим «колесам». Так что не сомневайтесь — глушите наркотиком, выбора у нас нет.

Доктор Финн тряхнул густой светлой гривой:

— И все же хотелось бы сперва опробовать кое-что более простое и безопасное. Как вы отнесетесь к небольшой прелюдии из мозговых волн в сочетании с гипнозом?

— Ничего не знаю об этом, — пробурчал Кройд.

— Совершенно безопасно. Русские экспериментируют с этим уже долгие годы. Я только прикреплю к вашим ушам вот эти крохотные контакты, — сказал доктор, смачивая чем-то прохладным мочки Кройда, — и мы пропустим сквозь голову низкочастотный сигнал, скажем, в четыре герца. Вы ничего и не почувствуете.

Доктор подкрутил что-то на пульте, из которого струился пестрый ворох проводов.

— Что теперь? — спросил Кройд.

— Закройте глаза и на минуту расслабьтесь. Вы ощущаете нечто вроде плавного скольжения, вы плывете...

— Ага...

— Но присутствует и некая тяжесть. Ваши руки тяжелеют. Ваши ноги тоже словно наливаются свинцом.

— Уже налились, — подтвердил Кройд.

— Становится трудно сосредоточиться на чем-либо, мысли текут лениво, ваш мозг тоже как бы дрейфует.

— Уже поплыл, — согласился Кройд.

— Вас охватывает приятное чувство расслабления. Приятнее, чем в те дни, когда вы получали вожаденную возможность прикорнуть, смежить усталые веки. Дышите

медленнее, и вы достигнете более укромного, потайного утоллка. Вы уже почти добрались туда, и это чудесно.

Кройд что-то пробормотал, уже совершенно неразборчиво.

— Вы поступаете правильно, ваши действия абсолютно верны и ведут лишь ко благу. Обычно я считаю от нуля до десяти. Но для вас, в порядке исключения, так как вы совсем готовы и уже почти спите, начну с восьми. Восемь. Вы уже далеко, вы чувствуете себя превосходно. Девять. Вы прикорнули, и пора переходить к более глубокой фазе. Десять. Вы совершенно спокойны, вы погружаетесь в сон совершенно без страха и боли — в сладкий целительный сон. Спите.

Кройд начал мерно похрапывать.

Лишних кроватей в помещении не было. Доктор Финн включил зеленую лампу и, пользуясь тем, что пациент ооченел, точно манекен, а его дыхание и сердечные ритмы почти угасли, поместил тело вертикально — в стенном шкафу со швабрами и прочим инвентарем. Спящий Дремлин занимал там совсем немного места. Доктор вколотил в дверь гвоздик и, прежде чем удалиться, вывесил табличку: «Пациент чрезвычайно внушаем».

4

Придя в себя, Кройд наткнулся на ручку швабры, ступил ногой в ведро и рухнул вперед головой. Дверь кладовки подалась при ударе и распахнулась без всякого сопротивления. Кройд растянулся на полу, щурясь от света, спросоннок казавшегося ослепительным. В памяти стали всплывать обстоятельства, предшествовавшие засыпанию: этот четвероногий доктор... как там его? — Финн, его забавная усыпляющая машинка и... провал в черноту, очередная малая смерть, чреватая перевоплощением.

Лежа на полу коридора, Кройд сосчитал пальцы. Их оказалось десять — норма, вот только кожа на руках, мертвенно-бледная, не порадовала. Кройд стряхнул с ноги ведро, с трудом поднялся, пошатнулся и сверзился снова. Вернее, только начал падать — левая рука сама собою нырнула вниз, коснулась пола и резко от него оттолкнулась. Это не просто поставило Кройда на ноги, энергии толчка хватило на большее, и он опять грохнулся, на этот раз уже на спину. И снова выручило тело: совершив немыслимый воздушный пируэт, Кройд приземлился на ноги. Но по-прежнему неустойчиво. Кройд сумел подавить рефлексy в руках и

позволил расслабленному телу плавно опуститься. Многолетний опыт приучил сперва разбираться в очередном подарке судьбы, лишь затем применять его на практике. Он уже начал постигать суть своего таланта — новое тело обладало самостоятельной и невероятной рефлексией.

Когда Кройд снова поднялся на ноги, он уже старался не совершать резких движений и передвигался сперва несколько неуклюже. Но очень скоро пообвыкся в новом теле. К моменту когда Кройд обнаружил ванную комнату, исчезли все признаки неуверенности — он ступал быстро и по-кошачьи мягко. Кройд изучил в зеркале свой новый облик. В дополнение к более солидным габаритам — он стал не только выше, но и значительно плотнее, — обнаружились и некоторые иные, менее приятные перемены. Кройда слегка озаботили розовые глаза и копна белесых волос над высоким молочного цвета лбом. Кройд помассировал виски, облизал пересохшие губы и пожал плечами. Ему часто приходилось сталкиваться с альбиносами. Да и сам он не однажды просыпался с проблемами по части пигмента кожи.

Кройд обшарил все карманы в поисках зеркальных очков, слегка огорчился, потом вспомнил, что потерял их в стычке с Живчиком. Ничего страшного. Он купит новые заодно с какими-нибудь кремами для загара. Волосы тоже, пожалуй, лучше выкрасить — меньше станут обращать внимания.

А желудок, как обычно после спячки, разыгрался не на шутку. Он отчаянно, до острых спазм, требовал пищи. Все проверки, всю бумажную волокиту придется отложить, решил Кройд, — если они и вообще понадобятся. Он не был уверен, что значит пациентом в клинике и проходит по документам — шкаф со швабрами что-то ведь означал! — а также сомневался, что болен, во всяком случае, серьезно. Чтобы побыстрее добраться до еды, лучше уклониться от встреч с персоналом. Поблагодарить доктора Финна за помощь, а также погасить счет — если таковой обнаружится — он сумеет и после.

Передвигаясь по-кошачьи тихо и, в соответствии с давней наукой старины Бентли, предельно наострив уши, Кройд отправился восвояси.

— Привет, Джуби! Дай, как обычно, все газеты.

Бенсон, хозяин киоска, внимательным взглядом окинул высокого мертвенно-бледного незнакомца. Взгляд уперся в

два уродливо выпяченных в зеркальных стеклах отражения собственного лица.

— Кройд? Это ты, что ли, дружище?

— Угадал. Только что с койки и сразу к тебе. Нагрел клинику Тахиона на пару центов.

— Так вот почему я давненько не слыхивал новых жутких историй о Кренсоне! Ты ушел на этот раз в спячку без предварительных фокусов?

Просматривая заголовки, Кройд рассеянно кивнул.

— Можно и так выразиться, — заметил он. — Так уж вышло. Впрочем, довольно забавное ощущение. Ого! Что такое? — Кройд поднес газетную страницу к глазам. — «Море крови в клубе "Вервольф"». Что там случилось, опять эти гребанные бандитские разборки?

— Они самые, — подтвердил Джуби.

— Дьявол! Придется быстрее шевелить костылями!

— Какими такими костылями? — Джуби высунул из окошка голову.

— Метафорическими, — успокоил Кройд. — Если сегодня пятница, направим стопы к «Мертвецу Николя».

— Да здоров ли ты, приятель?!

— Не вполне — но двадцать, а лучше тридцать килокалорий быстро поправят мои дела.

— Смотри, не перехвати через край, — улыбнулся Джуби. — Слыхал, кто именно выиграл титул Мисс Очарование Джокертауна на последнем балу, с неделю назад?

— Кто же?

— Никто.

В клуб «Мертвец Николя» Кройд вошел под торжественные органные звуки «Мичиганского блюза» — исполнение было живым. Отметил взглядом задрапированные черным окна, гробы вместо столов, официантов в затхлых саванах. Одна из стен крематория была снесена; созданный таким образом своеобразный открытый гриль обслуживали джокеры самой демонической внешности. По пути к дивану Кройд заметил внутри необычных столов, накрытых одними лишь толстыми стеклами, фигуры отвратительных упырей — по-видимому, из воска — в различных судорожных позах.

К нему немедленно подскочил безгубый, безносый и безухий джокер, столь же бледный, как и сам Кройд. На руку посетителя легла его костявая ладонь.

— Простите, сэр. Вы позволите взглянуть на ваш членский билет? — поинтересовался он могильным голосом.

Кройд вручил ему пятидесятидолларовую купюру.

— Разумеется, сэр, — сказал зловещий официант. — Я пришла на ваш столик билет вместе с полагающейся к нему выпивкой. Полагаю, вы пришли сюда пообедать?

— Обязательно! А еще я слышал, что у вас можно перекинуться в картишки.

— Это в одной из задних комнат. Но, согласно традиции, вас должен представить кто-то из игроков.

— Естественно. Я как раз жду приятеля, который собирався провести вечерок за картами. Парня по кличке Глазастый. Он еще не пришел?

— Увы. Мистер Глазастый умер. Съеден аллигатором... по-моему, в сентябре. Все случилось в канализационном коллекторе. Мои соболезнования.

— Ох! — сказал Кройд. — Я не был с ним слишком уж близок. Но обычно, когда встречались, получал у него какую-то работенку.

Официант посмотрел на Кройда испытующе:

— Простите, запомнил ваше имя?

— Линялый.

— Меня совершенно не интересует род ваших занятий, — сказал официант, — но здесь бывает джентльмен по имени Меняла. Он, бывало, помогал мистеру Глазастому в его трудах. Может быть, и вас он сможет выручить? Если угодно, подождите — я дам вам знать, когда он появится.

— Прекрасно. А я тем временем поем.

Прихлебывая густое пиво в ожидании двух заказанных бифштексов, Кройд извлек из бокового кармана «велосипедик» — так он именовал футляр с парой колод, — перетасовал карты и выложил две на стол. Одна оказалась десятой бубен; Кройд прикрыл ею отчасти неаппетитное зрелище под прозрачной крышкой стола — искаженный мучительной гримасой клыкастый оскал, вроде бы женский, однако густо окропленный кетчупом осиновый кол, засевший глубоко в восковом сердце, пока остался на виду. Его Кройд побил второй картой — семеркой треф. Затем со звонким щелчком перевернул семерку рубашкой, глянул мельком на руки и открыл снова. На этот раз компанию бубновой десятке составил уже валет пик. Этот трюк — частотно-колебательное управление колодой карт — Кройд освоил для смеху совсем недавно, проверив заодно на такой забаве свои уникальные рефлекторные способности. Сейчас пальцы послушно все вспомнили, не мешая мыслям течь в ином направлении. Какие еще невыявленные возможности кроются в подкорке? — гадал Кройд. Летательный рефлекс?

Ультразвуковые колебания голосовых связок? Координация, связанная с какими-то пока не выявленными органами нового тела?

Он пожал плечами и еще до того, как принесли мясо, успел сдать себе покер, бьющий карты, выложенные им же на долю нанизанной на осиновый вертел восковой леди.

Под третий крыду десерт снова возник страхолудный официант, на этот раз в сопровождении высоченного плешивого типа — заплывшего жирком, точно свечной огарок воском. Его черты, искаженные гнойным светом заведения, и без того не отличались избыточной определенностью — они деформировались и менялись как бы сами по себе.

— Вы говорили, сэр, что хотели бы повидать Менялу, — сообщил официант.

Кройд поднялся и протянул руку.

— Зовите меня Линялым, — представился он. — Присаживайтесь. Позвольте угостить?

— Если хочешь продать мне что-то, приятель, то забудь — дохлый это номер, — предупредил Меняла.

Кройд отрицательно помотал головой. Официант тем временем удалился.

— Слышал я, что здесь собираются приличные игроки, — сказал Кройд. — Хотелось бы присоединиться. Нуждаюсь в чьей-либо рекоменда́ции.

— О, так ты игрок! — Меняла прищурил один глаз.

— Порою так даже везучий, — улыбнулся Кройд.

— Неужто? И знавал Глазастого?

— Достаточно, чтобы перекинуться в картишки.

— И только-то?

— Ты мог бы справиться у Живчика, — подкинул идею Кройд. — Мы с ним коллеги: оба отставные бухгалтеры, обоих потянуло в свободное плавание. Разве само по себе мое прозвище тебе ни о чем не говорит?

Меняла поспешно оглянулся, затем облепил стул рыхлым задом.

— Не звони об этом здесь на каждом шагу, о'кей? — негромко пробурчал он. — Ищешь себе работенку?

— Ну, не совсем, не сию минуту. Здесь я хотел лишь в картишки перекинуться.

Меняла облизал пухлые губы. Жуткое вздутие проползло по его левой щеке, пересекло оплывшую линию скулы и набрякло на шее.

— Зелени хватает, чтобы швырять по сторонам?

— Пока не жалуюсь.

— Ладно, введу тебя в игру, — согласился Меняла. — Надеюсь, что этим сумею малость облегчить твою жизнь, а заодно и карманы.

Кройд улыбнулся, заплатил по счету и следом за Менялой отправился в заднюю комнату. Гроб, исполнявший здесь роль игорного стола, закрывала матовая непрозрачная крышка. Поначалу в игре участвовало сразу семеро, но трое игроков пожиже сошли с дистанции еще до полуночи. Наблюдать за приливами-отливами удачи и налички на крышке гроба остались Кройд, Меняла, Пластырь и Скачок. В три ночи Скачок зевнул, с хрустом потянулся и вытащил из кармана пузырек с «колесами».

— Не желает ли кто принять? Для бодрости, — расщедрился он.

— Мне и кофеина хватает, — буркнул Меняла.

— Годится! — обрадовался Пластырь.

— И в рот не беру! — отказался от угощения Кройд.

Спустя полчаса Пластырь швырнул на стол карты, громыхнул стулом и, бормоча что-то не слишком лестное по поводу генеалогии некоторых джокеров — видимо, тех, что размножились в колоде, — скрылся в поисках иных развлечений. В четыре из игры вышел Скачок — отчалил по неотложным делам. Кройд и Меняла уставились друг на друга.

— Мы оба с наваром, — заметил Меняла.

— Верно.

— Так, может, поделим банк и разбежимся? — предложил тот.

Кройд загадочно улыбнулся.

— Мне тоже так кажется, — согласился Меняла. — Сдавай!

Когда рассвет вызолотил дочерна закопченные оконные стекла и голограммы призраков, сопровождаемые эскортом пыльных механических летучих мышей, отправились на покой, Меняла помассировал оплывшие виски, устало потер воспаленные глаза и поинтересовался:

— Может, расписку возьмешь?

— Да ты в себе? — удивился Кройд.

— Ты должен был удержать меня от последних ставок!

— Раньше предупреждать надо. Откуда мне знать, что ты не можешь выписать чек.

— Вот дерьмо! Ну, не могу! И что же делать теперь?

— Дашь что-либо взамен, полагаю.

— Что, к примеру?

— Имя.

— Чье имя? — зевая, поинтересовался Меняла, забрался рукой под пиджак и поскреб грудь в области сердца.

— Того, кто отдает тебе команды.

— Какие еще команды?

— Вроде той, что передал Живчику.

— Ты что — издеваешься?! Назови я его, и это станет последней глупостью в моей жизни.

— Последней глупостью станет не сделать этого, — жестко уточнил Кройд.

Рука Менялы вынырнула из-под полы с автоматическим кольтом тридцать второго калибра, дуло уставилось Кройду в глаза.

— На понт меня не взять! — процедил Меняла. — Слышал про пилюльки под названием «дум-дум»? Хочешь принять парочку?

Внезапно рука Менялы опустела, а из-под ногтя пальца, лежавшего на спусковом крючке, брызнула кровь. Перед тем как вытащить обойму, Кройд аккуратно поставил пистолет на предохранитель. Выкатив затем несколько патронов на ладонь, уважительно подтвердил:

— Ишь ты, не соврал — и впрямь «дум-дум». Нет, вы только гляньте на эти пилюли! Кстати, пора наконец представиться. Линялый — это не совсем точно. Мое настоящее имя — Кройд Кренсон, Дремлин. Слышал, небось? Никому еще не удавалось обставить меня. Может, ты слышал также, что я маленько с приветом, с известными причудами? Называешь имя и относительно моих заскоков остаешься в блаженном неведении. Иначе...

Меняла облизал пересохшие губы. Бугры под лоснящейся кожей лица заходили вдвое чаще и быстрее.

— Если кто узнает, я покойник.

— А кто кому доложит? — пожал плечами Кройд и придвинул к собеседнику грудку купюр. — Вот, включая комиссионные за ввод в игру. Назови имя, забирай зелень и гуляй. Иначе составишь компанию обитателям этих коробочек — троим одновременно. — Кройд выразительно постучал по крышке игорного стола.

— Денни Мао, — процедил Меняла, — из «Скрюченного дракона», что рядом с Чайнатауном.

— Он передает тебе черный список и платит?

— Да.

— А кто стоит за ним, кто дергает ниточки?

— Можешь выбить из меня все дерьмо до последней капли, если я знаю!

— Когда именно этого Мао можно застать в «Драконе»?

— Думаю, он сидит там почти постоянно, хотя, если верить слухам, мелькает и в других местах. Мое дело такое: звонят — являюсь. Вхожу, вешаю пальто. Обедаем, пропускаем по глоточку-другому. О делах — молчок, ни слова. Когда отчаливаю, нахожу в кармане пальто клочок бумаги с двумя-тремя именами и конверт с зеленью. Все, как с Глазастым — он тоже так делал.

— А в первый раз?

— Тогда мы с Денни долго прогуливались, и он растолковал что к чему. Как бывало после, я уже объяснил.

— И это все?

— Абсолютно.

— Тогда свободен.

Меняла сгреб со стола ворох купюр, рассовал по карманам. Затем приоткрыл было свой постоянно кривящийся рот, захлопнул, поразмыслил еще чуток и наконец родил:

— Давай разойдемся по одному.

— Не возражаю. Наше вам с кисточкой.

Меняла направился к боковому, обложенному могильными плитами выходу, а Кройд, собирая со стола остатки выигрыша, размышлял о сытном завтраке.

Добираясь до «Высокого туза» на лифте, Кройд с сожалением вспоминал о длинной череде утраченных им талантов. Вот бы здорово полетать в такой погожий весенний денек, мечтал он, пока лифт, кряхтя, медленно тащился до нужного этажа. Выбравшись наконец из кабины, Кройд на минутку задержался в холле, чтобы оглядеться.

Шесть столов были укомплектованы полностью — сразу по две пары за каждым; за двухместным седьмым, рядом с баром, покачивая перед собой высокий изукрашенный бокал с каким-то экзотическим пойлом, сидела в гордом одиночестве смазливая брюнетка в серебристой блузке с глубоким вырезом. Вдоль стойки расположились еще четверо: трое парней и девица. В прохладном полумраке нестройный аккомпанемент из побрякиваний шейкера, смешков в зале, звяканья стаканов и кубиков льда утопал в мягких вкрадчивых пассажах современного джаза. Кройд прошел прямо к стойке.

— Хирама не видел? — спросил он у бармена.

Тот на мгновение оторвал взгляд от бутылок и отрицательно покачал головой.

— Может, объявится поближе к вечеру? — дополнил вопрос Кройд.

Бармен неопределенно пожал плечами:

— Давненько что-то не видал его здесь.

— А как насчет Джейн Доу?

Бармен снова взглянул на Кройда, проявив на этот раз больший интерес:

— Получила полный расчет.

— То есть, по сути дела, ты не знаешь, могут ли сегодня они осчастливить ваш кабак своим присутствием?

— По сути дела — нет.

Кройд задумчиво кивнул:

— Меня зовут Кройд Кренсон, и я собираюсь у вас сегодня долго столоваться. Так вот, если вдруг появится Джейн, как бы мне об этом узнать сразу?

— А лучший способ для этого у нас простой — оставьте записку на служебном столике. И сидите себе спокойненько.

— Дай на чем написать, — потребовал Кройд.

Бармен скрылся за стойкой и тут же вынырнул с карандашом и блокнотиком. Кройд нацарапал короткое послание.

Когда он возвращал блокнот, на его бледную руку нежно легли загорелые пальчики с ярко-красными ноготками. С них взгляд Кройда перебежал на плечо, перекинулся на грудь, почти открытую откровенным декольте, где помедлил мгновение, затем поднялся выше. Перед ним стояла та самая одинокая леди со своим экзотическим коктейлем. При более внимательном взгляде она смутно показалась Кройду знакомой...

— Кройд? — произнесла брюнетка мягким вкрадчивым голосом. — Не надоело еще стойку подпирать?

Встретив взгляд темно-карих глаз в упор, Кройд все мгновенно вспомнил.

— Вероника! — просиял он.

— Точно. Не такая уж дырявая память для психа, — заметила она, улыбаясь.

— Ну все, выпасться сегодня ночью уже не доведется! Извини за прямогу.

— Знаешь, а эти белые бачки тебе идут. Делают тебя таким солидным, сразу выделяют из толпы.

— Дьявол, ведь я скучал, — признался Кройд. — У тебя сегодня что — промашка с очередным толстосумом?

— Ну и Бог с ним! Думаю, с тобой будет куда веселее.

— Я тоже так полагаю. Тем более что сегодня не на мели. Ты поесть уже успела?

Вероника тряхнула темной гривой и кокетливо улыбнулась:

— Еще нет, все ждала чего-то особенного.

Кройд взял девушку под руку.

— Марш за стол! — скомандовал он. — Особенное прибрежем на десерт.

Скомканную записку он выбросил в пепельницу.

Беда мне с этими женщинами! — досадовал про себя Кройд. Как бы хорошо ему с ними ни бывало, в конечном счете каждая, по существу, рассматривала постель как место для сна — обстоятельство, которое Кройд никак не мог взять в расчет, не хотел с этим мириться. Вот и сейчас, когда окончательно изнеможенная Вероника провалилась в беспробудный сон, Кройд поднялся и стал слоняться по своей небольшой квартирке, расположенной в квартале Утренние Холмы, куда они вдвоем с девушкой добрались вскоре после полуночи.

Вывалив в кастрюлю жестянку мясных консервов, он добавил овощного супа. Уменьшив огонь под образовавшейся смесью до минимума, заварил кофе — полный кофейник. В ожидании пока варево в кастрюле закипит, а кофе протечет сквозь фильтры, уселся за телефон. При помощи тонального бипера прослушал записи автоответчиков в остальных своих квартирах — новых сообщений пока не было.

Покончив с супом и убедившись затем, что Вероника по-прежнему спит крепко, он извлек из тайника ключ и отпер неприметную с виду, но надежно укрепленную дверь, ведущую в небольшой чулан. Включив свет и заперевшись изнутри, Кройд присел рядом со стеклянной фигурой, полулежащей на кушетке. Он взял Мелани за руку и принялся рассказывать ей — сперва медленно, затем почти взахлеб — обо всем, что с ним приключилось. О докторе Финне с усыпляющей чудо-машинкой, о мафии с ее затруднениями, о Живчике, о Глазастом и даже о Денни Мао, которого еще только предстоит сыскать. И о том, каким чудесным мог бы стать окружающий мир. Он все говорил, говорил и говорил, пока совершенно не охрип; тогда поднялся, простился с Мелани и вышел, не позабыв запереть дверь. Заветный ключик Кройд снова сунул в тайник.

Позже, когда мертвенно-бледной опухолью на краю неба забрезжил рассвет, он услышал шевеление в спальне.

— Эй, леди, к принятию чашечки крепкого кофе готова? — бодро воскликнул Кройд, просовывая в дверь голову. — И маленький утренний сюрприз — бифштекс...

Он загнулся, заметив аккуратно разложенные на ночном столике наркотические принадлежности. Вероника повернулась и с улыбкой подмигнула:

— Кофе — это бы чудесно, любимый. Мне со сливками и без сахара.

— Принято! — отозвался он. — Не знал, однако, что ты тоже балуешься.

Девушка перевела взгляд на свои обнаженные руки и кивнула:

— А я не хотела показывать. Больше по привычке, а может, из опасения, что испортишь мне товар и поломаешь кайф.

— Вон оно как...

Вероника резво собрала и наполнила шприц. Затем оттянула кончик языка пальцами левой руки и вонзила в него снизу иглу.

— Ого-го! — прокомментировал Кройд. — Где ты переняла подобный трюк?

— В одном интересном заведении. Могу и тебя научить.

Кройд покачал головой:

— Сейчас не время.

— А то оторвались бы на пару!

— Со мной случай особый. Придет срок, приму несколько фиолетовых сердечек или же чуток бензонала.

— О, *bombitas*. Si, — радостно закивала она. — Колеса, СТП, высокооктановое дерьмо. Печеньице для чокнутых. Слышала об этих твоих таблеточках. Кайф не так чтобы очень, а вот крыша от них поехать может запросто.

Кройд пожал плечами:

— Мне за свою жизнь многое довелось перепробовать.

— Может быть, даже *ядж*?

— Спрашиваешь! Не так уж, кстати, он и хорош.

— Дезоксин? Дезбутол?

— Приходилось. Действуют вроде бы неплохо.

— А *хат* пробовал?

— Да, чтоб его! Принимал даже *хаилько*. А ты пробовала когда-нибудь *питури*? Зелье из самых зверских. Правда, процедура применения весьма неприятная, грязная. Перенял у аборигенов. А как насчет кайфа под названием «*кратом*»? Завозят прямиком из Таиланда...

— Не шутишь?

— Чистая правда.

— Боже, так мы все утро можем проболтать! Спорим, сумею расшевелить тебя?

— Посмотрим, как это у тебя получится.

— Думаешь, нет?

— Может, все-таки сначала кофе, пока не остыл?..

В комнате уже вовсю царило утро, заливая ярким светом ленивое шевеление на постели.

— Вспомнил еще один, с любопытным названием: «Голубая-мартышка-посулит-вам-персик-но-выхватит-прямо-из-рта», — пробормотал Кройд. — Слышал об этом от одной дамы, которая ввозила *кратом*.

— Ничего себе препаратик! — Вероника даже присвистнула.

Посетив «Скрюченного дракона» в третий раз за весьма непродолжительное время, Кройд решил, что настала пора переходить к активным действиям, и направился напрямик к стойке бара. Он уселся под красным бумажным фонариком и заказал себе «Цинь-тяо».

Через пару табуреток по левую руку место у стойки занимал цветной весьма неприглядной наружности, с лицом, затейливо изукрашенным шрамами. Кройд глянул мельком, быстро отвел взгляд и вскоре усталился снова, на этот раз с нескрываемым любопытством. Нос у странного соседа просвечивал насквозь. Причиной тому оказалась изрядных размеров дыра в носовой перегородке; сам же нос покрывали отвратительные струпья. Складывалось впечатление, что совсем недавно китайца, окольцевав, водили за нос.

— Что, попал спьяну под карусель? — улыбнулся Кройд.

— Чего?!

— Или это у тебя обыкновенная *фень шуи*? — не унимался Кройд.

— Что еще за *фень шуи* гребанная такая? — обиделся сосед.

— Спроси здесь любого, — посоветовал Кройд, махнув в сторону зала. — А лучше всего — у Денни Мао. Как я сам успел разобраться, это такой вид всепроникающей мировой энергии, проявления которой весьма причудливы и своеобразны — могут, в том числе, быть и такими, как у тебя. Мне поведала о ней как-то одна дамочка из Таиланда. Представь, что такая смертельная *ци* вдруг прямо сейчас разнесет в щепки дверь, сокрушит по пути зеркала, опрокинет к дьяволу эту *ба-гуа* в горшке, а главное... — небрежно сдунув с бокала пивную пену, Кройд соскочил с табурета и приблизился, — ...главное, подойдет и врежет прямо по сопатке.

Движением, неуловимым для обычного человеческого зрения, Кройд продел палец сквозь дыру в носу — лишь дикий крик свидетельствовал, что сосед все же заметил это, вернее, почувствовал обнаженным мясом.

— Прекрати! О Господи! Да оставь же меня в покое! — визжал китаец.

Кройд мягко потащил его с табурета.

— Сейчас я дважды обедаю тебя по кругу, — сообщил он внятно и членораздельно. — С утра меня не покидает ощущение, что первый, встреченный в этом баре сегодня — то бишь ты, — пришел сюда специально, дабы исповедаться мне и облегчить тем самым душу.

— Я выложу все что надо! Чего ты хочешь?

— Где найти Денни Мао?

— Не знаю. Не знаю никакого... а-а-а!..

Скрючив палец, Кройд описал им в воздухе восьмерку и снова распрямил.

— Ну пожалуйста, — скулила жертва. — Отпусти меня! Денни здесь нет, он в...

— Денни Мао — это я! — донесся бархатистый баритон, донесся из-за столика, прикрытого пыльной пальмой в здоровенной кадучке. Обладатель приятного тембра не замедлил появиться и сам — перед Кройдом предстал невысокий восточного типа мужчина с невыразительными раскосыми бровями. — Какое у тебя дело ко мне, бледнолицый?

— Очень-очень личное, — отозвался Кройд. — Уверяю, ты не станешь звонить о нем на каждом углу.

— Я не даю приватные интервью неведомым пришельцам, — шагнув вперед, заявил китаец.

Когда Кройд слегка развернулся навстречу, первый цветной, волочась на пальце следом, сдавленно взвыл.

— Могу в виде исключения представиться и сам, — сообщил Кройд.

— Стоит ли так уж себя утруждать?

И кулак Денни молниеносно метнулся вперед. Кройд с той же резвостью подставил под удар свободную ладонь. Последовали еще три удара, которые Кройд без труда парировал аналогичным образом. И прозевал неожиданный удар пяткой. А Денни, выполнив обратное сальто, уже снова приплясывал на двух ногах.

— Вот дерьмо! — ругнулся Кройд и сделал резкое движение второй рукой. В дырявом носу что-то явственно щелкнуло, и жертва с воем торпедировала Денни Мао. Оба покатились по полу — кровь из разорванного носа забрызгала все кругом.

— Весьма скверная *фень шуи*, — прокомментировал Кройд. — Тебе следует лучше за ней присматривать. Ведь такое может стрястись с тобой и впредь.

— Денни, — позвал голос из-за резного экрана по ту сторону стойки бара, — моя тебе что сказать.

Голос показался вроде бы знакомым, и, когда из-за экрана высунулась клыкастая оранжевая физиономия чешуйчатого карлика, Кройд сразу признал Линотипа — джокера с рассеянными телепатическими способностями, с горем пополам пробавлявшегося ясновидением.

— Твоя плохо слышать? — поинтересовался Кройд. — А вдруг что полезное узнать!

Истекающий кровью бедняга уже вовсю ковылял к уборной, когда Денни наконец грациозно поднялся, лениво отряхнул безнадежно испорченные штаны и смерил незнамого гостя испепеляющим взглядом. Затем удалился за стойку.

После непродолжительный беседы за стеной китаец вернулся и снова воззрился на гостя:

— Так, значит, ты и есть тот самый Дремлин?

— Ага!

— Что ж — присяжный поверенный Джон Леттем, юридическая контора Леттема, город Штраус.

— Что это значит?

— Имя, за которым пожаловал. Повторяю еще раз: адвокат Джон Леттем.

— Что, совсем без драки? Добровольно и безвозмездно?

— Ну, не совсем. Ты свое еще заплатишь. Немного погоды. С такой информацией в голове ты уснешь скоро и навсегда. Прощайте, мистер Кренсон. Приятного времяпрепровождения!

Денни Мао элегантно повернулся и отправился восвояси. Кройд уж совсем было приготовился последовать его примеру, как из уборной, прижимая к лицу окровавленный ком китайской шелковой бумаги, вывалился недавний носатый собеседник.

— Надеюсь, ты понимаешь, что попал теперь в гребанный каннибальский список, список охотников за головами? — прогнусавил он.

Кройд неторопливо кивнул.

— Не забудь им напомнить, этим охотничкам, что такое энергия ци, — ответил он, — и старайся держать остатки носа в тепле.

5

Отыскав в какой-то лавчонке скромный сувенир для Вероники и доложив по телефону Теотокополосу о своих

успехах, Кройд связался с конторой Леттема в Штраусе и записался на прием. Затем повел подружку в ресторан. Там поделился с ней последними новостями. Вероника только головой качала; когда же речь зашла о присяжном поверенном Джоне Леттеме, округлила глаза.

— Нет, и в самом деле ты чокнутый! — воскликнула она. — Ты что же, надеешься обвести вокруг пальца человека с такими связями?

— Кое-кто ведь мне платит за сведения о нем.

Вероника нахмурилась:

— Наконец-то я нашла парня по душе — и сразу терять?

— Ничего со мной не случится.

Со вздохом девушка положила ладонь Кройду на запястье.

— Очень надеюсь на это, — сказала она.

— А я уверен. Я вполне могу сам о себе позаботиться и лезть на рожон тоже не собираюсь.

— Это значит все-таки, что тебе грозит опасность?

— Послушай, я доведу работенку до финиша, что бы там ни угрожало, и заветная ленточка уже совсем рядом. Похоже, последний шаг не вызовет никаких особых затруднений. А получив заработанные баксы, собираюсь устроить себе каникулы — вплоть до ближайшей спячки. Советую разделить компанию — как тебе, например, Карибы? Устроит?

— О, Кройд! — затрепетала девушка и благодарно сжала его ладонь. — Ты предлагаешь это мне?!

— Разумеется, тебе, кому же еще? — Он дурашливо огляделся по сторонам. — Смотри, я записался к Леттему на четверг. Так что вполне могу успеть разделаться с работой до уик-энда. И мы с тобой вдвоем чудесно проведем время.

— Только поосторожнее, милый!

— Вот дьявол! Нам что, поговорить больше не о чем?

После визита в один из своих банков — для пополнения карманов наличностью — Кройд поймал такси и вскоре уже подъезжал к сооружению, приютившему юридическую контору Леттема. Сочиния накануне предлог для визита, он постарался изобразить себя эдаким встревоженным толстосумом, который теперь прибыл вот нечаянно на целую четверть часа раньше назначенного. При входе в приемную он ощутил вдруг легкую дурноту, но уже через мгновение совладал с собой. Похоже, тесное общение с Вероникой не

проходит бесследно и может принудить к приему медикаментов несколько раньше обычного.

Кройд представился секретарю, уселся и покорно листал журналы, пока не услышал:

— Мистер Смит! Мистер Леттем готов выслушать вас.

Кивнув, Кройд поднялся и прошел в следующую дверь.

Леттем, демонстрируя элегантного покроя серый костюм, моментально поднялся, вышел из-за стола и протянул гостю руку. Ростом несколько ниже Кройда, он всем своим благородным обликом излучал искреннее радушие.

— Не угодно ли будет присесть, мистер Смит? — подтвердил он впечатление первой же фразой.

— Нет, благодарю, — отказался Кройд, не желая слишком затягивать визит.

Леттем недоуменно воздел бровь, но сам все же уселся.

— Как вам будет угодно, — хмыкнув, сказал он. — Почему бы нам тогда не перейти прямо к делу?

— Потому что никакого дела нет. Все, что меня интересует, это чуток информации.

— Вот даже как?!

Вместо продолжения разговора Кройд внимательным взглядом обвел офис, затем неприметным змеиным движением выхватил из-под носа хозяина пресс-папье зеленовато-оранжевого камня и сдвинул в кулаке почти что у того над головой. Последовал короткий треск, и на письменный стол потекла струйка оранжевой пыли — самоцвета больше не было.

Выдержка Леттему не изменила.

— Какого рода информация вас интересует? — любезно осведомился он.

— Вы работаете на новую шайку, — констатировал Кройд, — которая пытается прижать мафию и уже наехала на нее.

— А, так вы, вероятно, по поручению Министерства юстиции?

— Нет.

— Из офиса прокурора округа?

— Я не легавый, — откликнулся Кройд, — а также не из прокуратуры. Просто некто, требующий ответа.

— На какой же вопрос?

— Кто главарь этого нового клана? Вот и все, что нужно узнать.

— А для чего вам это?

— Скажем, некто желает встретиться с упомянутой таинственной личностью.

— Весьма любопытно, — заметил Леттем. — Вы хотите доверить мне организацию подобной встречи?

— Нет, хочу лишь узнать имя главаря.

— Quid pro quo*, — заметил Леттем. — Что же вы предлагаете взамен?

— Солидную экономию на счетах от хирургов, ортопедов и психотерапевтов, — отрезал Кройд. — Вы, адвокаты, собаку съели в подобных делах, не так ли?

Леттем улыбнулся снова, но улыбка на этот раз вышла несколько натянутой:

— Убейте меня — вы покойник, ударьте меня — вы покойник, пригрозите — и вы опять же покойник. Ваше эффективное маленькое шоу с камнем мало что значит. За нами тузы с такими способностями, что для них и слов-то в языке пока не придумано. И вы еще смеете мне угрожать?

Кройд ответил улыбкой — лучезарной и искренней:

— Я довольно скоро умру, мистер законник, но лишь затем, чтобы возродиться вновь и в совершенно ином обличье. Я пока вовсе и не собираюсь вас убивать — мысли такой не было. Но в предположении, что ваши друзья позднее смогут прикончить человека, который собирается сейчас всего лишь развязать вам язык, пусть даже силой, — человека, которого вы видите перед собой, — разумного мало, такое предположение лишено практического смысла. Этот человек, то бишь я, вскоре попросту покинет сей бренный мир. Я — это непрерывная цепочка эфемеров, мой нынешний вид — своего рода мотылек-однодневка.

— Стало быть, вы — Дремлин?

— Совершенно верно.

— Теперь я и сам это вижу. А как вы полагаете, что станется со мной, если я дам требуемые вами сведения?

— Ничего. Кто же узнает об этом?

Леттем вздохнул:

— Вы ставите меня в чрезвычайно затруднительное положение.

— Так мною и было задумано... — Кройд глянул на часы. — К сожалению, у меня весьма жесткий график. Мне уже минуты с полторы назад следовало перейти к более суровым и весьма, весьма, увы, неприятным для вас мерам. А я все миндальничаю. Порою так хочется представиться деликатным человеком. Так как же мы все-таки поступим, советник?

* Одно вместо другого (лат.).

— Я удовлетворю ваши пожелания, — сдался Леттем, — но лишь потому, что не нахожу в этом ни на йоту ущерба для своих клиентов.

— В самом деле?

— Я могу назвать имя, но, увы, не адрес. Мне неизвестно, где именно обосновалась верхушка всей этой пирамиды. Мы с ними всегда встречались на нейтральной территории либо общались по телефону. Но даже и телефонный номер не смогу назвать — звонили всегда они. И знаете почему еще я не усматриваю в моей откровенности никакого для них вреда? Просто не сомневаюсь — группа, интересы которой вы сейчас представляете, не в состоянии причинить моим клиентам какие-либо существенные неприятности. В штате у них одни лишь тузы, да какие! К тому же есть основания полагать, что мои клиенты достаточно близки к осуществлению своей цели — назовем ее условно «полным контролем». Если ваши наниматели пожелают сохранить жизнь и — в качестве отступного — часть своих карманных денег, я был бы счастлив заняться выработкой условий подобного соглашения.

— Ничем помочь не смогу, — ответил Кройд. — На этот счет не имею никаких полномочий.

— И неудивительно. Странно, когда б они имелись. — Леттем задумчиво уставился на телефон. — Но вас ведь не затруднит передать своим работодателям мое приглашение к переговорам? Я всегда рад оказать помощь и гостеприимство.

Кройд не шелохнулся.

— Отчего ж не передать — вместе с именем, которое вы собрались мне сообщить? — сказал он.

— Как вам будет угодно, — кивнул Леттем. — Обязан, однако, предупредить, что мое предложение вести переговоры не гарантирует автоматического согласия на какие-либо особые условия. Более того, полностью невозможно исключить вариант, в котором вторая сторона и вовсе откажется от их проведения.

— Это я тоже обязуюсь передать, — нетерпеливо сказал Кройд. — И все же — имя?

— Погодите — чтобы сохранить последовательность и полностью исчерпать тему, я обязан известить вас предварительно: мне придется проинформировать моих клиентов о вашем намерении принудить меня к разглашению профессиональной тайны. А также в чьих интересах это было сделано. Я не могу нести ответственность за любые опрометчивые поступки и возможные их последствия.

— Дьявол! — недоуменно тряхнул головой Кройд. — Но ведь имя моего клиента даже не было упомянуто!

— Тем не менее, как часто доказывает нам жизнь, в делах следует руководствоваться известными предположениями.

— Ну все, хватит ходить вокруг да около! Имя!

— Что ж, ладно, — огорченно развел руками Леттем. — Сиу Ма.

— Повторите еще раз.

Леттем послушно повторил.

— Запишите на бумаге.

Леттем поцарапал в блокноте, вырвал страничку и протянул Кройду.

— Опять Восток, — задумчиво протянул Кройд. — Полагаю, названный вами парень — предводитель какой-нибудь тонги, триады или якудзы, одного из этих азиатских центров просвещения.

— Он не мужчина.

— Девушка?

Адвокат кивнул:

— Но, увы, я не сумею как подобает описать вам ее. Вероятно, она невысокого роста.

Кройд взгляделся в собеседника, но так и не сумел определить, не скрывается ли под маской холодной вежливости легкое подтрунивание.

— Готов побиться об заклад, что ее не обнаружить в справочнике Манхэттена, — предположил Кройд.

— И вы ничем при этом не рискуете. Итак, вы наконец получили то, за чем пришли. Уносите добычу домой, и надеюсь, что она принесет вам хоть некоторую пользу. — Адвокат поднялся, подошел к окну и задумчиво уставился на непрерывный поток автомобилей. — Было бы просто чудесно, — вздохнул он после продолжительной паузы, — если бы вы, брошенные карты, могли составить против Трансдукции сильную масть.

Гость покинул контору, не вполне удовлетворенный достигнутыми результатами.

Кройд искал ресторан со столиком в виду телефона-автомата. Он нашел такой с третьей попытки, уселся, сделал заказ и поспешил к аппарату. Трубку сняли после четвертого гудка:

— Заведение итальянца Вито.

— Здесь Кройд Кренсон. Нужно поговорить с Тео

— Подождите минутку. Э-э-эй, Тео! — И затем в трубку: — Он уже идет.

Полминуты ожидания. Минута.

— Слушаю вас.

— Это Тео?

— Да, он самый.

— Тогда передай Крису Мазучелли, что Кройд Кренсон узнал для него заказанное имя и интересуется, где и как сможет его передать.

— Отлично. Перезвони минут через тридцать—сорок. Сможешь?

— Само собой.

Кройд накрутил номер «Таверны на лужайке» и заказал там на вечер столик на двоих. Затем позвонил Веронике. Она ответила аж на шестом гудке:

— Алло? — Голосок звучал слабо, как бы издалека.

— Вероника, любимая, это Кройд. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, но думаю, что практически разделаюсь с работой, и хочу это отпраздновать. Как смотришь на то, чтобы выйти в семь-тридцать и удариться в загул?

— Ох, Кройд, мне ужасно дерьмово. Все тело болит, рук поднять не могу — телефонную трубку, и ту держу с грехом пополам. Боюсь, что загриппую. Все, на что я сейчас способна, так это сон.

— Страшно сожалею. Тебе чего-нибудь надо? Например, ведро аспирина? Или ящик мороженого? Может, пони хочешь? Прошлогодний снег? Могу раздобыть *бомбитас*. Ты только назови, а уж я из кожи вон вылезу!

— Спасибо, любимый, но ничего не нужно. Я скоро очухаюсь, а пока лучше на меня и вовсе не смотреть. Страшно хочу спать. Ты не обижаешься?

— Шутишь?

Повесив трубку, Кройд вернулся за столик. Мгновением позже принесли заказ. Разделавшись с ним, Кройд велел повторить и принялся нерешительно мусолить пальцами парочку пилюль. В конце концов отправил их в рот вместе с глотком холодного чая. Затем, в ожидании продолжения трапезы, проверил записи на автоответчиках. Пока выслушивал сообщения, принесли добавку. Кройд вернулся за стол и не замедлил воздать ей должное. Закончив, снова потревожил Тео:

— Так что же он сообщил для меня?

— Слушай, Кройд, я все еще не сумел с ним связаться. Но постоянно набираю. Может, перезвонишь через час?

— Договорились, — ответил Кройд. Набрав номер «Таверны на лужайке», аннулировал заказ, вернулся за стол и в утешение выбрал сразу несколько десертов.

Перезвонил он еще до истечения назначенного времени, поскольку вспомнил о некоторых незавершенных делах и сидел как на иголках. На этот раз повезло: Тео уже связался с хозяином и сообщил Кройду адресок в верхнем Ист-Сайде.

— Будь в девять вечера. Крис хочет выслушать полный отчет о ходе расследования.

— Какой там еще отчет — одно паршивое имя! Я мог бы пересказать все и по телефону!

— Так сказал Крис, это его точные слова, а я всего лишь передаю сообщения.

Кройд повесил трубку, расплатился по счету и вышел в полуденное марево.

Не успел он отойти от заведения и на два шага, как из соседней двери, футах в десяти слева, выступил плечистый коротышка восточной наружности. Озабоченно потупив взор и не вынимая рук из карманов голубого атласного пиджака, он повернул в сторону Кройда. Когда пути обоих должны были пересечься, они на мгновение встретились взглядом. Позднее Кройд понял, что именно тогда все для него стало ясным: он как бы воочию увидел события ближайших мгновений. Прозрение тут же и подтвердилось — в вынырнувшей из кармана правой руке коротышки, необычной хваткой зажатый вдоль предплечья, сверкнул длинный, слегка искривленный, как это водится на Востоке, нож. Левая рука не отставала от правой — в ней тоже был нож, близнец первого. Ускорив шаг, коротышка взметнул синхронно обе руки.

Великолепные рефлексy нового тела и на этот раз не подвели. Когда Кройд ринулся навстречу киллеру, ему показалось, что тот как бы замедлил движения, почти замер. Поднырнув под зависшие в незавершенном броске мерцающие лезвия, Кройд точным, аккуратным движением развернул кисть нападавшего и погрузил один из ножей тому в живот. Затем сделал движение рукой по диагонали и вверх — в распоротом чреве запульсировало что-то темно-красное. Коротышка медленно сложился пополам, и Кройд заметил вышивку у того на спине: пиджак украшало изображение белой цапли.

Рядом с Кройдом лопнуло стекло витрины. Сопровождаемый звоном осколков, донесся частый треск выстрелов. Прикрывшись поверженным противником как щитом, Кройд увидел медленно движущийся вдоль обочины черный автомобиль — самой новейшей модели. Пассажир на заднем

сиденье, выставив в открытое окно ствол, поливал Кройда свинцом.

Кройд шагнул вперед и всадил в окно тело любителя поиграть с ножичками. Это оказалось непросто, мешала ширина плеч, но Кройд поднажал и преуспел — тело пролезло, оставив валяться на тротуаре самую свою малость. Заключительный вопль — Кройд так и не успел разобраться, чей именно, — смешался с ревом мотора; автомобиль подпрыгнул, рванул вперед и скрылся за поворотом.

Как убедился сейчас Кройд, законник предупреждал не напрасно; возможно, впрочем, что адвокат и сам не подозревал тогда, насколько близок к истине. Его работа — сплошная говорильня, лишь бы звучало гладко. Но на этот раз, он, похоже, попал в самое яблочко, и Кройду отныне предстоит ходить, оглядываясь через плечо. Вот же не было печали, ругнулся про себя Кройд, хорошо еще, что рисковать осталось недолго. Теперь только бы денежки получить.

Он перешагнул через ошметья, оставшиеся от метателя ножей на обочине, и нащупал в кармане одну из любимых коробочек — с амфетаминовыми «колесами». Вот же гадость!

Когда Кройд в тот же вечер подошел к условленному месту, он заметил, что водитель припаркованной перед зданием машины при его появлении поднес к губам микрофон и, что-то коротко доложив, уставился прямо на Кройда. Весьма бдительный после известных событий, настроенный против решительно всех автомобилей — как в движении, так и припаркованных, — он размял суставы пальцев и резко шагнул к дверце.

— Кройд? — мягко спросил водитель.

— Верно. И тебе лучше бы оказаться на моей стороне.

Водитель флегматично кивнул и сунул за щеку пластинку жевательной резинки.

— Можете подниматься, — проронил он. — Третий этаж, тридцать вторая квартира. Звонить не надо. Парни на дверях откроют.

— Крис Мазучелли уже там?

— Его нет, зато все остальные давно собрались. Крис не сумел вырваться. Но это неважно. Расскажите все тем, кто пришел. Как рассказали бы Крису.

Кройд упрямо помотал головой:

— Крис нанимал. Крис платит. Говорить буду только с Крисом.

— Обождите минутку. — Охранник нажал клавишу на переговорном устройстве и зачастил на итальянском. Поглядывая в ходе беседы на Кройда, он вскоре выставил указательный палец и закивал.

— Что там происходит? — спросил Кройд, когда охранник завершил переговоры. — Он внезапно нашелся?

— Нет, — ответил тот, закинув резинку поглубже за щеку. — Но скоро вопрос решится ко всеобщему удовлетворению.

— О'кей! — подвел черту Кройд. — Удовлетворите меня.

Они подождали. Спустя несколько минут из здания вышел мужчина в строгом черном костюме. Какое-то мгновение Кройд был уверен, что перед ним Крис, но с приближением того к машине наваждение исчезло — итальянец, очень схожий с Крисом чертами лица, оказался более худым и высоким.

Охранник кивком указал на Кройда:

— Вот он.

— Я брат Криса, — неуверенно улыбаясь, представился мафиози, — ближе мы в данный момент никого не нашли. Я обязательно все ему передам, но окажите любезность — не считите за труд рассказать обо всем также и джентльменам наверху, которые специально собрались для этого.

— Ладно, — согласился Кройд. — С этим решено. А вот как с остатком причитающегося мне гонорара — я собирался получить с Криса все денежки полностью.

— Об этом мне ничего не сказали. Полагаю, придется спросить у Винса. Винс Скиапарелли. Он занимается порой нашими денежными расчетами. Может, сами и спросите?

Кройд повернулся к окошку в машине и сообщил охраннику:

— Возьмешь в руки свою бухтелку. Вызовешь парней наверху и спросишь. Сегодня пару раз в меня уже и стреляли, и ножики совали — что-то больше судьбу искушать не хочется. Если наверху денег для меня нет, я отваливаю.

— Обождите минутку, — вмешался брат Криса. — Нет никакого повода для беспокойства. Сейчас все уладим.

Он сунул в окошко машины голову и с помощью охранника затеял новый сеанс радиопереговоров.

— Скиапарелли заплатит, — бросил охранник Кройду в ходе беседы сплошь на итальянском. Он о чем-то еще спросил черную коробочку рации, выслушал серию квакающих звуков и снова глянул на Кройда. — Да, он получил ваши деньги.

— Отлично, — бросил Кройд. — Пусть тащит их вниз.

— Сожалею, но вам самому придется подняться за ними. Кройд отрицательно покачал головой.

Обеспокоенный брат Криса беспомощно облизал губы, не решаясь сразу передать такое наглое требование.

— Боюсь, это произведет на наших не самое благоприятное впечатление. Вы нам не доверяете?

— Боюсь, что именно так, — улыбнулся Кройд. — Передавайте.

Вскоре из парадной выбрался солидный седеющий здоровяк. Подойдя ближе, он смерил Кройда неприязненным взором. Кройд ответил лучезарной улыбкой.

— Вы и есть мистер Кренсон? — спросил седой.

— Совершенно верно.

— И хотите получить деньги вперед?

— В общем, так.

— Они здесь, со мной, — сообщил седой, запустив руку в карман пиджака. — Крис позаботился обо всем. И ваша недоверчивость его весьма огорчит.

Кройд молча протянул руку. Когда конверт переключал к нему на ладонь, открыл и пересчитал. Затем кивнул.

— Вот теперь пошли, — сказал он и в сопровождении двух мафиози поднялся по ступенькам. Охранник потрясенно качал головой вслед.

Наверху Кройда представили группе пожилых итальянцев, окруженных дюжими телохранителями. Предполагая только сообщить имя и сразу же ретироваться, Кройд от предложения что-либо выпить отказался. Но тут ему и вышла боком собственная предусмотрительность — крестные отцы, стремясь убедиться, что денежки потратили не зря, пожелали узнать все до последней мелочи. Пришлось держать ответ; подробный отчет Кройда включал все, начиная с самых первых шагов — от встречи с Живчиком до парня с дыркой в носу и так далее. Сообщив, наконец, заветное имя — Сиу Ма, — Кройд завершил рассказ описанием попытки неизвестных лишить присутствующих возможности насладиться его обществом.

— А где же нам искать эту самую Сиу Ма? — последовал естественный в данных обстоятельствах вопрос.

— Чего не знаю, того не знаю, — отрезал Кройд. — Крис заказывал имя, а не адрес. Если хотите поручить мне и эту часть работы, думаю, что справлюсь. Но не дешевле ли вам обойдется использовать собственные сети?

Такое заявление вызвало у аудитории весьма неслестный отклик, почти до оскорбительного неслестный. Кройду ничего не оставалось, кроме как, пожелав всем присутствующим

спокойной ночи, удалиться восвояси. Двери он проходил с некоторым напряжением; охрана за спиной переглядывалась будто бы в ожидании команды.

Но хозяева не рискнули; лишь через несколько кварталов на Кройда налетела уличная банда, посланная, видимо, с целью возмещения убытков. Он аккуратно сложил тела нападавших в канализационный коллектор, а крышку люка столь же аккуратно вернул на место — деликатность превыше всего! И поставил на этой истории точку.

6

Остановив в центре города такси, Кройд долго колесил по разным улицам, прежде чем назвать адрес своей квартиры в Утренних Холмах. Окна ее были непроницаемо темны. Нагруженный ворохом болеутоляющих, антибиотиков и транквилизаторов всяческих сортов, с пятифунтовой коробкой шоколадного ассорти под мышкой и прочими мелочами в цветистых обертках, совершенно спокойный и уверенный в собственной безопасности, Кройд бесшумно проник в квартиру. Включив в коридоре свет, скользнул напрямик в спальню.

— Вероника! Ты еще спишь? — нежно шепнул он.

Ответа не последовало. Кройд на цыпочках подкрался к кровати, опустился возле на корточки и осторожно тронул одеяло. Но кроме него рука ничего более на постели не нащупала.

— Вероника! — позвал он уже громче.

Ответа не было.

Кройд включил ночник. Кровать опустела, все причиндалы Вероники бесследно исчезли. Он поискал записку — безуспешно. Может, записка в гостиной? Или на кухне? Точно! Если Вероника хотела, чтобы Кройд наверняка ее прочел, то оставила бы на полке холодильника.

Он поднялся и вдруг напряженно застыл. Где-то явственно прозвучали шаги. Сзади, в гостиной?

— Вероника!

И снова никакого ответа. Идиот, оставил дверь нараспашку! — сообразил Кройд и покрылся холодным потом. Но ведь в коридоре вроде как и не было никого...

Вырубив свет, он осторожно пересек комнату, беззвучно распластался на полу и выглянул на мгновение в холл.

Там было пусто. Никого. И больше никаких звуков.

Кройд поднялся и вышел из спальни. И решил на всякий случай проверить гостиную.

Но включить там люстру он уже не успел. В гостиной, в лучах рассеянного света, льющегося из коридора, бил хвостом огромный бенгальский тигр. Великолепный образчик. Нимало не мешкая, он с грозным ревом прыгнул на Кройда.

— О, срань Господня! — сумел лишь выдохнуть Кройд, рассыпая подарки по всему полу и уворачиваясь.

От удара плечом о стену отвалился пласт штукатурки; зато жуткая полосатая лапа, пролетев совсем рядом, лишь чуть задела Кройда. Он успел резко выбросить кулак, но удар пришелся по хребтине животного вскользь и существенного урона тому не нанес. Улепетывая в гостиную, Кройд услышал сзади недоуменно-обиженный рев — где, мол, мой ужин? Зверь недоумевал недолго — уже через мгновение, выставив перед собой стул, Кройд отбивал в гостиной очередную бешеную атаку.

От удара стулом тигр коротко взвыл; Кройд же, не теряя времени, схватил за ножки тяжелый стол и, прикрываясь им как щитом, перешел в контрнаступление. Зверь, разъяренно отшвырнув стул в сторону, все еще рычал и тряс ушибленной головой. Толчок крышки стола он встретил могучим плечом, заревел и попытался просунуть когтистую лапу снизу. Кройд присел, уперся, еще чуток поднажал...

Тварь с воем опрокинулась на спину и вмиг исчезла из поля зрения. Секунды тишины тянулись, точно одурманенные тараканы.

— Киска, ты где-е-а? — осведомился Кройд.

Тишина.

Чтобы оценить ситуацию, он немного, всего лишь на фут, опустил свой деревянный щит. Этого оказалось вполне достаточно — яростно взревев, тигр прыгнул снова. Кройд вытолкнул стол зверю навстречу — с резкостью и энергией, какие предметам домашней обстановки навряд ли когда-либо доводилось испытывать на себе. Край стола с ужасающим хрустом врезался тигру как раз под самую челюсть — почти человеческий крик боли сопровождал на этот раз падение зверя на спину. Кройд поднапрягся, воздел тяжелый стол над головой и точно гигантской мухобойкой прихлопнул раненое животное. Поднял снова, готовый тут же повторить удар. И застыл в недоумении.

Тигр исчез.

— Киска, ты где? — повторил Кройд. — Кис-кис!

Тишина.

Кройд опустил стол на пол. Отодвинул в сторону. Добрался до выключателя на стене и щелкнул клавишей. Только теперь он заметил, что рубашка на нем изорвана и

вся в крови. Три глубокие царапины пересекали весь левый бок — от ключицы почти до пояса.

А на полу белело что-то очень небольшое...

Кройд наклонился, поднял предмет с полу и повертел в руках. Он держал одну из этих маленьких складных бумажных фигурок... Оригами! — внезапно всплыло в памяти название, занятное японское развлечение. Фигурка представляла собой миниатюрного бумажного тигра. Кройд содрогнулся и истерически захихикал. Но ведь все случившееся было вполне натуральным, даже чересчур натуральным. Шутки в сторону! Кройд понял, что сражался не с тигром, тем более не с бумажным тигром — в противники на этот раз достался другой туз, и весьма крутой — с даром, не поддающимся обычной классификации. И удовольствия Кройду эта встреча отнюдь не доставила. Как и исчезновение Вероники. Как и неприятный холодок между лопаток — холодок неизвестности, ожидание очередного коварного удара неведомого туза.

Кройд тщательно запер наружную дверь. Затем распечатал одну из подарочных коробок, извлек бутылку перкодана и залпом осушил. В ванной он содрал с себя окровавленные лохмотья, как следует умылся. Затем отправился к холодильнику за пивом — для контраста с терпкой французской зеленью. Никакой записки в холодильнике не обнаружилось — ни среди молочных пакетов, ни в отсеке для яиц, — и это повергло Кройда в глубокое уныние.

Остановив кровотечение, Кройд перебинтовал раны и накинул свежую рубашку. Он не стал ломать себе голову, почему так вышло. Теперь уже никакой роли не играло, выследили его враги или же подстерегли в заранее подстроенной ловушке — квартиру следовало покинуть, и немедленно. Сейчас лишь отсутствие Вероники всерьез тревожило Кройда — по возвращении она могла попасть в беду. Но никакой альтернативы отступлению Кройд не видел. Знакомое мерзкое чувство — за ним снова шли по пятам.

Сменяя метро на такси и снова ныряя под землю, Кройд несколько часов петлял по городу. Для вящей уверенности, нацепив зеркальные очки, исходил Манхэттен вдоль и поперек еще и пешком — и столь замысловатым узором, что шансов у предполагаемых топтунов, пожалуй, вовсе не осталось. Именно тогда Кройд впервые в жизни увидел свое имя на световых табло Таймс-сквер, набранное колоссальными бегущими буквами.

«Кройд Кренсон, срочно позвоните доктору Т., чрезвычайная необходимость», — гласила надпись, бегущая по фасаду небоскреба.

Кройд стоял как вкопанный, снова и снова перечитывая неожиданное послание. Когда убедился, что зрение не подвело, недоуменно и обиженно пожал плечами. Неужто так трудно понять, что он чем-то занят и заскочит оплатить счет при первой же возможности. Это было дьявольски унижительно — выставить его дохляком перед всем белым светом. Вероятно, теперь они отведут ему даже койку, хотя чулан со швабрами обошелся бы куда дешевле. Что им всем действительно требуется, так это только выжать Кройда досуха, как и всех прочих. Подождут, переберутся.

Ругаясь сквозь зубы, Кройд поспешил к подземке.

Трясаясь в вагоне метро по Бродвейской линии к югу, Кройд катал под языком пару сердечек и одну заплутавшую среди них капсулу пирагекса. И немало изумился, обнаружив, что все пассажиры, входящие в вагон на станции Кенал-стрит, — близнецы. Более того, все как один походили на весьма важную личность — сенатора Хартмана. Сперва в глаза бросился только один Хартман — уже и это странно для вечерней подземки. Но следом в вагон тут же вошел второй, присоединился к первому, и, поглядывая искоса на Кройда, они что-то быстро между собой обсудили. Один из хартманов высунулся за дверь и что-то возбужденно прокричал — в вагон хлынули остальные хартманы. Хартманы всех мастей и видов: хартманы-верзилы, хартманы-коротышки, хартманы-толстяки и даже один хартман с лишними конечностями — общим числом семеро хартманов. Достаточно потертый жизнью, Кройд вскоре сообразил, что именно может означать нашествие хартманов здесь, вблизи Джокер-тауна — похоже, оборотни чествовали сегодня сенатора в канун предстоящих выборов.

Когда двери с шипеньем съехали и поезд тронулся, самый высокий из хартманов повернулся и уставился на Кройда:

— Вы Кройд Кренсон?

— Ошиблись. — Кройд отвернулся.

— А я полагаю, нет.

Кройд пренебрежительно повел плечами:

— Полагайте себе что угодно, только где-нибудь подальше, если не хотите потерять мой голос на выборах.

— Вставай!

— Я тебе встану! Высоко встану! Выше тебя! И выше всего прочего.

Верзила хартман лениво потянулся к Кройду рукой; остальные тоже надвинулись, замаячили поблизости.

Кройд дернулся, перехватил протянутую руку и рванул к своему лицу. Последовал краткий хруст, верзила дико взвыл, отчаянно мотнув головой и падая на колени, а Кройд, выплюнув откушенный палец, неторопливо поднялся на ноги. Подтянув оборотня за искаленную руку поближе, Кройд воткнул свободную ладонь в живот и вырвал кишечник. Со звуком, подобным щелканью бича, лопнула грудная клетка и обнажились сломанные ребра — во все стороны фонтаном брызнула кровь.

— Ах ты, неслух паршивый! — ласково произнес Кройд. — Чему только мамочка тебя, такого осла, учила? Где Вероника, отвечай!

Изувеченный сенатор ответил кровавым кашлем. Остальных хартманов, впавших было в оцепенение при виде крови, как ветром сдуло. А Кройд снова засунул руку в развороченное нутро, на этот раз ниже и по самый локоть. Весь в крови, он сладострастно подчищал тело врага от остатков внутренностей. Прочие хартманы, наблюдая за экзекуцией из дальнего конца вагона, молча ждали решения собственной участи.

— Это политическая акция! — швыряя им под ноги останки главаря, заорал Кройд. — Акт возмездия. До встречи в ноябре на выборах, говнюки!

Соскочив на Уолл-стрит, он содрал с себя окровавленную сорочку, запихнул в ближайший мусоросборник и, прежде чем покинуть вестибюль станции, ополоснулся у питьевого фонтанчика. Рослому чернокожему, присвистнувшему навстречу от изумления: «Вот это так белый — без бабды белый!» — Кройд предложил обмен — полста баксов за рубашку. Линяло-голубая полусинтетическая тряпка с длинными рукавами пришлась впору. Двигаясь по Ню-Йорку к югу, Кройд вскоре добрался до центра. В круглосуточной греческой забегаловке совершил первую краткую остановку и купил кофе, сразу две здоровенных пластиковых чашки, по одной в каждую руку — чтобы хлебать на ходу.

Затем, свернув по Кенал-стрит направо, добрался до знакомого кафетерия, где заказал бифштекс, омлет, сок и снова кофе — много кофе. Сидя за столиком у окна и наблюдая за неторопливо оживающим городом, Кройд настороженно встречал рассвет нового дня. Что-то он принесет? Организм потребовал черную пилюлю; от щедрот

Кройд накинуд ему сверху одну из красных — на всякий пожарный случай.

— Любезный! — обратился он к официанту. — Ты, по-моему, шестой или седьмой, кого я за последний час вижу в марлевой повязке.

— Вирус брошенной карты, — пояснил тот. — Очередная вспышка.

— Да всего лишь отдельные случаи, и те Бог знает где! — удивился Кройд. — Так я слышал, по крайней мере.

— Пойдите послушайте снова, — отозвался официант. — Их уже больше сотни — и то, если нам лапшу на уши не вешают.

Кройд впал в задумчивость.

— Полагаешь, этот клочок марли может чем-то помочь? — спросил он наконец.

— Уж лучше это, чем ничего, — пожал плечами официант. — Еще кофе?..

— Наливай. И заверни мне на дорожку дюжину пончиков, найдешь столько?

— Разумеется.

По Брум-стрит Кройд добрался до Бауэри и свернул вниз, к газетному ларьку Бенсона. Подойдя ближе, убедился, что тот закрыт, а Джуби, хозяина, пока не видно. Чертовски жаль. У Кройда теплилась надежда, что старик — а тот был тертый калач, по молодости носил кличку Морж — снабдит полезной информацией или хотя бы присоветует, как ему быть. Сейчас, когда обе воюющие стороны приостановили разборки и взяли тайм-аут, чтобы поупражняться в стрельбе по Кройду, он чертовски нуждался в подсказке опытного человека. В чем, спрашивается, его, Кройда, вина? В веснушках на лице? В дурном дыхании изо рта? Так оно вскоре может и вовсе сойти на нет — то ли стараниями мафии, добивающейся возврата честно отработанного им гонорара, то ли заботами Сиу Ма, которой Кройд вроде бы ничего такого пока не задолжал — разве что репутацию маленько подмочил.

Покусывая на ходу пончик, Кройд отправился дальше, к своей квартире на Эдбридж. Ничего. Пока не горит. Он вернется за советом позже. А сейчас расслабится в шезлонге, задрав повыше натруженные ножки, и прикроет глаза хотя бы на минутку-другую...

— Вот же дерьмо! — рутнулся Кройд, обронив в замусоренную полуподвальную нишу сразу за поворотом к своему

дому надкушенный пончик. Неужто он уже засыпает прямо на ходу? Еще этого ему не доставало!

Шагнув на ступеньки последней лестницы, ведущей к углу его дома, и ускорив шаг в предвкушении вожденной встречи с подушкой, Кройд услышал сзади, из темной ниши, астматическое придыхание — должно быть, до пончика добралась какая-то дряхлая бродячая псина.

— Вот же сукины дети! — присовокупил он к предыдущему заявлению, как только заметил ровную струйку дыма, нарушающую гладь бетонного парапета у самого подъезда. И тут же притормозил.

Один из согладатаев сидел в машине, припаркованной в виду парадной. Другой, подпиливая себе ногти, курил прямо на крыльце и держал под контролем подходы к дому со стороны боковой аллеи.

Тихонько матерясь, Кройд услышал сзади паническое придыхание, уже вовсе не схожее с собачьим. Внимательно взглядевшись в полумрак, понял, кого второпях принял за собаку — в грязи ниши копошилось неопрятное аморфное создание по прозвищу Сопля. Многие считали того самым отвратительным обитателем Джокертауна. Пресмыкаясь в вонючей яме, Сопля жадно чавкал сейчас Кройдовыми обедами.

Каждый дюйм тела этого джокера покрывала постоянно стекающая зеленоватая слизь. В этой же слизи он обычно и отдыхал. На нем едва угадывались остатки одежды, насквозь пропитанной тою же слизью.

— Ради всего святого! — сочувственно сказал Кройд. — Ведь пончик весь в грязи и к тому же надкусанный. Возьми лучше целый! — Он протянул оцепеневшему Сопле весь пакет. — Все в порядке! — добавил Кройд и, видя, что джокер не решается двинуться с места, опустил пакет на ступеньку. И занялся собственными более важными заботами — повернулся лицом к засаде.

Прикончив подобранный обедок, Сопля еще долго колебался.

— Это что, все мне? — спросил он наконец — голос его, затрудненный заложенным дыханием, дрожал и пресекался.

— Да, конечно, доедай их все! В меня уже больше не лезет, — подтвердил Кройд, хлопнув по животу. — Я и не знал, что ты умеешь говорить.

— Мне не с кем теперь говорить, — глухо выдавил джокер.

— Да, конечно, понимаю. Надеюсь, что это всего лишь недоразумение?

— Люди говорят, что моя наружность отбивает у них всякий аппетит. Ты именно поэтому больше не хочешь?

— Да брось ты! — криво усмехнулся Кройд. — У меня проблемы почтице твоих. Я не знаю, что мне делать дальше. Видишь тех двоих? Это значит, что моя квартирка накрылась. И я решаю теперь, то ли разобраться с ними сперва, то ли сразу свалить отсюда. Ты беспокоишь меня меньше всего — хоть с головой жижей покройся. Самому случалось выглядеть так, а то и похлеще.

— Тебе? Как это?

— Я ведь Кройд Кренсон — тот самый, кого кличут Дремлином. И всегда во сне перевоплощаюсь. Раз на раз не приходится — то лучше выходит, то похуже, а то и совсем никуда.

— И я тоже мог бы?

— Что? А, ты имеешь в виду — измениться снова? Со мной случай особый — похоже, что я единственный в своем роде. Такие вот пироги. Я не знаю способа поделиться этим с окружающими. Да тут нечему особенно и завидовать — можешь мне поверить!

— Мне бы и одного раза хватило, — раскрыв пакет и доставая пончик, вздохнул джокер. — А почему ты глотаешь пилюли? Ты что, болен?

— Да нет, просто прочищаю мозги. Меня уже клонит в сон, а я не могу позволить себе расслабляться.

— Почему это не можешь?

— О, это долгая история. Очень долгая.

— Никто не рассказывает мне историй теперь, — опечалился джокер.

— Вот дьявольщина! А впрочем, почему бы и нет? — усмехнулся Кройд.

Когда Сопля вдруг заболел и ему стало совсем невмоготу, Кройд, тщательно заперев за собою входную дверь его обшарпанной двухкомнатной квартирki, по случаю обставленной выброшенными мебельными останками, прошел к больному. Потный джокер, лежа на продранной кушетке, бессильно тряся в жутком ознобе. Кройд отыскал в соседней комнате жестянку, сполоснул под краном и поднес Сопле напиток. Пока хозяин жадно давился мутной влагой, Кройд, смахнув в сторону пыльный ржавый шприц и прочие древние принадлежности наркомана, уселся на жалобно пискнувший табурет.

— Тебе и раньше приходилось болеть? — поинтересовался гость.

— Никогда еще. То есть я всегда чувствую себя как бы замерзшим, но это совсем другое. То, что со мною сейчас, очень напоминает ощущения, с которых все когда-то и начиналось.

Кройд прикрыл джокера обрывком найденной в углу занавески и снова уселся.

— Может, закончишь рассказывать свою историю? — попросил больной после затянувшегося молчания.

— Да, пожалуй.

Подбодрив себя метамфеткой и дексом разом, Кройд продолжил свое бесконечное повествование. Увлекся и прозевал момент, когда хозяин отключился полностью. Кройд все говорил и говорил и вдруг случайно заметил, что больной совершенно затих и у него перестала блестеть кожа — подсохла. Склонившись над телом, Кройд обнаружил, что и черты изменились. И продолжали медленно меняться — прямо у Кройда на глазах. Даже «ускорившись» с приближением фазы сна, он не мог ошибиться в диагнозе — все признаки синдрома брошенной карты здесь налицо. И даже в таком своем состоянии Кройд не мог не ощутить тревожного холодка под лопатками. Сопля уже перенес болезнь однажды, когда стал джокером, а Кройд не слышал ни разу, чтобы вирус затронул кого-либо вторично — за исключением самого Кройда.

Изумленно покачав головой, Кройд поднялся и вышел на свежий воздух. Наступил полдень, и он снова проголодался. Вычислить новую смену соглядатаев особого труда не составило — Кройд справился с этим за считанные секунды. Но никаких контрмер принимать не стал, махнул на них рукой — пусть себе пока развлекаются. Разумнее сперва поправить желудок, а затем вернуться и проверить состояние больного Сопли. Разобраться со шпиками он успеет и после — перед самым погружением в подземку.

Где-то вдаль завывала сирена. Очередной вертолет с красным крестом на борту прошел невысоко над головой, держа курс на верхний город. Память с готовностью подсунула Кройду давние картинки совершенного безумия, творившегося в День брошенной карты, и он тут же стал сомневаться, а стоит ли терять время на еду. Не разумнее ли будет сейчас же поискать новое надежное логово? Кройд знал неподалеку одно местечко, куда можно было прийти прямо с улицы — принимали любого, никаких документов не спрашивали и

лишних вопросов не задавали. Следовало срочно сходить и проверить наличие в нем одной свободной койки — обычно там места хватало, но сейчас кто знает...

Вторая сирена откликнулась, точно мартовский кот, на истощенные призывы первой — уже с другой стороны. Кройд помахал рукой парню, который висел головой вниз на высоком фонарном столбе, но тот не внял призыву и — то ли обиженно, то ли испуганно — порхнул прочь.

Где-то неподалеку невнятно загрохотал мегафон — Кройд сумел различить лишь собственное имя: Кренсон. Какие очередные гадости сообщал городу механический голос, разобрать не удалось.

Пальцы сами собой вцепились в крыло припаркованного к обочине автомобиля. Жалобно взвизгнул под руками рвущийся металл. Кройд повертел оторванное крыло, яростно скомкал — из порезов на ладонях просочилась густая темная кровь. Он должен найти и уничтожить этот мегафон, где бы тот ни был установлен: на крыше ли полицейского фургона, на стене ли небоскреба — да пусть даже на Луне! Он должен прекратить эти грязные разговоры. Он должен...

Однако они могут ему и помочь, могут отпугнуть от него врагов! — сообразил Кройд в один из редких моментов просветления, — врагов, которыми уже казались подряд все встречные и поперечные. Кроме разве что этого пугливого парня на столбе — очередной жертвы безжалостного вируса, — да ничтожного джокера по прозвищу Сопля, который просто физически не мог больше быть ничьим врагом. Кройд швырнул комок металла через всю улицу, задрал к небу лицо и дико завыл... Все вокруг вдруг снова стало таким сложным, таким непонятным, буквально непостижимым. И омерзительным вдобавок. Но он должен взять себя в руки! Он должен!

Кройд сунул окровавленные пальцы в карман, пошарил там, выудил пригоршню пилюль и проглотил все без разбору. Он должен очухаться и найти себе убежище, а для этого следует прилично выглядеть.

Кройд пригладил непокорные белые вихры, отряхнул на себе одежду и наладился идти нормальным размеренным шагом. Здесь совсем недалеко.

И снова они наступали Кройду на пятки! Кому тогда вообще можно доверять, если нельзя верить даже собственному врачу? Заунывные, пронзительные вопли сирен окружили Кройда сплошной звуковой пеленой.

Он с корнем выдирает бетонные плиты, гнул по пути фонарные столбы и крадучись перебежал от переулка к подъезду. Затем укрылся в чей-то припаркованной машине. Усталым взглядом провожал пролетающие над крышами вертолеты, почти не слыша за воем сирен чавканья их лопастей. Но, как ни странно, призывам громкоговорителей порой удавалось прорвать завесу воющего безмолвия. Они снова зывали к нему, лгали ему, требовали от него невозможного. Кройд захихикал. Еще настанет его день!

Неужели док Тахи снова во всем виноват? Воображение услужливо подсовывало внутреннему оку картинку из прошлого: беспорядочно мечущийся в полуденном облачном небе на фоне гигантских неуязвимых китов-аэростатов игрушечный самолетик Джетбоя. Назад, к самому началу. Он так до сих пор и не узнал, что же случилось тогда с Джо Сарцанно.

Кройда накрыло волной удушливого дыма. Где-то снова что-то полыхало. Почему неприятности обязательно всегда сопровождаются пожарами? Кройд потер виски и широко зевнул. Машинально пошарил в кармане, где держал пилулы — пусто. Вырвав дверцу из автомата коки перед закрытой автозаправкой, Кройд набил хлынувшими четвертаками уцелевший механизм, получил в каждую руку по бутылке и, сосасывая бодрящий напиток, отправился дальше.

Вскоре Кройд обнаружил себя стоящим перед запертой дверью Джокертаунского публичного музея. Рука машинально потеребила дверную ручку. Так, в нерешительности, он провел еще добрых десять секунд, но никак не более. Когда поблизости взвыла сирена — похоже, что прямо за углом, — Кройд вышел из прострации и легонько пихнул дверь плечом. Раздался негромкий треск, и он оказался внутри. Порывшись в карманах, Кройд оставил на конторке входную плату. Поразмыслив, прибавил немного в качестве компенсации за испорченный замок.

Потом он еще долго сидел на скамье, всматриваясь в музейные сумерки. Время от времени вставал, совершал небольшую прогулку по музею и возвращался. Он снова, в который уже раз, с интересом осмотрел золотую бабочку, застывшую в попытке вырваться из кисти золотой обезьянки — обе дело рук давно почившего в бозе туза по кличке Мидас. Он заглянул в шкаф с банками, хранившими заспиртованные зародыши джокеров. Полубовался металлической дверью с отпечатком чудовищного копыта Дьявола Джона.

Кройд бродил вдоль диорамы «Великие события из истории Брошенной карты», снова и снова нажимал клавишу перед экраном, изображавшим сражение землян с роем пришельцев. И всякий раз попадал — Человек-модуль под руководством Кройда без промаха сражал лазерным лучом инопланетных монстров. А затем Кройд обнаружил в экспозиции чучело знакомого по кличке Ревун...

Он как раз допил последние капли коки, когда в глаза бросилась небольшая человеческая фигура с вроде бы знакомыми чертами лица, выставленная в стеклянной витрине. Кройд подошел, прищурился, затем прочел табличку. Та сообщала, что такой-то и такой-то был найден мертвым в одном из глухих переулков. У Кройда перехватило дыхание.

— Бедный Гимли, — выдохнул он. — Кто сотворил с тобой такое? И где теперь твои потроха? Мой желудок не выдерживает подобного зрелища. Где теперь твои замечательные остроты? Передай, если сможешь, Барнету: пусть остудит, заморозит преисподнюю своими пламенными проповедями. В конечном счете ведь и сам он туда угодит.

Кройд отвернулся и снова неудержимо зевнул. Его конечности как будто налились свинцом. Повернув за угол, он обратил внимание на три стальные оболочки, подвешенные на длинных тросах к потолку. Кройд узнал их немедленно; рассматривая, он на минутку погрузился в воспоминания.

Взобравшись на расположенную рядом двуколку, Кройд подпрыгнул и хлопнул ладонью по ближайшему — корпусу бронированного фургончика-«фольксвагена». Металл отозвался звучным гулом, а корпус слегка покачнулся на своих последних причальных швартовых. Кройд снова подпрыгнул и хлопнул еще разок; потом его одолел очередной приступ зевоты.

— Панцирь есть, ездить может, — пробормотал он. — Внутри — полная безопасность. Эй, черепашка, высунь-ка голову!

И Кройд снова хихикнул. Затем обернулся к следующей, самой памятной ему модели шестидесятых. Эта висела повыше — Кройд даже не сумел разглядеть в подробностях мирный символ на ее борту, но слова знаменитого девиза «Творите любовь, а не войну», вписанные в крупный цветок мандалы, прочел ясно.

— Вот же дерьмо, объясните это тем парням, что ходят за мной следом! — зачем-то вспыхнул он. Подуспокоившись, объявил: — Всегда мечтал забраться и посмотреть, каково там внутри.

Кройд подпрыгнул, ухватился за край и подтянулся. Тачка накренилась, но человеческий вес выдержала. Уже через минуту Кройд чувствовал себя в ней полным хозяином.

— О, сладостный мед уединения! — вздохнул он с невыразимым облегчением. — Любовь моя — клаустрофобия. Наконец-то...

Кройд сомкнул свои измученные очи и сразу заснул. В музейных сумерках от него начало лучиться слабое сияние.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛНОЧЬ

Сверкающий машинный ад, где эбеновые стены говорят в завтра. Торопливо пощелкивали челюсти, с треском статических разрядов перемалывая ушедшие дни.

Машина переваривала прошлое, жадно глотала, бормоча будущему: «Ты мое ты мое ты мое», — и собеседник отражался в ее полированных боках.

Человек, представший перед Автоматическим Наблюдательным Устройством, потер серо-стальную челюсть двумя естественными пальцами. Механические ноги пружинили, когда он прохаживался в ожидании. Когда он вступал в цветной круг, роботы-охранники настороженно поворачивались к нему.

Наконец панель засветилась. Щелканье перешло в гул, из зарешеченных отверстий хлынули звуки:

— Уильям Батлер Йетс*, ты обвиняешься в писании на стенах уборной. Признаешь ли себя виновным?

— Нет, — ответил человек, не останавливаясь. — Меня зовут не Уильям Батлер Йетс.

— Я отметил это. Более того, ты обвиняешься в незаконном обладании именем, употреблении запрещенных семантических единиц и владении инструментами для письма. Признаешь ли ты себя виновным по этим пунктам?

— Я не Уильям Батлер Йетс, — повторил он. — Я уже не знаю, какие слова Резлаб удалил из языка на сей раз. И что значит «инструменты для письма»?

Moonless in Byzantium

Copyright © 1962 by Ziff-Davis Publishing Company

* Йетс, Уильям Батлер (1865—1939) — ирландский поэт и драматург, лауреат Нобелевской премии. (Примеч. пер.)

Он замер, как ворон на проводе. Роботы тоже застыли.

— Схваченный в уборной сектора девять, ты имел при себе четыре спички и зажигалку, которой опаливал их концы. В момент ареста ты писал на стенах указанной уборной поэму «Отплывая в Византию». Ты отрицаешь это?

— Нет, — ответил человек.

— В таком случае приговор — «виновен». Имеется предположение, что ты частично виновен в подобных инцидентах, происходивших на протяжении многих лет. Ты отрицаешь это предположение?

— С какой стати? — Человек пожал плечами. — Я писал их все.

— В таком случае ты виновен в тяжком преступлении. Каждое стихотворение ты подписывал «Уильям Батлер Йетс», а обладание именем автоматически влечет за собой высшую меру наказания.

— Я подписывал так не все, — булькнул человек. — Йетс же не все писал.

— Одного раза достаточно для приговора. Однако в протокол будет занесено, что ты не все стихотворения подписывал «Уильям Батлер Йетс». Кто писал остальные?

— Не знаю. Некоторые я услышал где-то, вспомнил... Другие написал сам.

— Признание в механическом воспроизведении слов, разрешенных или запрещенных, является признанием вины — нарушен кодекс Резлаба, ноль-ноль-три, наказание десять, поглощено высшей мерой.

— Спасибо, — заметил человек. — А ведь было время, когда любой мог писать на стенах сортира.

— Было, — согласился АНУ, — но в те времена на стенах писали здоровые и разумные выражения, связанные с размножением вида. Ты, Уильям Батлер Йетс, являешься примером того, почему подобная практика ныне запрещена. — Пострекотали немного барабаны памяти, и АНУ продолжил: — Ты складываешь из слов бессмысленные фразы. Ты пишешь о том, чего нет, и, даже когда описываешь существующее в действительности, ты искажаешь реальность до такой степени, что она сама становится ложью. Ты пишешь без пользы и цели. Именно по этой причине письмо было отменено — люди всегда лгут в речи или в письме.

Заостренные платиновые уши человека дернулись и встали торчком:

— И поэтому ты уничтожаешь речь? И поэтому ты заменяешь речь машинной белибердой? И поэтому ты разбираешь язык, как разбираешь сломанных людей? — Он

погрозил машине когтистым кулаком, потом ударил себя в грудь. — АНУ! Ты превратил человека в паразита! Мне триста лет, и то, что осталось от моего тела, вопиет против тебя! Душа моя разрывается!

— Презрен! Презрен! — грянул динамик. — Ты употребил запрещенное слово!

— И употреблю еще, пока могу говорить! — воскликнул человек. — Тебя создавали не для того, что ты творишь! Человек — не машина! Он построил тебя, и...

Он схватился за горло — его вокодер отключился. Человек закрыл полуметаллическое лицо когтями и упал на колени.

— Во-первых, — проговорил АНУ, — человек не строил меня. Я существовал всегда. Неэффективные люди не могли бы достичь такого совершенства конструкции. Я оказал милосердие вашему виду, включив его в свой конвейер. Я продлил вашу жизнь. Я улучшил ваш дизайн. Протестовали очень немногие, подобные тебе образцы производственного брака. Тем не менее я сохранил от них все, что смог. — Вновь застрекотали барабаны, потом АНУ продолжил: — Я намерен задать тебе еще один вопрос. Я включу твой вокодер, если ты не станешь использовать запрещенных слов. Вырази согласие вставанием.

Человек поднялся на ноги. Руки его опустились, он мрачно глянул на сияющую панель.

— Ты не мог написать все эти стихотворения, — раздался мерный глас. — Скажи, зачем и как ты делал то, что делал?

— Зачем? — повторил человек, вспоминая. — Как?

Это случилось столетия назад, в разрушенном ныне Византийском зале, где человек слышал последнюю музыку Земли. В этом панельном бетонном здании размещалась Птица.

Птицей назывался последний музыкальный инструмент, построенный АНУ. Тысячи золотых глаз таились в роскошных изгибах ее хвоста, и червое тело сотрясало в скорби златогласых пророчеств. Когда АНУ строил ее, сопротивление было сильнее, и слова «отдых» и «искусство» еще не потеряли смысла.

Человек был на последнем концерте Птицы и участвовал в последовавшем мятеже, который обошелся ему в добрую часть левой лобной доли. Двумя днями позже Птицу разобрали. Медик сказал ему как-то, что одно из ярких перьев вставлено ему в запястье, а другое — в позвоночник,

и человека порой радовало, что он носит в себе часть Птицы.

А потом, ночью, на поясной станции, ему явился целый человек.

Полностью людей редко можно было встретить. Иных и вовсе было не отличить от автоматических слуг АНУ.

Почти у каждого из живущих имелись сменные, конвейерные части, и чем старше становился человек, тем меньше людского в нем оставалось.

Но незнакомец был цел и очень стар. В глазах его были выносные хрусталики, очень толстые, на плечах — нефункциональный кусок темной ткани, а на шее — широкая черная лента. Он носил что-то вроде рваной рубашки, коротковатые штаны, черную, мятую головокрышку и опирался на незаконный протез — трость с золотым набалдашником. Седые волосы окаймляли хребты скул, и полыхали запавшие глаза.

— Кто ты? — спросил человек.

— Часть природы, — ответил пришелец. — Когда-то я был Уильямом Батлером Йетсом, а потом — золотой птицей, вынужденной петь в жалкой пародии на предсказанную мной Византию.

— Я не понимаю.

— Ныне я поднимаюсь ввысь, но часть меня живет — в твоём запястье, в твоём хребте. Ты вспомнишь мою песню, когда песни запретят. Ты будешь говорить, когда вокруг будет сталь, и ты, или часть тебя, воскресишь золотой век Земли.

И призрак исчез.

Но все чаще стали являться перед человеком печальные глаза, и во сне он слышал дрожащий голос. Он начал вспоминать то, о чем не знал — как стихи, которые царапали на стенах.

— Я должен писать их, — сказал он. — Я не знаю почему. Они приходят мне в голову, и я хочу поделиться ими, показать остальным. Я не Уильям Батлер Йетс, но я подписываю его именем созданные им стихи. Остальные — нет.

— Ты написал строки, — заметил АНУ, — которые можно воспринять либо как критику, либо как похвалу биомеханическому процессу. — И бесстрастный голос процитировал:

— «Выньте цилиндры из почек моих, Выньте контакты из сердца, Вырежьте балку, что вместо хребта, — У машины есть лучшее место».

— Поясни значение, — потребовала машина. — От твоего ответа зависит многое.

— Я и сам не знаю, — ответил человек. — Просто в голову пришло. Я не знаю даже, кто их пишет...

— Тогда приговор окончателен, — произнесло Автоматическое Наблюдательное Устройство. — Ты будешь подвергнут действию газа, разрушающего нервную систему. Остальные части твоего тела подвергнутся вторичному использованию. У тебя есть последнее слово?

— Да, — ответил человек, цепляясь за воздух когтистыми пальцами. — Ты говоришь, что я лишен души. Ты говоришь, что, разобранный, я принесу больше пользы. Но я утверждаю, что наделен душой и она живет во мне, в моей плоти и в моем металле! Разбери меня на части, и рано или поздно эти части окажутся в тебе. И в тот день ты остановишься, машина! Луне растущей я молюсь, чтоб этот день настал скорее! Луной растущей я клянусь, молю я ночь, чтоб... — Голос его оборвался.

— Презрен, — донеслось из динамика. — Ты — бесполезная единица.

Панель померкла. Роботы-охранники вкатились в цветной круг, где стоял человек. Они протаскивали его по коридору, втолкнули в комнату, где смерть сочилась из стен. Голосовой механизм его включился вновь, но говорить было не с кем.

— У меня будет имя! — крикнул он охранникам, когда те швырнули его в комнату. Но они не слышали.

Дверь захлопнулась. Человек ткнул острыми когтями в мягкую плоть бедра. Задышавшись, он нацарапал кровью на своей последней стене:

ОТ ТЕБЯ Я НЕ ОТСТАНУ;
БУДЬ РЫЧАГ Я — В ГЛОТКЕ ВСТАНУ,
ГАЙКОЮ — В КИШКАХ ЗАСТРЯНУ.

ИБО ЭТО ЕСТЬ ЦАРСТВО МОЕ

АКТ I

«Как далеки чертоги тьмы...»

«На расстоянии звезд, — подумал он, — и в десяти шагах отсюда».

«Как далеки теперь люди...»

Он молча согласился.

«Но нелюди рядом с тобой».

Он кивнул.

«Ты все еще на Земле и поэтому смешон».

— Да, — прошептал он.

«Ты наполовину безумен и все время пьешь».

— Безумен полностью, а пью лишь половину времени, — поправил он.

«Ты должен войти в машину, нажать на кнопку и присоединиться к своему народу в местах смеха и радости...»

— Ой! — икнул он. — А мне и сейчас смешно.

Покачав головой, он сел и осмотрелся. Рука прикоснулась к бобовому стеблю желтого луча. Он подождал — всего лишь долю секунды.

— Вид услуг? — спросила подушка.

— Меня уже достала болтовня дутиков, — с возмущением ответил он. — Найди точку входа, поставь экран и блокируй их контакты. Неужели нельзя запомнить, что, когда я пью, мне необходимы А-режим и чуткая забота?

Подушка зажужжала.

— А-режим задействован. Проникновений нет.

Он едва не вскочил с кушетки:

— Кто же тогда сейчас говорил со мной?

— Ну уж точно не я, — ответила подушка. — Возможно, это твое воображение, взвинченное алкоголем, который ты употребляешь как...

Фраза немного обидела его.

— Ладно, прости, — извинился он перед невидимыми спиралями проводников. — Смешай мне еще один коктейль.

Он улегся на кушетке, сунул в рот соломинку и невнятно проворчал:

— Только на этот раз не добавляй воды.

— Я никогда не разбавляю твои напитки.

— Но они стали слабее на вкус.

— Значит, твои вкусовые пупырышки теряют чувствительность.

— В таком случае отключайся! Хотя подожди! Почитай для меня.

— Что почитать?

— Что-нибудь.

— «Все утро крот настойчиво прочищал себе путь...»

— Только не Грэхема!

— Может быть, Врэдмера?

— Нет.

— Гелдена?

— Нет. Что-нибудь постарше. Вот как у того же Грэхема.

— Крина? Клала? Старца Венеры?

— Еще старше.

— Флоуна? Трина? Хэмингуэя? Пруста?

— Древнее.

— «В начале было Слово...»

— Но языческое.

— Как у Пиндара?

— Пожалуй, да — как у Пиндара.

Отпив добрый глоток, он откинулся на подушку и закрыл глаза.

«Почему ты убил дутика?»

Пауза безмолвия.

— Я никого не трогал.

«Дутики не убивают друг друга, а один из них мертв. Ты последний человек на Земле. У тебя безграничная власть. Почему ты используешь ее для убийств?»

Еще более длинная пауза.

— А кто такие дутики?

«Им нужна Земля. Ты встречался с ними. Неужели не помнишь?»

— Не знаю... Наверное, в тот момент я был пьян. Ладно, уходи!

«А почему бы не уйти тебе?»

— Рад бы, да не могу!

«Можешь! Тебе надо только войти в машину, нажать на кнопку, и ты присоединишься к своему народу в местах смеха и радости...»

— Да брось ты. Нет никаких мест смеха!

«Тогда поговори с дутиками».

Ладонь коснулась края кушетки, и в его вену вошла игла со снотворным.

Он провалился в бездны забытья.

Грязно-тусклое солнце опускалось на мокрый бетон. Он смотрел на него, шуряя и мигая.

— Да, бывали времена, когда мы тратили на тебя массу слов, — прошептал он, осознавая, что проснулся. — Однако все приходит к концу и теряет свой смысл.

Он перекатился на правый бок, чувствуя себя печальным и величественным.

Подушка спросила, что ему хотелось бы на завтрак. Он попытался придумать достойный ответ, но сдался и попросил то небольшое, что устроило бы его желудок.

Скромным «немногим» оказались мел и печенка, вымоченная в загаженной до краев дренажной канаве. Он плюнул на пол и перевернулся на левый бок, чувствуя себя уже менее величественно.

В конце концов он ткнул пальцем в радужный столб лучей.

— Соедини меня с пультом мыслеобразов.

Сила пронзила его потоками безмолвной мелодии, и в ней смешались удары облаков, нити лунного света, похожего на шелк, и глубинные вихри океанских ветров, которые раскачивали заросли кораллов...

Сладко потянувшись и зевнув, он представил огненное поле времени, а затем скользнул на сотню лет вперед.

— Гора Атос и завтрак, — велел он скучающим тоном.

Под ногами возник скалистый утес. При виде бескрайних просторов Святилища на его губах появилась улыбка. Очистив стены взмахом руки, он создал панораму деревьев

и холмов — пейзаж, напоминавший прежнюю Землю. Вдалеке за лесом сверкало море. (Неужели настоящее? Он пожал плечами.) Невидимый потолок превратился в голубовато-зеленое небо. Яркое-желтое солнце получилось жгучим и злым. Склон плавно опускался вдаль. Облачившись в усмешку и власяницу, он подернул горизонт мерцающим маревом.

— Слишком хорошо для царств Земли, — шепнул он бездонной выси. — Приди, Люцифер!

Испуская запах смерти и окончательных приговоров, слева от него возникла безликая тень.

— Какая тоска! — со стоном признался он.

Невыразительный голос звучал, словно из бочки:

— Смотри же на царствия Земли во всей их славе и силе. От начала веков владею я ими, но сейчас готов отдать простому человеку. Служи мне, и они будут твоими.

Он засмеялся:

— Ты шутишь, парень. Они и так мои. Я только что их создал — их и тебя. Это ты должен платить мне дань уважения.

Фигура задрожала и стала нечеткой.

— Нет, что-то тут не так, — сказал он с досадой.

— Преврати эти камни в хлеб, и я поверю тебе, — пропищала тень.

— Лучше в ветчину и яйца. Ты как? Позавтракаешь со мной?

— Спасибо, — прошуршал поблекший образ.

Они сидели и говорили ни о чем, пока ему не стало скучно. Закончив завтрак, он разверз огромную пропасть и сбросил в нее весь ландшафт под гром и треск огня, чьи языки лизали небо.

— Катись-ка в ад, приятель! — воскликнул он с сытой отрыжкой. — Чем же мне заняться до обеда? Может быть, поплавать вместе с Одиссеем?

Когда он возводил великие башни Илиона и создавал макет огромной лошади, его зодческий труд был прерван звонком коммутатора.

— Послы дутиков просят разрешения войти, — доложил механический голос.

— Скажи им, что я занят.

Лошадь дрогнула, покрылась зыбкой рябью и исчезла. Башни начали крениться и оседать. Этажи проваливались друг в друга.

— О черт! Начать дезинтеграцию. Эти уродцы испортили мне все утро!

Он вернулся на кушетку, чтобы побриться, помыться и облачиться в свежую одежду. Пока манипуляторы подушки приводили в порядок его ногти, он рассматривал трехмерную проекцию существ, прозванных им дутиками.

Габариты альбиносов грубо соответствовали размерам человека. Под пушистой аурой проступали шаткие остовы, а телосложение напоминало три молочных бидона, поставленных на задницу бабуина, и два белоснежных секстанта. На бидонах и заднице выделялись толстые рудиментарные члены, похожие на сотню минутных стрелок, которые, подрагивая, отсчитывали свои часы.

Они стояли у входа и зевали симметричными жвалами, расположенными на макушках голов. Антенны стояли торчком, как пучки колокольчиков, и перечно-голубые лепестки открывались и закрывались в неизменном ритме систолы. Две масляные подушечки с мерцавшими кристаллами топазов процеживали мир в глубины мозга.

— Доброе утро, милые твари, — приветствовал он своих посетителей.

Дутики закружились на месте, выискивая источник его голоса.

— Вы не увидите меня, пока я этого не захочу. Зачем пришли?

Существа задумались над его вопросом.

— Чтобы убедить, купить, помочь, поговорить с тобой и уйти, — прожужжал один из них.

Он захихикал:

— Прошу прощения, но не могли бы вы повторить самое последнее слово.

Увидев их смущение, он со смехом крикнул:

— Ладно, входите! Входите!

Внезапно его облик изменился. Огромный дутик двадцати футов ростом отошел от кушетки и принялся за оформление декораций.

Когда он затемнил небо, поднял из пола зубчатые скалы и перегородил ледником почти все Святилище, арочные ворота одной из стен, настроенные на особую частоту, раскрылись. Он сидел на парившей в воздухе огромной снежинке, и ледяные ветра рассекали воздух вокруг его трона, осыпая постей ягодами снежной бури.

— Счастливого Рождества, — произнес он громовым голосом.

Дутики остановились на пороге. Третий акт Второй симфонии Сибелиуса вторил треску и стонам ледника, который медленно наползал на острые скалы.

— Неужели... — пробормотали существа.

— На самом деле я очень безобразный, — объяснил он. — Но мне хотелось, чтобы вы чувствовали себя легко и свободно.

Они стояли под ним и смотрели вверх.

— Как красиво, — прожужжал первый.

— Как будто мы попали домой, — прогудел второй.

— Кто ты, землянин? — просвистел третий.

Рядом с ними забил фонтан, струя которого взметнулась на пятьдесят футов в воздух.

— Хотите выпить?

— Нет. Спасибо. Не можем: риск, неизвестная субстанция.

Он сделал еще один глоток. Струя фонтана втянулась по крутой спирали в небо и исчезла в вышине. Рядом с ним парила огромная капля коричневой жидкости, которую он посасывал через соломинку.

— Ваши тела очень неудобны в обращении. Вы не устали ими управлять?

— Ты считаешь, нам не хватает человеческих конечностей? — уточнило жужжание.

— Да. Вам приходится обходить все то, что можно перепрыгнуть. Ваши ноги похожи на снегоступы. Зачем вы пришли в мой мир?

— Мы пришли сюда, чтобы жить, — прогудел один из них.

— И даже не потрудились попросить у меня разрешения.

— Прости. Мы лишь недавно узнали о твоём существовании.

— Что же вам теперь нужно?

— Мы просим тебя покинуть этот мир. Сделай его безопасным для дутиков. Мы просим...

— Но это моя планета! Я владыка Земли!

— Да. Мы знаем. Мы хотели изменить здесь климат, но потом узнали о тебе. Зачем ты остался?

— А зачем мне куда-то уходить? Я — землянин. И то, что я последний, не лишает меня прав на планету. Моя обитель занимает около двадцати квадратных миль, но я могу идти, куда хочу, и делать все, что пожелаю. Этот мир мой — по праву рождения, по закону... и по праву силы. Если вы попытаетесь изгнать меня отсюда, я брошу на вас всю мощь

Земли. Она под моим контролем, и я без труда могу уничтожить вас или разрушить планету. Если не верите, давайте попробуем!

Его голос охрип. Он сделал еще один глоток и вернул себе свой собственный облик, увеличенный в дюжину раз. Сотворив сигару размером со шлагбаум, он прикурил ее от столба огня, который вырвался из земли и вознесся в небо.

— Можно мы все объясним? — спросил один из снеговиков. — Пожалуйста.

— Хорошо, объясните.

Выдохнув облако дыма, он втянул в себя алкоголь.

— Давайте, объясняйте!

— Твой народ ушел отсюда много лет назад, посчитав эту планету бесплодной и мертвой, — начали дутики. — Но для нас она жива, и мы хотим сделать из нее место смеха и радости...

— А вы знаете, что означает слово «смех»?

— Да, конечно, знаем. Мы выяснили, куда и зачем отправились люди. За хорошей жизнью, верно? За лучшими условиями. За тем, что им хотелось. Чтобы звуки, которые они называли смехом, раздавались все чаще и чаще.

— Довольно верно. Продолжайте.

— Так пусть же Земля снова станет местом смеха — для многих и многих дутиков. Это печально для тебя. И тебе лучше уйти к своему народу. Дай нам изменить планету и сделать ее холодной. Отключи машины, которые мешают нам. Если ты уйдешь, это будет хорошо и для нас и для тебя. Зачем тебе оставаться?

— У меня тут есть кое-какие дела, — ворчливо ответил он. — Скажите, а я для вас очень безобразен?

— Пожалуй, да...

— Вот и хорошо. — Он помолчал и добавил: — Значит, вы хотите заставить меня уйти?

— Просим тебя... Иначе нам придется...

Они стояли на выжженной пустыне. Оранжевое солнце, словно рука гиганта, заслонило половину неба. Пальцы огненных лучей выжимали из его тела липкий пот. Он закашлялся, глотнув сухой и удушливый воздух.

— Мы просим тебя! — свистели таявшие снеговики.

Мгновением позже они оказались в межзвездной пустоте, холодной как антиплазма огромного антисолнца. Он сидел на троне из вакуума и с улыбкой наблюдал, как дутики кувыркалились и сучили ногами в абсолютной невесомости.

Млечный Путь из сверкающей звездной пыли спускался над его плечом к лицу. Превратив небесную реку в Бурбонный Путь, он сделал глоток и задумался о прошлом.

— Неужели ты позволишь... — донесся слабый шепот дутиков.

Он ничего им не ответил.

«И не только потому, что я люблю Землю...»

— Генри?

— Да.

— Мы не можем!

Он разглядывал ее белокурые волосы и призрачно-серые глаза, которые смотрели мимо него. (Всегда только мимо.) Когда она надувала губки, ее маленький подбородок становился еще меньше.

— Что — не можем? — спросил он, погружаясь в омут прекрасных глаз.

— Остаться на этом чертовом осколке мира. Неужели ты хочешь, чтобы мы стали последней парой на мертвой Земле? Он и его лучшая подруга?

— Да, я этого хочу.

— Чтобы потом искать сочувствия у бездушных машин и слушать болтовню твоего книжного барда? Мы сойдем с ума! Мы станем ненавидеть друг друга. Без цели и надежды...

— А у тебя есть выбор? — перебил он ее. — Совет Евгеники принял решение, и люди навсегда покинут этот мир!

— Я не понимаю, почему ты против. После Перехода все останется тем же самым.

— Давай выразим это по-другому, — с улыбкой ответил он. — «В общем-то Генри хорош — особенно при тусклом свете; он настоящий парень и выше всех подозрений... Но оставаться с ним здесь? Это же так примитивно!»

— Ты не прав, — сказала она, краснея. — Я докажу тебе это... позже.

Он покачал головой:

— Никакого «позже» не будет. Я никуда не уйду. Кто-то же должен остаться здесь, чтобы поливать цветы. И не только потому, что я люблю Землю... Нет! Я просто ненавижу звезды и то, что они означают. Мне не нравятся люди, улетающие к ним — улетающие для того, чтобы с чудовищной монотонностью повторить процесс, с помощью которого они опустошили этот мир, не оставив после себя ничего, кроме полных пепельниц. Почти всю жизнь я считал своим долгом заполнять эти пепельницы. Но теперь я знаю, что

ошибался. Мне надо что-то сделать... Я стану зрителем могил. Зрителем могил! Неплохо, правда?

— Ты пойдешь с нами, — настаивала она. — Все уходит. И не надо капризничать! Тут больше не за чем присматривать. Дни Земли сочтены.

Он печально кивнул:

— Филлис, Филлис! Ты, как всегда, права. Этому миру уже ничто не поможет. Пройдет день, история Земли умрет, и люди оставят планету еще более пустой, чем она была до их появления. Трава, сгорая, превращается в пепел, а жизнь — в отчаянную жажду жить. После Исхода я уйду в Святилище. Мне хотелось оказаться там в компании подруги, но я могу обойтись и без тебя. Вернее, я буду ждать, когда ты затоскуешь и придешь ко мне. Впрочем, если хочешь попрощаться со мной прямо сейчас, можешь не медлить...

— Ты отправишься с нами! Я люблю тебя, милый! У тебя просто нервный срыв. Это пройдет, вот увидишь!

Он посмотрел на часы:

— Тебе лучше одеться... к обеду. Скоро вернется Лен, и мне пора уходить. — Он встал, накинув на плечи огненный плащ.

— Подожди, любимый! Я приготовлю напитки. Жаль, что ты не можешь взять с собой и мою...

Ей так многое хотелось сказать ему напоследок, но в тот миг слова потеряли смысл.

«Как далеки чертоги тьмы от залов света».

«Да, — подумал он. — На расстоянии звезд и в десяти шагах отсюда... Прямо как дутики».

— Зачем ты это сделал? — спрашивал ближайший из них.

«О, как далеки...»

Кто-то кричал — кричал надрывно и беззвучно.

— Зачем?

— Я ненавижу себя! — произнес он с внезапной жесткостью. — Ненавижу себя и вас! Вы — личинки на кишках Бальдра! Вы ползаете, как черви, на трупе моего мира, и я не желаю мириться с вашим присутствием. Меня гложет ненависть к себе, но вас я ненавижу сильнее. Убейтесь туда, откуда пришли! Это говорю вам я — хранитель Земли!

— Если ты... нас... силой...

Дутик стал крошечной звездой в его ногах — лиловым огоньком пламени, угасавшим в черных водах вечности.

— Улетайте домой, — прошептал он устало.

Они снова оказались в Святилище, и стены вновь распахнули двери. Двое оставшихся дутиков гордо подняли головы и с укором прожужжали:

— Ты привык. Привык к своему миру и своему времени. Но все это осталось в прошлом — далеком прошлом. Твоей расе нет оправдания. Своим единственным монументом она оставила бессмысленное уничтожение жизни.

— В этом мы соперничали со Вселенной, — ответил он. — И как всегда превзошли ее. Но посмотрите вокруг. В этой гигантской пепельнице есть и яркие угли. Здесь много такого, что оправдало бы нас.

Сжимая ладонями череп, он попытался расколоть его, но у него ничего не получилось.

— А теперь уходите отсюда. Оставьте меня одного.

— Ты тоже уходи...

Дверь насмешливо скрипнула за ними, и он вонзил в нее сноп светло-огненных молний.

А безмолвный крик продолжался.

АКТ II

«Как далеко чертоги тьмы. Как далеко...»

Услышав стон, он узнал свой голос и проснулся.

«Как далеко... послы дутиков просят разрешения... залы света...»

Фразы слились друг с другом. И он знал почему.

Это он перекручивал слова подушки, изменял их смысл и, понимая, не понимал. Он вмещивался и оставался безучастным; спал и не спал; осознавал и прятался в неведении.

— Скажи им, чтобы они уходили! Читай мне! Читай!

Он знал и боялся знать.

...Длинная повесть о женщине по имени Анна и мужчине, которого звали Вронским.

...Поезд мчался к нему, как огромный ящер, извергая черный столб дыма и вопя от жажды крови. На рельсах...

Он включил свет.

— Прервать генерацию образов!

Поезд исчез, и он остался один, дрожа от ужаса и понимания.

Покрывало не успевало впитывать пот. Океаны воспоминаний отхлынули от берегов его разума. Закрыв лицо руками, он тихо спросил:

— Ты убрала кровь?

— Да, — ответила подушка.

— И ее тело?

— Да. Кремировала. Чисто и навсегда.

— Почему она сделала это?

Подушка не отвечала.

— Почему она пришла сюда, чтобы покончить с собой? — настаивал он.

— Потому что она не могла уйти без тебя... и не могла остаться.

— Как давно это случилось?

— Семь лет, три месяца и тринадцать дней.

Что-то огненное потекло из соломинки, и он проглотил горьковатую жидкость.

— А дутики? Они реальны или просто являются частью терапии?

— Реальны, но используются для терапии.

— И я действительно убил одного?

— Да.

— Когда?

— Две недели назад.

— Значит, я болен.

— Нет, сейчас ты здоров.

Он был болен все это время. Болен!

Кушетка зажужжала, покрывало завибрировало, и ему снова стало сухо и тепло.

— Послы дутиков просят разрешения войти, — доложила подушка.

— Значит, ты все же разбавляла мои напитки?

— Да.

— Тогда пусть они войдут.

АКТ III

Он осмотрел комнату, в которой провел почти семь лет. Стены дрогнули под натиском воспоминаний.

Лен вернулся, принес с собой запах времени и странства, — вернулся, чтобы без слов посмотреть ему в глаза и ударить в лицо. Когда он пришел в себя, Лен исчез, как исчезли и два его зуба, один из которых потом нашелся на полу. Он налил бокал, обломал все ногти, корчась в безумии рядом с цветами у бассейна, затем налил еще бокал, поплакал немного и налил еще бокал. Он отнес ее на кушетку и помолился, налил бокал, поплакал, заблокировал дверь, а потом заснул и проснулся через семь лет и три месяца. Руки ныли от уколов, которыми подушка Лициды гасила его боль. Он ел яйца и тосты, и к нему снова возвращался рассудок.

Он вызвал транспортный портал.

Огромный стебель белой лилии взломал паркет и склонился над постелью. Он принял душ, оделся и спроецировал на одну из стен огромные двери. В нее осторожно вошли первые дутики.

Он улыбнулся им:

— Привет, ребята.

Но они входили и входили, заполняя Святилище. Они обступали его кушетку плотными рядами, пока он улыбался им и кивал. И тогда он сел, устало опираясь на подушку.

— Вот вы и пришли, возжаждав правосудия.

— Что тебе надо? — спросили они.

— Ничего, — ответил он.

Наступила тишина. Дутики поймали его, как бабочку, в желтоватый сачок видений.

— А вам что надо?

— Ответа! Почему ты убиваешь нас?

— Это не я, — ответил он. — Это мое безумие. Я приношу вам свои извинения.

— Если ты, — сказал один из них.

— Уйдешь, — добавил другой.

— Все будет, — произнес третий.

— Забыто, — закончил четвертый.

— Но если ты...

— Останешься...

— Тебе придется...

— Умереть!

— И не надо «капризничать», — вставил один из них голосом Филлис.

— Хорошо, — со вздохом ответил он. — Хорошо, ребята. Но прежде чем уйти, я хочу попросить вас об одной услуге. Не судите о Земле по моим поступкам. Изучите наше наследие и по достоинству оцените то, что создали мои соплеменники. Я не лучший представитель своего вида — скорее даже один из худших. Доказывая суетность стремлений, я погубил несколько жизней и лишь теперь осознал, как был не прав. — Осмотрев утрюмые лица дутиков, он спросил: — Если я оставляю вам Землю, что вы сделаете с творениями людей?

— Сожжем, — прожужжал первый.

— Закопаем, — проскрипел второй.

— Переделаем, — прогудел третий.

— Забудем, что они когда-то существовали, — просвистел четвертый.

Остальные дутики смотрели на него, издавая странные звуки. Неужели смех?

— Кто ты? — спросил он ванильную пирамиду.

— Шут, — ответил дутик. — Я высмеиваю наших владык.

— А ты кто? — спросил он одного из тех, с которыми говорил.

— Первый среди равных. — Ответив, дутик повернулся к соседу и спросил: — А ты?

— Второй. А ты?

— Третий.

— С Шутом вас четверо. Прекрасно!

Он засмеялся и воскликнул:

— Приветствую тебя, комический король снегов!

Землянин поклонился. «Второй» метнулся к нему, вытягивая жвало.

Он увернулся, не позволяя острым клешням приблизиться к своей шее. Его правая рука перехватила жвало. Гордо взглянув на дутиков, он холодно промолвил:

— Прошу прощения, сэр. Я был не прав, — промолвил он, сжимая хватку. — Все, чем мог задеть я ваши чувства, честь и положение, прошу поверить, сделала болезнь.*

Едва рука и жвало встретились, свет начал блекнуть. Под жужжание встревоженных дутиков комнату заполнил мрак. Когда воцарилась тишина, он продолжал:

— Прошу во всеуслышанье, при всех, сложить с меня упрек в предумышленье. Пусть знают все: я не желал вам зла...

Свет вспыхнул вновь — свет огня чадающих факелов, которые, как грибы, возникли на закопченных стенах. Пятьдесят или шестьдесят ярко наряженных придворных собрались в темной дворцовой зале. Его кушетка превратилась в трон, на котором сидел бородатый мужчина в тяжелой пурпурной мантии и с золотой короной на голове.

На стенах висели гобелены с грубо вышитыми эмблемами ярких цветов. Здесь же виднелись головы убитых хищников и топоры, покрытые копотью и пятнами ржавчины. В двадцати—тридцати футах над ними угадывался темный свод, сквозь который по стенам сочилась тьма.

На нем были черные штаны и белая рубашка с открытым воротом; волосы блестели как сталь. Взор небесно-голубых

* Здесь и далее использованы цитаты из «Гамлета» в переводе Бориса Пастернака.

очей застыл на смуглом мужчине, чья длань дрожала в его руке.

«Говори же!» — настойчиво подумал он.

Рот соперника корчился от незнакомых слов, но мышцы горла начинали расслабляться.

— В глубине души, где ненависти, собственно, и место, прощаю вас. Иное дело честь...

Постепенно его голос окреп:

— До той поры ценю предложенную вами дружбу и дружбой отплачу.

— Душевно рад и с легким сердцем принимаю вызов. — Выпустив руку соперника, он отвернулся и захохотал. — Приступим. Где рапиры?

— Мне одну!

— Хотите, стану я для вас рапирой? — съязвил он с шутовской улыбкой.

— Да вы смеетесь, сэр!

— Нет, жизнью своей клянусь, что нет. — Он снова схватил соперника за руку.

Тот отвернулся и отступил на несколько шагов, словно жест дружбы был чем-то новым для него. Удивленный его внезапной грацией, он быстро проделал фехтовальную разминку и удовлетворенно засмеялся.

— Раздайте им рапиры, — приказал мужчина в короне. — Известны вам условия?

— Да, милорд.

Его противник потрогал пальцем острое оружие.

— Другую. Эта слишком тяжела.

Он выбрал себе клинок, взглянул на противника, но тот лишь холодно кивнул в ответ. Облизав губы, землянин рассек оружием¹ воздух и вышел на линию с соперником.

— Мне эта по руке, — сказал он с задором. — Равны ли обе?

— Да, милый принц.

Сверкнув улыбкой поверх косой дуги салюта, он принял выжидательную позу.

Да, он вовлек их в игру, прекрасную игру, в которой они наслаждались чувством движения и новыми образами; в которой они видели цвета Земли жутковатыми глазами людей и говорили на их языке.

Конечно, тут была и доля принуждения: им приходилось стоять в определенных местах, делать те или другие жесты. Кто-то радостно восклицал, кто-то горестно ужасался. Но

потом король потребовал вина и, бросив жемчужину в кубок, громко произнес:

— Начнемте. Вниманье, судьи! Просим не зевать!

Атмосфера накалилась от невидимых разрядов ожидания. В каждом движении дутиков чувствовалось страстное нетерпение. Затаив дыхание, они полуосознанно пригнулись вперед при команде: «Готовьтесь».

— Бьюсь! — вскричал противник, и клинки, сверкнув, соприкоснулись, как языки стальных гадюк.

(Удар парирован... два шага вперед... ложный выпад... еще один... коварный бросок навстречу.)

Попал!

— Удар.

— Отбито.

— Судьи!

— Удар, удар, всерьез.

— Возобновим.

— Стой, выпьем, — закричал король. — Пью за твое здоровье! — Он сделал жест слуге. — Жемчужина твоя! Бокал герою!

— Не время пить, — возразил землянин. — Начнемте. Защищайтесь.

Он вновь погрузился в иллюзию момента, раскручивая память в противоположных направлениях и наполняя ею каждый эпизод. Отскок, блок, выпад.

— Опять удар. Не правда ли?

— Удар. Не отрицаю, — признал противник.

— Сын наш побеждает!

— Я, королева, пью за твой успех. — Леди, сидевшая рядом с королем на троне, подняла кубок.

— Не пей! — прокричал король, а затем, отвернувшись в сторону, со стоном прошептал: — В бокале яд! Ей больше нет спасенья! — Он заскрипел зубами.

Землянин прикусил губу.

— А ну, теперь ударю я, — промолвил вдруг соперник.

Клинок последнего сына Земли упал на каменные плиты пола. Отравленное жало впилося в бок, ослепив на миг его глаза. Дворцовая зала дрогнула, как пламя свечи, пронесенное у окна.

Чуть позже сцена обрела стабильность. Землянин опустился на одно колено. Рванувшись вверх, он вонзил свой локоть в грудь противника, проскользнул под его рукой и выкрутил запястье, сжимавшее рапиру.

Второй клинок зазвенел на плитах пола. Послышались крики:

— Разнять их! Так нельзя!

Он поднял оружие, выпавшее из рук противника.

— Нет, сызнова!

Второй участник поединка схватил рапиру, лежавшую на полу, и с ревом бросился в атаку.

Парировав внезапный выпад, он ловко увернулся и отпрыгнул в сторону. Клинки с лязгом скрестились. Отбив удар, он сделал финт, но его последующий натиск был встречен молниеносной «вертушкой» с проходом под руку. Он успел отклониться, шагнул назад и, уловив момент, нанес укол.

Противник застонал.

Королева упала на колени.

— На помощь королеве! Эй!

— Тот и другой в крови! Ну как, милорд?

— Ну как?

Противник вытянул перед собой дрожащую руку. Ужас искажил его черты. Побелевшие губы зашевелились.

— О справедливое возмездье! Я ловко сети расставлял и угодил в них за свое коварство.

— Что с королевой?

— Обморок простой при виде крови.

— Нет, нет, неправда! Это все питье. — простонала она, и придворные зашумели, услышав слова, которые сорвались с ее уст. — Питье! Отравлена! Питье!

Она упала и затихла.

— Эй, слуги, — прокричал землянин. — Пусть закроют дверь. Средь нас измена. Кто ее виновник?

— Искать недалеко. Ты умерщвлен, и нет тебе спасенья. Всей жизни у тебя на полчаса. Улики пред тобой. Рапира эта отравлена и с голым острием.

Кивнув, он осмотрел наследников Земли. Они хотели уничтожить все, что оставили после себя люди. Но по крайней мере это останется с ними навсегда.

— Тогда ступай, отравленная сталь, по назначению, — воскликнул он и заколол мужчину на троне.

Землянин поднес отравленный кубок к лицу короля и влил остатки жидкости в его раскрытый от боли рот.

«Вам понадобилась Земля? — шептал он неподвижными губами. — Вы захотели получить ее кости без мяса и кожи? Но люди истатуировали ее тело, и какими бы безобразными ни казались вам наши знаки, вы не в силах соскоблить их с трупa планеты. Вам понадобилась Земля? Пусть будет так!»

Он с трудом сохранял декорации сцены.

— Поделом ему, — гортанно прохрипел его соперник.

Дутик при шпаге закрыл глаза собрату и горестно сморщил лицо.

«Ты тоже того же мнения?» — спросил его внутренний голос.

— Что с ним? — простонал землянин.

В висках застучали молоточки пульса. По рядам придворных пробежали вздохи ужаса и стаккато тревожного шепота. Свет начал меркнуть. Факелы мигнули. Откуда-то сзади послышался скорбный плач. А в сердце и легких разгоралось жгучее пламя.

Стены дворца задрожали. Они то исчезали, то появлялись вновь, и в этих вспышках мрачного чистилища ему казалось, что за кольцом рогатых идолов с пучками нелепых антенн, раскинулось бескрайнее пространство льда. Колесо Галактики над головой превратилось в огромную пепельницу, и он знал, что оно будет крутиться вечно, вращаясь и перемалывая его прах, его имя и пустые надежды. С каким удовольствием он заполнил бы эту пепельницу доверху — своими мечтами, расой и нерожденными детьми — страхи-вая в нее тлен рутины и редкие искры действительных свершений. Только выгорая изнутри — выгорая огнем, как он этим вечером, — люди оправдывали абсурдность разума абсурдной красотой. И он знал, что снова обрел рассудок. Он улыбался дутикам, завершая свою жизнь и декорации финальной сцены.

— Гораций, я кончаюсь. Сила яда глушит меня. — Он взглянул на придворного, который поддерживал его и не давал упасть. — Уже меня в живых (из Англии?) известия не застанут, но предрекаю: выбор ваш падет на (Фортинбраса?). За него мой голос. — Он кивнул в сторону двери, на которой красовалось изображение шутовской маски. — Скажи ему, как все произошло. И что к чему. Дальнейшее — молчанье...

Его голова откинулась назад, и он сфокусировал свою волю на следующей части финала.

Горацио-дутик заговорил о разбитом сердце и ангельском пении. А он, за миг до того, как погрузиться в вечное безмолвие, услышал дробь далеких барабанов.

Шут выступил вперед, на ходу меняя свой облик. Мерцающая и переливающаяся радужными красками, он остановился — теперь уже белоснежный осколок айсберга — и посмотрел на мертвого землянина. Лепестки колокольчиков на его антеннах печально открывались и закрывались. Остальные

молча наблюдали за его беспредельной скорбью, понимая, что только пересмешник и шут мог чувствовать Землю по-настоящему. Он знал, что произошло на их глазах, и он знал, что делать дальше.

Смерть последнего из людей наполнила его болью и уважением.

— Уберите трупы, — тихо промолвил он. — Среди поля битвы мыслимы они, а здесь не к месту, как следы резни. Скомандуйте дать залп солдатам.

Они вынесли землянина на копьях и похоронили его — что не было в обычаях дутиков. И орудия Святилища дали залп в ночное небо — что не было в обычае людей уже многие и многие годы. Шут сделал Землю радостным местом смеха. И дутики обитали на ней, ступая по тернистой стезе своих старших братьев.

ЗАНАВЕС

КОЛЬЦО ЦАРЯ СОЛОМОНА

Скарл носил его в уме — и поэтому умел разговаривать со всеми существами, не понимая, впрочем, ни одного из них. Затем наступил момент взаимопроникновения.

У царя Соломона имелось кольцо, и у того парня, о котором мне нужно рассказать тебе, тоже. Только у Соломона оно было массивным и железным, с пентаграммой на печатке, а у Билли Скарла — невидимым, так как он носил его в уме. Тем не менее оба кольца служили одинаковым целям.

По легенде, кольцо Соломона давало тому возможность понимать язык зверей. Если ты помнишь, Скарл тоже был наделен подобным даром. Полагаю, именно это было причиной его необычной восприимчивости.

Пишу тебе это письмо, Лиза, потому что ты — единственная, кому удалось завербовать его, и, кроме того, думаю, что он был влюблен в тебя. Возможно, я ошибаюсь. Если так, мне остается лишь попросить прощения за назойливость и положить на твое чувство юмора, расставляющего все по своим местам.

Вчера вечером (думаю, что именно вчера) я/мы обедал/и с доктором Хейлом. Ты его не знаешь. Он похож на большого панду — белые ботинки (как правило), широкие черные брюки (всегда), белая рубашка (всегда), черный галстук (то же самое) и что-нибудь черное на макушке (обычно). А еще у него вечно скорбные глаза и пара увесистых чайных блюдец вместо ушей (когда-то он был боксером полутяжелого веса, и довольно приличным). Нос у него — как старая Эйфелева башня и свернут набор. Он умудряется почти обходить-

ся без обычной психоаналитической болтовни врачевателя комплексов. Он утверждает, что его репутация Свенгали от медицины основывается на том, что его внешний вид с первого же взгляда внушает пациентам жалость, но я иногда удивляюсь. Когда он принимается молоть всякую чушь, черты его толстого лица вроде как расплываются, пока вам не начинает казаться, что вы смотрите на портрет Макиавелли на пенсии.

Впрочем, он еще не на пенсии и расправляется с бифштексами как надо...

Прожевав очередной кусок:

— Как там насчет Билли Скарла?

— Ты же врач. Вот и скажи мне.

— Я ценю твоё мнение.

— В таком случае ты не совсем в курсе. У меня нет своего мнения.

— Ну так составь его, так как мне хочется услышать именно твоё мнение.

Я впился зубами в булку, выторговывая себе тридцать секунд на размышление, и стал размышлять.

Успехом своей ранней карьеры Скарл был обязан прежде всего минимальному количеству членов экипажа. Он не доверял слишком большому числу людей, и поэтому все, кто находился на борту его корабля, умели не только держать язык за зубами, но и были специалистами широкого профиля. То, как он оригинально сбывал плоды своих разбойничьих набегов, в течение долгого времени сбывало Охрану с толку. Целый ряд миров по Разведывательному Периметру являются не более чем энциклопедическими записями, состоящими из пары предложений. Но среди этих миров находится множество превосходных торговых центров. Однако язык является настоящим барьером. Потому что такой уймы переводчиков, особенно для всяких контрабандных делишек, в мире просто не существует.

Тебе пришлось изрядно поломать голову, прежде чем ты поняла, что Скарл едва ли знает себя. Он просто думал, что овладел галактическим языком знаков и что гибридного местного говора Фенстера, его родного мира, достаточно, чтобы заполнить пробелы в знаниях. Учти, Лиза, что, несмотря на свой ум, он получил всего лишь номинальное образование в какой-то трущобной школе и во многом был совершенным профаном. Тем не менее Круту Соломона пришлось предупредить Охрану, с чем они имеют дело.

После ареста на Мартине VIII ему, можно сказать, слегка улыбнулось его жалконькое счастье, и его отправили на Землю под надзором старого Охранника, готового вот-вот выйти в отставку. Пока они летели, легавому, насколько тебе известно, пришло в голову, что арест был произведен не по правилам и что на данном этапе игры ему вовсе не хочется занимать в своем досье черную отметину. Поэтому он поменял входные коды и избрал самого себя судьей, присяжным судом и палачом — ты, может, не знала этого. И покуда он занимался необходимыми приготовлениями, он все время молчал. Но Скарл, конечно же, знал. Было бы, наверное, интересно рассказать тебе в подробностях, как легавый не сумел нажать на курок, а Скарл сделал из него винегрет своими наручниками, но я предпочел бы отпустить эти подробности. Я уже столько раз слышал эту историю.

К тому времени когда ты встретила его в том баре на Кимберли, он уже начал подозревать правду о себе, но он слишком много развлекался, чтобы выкроить время и поэкспериментировать. Униженный, но в приподнятом настроении, он бегал по магазинам, подыскивая себе новую экипировку. И вот в тот вечер ты села напротив его коктейля с виски и предложила погадать ему.

И он, естественно, сказал «да». Ведь ты такая красивая.

«Тринадцатая карта главной арканы, — сказала ты ему, — это Костялая Жница. Она означает Смерть, чаще всего лишь на метафизическом уровне, но все равно смерть. В твоей жизни ожидаются перемены».

Он, улыбувшись, согласился и спросил, не хочешь ли ты помочь ему изменить жизнь. Ты, улыбувшись, согласилась — вроде этого. Целую неделю он пребывал в замешательстве (потому что не мог разгадать тебя так же, как других), прежде чем ты поняла, что он созрел для Пари. (Ты что, прятала ту карту Таро в рукаве? Он несколько раз интересовался этим, так что я решил, что спрошу.) Похоже, все устроилось как нельзя лучше, и предсказание, разумеется, оказалось верным.

Против ставки в один космический крейсер он согласился сыграть роль преследуемой жертвы. Тебе удалось убедить его, что ты богата (что по моим теперешним размышлениям тоже было правдой) и любишь острые ощущения (что при всем при том вполне могло оказаться правдой). Он уже не мог отступить. Не то чтобы он хотел этого, но уж слишком похвалялся загодя. А еще он обладал невероятной живуче-

стью, потому что, когда мне пришлось, в конечном счете, убить его, мне удалось это сделать только случайно.

У него было лишь три дня, чтобы спрятаться в джунглях Кимберли, и неделя на то, чтобы не дать найти себя твоим ищейкам, механическим паукам и электронным следящим устройствам. И тебе не удалось найти его. Я помню ту ночь, когда ты сообщила мне об этом. Все происходило на Лилит, где по небу гуляли многочисленные луны и чудесный резкий морской бриз вытеснял запахи жареной Sussevogel и лилитского мозельвейна (ох уж это языческое Liebfraumilch!). Ты не помнишь, как называется то место? У меня название, кажется, совсем вылетело из головы, но я совершенно отчетливо помню балкон, а на тебе было что-то синее... Ну да ладно.

Потребовалось три дня, по твоим словам, чтобы отыскать его след, и шесть часов, чтобы окружить его. Но когда ты приблизилась к месту его стоянки, он ускользнул от тебя. Так повторялось еще несколько раз, пока ты не заманила его на высокогорье у Гильских гор. Вспомнила теперь? Пауки перестали возвращаться, и ты стала находить их одного за другим разбитыми вдребезги. Потом ты осталась совсем без пауков. К тому времени тебе было уже ясно, что он взобрался на самый верх, так как пошел намного быстрее, а на сломанных пауках виднелись следы его ног. На пятый день ищейки сдались, не признаваясь в этом. «Собаки» заинтересовались другими делами.

В конце недели он появился в твой лагерь, весь в улыбках и сознавая свою силу. Он выиграл Пари, разрушая механических охотников, кружа позади твоего отряда и «подслушивая» твоих охотничьих зверей. Затем он ухитрился «отговорить» их от преследования. Он следовал за тобой, пока не кончились семь дней, а потом вышел к тебе, чисто выбритый и уверенный в победе. Бедный простачок! Он был принят в самый престижный клуб в Галактике и тем самым сократил вероятную продолжительность своей жизни до девяноста или ста лет. Прости меня, дорогая, но мне нравился этот парень. Если бы Охрана доставила его на Землю живым, его бы так или иначе завербовали.

Пока вы месяц развлекались в Приземелье и Внутренних мирах, ты рассказала ему о кольце царя Соломона, которое давало возможность понимать языки всего живого. Да, было у него такое кольцо, сказала ты ему, и у тебя оно тоже есть, Билли Скарл. Ты носишь его в уме, вроде как вывернутый внутрь пояс целомудрия. Не успеет кто-либо

заговорить, как ты уже знаешь, о чем он собирается сказать. А если ты захочешь что-либо сказать, причем желание твое будет достаточно сильным, то еще до того, как ты заговоришь, другие уже знают, о чем ты хочешь сказать. Отчасти ты — телепат и потенциальный паралингвист. Ты, пожалуй, провалил бы даже начальный курс французского — довольно легкого ортоязыка, — но достаточно тебя как следует поднатаскать, и ты сможешь одновременно переводить сразу с двух языков, не зная ни того ни другого.

И он захотел выяснить, можно ли на этом заработать! Теперь ты его вспомнила? Ему было около пятидесяти, в волосах серебрилась преждевременная седина, которая появляется, если чрезмерно тормозить плохо защищенные крейсера. Нервные пальцы, ясные глаза, в одежде он предпочитает неприметность, а говорил так, что все фразы его казались одним длинным словом. На первый взгляд, по-моему, он вовсе не производил впечатления закоренелого преступника. Возможно (и вполне правильно), он казался скорее человеком, который утомился, развлекаясь в Марди грасе* на Сантуво. Хейл считает, что это и был ключ к его таланту, давно утерянный на улицах Фенстера.

Ты предложила ему действительное членство в Круге, если он одолеет учебу, подчеркивая как гражданскую неприкосновенность Круга, имеющую обратную силу, так и высокую оплату, которую тот обеспечивал. И что ему оставалось делать? Он понимал, что ты превосходишь его чуть ли не во всем, и захотел сравняться. За ним было интересно наблюдать — гордость его поистине творила чудеса. Незадолго до окончания учебы он мог справиться почти с любым заданием. Я помню, как он потел над книгой Чомского (которая, в общем-то, значила не так уж много, поскольку прикладные знания в ней представляли из себя сплошной крутоворот звуков, скручивающихся в успокоительную пилюлю), но она снабдила его общими понятиями, а такие вещи, как понятия, помогают сглаживать острые углы. А что касается закона — что ж, он искал лазейку.

Он вступил в Круг, и вы не теряли связи: красиво, остроумно, утонченно — как бы лучше выразиться?.. полемизируя? — пока он не получил своего первого назначения и не отрезал себя от внешнего мира. Что потом, Лиза?

— Скажу тебе, док, — обратился я к Хейлу, — что я думаю насчет его первого назначения. Его послали работать на планету под названием Мальмсон. Тебя не было тогда в

* Марди грас — последний день карнавала перед постом. (Здесь и далее примеч. пер.)

той поездке, очень неудачной. Он чувствовал, что мы погубили там все сообщество, и это вроде как подействовало на него. Думаю, он ощущал тяжесть ответственности за это больше, нежели человек имеет право ощущать.

— За что? Что там произошло?

— О, совершенно ничего особенного. Мы не навязывали населению наркотики, не посылали их женщин в бордели, в чем нас часто обвиняют. И даже захоти мы запрячь их как следует в работу, нам бы не удалось этого сделать — роста в них было около трех футов, а выглядели они, как киви с ручками. Но Скарл действительно не знал, чем он все-таки занимается. Он думал, что им надо всего лишь установить модельтор, взять пробу и заполнить Универсальную Форму. Но этим, разумеется, дело не ограничивается.

— И?

— Он узнал правду — после того, как содержимое Формы было подвергнуто анализу и залежи боракса на Мальмоне были признаны значительными. Мы представили отчет и отбыли. А через год он снова навесил ту планету — нельзя позволять паралингу возвращаться ни в один из Х-миров... Промышленность, которую мы им навязали, уже начала разрушать систему ценностей их культуры. А Скарл, будучи паралингом, переводил во время беседы с обитателями планеты в это свое второе посещение не только слова, но и чувства. Опрашиваемые озлобляются, молодые теряют корни — да ты знаешь эту историю. К тому времени Скарл уже побывал в нескольких других Х-мирах, но после того визита в его душе поселились сомнения. Он заявил, что мы не имеем права переделывать чужаков по нашему подобию. Потом он сообщил, что хочет уволиться.

— А как отреагировал на это Круг?

— Официально никак. Но впоследствии его навестила женщина, которая ранее завербовала его, и убедила его принять еще одно назначение.

— То последнее?

— Совершенно верно. Мак 997-IV. Ту планету называют еще Мясником. Вербовщица объяснила ему, что те его первые назначения были учебными. Потом она стала раскрывать ему остальные секреты Кольца.

«Что это было за назначение, которое ты получил во второй раз?» — спросила ты его.

Он рассказал тебе, что его отправили в жуткое, отвратительное место, где обитали вонючие рептилии, которых он

ненавидел. Тогда ты сказала ему, что в результате его посещения они, ко всему прочему, изменятся. Раса рептилий станет от этого более симпатичной — по человеческим меркам. Ты потом рассказала ему всю историю кольца царя Соломона и что оно было божественным даром Строителю Храма, дарующее ему власть над всяким демоном. И никто из демонов не вел себя вызывающе, успокоила ты его. Некоторые ему даже помогали, некоторые — нет. Особо злобных Соломон загнал в бутылки, запечатал их нерушимой печатью кольца и бросил на веки вечные в море. Полезных демонов отправили работать на строительстве Храма. Ты, Билли Скарл, носишь кольцо Соломона в уме, и передача информации — не единственная его функция. Ты являешься Строителем — и всех, кто может тебе так или иначе помочь, ты будешь привлекать к строительству межзвездного Храма Земли. Это самая величественная из всех обязанностей человека, и среди нас найдется немного, очень немного таких, кто способен содействовать осуществлению этого замысла. Ты теперь прошел все испытания. Ты — в высшей степени одаренный паралинг. Воистину, ты настолько одарен, что мы хотим поручить тебе самое трудное назначение из всех.

— И он, конечно же, купился на это, — закончил я, отхлебнув кофе. — При желании она сумела бы продать иглу* на Меркурии.

День выдался ярким, желтело небо, и Скарл опустил на землю свой модельатор.

— В чем дело? — спросил я.

— Они сегодня молчат, — ответил он. — Они хотят только понаблюдать за нами. Они вернутся примерно через сорок часов. Сейчас они уходят.

— Где они?

— За теми кустами. — Он махнул рукой по направлению к зарослям красноватого и колючего на вид кустарника. — Они пойдут спрашивать позволения на разговор с нами.

— У кого?

— Не знаю.

— А откуда же ты тогда знаешь обо всем, что говорил мне? Аппаратура ведь не работает.

* Иглу — куполообразное жилище канадских эскимосов из снежных плит.

— Минуту назад во мне возникло частичное ощущение. Они сами телепаты, и они разговаривали.

— Какие они на вид?

— Не знаю. Думаю, вроде крупных насекомых. Хотя после отчетов с X-1 и X-2 мое мнение может быть предвзятым. У меня такое чувство, что они относятся к категории рабов.

— Что делать, если они будут раздумывать целую неделю? — спросил я.

Он пожал плечами.

Итак, мы спустились к реке и пошли купаться, так как нам это было запрещено, а капитан не имел права отдавать подобные приказы сотрудникам Крута. Сланцеватая почва казалась вся пронизанной крошечными порами, вода была теплой, и нас овеял слабый ветерок, приближая наши условия к почти комфортным. Плавать в водах Мак-Ножа, как мы прозвали Мясник, было легко. В воде под нами нас не подстерегала никакая опасность (да и вообще ничто не подстерегало — ни опасное, ни неопасное, потому что на Маке почти не было подводной жизни).

— Ты боишься? — спросил я.

— Нет, — ответил он.

— Почему?

Он промолчал.

— Ты так уверен в себе?

— Конечно. — Он зевнул. — Паралинги немного наделены даром предвидения, когда дело касается органических проявлений. Если бы, например, тот слепень, который собирается приземлиться на твой нос, захотел бы укусить мой, я бы узнал об этом заранее.

Мне послышалось жужжание.

Я шлепнул ладонью по носу, но никакого слепня на носу не оказалось. Зато над ухом раздался гомерический хохот.

— Тебя подвел рефлекс, — сказал он, — на Мяснике мухи не водятся.

Я проворно перевернулся, чтобы наподдать ему как следует, окунув его с головой, но его уже там не было. Его смех донесся с берега, примерно в сорока футах от меня. Он сидел там и спокойно курил.

— Конечно, — повторил он.

Я потер нос:

— Очень смешно. Когда сегодня ночью ты найдешь в своей постели тарантула, то узнаешь, кто...

— Брось, — отозвался он. — Я задумал доказать. Ты ослабил... уши на уровне воды... где-то раздаются всплески...

я не произносил ни слова. Допустим, ты думал, что я рядом. Что я — мошенник, хитрый и отвратительный тип.

— Ты знаешь, что меня заботит.

— Да, — сказал он, — ты беспокоишься, что произойдет то же, что и раньше.

— Дважды, — добавил я. — Какого дьявола эти бюрократы не могут послать не одного паралинга, а побольше...

— Одного всегда хватало. Так было везде. И то же самое будет на этот раз.

— А ведь для тебя это настоящий вызов, не так ли? — огрызнулся я. — Кто бы там ни беседовал с тобой, должно быть, бросил его тебе очень уж по-миссионерски.

— И что? Х есть Х. Я справлюсь.

— Ты представляешь для меня всего лишь кадровый вопрос, — заметил я. — Но два последних паралинга, посланных сюда на Х, до сих пор находятся в психушке, а линии их электроэнцефалограмм почти такие же ровные, как горизонт.

— Я знаю одну старую ортопритчу, — сказал он мне, — о парне, который спросил у компьютера, когда он умрет.

Я ждал.

— Ну, и что потом?

— Ничего, — ответил Скарл. — Конец притчи. Компьютер не знал ответа.

— Но скрытый смысл заключался...

— Шансы на мое возвращение просчитаны достаточно хорошо. Неожиданностей на этот раз будет гораздо меньше, так как у нас имеются отчеты первых двух экспедиций. Эту задачу можно было бы запрограммировать, а тогда кто ты такой, чтобы судить вот так, с наскока?

Я ничего не ответил. Я только упорно соображал.

Но он снова засмеялся, потому что родился на Фенстере и знал весь словарь по галактическому сквернословию вдоль и поперек, так что ему не приходилось заглядывать в него в поисках нужного слова.

Когда позже мы посылали на корабль свой отчет, я чувствовал, что он знал и то, что никаких тарантулов у меня нет в помине.

Это было за два дня до того, как вернулись те существа. День выдался серым и дождливым, когда они появились на поляне. Быстро поставив открытую полевую палатку, мы накинули на себя дождевики и потащились по грязи.

Скарл досуха вытер полотенцем стол и водрузил на него модельатор, а я принялся изучать нашу долгожданную миссию...

Их было трое... Похожие на муравьев, с твердой, как сталь, кожей зеленоватого оттенка старой от времени бронзы, они были величиной с Немецкого Пастуха — разве что, по-моему, во много раз сильнее. Их пустые глаза напомнили мне розовые луны Дорна — по виду незрячие, но приводящие в замешательство пристальностью взгляда и, вполне возможно, всевидящие. Ты помнишь Дорн?

Скарл произнес несколько слов, включив запись, и ответ пришел в виде серии звуков «клок-клик, т-т-т, битл-битл-битл». Он нажал на кнопку «анализ» и достал из кармана черную коробочку на защелке. Едва он закончил приготовления к подкожной инъекции, как на приборе вспыхнул красный огонек, свидетельствующий о недостатке данных. Он повернулся к существам и продекламировал сонет Шелли. В такой день, как этот, сонет был как-то не к месту, но существа отреагировали на него оживленнее, и Скарл нажал на «запись». Он набрал в шприц из ампулы успокоительное мягкого действия и, пока те стрекотали, сделал себе укол.

Кажется, они поняли, чего он хотел, так как на этот раз говорили целых четыре минуты. Он снова вдавил кнопку «анализ», а я выглянул наружу из-под колыхавшейся парусины палатки и всмотрелся сквозь струи дождя.

Мясник вполне мог оказаться драгоценной находкой. Предварительные геосводки указали на нетронутые ресурсы минералов и возможную пригодность климата для выращивания основных продуктовых растений, площади под которыми, теснимые городами слишком маленькой Матери-Земли, сокращались. А конгломераты загрязненных городов на бескрайних равнинах из стали и бетона выделялись скорее как гнойные прыщи, нежели как красивые достопримечательности. Но среди стальных пор Земли пшеница, посягающая на ее территорию, все еще означала хлеб. Мясник мог стать Пекарем.

Вспыхнул зеленый огонек «предварительное моделирование флексий* установлено». Модели, но не значения. Нет

* Флексия — изменяемая часть слова при склонении, спряжении, изменении в роде, а также при образовании грамматических форм.

такого прибора, который с одного конца принял бы сухие «клик-клик, т-т, битл-битл», а с другого выдал бы вам «Доброе утро, дождь шпарит как из ведра, не правда ли?» Для несведущего, будь то человек или машина, совершенно незнакомый набор смысловых звуков ровно ничего не означает, пока к одному-двум звукам не подберется соответствие. Порой для освоения грамматики и словарного запаса просто нет времени — вот как сейчас, а достаточно хороших телепатов для полного Х-ирования не было. Но все языки имеют свои флективные модели. Моделятор тем и занимался, что отделял и определял эти модели. Прибор не имел понятия, являлись ли они вопросительными, дискуссионными, повторяющимися или какие там у вас есть, но скрупулезно просеивал их.

Остальное зависело уже от Скарла и моделизации.

Динамики схватывали своим магическим кругом букашек, в другом круте находились мы. Дирижер Скарл — с мирным видом, ухмылкой на лице и полуопущенными глазами — начал концерт.

Как только он включил устройство, заработали сразу два канала модельатора. С нашей стороны минимальный для нашего уха уровень слышимости был настроен заранее, а «анализатор», основываясь на записи голосового диапазона муравьев, приблизительно установил их слуховой порог.

Передача. Скарл говорил едва слышно, глядя в никуда. Каждый из девятиста семи вопросов Формы, с его дополнительными подпунктами, ждал своей очереди, притаившись в мозгу Скарла, словно впечатанный в него. Насколько тебе известно, Лиза, все это тщательно планируется. Я здесь так обстоятельно излагаю тебе Известное, потому что у меня есть что сказать об этом, что имеет прямое отношение к затронутой мною теме.

Сначала насмешники посчитали раболепием возвеличивать сеанс, но нынче на том фронте утихомирились. Допинга при заполненности сознания Универсальной Формой вполне достаточно, чтобы вызвать наших духов — мыследухов, которые перепрыгивают через щель между сознанием Спрашиваемого к глубоко скрытой точке в мозгу Спрашивающего. Оттуда они переправляются по восходящей на волнах любопытства, возникающего после вопроса, и вливаются в бессловесные предложения едва слышной моделизации. С таким хорошим паралингом, как Скарл, духи тоже посещают нас, если разум наш безмятежен. Его стенографистом

был рядовой лингвист, который никак не мог угнаться за передачей.

«СОВОКУПНОСТЬ СЛОВ ОДИН (ПОЛНЫЙ ДИАПАЗОН ФЛЕКТИВНЫХ ЦИКЛОВ): Доброе утро/день/вечер. Мы приветствуем вас от имени Земли и желаем вам хорошей охоты/рыбалки/урожаев/тучного скота/побед. Мы теплокровные, всеядные, патриархальные, высокоразумные существа. Мы нуждаемся во многих вещах. У нас есть много вещей, которые мы можем предложить другим существам, независимо от того, похожи эти другие на нас или нет. Кто вы? Что у вас есть/в чем нуждаетесь?»

Вопрос за вопросом, и каждый вопрос, укладываясь на другой, заполняет Форму. Теоретически все вопросы ставятся тем самым в равное положение относительно знания, и оценивается возможность заключения сделки на честной основе. Поскольку мы сами все спланировали, составляя заодно солидный запас ответов, и усовершенствовали процедуру Определения Неизвестных от искусства к науке, то мы фактически всегда оставались в выигрыше. Справедливость — принцип хороший, но глубинная психология, сопровождаемая военным анализом и усиленная властью на любом уровне — от религиозного до экономического — дает нам маленькие преимущества, не заставляя нас беспокоить себя.

Словно в плохоньком адюльтере по гипертелефону, ответы пришли какие-то гермафродитные:

«Доброе утро. Мы — слуги. Мы служим. Наши хозяева/правители — яйцекладущие. Мы всеядные. Мы разумные. Мы ни в чем не нуждаемся. Наши хозяева/правители дают нам все. Что вы хотите?»

И так далее по накатанной колее. На все наши ключевые вопросы — «мы не делаем то-то/знаем то-то/нуждаемся в том-то. Наши хозяева/правители делают то-то/знают то-то/не нуждаются в том-то».

Они нам рассказали о себе все. Одержимый энтомолог был бы, наверное, от такого интервью на седьмом небе от счастья — примерно так же, как наш одержимый энтомолог Дейв Болтон.

— Пожалуйста, — взмолился он, — спроси их, не видят ли они полярной вспышки...

— Ш-ш! — произнес я, который руководил всем. — Позже.

Не замечал ли я капкана для медведя на газоне нашего сотрудничества? Мы готовы помочь вам, но — проклятье! — сэр, мы просто не знаем ответа на этот вопрос. И так далее.

«Не предлагай, — написал я на листке бумаги, — чтобы мы говорили с их хозяевами. Подожди, пока они сами не предложат».

Я положил записку перед Скарлом, надеясь, что чтение написанного мной удержит его от передачи той мысли. Я ждал, что последует.

Они предложили.

Скарл повернулся ко мне.

— Скажи им, что мы должны посоветоваться, — ответил я. — Спроси, где их хозяева, как они выглядят, почему сами не пришли. И спроси, не предлагали ли они, чтобы мы послали тебя.

— Меня?

— Тебя.

Он спросил, и они ответили, что им придется посоветоваться.

Да, в конце концов они поставили нас в известность, что и в самом деле их правители (которые живут в вечной ночи) упомянули, что мы можем послать нашего единственного паралинга, если возникнет необходимость пояснить что-нибудь. Хотим ли мы?

— Скажи им «да», — велел я, — но не сегодня. Нам нужно еще немного посоветоваться.

В тот день мы вчерне проанализировали Форму.

Полетев на крыльях смелого воображения, мы пришли к выводу, что правители схожи с муравьиными царицами и не любят покидать гнездо. В нашу задачу входило доставить на Мясник Форму, проанализировать ее и написать рекомендацию, а поэтому раз уж они не хотели идти к нам, то нам ничего не оставалось, как только пойти и самим навестить их. Однако нам не помешало бы принять какие-то меры предосторожности, так что Скарл всю ночь изучал депрессивные неврозы. Хейл сказал, что если дела пойдут совсем паршиво, то Скарл, чтобы не потерять рассудка, смог бы отступить, уйти в невроз.

— В нарушение всех правил мы тоже вооружились до зубов, — сказал я Хейлу, — а каждый зуб снабдили крохотным стеклянным капсюлем, ты и не слышал о таких. Я был почти обязан испробовать их.

— Да уж, конечно, догадывался, — фыркнул он. — Однако в моих неврозах нет ничего дурного. Я обеспечил его самыми лучшими, что у меня были.

— Уверен, что он оценил это по достоинству, — ответил я, наливая ему выпить. — Ты веришь в легенду о кольце царя Соломона?

— Ну-у, как в обобщенный образ...

— Образы, черт! Веришь ты в эту историю или нет?

— Да, в ней есть многоуровневый неосознанный смысл.

— Ну так перейди на минутку на мой уровень и ответь на вопрос. Забудь о психоструктурной дребедени. Может ли один интеллект управлять другим нефизическими методами?

— Харизма*, — заявил он, — необычный феномен. Здесь обычно действуют многие факторы.

— Выпей-ка лучше еще, а заодно проглоти и свою харизму. Я говорю о парапсихических явлениях. Если паралинг способен посылать и принимать, то почему не нечто большее?

— Приказы? — спросил он. — Парагипноз? В особых случаях такое возможно.

— Я бы привел аналогию с ударом молнии, выплавляющей в песке свое изображение.

Я стал поддвигать ему.

— Хватит, — сказал он. — Психологи только пьянеют, а психиатры пьянеют и крушат все подряд. К чему ты, собственно, клонишь?

— Кольцо действует двояко.

Да, Лиза, именно так. Не просто перевод, а нечто большее. В тот первый серый день в подземных пещерах Скарл закончил тридцатисекундный посыл информации, и стенографист бросил свой стенопис.

— Не могу записывать, — заявил он.

— А в чем дело? — спросил я.

— Моделятор испортился. Я не улавливаю ни голосов, ни даже понятий.

— А что ты улавливаешь?

— Очень красивый мелодичный звук — будто музыкальное произведение. Эмоциональное резюме чего-то. Только не спрашивайте чего.

Я и не спрашивал. Я спросил Скарла. Разозлившись, что меня самого охватила приятная лень, я сбросил с себя чары и закричал:

— Что происходит?

— Ш-ш!

* Способность пророчествовать и творить чудеса; притягательная сила.

В полной темноте я нащупал его плечо, но его шепот был обращен в никуда, и рядом с прибором он был нигде.

— Свет! — крикнул я. Но мой крик опередила моя мысль о свете.

Послышался звук, будто кто-то скреб по бетону жесткой щеткой, и наш свет взорвался пучками лучей, устремившихся по всем направлениям.

Мы, люди, были одни, и еще Скарл. Он прислонился к стене туннеля примерно в десяти футах от нашей группы и улыбался. Я повторил вопрос.

— Ничего, — ответил он. — Сейчас ничего не происходит. Жаль, что ты включил свет. Ты нарушил соглашение.

— Я отнюдь не горел желанием стать чьим-то завтраком, — заметил я. — Что ты делал?

— Я рассказывал ей, как в полете уворовал Лунный камень.

— Так это ты стащил его!

— Я.

— Но зачем ты рассказывал им об этом?

— Потому что меня попросили. У меня это было в памяти, а им захотелось знать более подробное описание принципа незаконного присвоения.

Я помню, как присвистнул тогда — чтобы удержать себя и не сотворить чего-нибудь.

— Но это не совсем материал Формы, — тихо произнес я.

— Не совсем, но меня попросили...

— Почему?

— Ее заинтересовало удовольствие, связанное с мыслями.

— Ее?

— Ну да, самку. Ты был прав насчет цариц.

— Муравьиную?

— Полагаю, да.

— Почему она не позволит нам увидеть себя?

— Думаю, что свет раздражает ей глаза.

— Все это дурно пахнет. Как вернемся на корабль, жду подробного отчета по данному Х. Но давай-ка вернемся побыстрее. Что-то мне здесь не нравится.

Улыбнувшись, он пожал плечами. Я проверил ампулы, но он не принимал дополнительной дозы.

Позднее я снова спросил его:

— Они хотели узнать, как ограбить звездолет?

— Нет. — Он откинулся назад в кресле, пуская колечки дыма. — Она только интересовалась воспоминаниями, связанными с удовольствиями.

— Так о чем же ты ей рассказал?

— Ни о чем, я просто разрешил ей покопаться в моем мозгу.

— И что же она сказала?

— Ничего. Но, похоже, осталась довольна.

— А что за воспоминания были там?

Он слабо улыбнулся:

— Обожаю воровать. Особенно если удастся сбежать с краденым.

— К несчастью, — ответил я, — из твоего рассказа я узнаю больше о тебе, чем о муравьях.

— Ты задал мне вопрос, я ответил на него.

— Что было дальше?

— На этом все. Ты включил свет.

— Немного.

— Не я включал свет.

— Ладно, — проворчал я. — Как вышло, что Браун не смог записывать?

— Мы воспользовались мысленной стенографией.

— Где ты выучился ей?

— Да я сегодня вроде как просто вошел в нее, и все. Они — прирожденные паралинги.

— Что само по себе является весьма ценным товаром. Придется нам заняться изучением этого, заодно с содержанием Формы.

— Согласен. Только в следующий раз не включайте свет.

— Хорошо, мистер. Но чтобы больше никаких советов профессионала по космическому пиратству!

— Никаких, — пообещал он.

Итак, мы снова отправились в подземные города Мясника разрабатывать пласты муравьиных умов, ведомые сонаром на поясе и пятываттными мерцающими фонариками.

Брауну все еще не удавалось хоть что-то записать. Под гипнозом он вспоминал лишь ощущения передачи, и ничего больше. Поэтому что касается отчетов, мы были вынуждены полностью полагаться на Скарла, но недели через полторы я уже сомневался, получаем ли мы их вообще.

— Скарл, ты что, редактируешь свои отчеты?

— Нет.

— Не хочешь ли подтвердить это с препаратом?

— Ты считаешь, что я вру?

— Может быть.

— Ладно, валяй, вводи свои препараты. — Он засмеялся.

Мне в голову пришла мысль (возможно, он и послал ее, когда смеялся), что с помощью препаратов ничего не докажешь. В нем выработался иммунитет к большинству гипнотиков еще во время учебы. Под их воздействием мозг просто переключался.

— Забудь об этом, — сказал я.

— Уже, — согласился он.

В чем мы действительно нуждались, так это в другом паралинге, который проверял бы нашего.

Отчеты Скарла выявили картину гигантской колонии муравьев, управляемой, как классический монолитный организм. Похоже, по своей структуре колония подразделялась на низших, средних и высших рабочих, солдат, супругов царик и самих царик. Это была аграрная культура, которая не создала ни единого орудия труда, но полагалась скорее на классы физически развитых индивидуумов, предназначенных для работы. В основе этой культуры лежала матриархальная идея, которая пропитала ее религию подобно (как мне кажется) представлению древних египтян о божественном происхождении фараонов.

Я разлил содержимое маленького кофейника по крошечным чашечкам, жестом попросил официанта принести нам еще один и посмотрел в окно, минув взглядом углубленные в почву сады Селены, на болотного цвета шар с четкими очертаниями Америк поверх величественного купола: Европа откатывалась в сторону, Андалузия выключивала у моей памяти воспоминания, а Гольфстрим начинал сыпать соль на раны, Лиза. Между прочим, к тому времени как ты получишь это любовное послание, меня уже здесь не будет, дорогая. Я буду там — догадайся где?

— Двойка? — переспросил меня Хейл, и вокруг Эйфелевой башни заматалось недоуменное выражение.

Обернувшись, я кивнул:

— Да, я заподозрил это, когда отчеты Скарла стали повторяться, — будто я вновь и вновь перечитывал один и тот же отчет. Я спросил себя, что он может скрывать или от чего отвлекать внимание. А потом я решил, что, может, это вовсе не он.

— Так ты поэтому захотел сам заняться Х-ированием?

— Верно, — подтвердил я, — вот почему я реквизирировал из твоей каюты аптечку паралинга.

— Так вот почему наша игра в безик расстроилась из-за желудочных болей?

— Да, я заплатил связисту, чтобы тот заболел.

— С непаралингом безнадзорный Х подвергается опасностям.

— Это я слышал, но именно поэтому в штате полно бывших Охранников — чтобы осушать лужи напастей прежде, чем кто-либо вступит в них.

— Или превратить их в озера, — отозвался Хейл. — Так что там насчет Скарла? Что же произошло на самом деле?

— В отчете сказано, что он тронулся умом и пытался нас всех убить. Мне пришлось застрелить его, защищаясь.

— А сам ты помнишь, как стрелял?

— Вроде да... Во всяком случае, так говорится в отчете. Хейл не отставал от меня.

— Ты был в его голове. — Каждое слово равнозначно ложилось одно к другому.

— Да, все это есть в отчете.

— И ты был с ним как раз в то время, когда он сошел с ума.

— Правильно.

— И ты ушел после того, как убил его, уверенный, что ты и есть Скарл.

— И это верно. В отчете указывалось, что под сильным воздействием травмы во мне развилось невропатическое отождествление с его личностью.

— Знаю, поскольку сам писал. Но я редко довольствуюсь тем, что просто приклеиваю на что-то ярлык, а именно это я и сделал. С тех пор прошло уже два месяца, и я могу еще долго не увидеть тебя. Мне бы хотелось перепроверить свой диагноз, прежде чем мы расстанемся.

— Ладно. Мы оба в таком состоянии, что я могу рассказать тебе, что произошло на самом деле, а если тебе вздумается снова когда-либо расспрашивать меня, то свалить все на горьчительные напитки.

Итак, я рассказал ему. Ты помнишь, как пару лет назад мы отправились в морское путешествие на Янсен? Мы тогда еще остановились на одном островке, где ты уговорила меня поплясать лимбо с ребятами. Чтобы им угодить, я перегибался назад, а потом шлепнулся плашмя на спину и произвел более незабываемое впечатление, чем если бы

преуспел. Я знаю, что Хейл несколько не поверил моему рассказу — уж я-то слышал, как скрежещут его винтики, — но он был потрясен. Больше, чем я ожидал.

Я рассказал ему, как в тот день сопровождал Скарла, возвращавшегося в подземные владения, шагая под походную мелодию Охранника-маньяка, призванную обеспечить невмешательство в свой разум. Сам я бросил учебу на курсах Круга уже на втором месяце — из-за стремления смешивать понятия. Уверен, что тебе неизвестно, что я даже попробовал сделать это (вероятно, мне удалось, если судить по имени). Я так и видел, как Хейл припоминает мое личное дело и хватается за него как за объяснение моему рассказу — объяснение того, что же в действительности спасло мне жизнь. Он ошибался, но это не имело значения. Он все же поверил почти всему, что я рассказал.

Едва ли кто может добиться соотношения X при благоприятных условиях; я же могу всегда, и оно выше среднего. На этот раз его было достаточно.

Слабое свечение наших фонариков рассеивало тьму лишь вблизи нас, а значит, Спрашиваемая (?), как всегда, оставалась в тени. словно притаившаяся во мраке Медуза-горгона, она находилась где-то недалеко перед нами — мы чувствовали ее присутствие и ощущали, как она обменивается информацией со Скарлом. На самом пределе слышимости шуршали голоса ветров и трав, звуки подвалов и вскрики проводов в вышине и монотонный шепот морских раковин; редкими вкраплениями прорывались разорванные многозначные слова, никак не укладывавшиеся в единый контекст. Пока я готовил укол, меня пронизало запретное и неясное чувство ненужности.

— ...Не брать... *les nourritures**?.. печально... и воровство, цыганский (?)... идут... все вещи — пауза — *corpis meum***... почему? Разбойник со звезд... возможно...

У меня закружилась голова, и я стоял в том туннеле, никем не замеченный, и осязал ночную прохладу.

Я стоял там, ощущая себя фотонегативом Скарла. Объекты внешнего мира градом сыпались на сознание, на мозг водопадом обрушивался избыток раздражителей, но я сдерживал свой разум, чтобы тот молчал. Возможно, они не замечали моего присутствия по причине интенсивного сооб-

* Питание (фр.).

** Мое тело (лат.).

щения мыслей. Я осторожно скользнул в мозг Скарла и прочитал в нем зачарованность тем, что невозможно.

Что бы там ни скрывалось в туннеле, в мозгу Скарла/моем мозгу отражался образ не гигантского муравья. Мы разговаривали с прелестной молодой леди с золотистыми локонами, которая напомнила мне тебя, Лиза. Она была явно очарована нашим обликом. Нас связывало множество преступных идей, о которых лишь недавно узнало туннельное общество и с которыми никогда до сих пор не сталкивалось так близко. Она была влюблена в Скарла/меня/нас, и печаль ее была велика.

— Я не могу сделать с тобой того же, — сказала она, — что я сделала с другими. А ты больше, чем любой из них, представляешь для нас угрозу. Если Земля будет господствовать над нами, как это произошло на Мальмсоне, Баррете и в других мирах, где ты побывал, то мы будем обречены, как они. Однако ты жил по их воровскому закону, а я не могу ненавидеть тебя за это. Давай поговорим о другом и отложим наше заключительное столкновение. Расскажи мне еще раз о том времени, когда ты занимался грабежами...

Но не тогда вдруг задрожала та часть Скарла, что была мною, после чего ее заметили. Это произошло мгновением позже, когда, нервно анализируя себя, мы/я (?) обнаружил, что эхом откликаюсь на умонастроение существа. Потом все окончилось сюрреалистическим калейдоскопом, который я наблюдал таким несметным количеством глаз, что устал бы считать их.

Кольцо действует двояко. Или кольца. Она носила более сильное. Наше было просто дешевой подделкой.

Передача информации являлась несущественным достоинством кольца Соломона, помнишь? Его основной функцией было управление злобными сущностями, подчинение их поступков воле владельца кольца, подавление их воли нещадными, как раскаленное железо, командами.

Она ухватила за разум Скарла/мой/наш (?) ураганом смешавшихся эмоций, поддерживающих эту атаку.

— Убей их всех! — последовал приказ.

Полагаю, Браун первым почувствовал, что происходит, потому что он вдруг резко включил прожектор.

Там стояла она, вздрагивающая от света, — гигантская горгулья с радужными крыльями и с усиками-антеннами, словно вытолкнутые штормом на гребень океанской волны черные морские водоросли.

Именно это зрелище, вне сомнений, и спасло всех нас. Несмотря на отданный приказ, Скарл и я оцепенели, потрясенные при виде... при виде правды, которую скрывал этот ваш символ, как будто из нашего разума светом вырвали музыку. И после вспышки вновь загрохотал приказ, словно удар грома:

— Убей их!

В ту минуту мы обезумели. Я видел Скарла своими глазами и через кафедральные окна ее глаз, я видел и себя через те же витражные стекла, а также глазами Скарла. Одновременно я/мы видели ее оба, и мы подчинились команде.

Раздался орудийный залп, и я выронил трубу исполинского органа, резонировавшего чему-то, что я, возможно, сумел бы распознать, если бы у меня нашлось время послушать.

Время шло, и однажды я снова услышал.

Команда повлекла за собой разделение. Хотя мы со Скарлом были по уму единым целым, приказ «Убей их!» воздействовал на две раздельные нервные системы, и я выхватил оружие первым. Это было так просто, хотя я не помню, как стрелял.

От психического перенапряжения я рухнул как подкошенный прежде, чем успел убить кого-нибудь еще, а может, причиной был свет, который замедлил ее реакцию, или внезапная смерть Скарла. Она потеряла управление и отступила. Отступила и команда землян, подобрав, как и противная сторона, понесенные потери.

В те краткие минуты, когда наш/и разум/ы были затоплены, убежище для здравого рассудка нашлось в мысленных одиночных окопах, которые вырыл Хейл. Я скорчился у подножий невротических волноломов, давно и далеко на улицах Фенстера сообщаясь с эдиповыми штучками. Я попеременно то хандрил, то ликовал, когда мои отцы награждали меня то колотушками, то конфетами, и всегда чувствовал себя обиженным, и всегда Скарлом, и всегда хотел знать, о чем они думают, чтобы знать, куда прыгнуть, и всегда хотел переделать их под себя, несмотря на то что смертельно ненавидел их. И всегда, Лиза, я помнил мать и тринадцатую карту главной арканы — Костлявую Жницу, Смерть, — кого я боялся больше всего на свете, но кому был вынужден каждый день бросать вызов, чтобы стать большим

и ни в ком не нуждаться, и он был штурманом «Стального утря», а я — капитаном.

Мне понадобилось больше месяца, чтобы снова стать самим собой, но другим. Скарл — человек, который от воровства получал удовольствие всегда, когда мог ударить с добычей, — порадовался бы своему последнему приобретению. Он украл у меня часть разума и мимоходом оставил мне долю своего. Он забрал с собой меру моей преданности политике Крута, а меня оставил со злонамеренным, анти-социальным качеством, которое я посчитал за добродетель.

Я/мы полагаем, что муравьиная царица была права, что я/мы были правы относительно Мальмсона и что Храм стоит на фундаменте ложных принципов, а его стены возводятся невероятно высокой ценой — за счет расовой целостности тысячи чужих народов. По этой причине я решил взбунтоваться. Взаимопроникновение оставило мне способ, как это делать. Я теперь сам паралинг, а столкновение с твоим подобием на планете под названием «Мясник» предоставило мне полный диапазон возможностей кольца. Теперь и я могу понуждать к каким-либо действиям, изменять мысли, требовать проявления нужных эмоций.

— Ты все еще чувствуешь себя Скарлом? — обратился ко мне Хейл.

И я ответил:

— Я и есть Билли Скарл. — И добавил: — Вполне возможно, что он запечатлел... — Слово в слово я проговаривал те же слова, что слетали с языка Хейла.

Макиавеллиевские глаза, словно нарисованные на кубиках льда черные кружки, встретились с моими, вопрошая.

— Я — Билли Скарл, — повторил я, — точно так же, как я есть я. Он таится в глубине моего разума и насмехается над видимостью морали, которой Круг маскирует пиратские замашки Земли. А еще Скарл дает понять, что за подобные проступки, только в меньшем масштабе, его едва не казнили.

— Мне наплевать на политику и политические методы, — сказал Хейл, — но ты являешься психиатрическим уникалом. В кои-то веки парапсихологический перенос черт характера и способностей личности! Мы собираемся написать статью!

— Мы собираемся пообедать, — заметил я.

— Но мы уже пообе...

— Да при малой гравитации Селены два обеда упакуются в нас с той же легкостью, что и один. А мы с тобой люди большие, с желудками, способными вместить уйму всякой всячины, разве не так?

— На что ты намекаешь?

— У царя Соломона было кольцо, — сказал я, — и передача информации являлась не единственным его назначением. Оно давало власть над всяким демоном, и я, Билли Скарл, ношу то кольцо в уме, как эмоциональный пояс целомудрия. Ты на стороне демонов, Хейл. Не все демоны, однако, злобные, и многих можно должным образом использовать на работе по строительству Храма. Я мобилизую тебя, чтобы ты распространял догмат о Многих Обителях и заселял их межзвездным братством. Я собираюсь похитить вашу философию, как барахольщик, а вместо нее оставить вам другую.

Печать Соломона* раскаленным скальпелем обожгла мой разум, и немного погодя я спросил: «Что мы хотим на обед?», а он спросил: «Как насчет бифштексов?»

Вот и все, что я хотел рассказать тебе о том, как мы/я обедал/и вчера вечером (думаю, что это было вчера вечером; я еще не перешел на земное время). Я оставил доктора Хейла, уверив его в своем полном выздоровлении от скарл-невроза, и сел на ближайший «челнок» до Земли.

Я пишу эти строчки, дорогая, а смотровое окно уже полностью заполнено Землей — так же, как мой разум заполнен двойной памятью о тебе. Я думаю, Скарл любил тебя — насколько он вообще был способен любить, — а что до меня, так я всегда тебя любил. Через каких-то несколько часов я узнаю, кто из нас двоих (а может, и никто) пробудил, возможно, в тебе похожие чувства — когда поговорим о прошлом бессловесными пентаграммами нашей профессии. А еще я очень хочу привлечь тебя к своему крестовому походу — я говорю «привлечь», а не «принять в члены». Я верю, что у меня впереди чуть ли не столетие продуктивной работы. С такой квалифицированной помощницей, как ты, я бы использовал это время, меняя умы людей, которые являются умом Земли и душой ее политики. Если ты откажешься, то это будет стоить тебе всего лишь часа — пока не выветрится из памяти. Ты была такой чудесной вербовщицей, в тебе есть что-то, что Хейл называет харизмой.

Если я попытаюсь действовать в одиночку, то не исключено, что я вскоре споткнусь — но так или иначе я все равно рискну, — и я приготовил это утомительно длинное

* Шестиконечная звезда, образованная из двух переплетенных треугольников.

предложение и приглашение (которое я отправлю по почте сразу как приземлюсь), чтобы дать тебе полную информацию о тех обстоятельствах, что привели меня сюда, равно как и мои чувства к тебе. Я, может, чересчур переоцениваю время, которое мне предстоит прожить. Короткая, но восхитительная жизнь — чего стоит одна только продажа иглу на Меркурии! — все же по-своему привлекательна. Думаю, тебя тоже привлекает все невозможное. (А помнишь, что произошло с Троей?)

Поэтому сейчас я рассчитаю по времени пересылку почтовых отправок и соответственно переправлю себя. Когда ты дочитаешь мое письмо до конца, я буду всего в нескольких мгновениях от тебя.

Обдумай, пожалуйста, свое будущее и, пожалуйста, устрись. Через каких-то пару мгновений ты тоже встретишься с Мясником. Скорее всего он уже за дверью, с кольцом для тебя.

Открой дверь ипусти его.

*Целую
С любовью,
Соломон/Скарл*

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЧЕРЯ

Как чувствует себя музыка, когда ее оркеструют?
Поэма, когда ее пишут? Живопись...
Эти мысли витали в моем мозгу, но это были его мысли.

Я ощутил шероховатые и осторожные, словно кошачий язычок, прикосновения его кисти, обводящей мои щеки, затемняющей бороду.

Он коснулся моих глаз, и они открылись. Сначала левый, потом — правый, мгновенно.

Сознание включилось сразу и четко — никакого плывущего тумана, как это бывает при внезапном пробуждении. Я тоже пристально вглядывался в его темные глаза, сосредоточившиеся на моем лице. Он держал кисть бережно и мягко, словно перо, и ноготь его большого пальца отливал радужным спектром присохших красок.

Он стоял, любясь мной.

— Да! — вздохнул он наконец. — Они правы! Вот — линии вины, стыда, ужаса, и все они сходятся у этих властно притягивающих глаз. Но взгляд их прям и тверд, и они не боятся света, — продолжал он. — Они не дрогнут! И в этом взоре — вся дерзость и боль Люцифера. Он не отведет этих глаз, когда придет время обмакнуть хлеб в вино... Бороду надо сделать покраснее, — добавил он.

— Но ненамного, — сказал я.

Он прищурился:

— Хотя и не слишком.

Он нежно дунул на мое лицо, затем закрыл меня занавесом.

«Сеанс через пятнадцать минут, — подумал он. — Придется прерваться».

Он мерил шагами студию здесь же, рядом. Я почувствовал, как он закуливает.

— Миньон придет в десять.

— Миньон сейчас придет, — сказал я.

— Да. Я покажу тебя ей. Ей нравятся картины, а эта — лучшее из всего, что мне до сих пор удалось. Она не подозревает, что я способен на такое. Я покажу ей это. Она, конечно, не разбирается в искусстве...

— О да.

Я услышал, как в дверь постучали. Он впустил ее. Я почувствовал, что он возбужден.

— Вы всегда приходите вовремя, — сказал он.

Она засмеялась, и смех ее прозвучал мелодично, словно перезвон дорогих часов.

— Всегда, — сказала она, — и до тех пор, пока портрет не будет закончен и я не смогу взглянуть на него. Я очень прилежна.

«Она уже улыбается так, словно глядит с портрета, — размышлял он, вешая ее пальто. — Сейчас она сидит в темном кресле. Темном, как ее волосы. Зеленый твидовый костюм и серебряная брошь. Почему она не надела бриллиантов? Они ведь у нее есть».

— А где бриллианты? — спросил я.

— А где бриллианты?

— Что? А-а, моя брошь... — Она коснулась ее, бросив взгляд на свою юную грудь. — Вы ведь еще не писали портретов до сих пор, не так ли? Я же позирую сейчас для уютного домашнего портрета, который будет висеть в гостиной у камина, а не для иллюстрации рассказика о семейном состоянии, украшающего обложку модного журнала. Поэтому я и решила надеть что-нибудь простое.

Она опять улыбается. Насмехается надо мной?

— А что это у вас там закрыто покрывалом?

Она подошла к холсту.

— О, — сказал он скромно, в радостном трепещущем предвкушении. — Это, право же, пустяк.

— Позвольте мне взглянуть.

— Прошу вас.

Зашуршал занавес, прикрывавший холст, и я взглянул на женщину.

— Господи! — воскликнула она. — «Последняя вечеря» Питера Хелзи. Боже, да ведь это прекрасно. — Она отодвинулась еще дальше, пристально всматриваясь. — Он глядит так, словно вот-вот выйдет из рамы и еще раз предаст Его.

— Это так, — скромно сказал я.

— Пожалуй, верно, — заметил Питер. — Довольно занятный экземпляр.

— Да, — сказала она. — Я никогда раньше не видела столь точно подобранных красок. Глубина, переплетение тонов — он весьма необычен.

— Он и должен быть таким, — ответил художник. — Он сошел к нам со звезд.

— Со звезд? — недоуменно переспросила она. — Что вы хотите этим сказать?

— Пигмент, послуживший для его создания, я перетер из упавшего метеорита, который обнаружил нынешним летом. Мне сразу же бросилась в глаза краснота камня; к тому же оказалось, что размеры позволяют засунуть его в багажник.

Она изучала мое лицо на холсте.

— Для столь прекрасной картины вы создали ее невероятно быстро.

— Нет, какое-то время я носил это в себе, — сказал он. — Я ждал, пока у меня сложится совершенно четкое представление о том, каким он должен быть. Этот красный камень подсказал мне решение — это случилось как раз на той неделе, когда вы начали позировать мне. Стоило мне только начать, и дальше он фактически нарисовал себя сам.

— Он смотрит так, будто всем этим наслаждается, — засмеялась она.

— Я нисколько не возражаю...

— Сомневаюсь, что и он имеет что-то против.

— ...Так как я — тот самый подкидыш, которого боги запросто обменяли на кусок камня, понадобившегося им, чтобы ставить на него ноги.

— Кто знает, откуда он взялся?

Он закрыл мне лицо, взмахнув занавесом, точно плащом матадора.

— Начнем?

— Пожалуй.

Она вернулась к креслу.

Через некоторое время он попытался прочесть то, что светилось в ее глазах.

— Возьми ее. Она этого хочет.

Он положил кисть, пристально посмотрел на женщину, на свою работу, — и снова на женщину.

Потом опять взялся за кисть.

— Решайся. Что ты теряешь? Подумай о том, что приобретешь. Это серебро на ее груди может обратиться в бриллианты. Думай о ее груди, думай о бриллиантах.

Он положил кисть.

— Что случилось?

— Какая-то внезапная усталость. Сигарета — и я готов продолжить.

Она поднялась с кресла и закинула руки за голову.

— Хотите, я подогрею кофе?

Он посмотрел туда, куда она указывала взглядом, — на стоящий в углу поднос с остывшим напитком.

— Нет, благодарю. Сигарету?

— Спасибо.

Его рука дрожала.

Она подумает, что это от усталости.

— У вас дрожит рука.

— Наверное, от усталости.

Она присела на кровать, стоящую здесь же, в студии. Он медленно опустился рядом и прилег.

— Здесь жарко.

— Да.

Он взял ее за руку:

— Вы тоже дрожите.

— Нервы. *Delirium Tremens*. Кто его знает?

Он поднес ее руку к губам:

— Я люблю вас.

Ее глаза испуганно расширились, губы дрогнули, рот приоткрылся.

— ...И у вас красивые зубы.

Он обнял ее.

— О, пожалуйста!

Он крепко поцеловал ее.

— Не надо. Вы же не хотите сказать...

— Хочу, — произнес он. — Хочу.

— Вы очаровательны, — вздохнула она, — как и ваше искусство. Я всегда это чувствовала. Но...

Он поцеловал ее снова и увлек за собой.

— Миньон...

Питер Хелзи глянул с балкона на раскинувшийся внизу аккуратный парк, разлинованный тропинками, проложенными

еще в старые добрые времена Свифта — парк с его живописным ландшафтом и своеобразным очарованием XVIII века, — и перевел взор вниз — на поручни ограждения, скалы и длинный, крутой спуск к заливу.

— Как хорошо, — сказал он и вернулся в комнату.

— Хорошо, — повторил я.

Я висел на стене комнаты. Он остановился передо мной.

— Чему ты ухмыляешься, старый ублюдок?

— Ничему.

Справа, из ванной, вышла Бланш, вытирая закатно-розовый нимб все еще влажных волос.

— Ты что-то сказал, милый?

— Да. Но я говорил не с тобой.

Она указала на меня большим пальцем:

— С ним?

— Вот именно. Он — мое единственное удачное создание, и мы неплохо с ним ладим.

Она содрогнулась:

— Чем-то он похож на тебя — только, пожалуй, выглядит позлее.

Он повернулся к ней:

— Ты в самом деле так считаешь?

— Угу. Особенно — глаза.

— Уйди, — сказал он.

— В чем дело, милый?

— Ни в чем. — Он сдержался. — Но скоро должна вернуться моя жена.

— Хорошо, папочка. Когда я снова тебя увижу?

— Я позвоню тебе.

— О'кей.

Зашуршали черные юбки — и она исчезла.

Питер не провожал ее до двери. Это было не в ее духе. Он еще немного поизучал меня, затем пересек комнату, остановился перед зеркалом и пристально всмотрелся в свое отражение.

— Гм, — возвестил он. — Какое-то сходство все же есть — этакая подсознательная тяга к ехидству.

— Конечно, — сказал я.

Он засунул руки в карманы шелкового халата, снова вышел на балкон и взглянул на океан.

— Mater Oceana, — произнес он. — Я счастлив и несчастлив. Унеси мою тоску.

— А в чем дело?

Он не ответил мне, но я знал.

За дверью слышались шаги Миньон. Дверь распахнулась.

Я знал. Он вернулся в комнату и посмотрел на женщину.

— Боже, да ты прекрасно выглядишь. Зачем тебе еще и косметический кабинет — эти лишние хлопоты?

— Чтобы всегда оставаться такой для тебя, милый. Я бы не хотела, чтобы ты охладел ко мне через пару месяцев.

— Ну, это вряд ли.

Он обнял ее.

«Я ненавижу тебя, богатая сука! Ты думаешь, что можешь распоряжаться моей жизнью, потому что оплачиваешь мои счета. Но ты не сама нахапала все это. Это все твой старик. Ну давай же, давай, спроси меня, работал ли я сегодня».

Она нехотя высвободилась из его объятий:

— Ты писал что-нибудь сегодня, дорогой?

«Нет. Я провел время в спальне с одной блондинкой».

— Нет, болела голова.

— О, прости меня! А как сейчас, лучше?

— Нет, все еще побаливает. «Ах ты...»

— Пойдем куда-нибудь вечером?

— Куда же?

— Помнишь тот французский ресторан, мимо которого мы вчера проезжали? Как, бишь, его...

— «Ле-Буа».

— Я подумала, что ты, может быть, захочешь посидеть там немного сегодня вечером. Во всех остальных мы уже побывали.

— Нет. Не сегодня.

— Где же тогда мы поужинаем?

— Может, прямо здесь?

Она приняла озабоченный вид:

— Тогда мне придется позвонить вниз и сделать распоряжения.

«Держу пари, что ты не умеешь готовить. Мне ни разу не подвернулся случай выяснить это».

— Это было бы замечательно.

— Ты уверен, что не хочешь никуда пойти сегодня вечером?

— Да. Уверен.

Ее лицо прояснилось:

— Стол накроют в саду, а еду привезут на тележках — как для особых гостей.

— К чему все эти хлопоты?

— Мама говорила мне, что у них с отцом все было именно так, когда они проводили здесь медовый месяц. Вот я и хотела предложить тебе то же самое.

— Почему бы и нет? — Он пожал плечами.

Миньон посмотрела на часы. Потом подняла руку, поколебалась и постучала в дверь спальни:

— Ты еще не одет?

— Сейчас-сейчас.

«Почему бы тебе не сдохнуть и не оставить меня в покое? Может быть, тогда я смогу бы снова творить. Ты не способна по-настоящему оценить мое искусство — как, впрочем, искусство вообще! Ты ничего не способна оценить. Дешевая, липовая эстетка! Тебе не знаком труд ради цели. Умри же! Тогда я смогу, наконец, собраться... да перестань же мешать мне!»

— Почему бы не сегодня вечером? — спросил я.

— Не знаю... — Он задумался.

— Для всех вы счастливая медовая пара. Ни у кого не возникнет подозрений. Продержи ее там допоздна. Накачай как следует шампанским. Танцуй с ней. Когда официанты притушат свет и уйдут, когда останетесь только вы двое, музыка, шампанское и темнота, когда она начнет слышком много смеяться, когда у нее начнут подгибаться ноги, — я закончил перечислять, — вот тогда и подведи ее к перилам.

В дверь снова постучали.

— Ты готов?

— Иду, дорогая.

«Боже! Сколько же она может пить? Да я раньше нее упаду под стол!»

— Еще шампанского, дорогая?

— Чуть-чуть.

Он наполнил бокал до краев:

— Осталось немного. Мы можем прикончить и эту бутылку.

— Ты что-то мало пьешь сегодня, — заметила она.

— Это не моя стихия.

Повсюду горели свечи. Непроницаемый покров темноты незаметно сгустился вокруг, и теперь в нем лишь угадывались некие смутные очертания и пятна. За дрожащим ореолом света лежала ночь, глубокая, чернильно-темная. Из невидимого динамика, кружась, летели вальсы Штрауса — величаво, приглушенно, *sotto voce*, как бы паря над столом.

Ароматы невидимых цветов обострились, перед тем как исчезнуть совсем в надвинувшейся прохладе ночи.

Он посмотрел на нее:

— Тебе не холодно?

— Нет! Давай останемся здесь до утра. Это так восхитительно!

Он покосился на часы. Час, действительно, уже поздний.

«Надо выпить, чтобы собраться».

Кислое вино, выпитое залпом, обожгло. Подобно снежным хлопьям, уносящимся в желтое небо, в голове молнией пронеслись ледяные кристаллики.

«Пора».

Он наклонился и задул свечи.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы остаться вдвоем в темноте.

Она хихикнула.

Он нащупал ее руками и обнял.

— Поцелуй ее — вот так.

Он поставил ее на ноги, тщетно пытаясь ослабить хватку ее объятий, и, придерживая за талию, повел к белым перилам.

— Как красив океан в безлунную ночь, — сказала она низким грудным голосом. — Кажется, Ван Гог однажды изобразил Сену но...

Он ударил ее под колени левой рукой. Она опрокинулась назад, и он попытался подхватить ее. Ее голова стукнулась о камень лестницы. Он выругался.

«Все равно. Она и так будет в синяках и кровоподтеках, когда ее найдут».

Она тихо застонала, когда он поднимал ее, теплую и обмякшую.

Он наклонился и сильным движением перебросил ее через перила. Он услышал, как тело ударилось о камни, но музыка «Голубого Дуная» заглушила все остальные звуки.

— Спокойной ночи, Миньон.

— Спокойной ночи, Миньон.

— Это было ужасно, — сказал он детективу. — Я знаю, что сейчас пьян и не могу говорить связно — вот почему я не смог ее спасти. Мы так славно проводили время — танцевали и все такое. Она захотела взглянуть на океан, а потом я вернулся к столику, чтобы еще выпить. Услышал ее крик и... и... — Он закрыл лицо руками, выдавливая из себя рыдания. — Ее уже нет! — Он весь трясся. — Нам было так хорошо!

— Успокойтесь, мистер Хелзи. — Детектив положил руку ему на плечо. — Портье говорит, что у него есть какие-то таблетки. Примите их и лягте в постель. Право, это лучшее, что вы можете сейчас сделать. Сейчас ваши объяснения немного стоят — мне и так ясно, что произошло. Я составлю отчет о происшествии утром. Сейчас там катер службы береговой охраны. Завтра вам придется поехать в морг. А сейчас просто идите и поспите.

— Нам было так хорошо, — повторял Питер Хелзи, бредя к лифту.

Войдя в лифт, он зажег сигарету.

Он отпер дверь и включил свет.

Помещение преобразилось.

Комнаты были разделены наспех поставленными перегородками. Из мебели, стоявшей здесь ранее, остались лишь несколько стульев и небольшой стол.

Посреди стола стояла афиша.

За афишей виднелась записная книжка в кожаном переплете. Он раскрыл ее, уронив сигарету на пол. Он читал...

Он читал имена критиков, обозревателей музейных экспозиций, агентов по продаже, покупателей, рецензентов.

Это был список приглашенных лиц.

От ковра поднималась тонкая струйка дыма. Машинально он поднял ногу и наступил на тлеющий окурочок. Он вчитывался в афишу.

«Выставка работ Питера Хелзи, организованная миссис Хелзи в ознаменование двух самых счастливых месяцев в ее жизни. Открыто — с часу до двух дня. Пятница, суббота, воскресенье».

Он переходил от ниши к нише, глазами как бы заново создавая все работы, когда-либо сделанные его руками. Вот его акварели. Его опыты в духе кубизма. Его портреты. Она разыскала и либо скупил, либо взяла под залог все эти картины.

Портрет Миньон.

Он смотрел на ее улыбку и волосы, темные, как кресло, в котором она сидела; на зеленый твидовый костюм; на серебряную брошь, которая могла бы прикрывать бриллианты...

— ... — сказала она.

Она ничего не сказала.

Она была мертва.

А напротив нее, уставясь прямо в ее улыбку, с бородой цвета крови и куском хлеба в руке, среди просветленных

лиц апостолов, сидящих вокрут, и с кованым серебряным нимбом над головой улыбался я.

— Поздравляю. Чек очень скоро придет по почте.

— Где мой шпатель?

— Ну вот еще! Ты ведь не собираешься повторить поступок Дориана Грея.

— Острое. Дайте мне что-то острое!

— Ну зачем же так? Ты создал меня таким, какой я есть. Ты мог бы так же легко использовать этот пигмент и для создания другого портрета. Его, например, или его. Но тебя вдохновлял я. Я! Мы черпали жизненные силы друг у друга, мы черпали их из твоего отчаяния. Разве мы не шедевр?

— Нет! — закричал он, снова закрывая лицо. — Нет!

— Прими эти таблетки и ложись в постель.

— Нет!

— Да.

— Она хотела видеть меня великим. Она старалась приобрести все это для меня. Но она хотела видеть меня великим.

— Конечно. Она любила тебя.

— Я не знал этого. Я убил ее...

— Разве не так поступают все мужчины? Вспомни Уайльда.

— Заткнись! Не смотри на меня!

— Не могу. Я — это ты.

— Я убью тебя.

— Тебе придется трудновато.

— Ты погубил меня!

— Ха! А кто толкнул ее вниз?

— Уходи! Пожалуйста!

— А как же моя выставка?

— Пожалуйста.

— Спокойной ночи, Питер Хелзи.

И я наблюдал за ним — за тенью среди теней. Он не шатался.

Он двигался как робот, как лунатик. Уверенно. Точно. Осмысленно.

Миновало десять часов, и взошло солнце. Теперь я скоро услышу их шаги в холле. Именитые, великие мира сего: Беренсоны, Дювены... Они задержатся за дверью. Осторожно постучат. И через какое-то время попробуют войти.

Они уже идут.

Они будут созерцать эти глаза — сухие глаза, окна души, погрязшей в грехе...

Они задержались за дверью.

Они увидят линии вины, стыда, ужаса и раскаяния — сходящиеся у этих властно притягивающих глаз...

Стук в дверь.

Но они обращены к свету, эти глаза, — они не дрогнут. Они будут смотреть прямо, не мигая!

Дверная ручка осторожно поворачивается.

— Входите, господа, входите! Великое искусство ожидает вас! Смотрите на корчащуюся душу — на нимб, выкованный из пунктов страхового договора, из гордости — смотрите на преданного предателя! Входите! Смотрите на мой шедевр, господа, — вон он висит на стене.

И наши зубы, навсегда замерзшие в полуоскале.

Содержание

Дикие земли, роман, <i>перевод с английского Е. Голубевой</i>	5
Рассказы	
Я стал как прах и пепел, <i>перевод с английского Л. Шабата</i>	205
Концерт для серотонина с хором сирен, <i>перевод с английского В. Старожильца</i>	236
Византийская полночь, <i>перевод с английского В. Серебрякова</i>	293
Ибо это есть царствие мое, <i>перевод с английского С. Трофимова</i>	298
Кольцо царя Соломона <i>перевод с английского И. Зивьевой</i>	316
Последняя вечеря, <i>перевод с английского А. Рябчуна</i>	340

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений

Том двадцать восьмой

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *Д. Смушкович, М. Проворова,*
А. Александрова

Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *И. Лаздина, А. Хиришфелге*
Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*
Иллюстрация на обложку: *И. Леонтьев*
Оформление форзаца: *А. Кириллов*
Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 14.03.97. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 15000 экз.

Заказ № 307.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати,
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.









ДИКИЕ ЗЕМЛИ

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997